

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1977

Иоганн Вольфганг

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Москва

«Художественная литература»

1977

Иоганн Вольфганг

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ДРАМЫ В ПРОЗЕ

Перевод с немецкого

Москва
«Художественная литература»
1977

Под общей редакцией
А. Аникста и Н. Вильмонта

Комментарии
А. Аникста

Оформление художника
А. Лепятского

© Переводы, отмеченные в содержании *, комментарии.
Издательство «Художественная литература», 1977 г.

70304-100
Г 028(01)-77 — подписное

**ДРАМЫ
В ПРОЗЕ**

ГЕЦ ФОН БЕРЛИХИНГЕН С ЖЕЛЕЗНОЮ РУКОЮ

Трагедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Император Максимилиан.	кавалеры бамбергского двора.
Гец фон Берлихинген.	Имперские советники.
Елизавета — его жена.	Ратсманы гейльбронские.
Мария — его сестра.	Судьи тайного судилища.
Карл — его малолетний сын.	Два нюрнбергских купца.
Георг — его оруженосец.	Макс Штумпф — придворный пфальцграфа.
Епископ Бамбергский.	Неизвестный.
Вейслинген	Тесть } крестьяне. Жених }
Адельгейда фон	
Вальдорф	
Либетраут	Рейтары Берлихингена, Вейслингена, епископа Бамбергского.
Аббат фульдский.	Начальники, рыцари, латники имперского войска.
Олеарий — доктор обоих прав.	Трактирщик.
Брат Мартин.	Служитель суда.
Ганс фон Зельбиц.	Граждане гейльбронские.
Франц фон Зикинген.	Городская стража.
Лерзе.	Тюремный сторож.
Франц — оруженосец Вейслингена.	Крестьяне.
Прислужница Адельгейды.	Предводитель цыган.
Мецлер, Зиферс, Линк,	Цыгане, цыганки.
Коль,) Вильд — предводители восставших крестьян.	
Придворные дамы и	

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ШВАРЦЕНБЕРГ ВО ФРАНКОНИИ. ТРАКТИР

Мецлер, Зиферс за столом. Два рейтара у огня.
Хозяин.

Зиферс. Еще стакан водки, Гензель, да отмерь похристиански.

Хозяин. Ненасытная твоя утроба!

Мецлер (*тихо, Зиферсу*). Расскажи-ка еще разок о Берлихингене! Бамбергцы там бесятся, пусть почернеют от злобы.

Зиферс. Бамбергцы? Они здесь зачем?

Мецлер. Вот уже два дня как Вейслинген в замке у господина графа. Они сопровождают его. Не знаю, каким путем он поедет. Они ждут его; он возвратится в Бамберг.

Зиферс. Кто это — Вейслинген?

Мецлер. Правая рука епископа, большой человек, уж он-то Гецу удружит при случае.

Зиферс. Пусть сам держит ухо востро.

Мецлер (*тихо*). Ну-ка, наддай! (*Громко.*) А с каких пор Гец снова в ссоре с епископом Бамбергским? Ведь говорили, что они помирились и все улажено?

Зиферс. Да, с попами помирись! Когда епископ увидел, что ничего не добьется, небось запросил пощады, шелковый стал, и мировая состоялась. А прямодушный Берлихинген во всем ему уступил. Он всегда так, если ему привалит удача.

Мецлер. Сохрани его господь! Справедливый господин!

Зиферс. Теперь скажи-ка, разве это не подло? Они захватывают его оруженосца врасплох. Ну, зато уж и взгрет он их!

Мецлер. Вот досада, что ему не повезло с последней проделкой! Он, должно быть, здорово рассердился.

Зиферс. Сдается мне, его давно ничто так не сердило. Подумай только — ведь все до точности было разведано: когда епископ поедет с вод, сколько при нем будет рейтаров, какой дорогой. Если б не выдали его лихие люди, устроил бы он епископу баню, намылил бы ему голову!

Первый рейтар. Вы чего болтаете о нашем епископе? Драки захотели?

Зиферс. Занимайтесь своим делом! За нашим столом вам делать нечего!

Второй рейтар. А кто вам позволил так непочтительно выражаться о нашем епископе?

Зиферс. Так я еще должен вам отчет давать? Ну и рожи!

Первый рейтар дает ему в ухо.

Мецлер. Бей собаку!

Бросаются друг на друга.

Второй рейтар. А ну, подойди, коли не трус!

Хозяин (*разнимает их*). Уйметесь вы? Тысяча чертей! Убирайтесь отсюда, если у вас есть из-за чего драться! В заведении моем все должно быть благопристойно и чинно. (*Выталкивает рейтаров за дверь.*) А вы, ослы, что затеваете?

Мецлер. А ты очень-то не лайся, Гензель, а то по башке схлопочешь. Идем, приятель, насажаем им синяков!

Входят два рейтара Берлихингена.

Первый рейтар. Что здесь творится?

Зиферс. Эй! Здорово, Петер! Фейт, здорово! Откуда?

Второй рейтар. Ты только посмей выдать, кому мы служим!

Зиферс (*тихо*). Так, значит, и господин ваш Гец недалеко?

Первый рейтар. Заткни глотку! У вас драка?

Зиферс. Вы там на дворе встретили парней? Так это бамбергцы.

Первый рейтар. Они что здесь делают?

Мецлер. Вейслинген там наверху, в замке у господина графа. Они его сопровождают.

Первый рейтар. Вейслинген?

Второй рейтар (*тихо*). Петер, это — славная находка. (*Громко.*) А давно он здесь?

Мецлер. Два дня уже. Но сегодня он уедет, — так один из этих молодцов сказал.

Первый рейтар (*тихо*). Говорил я тебе, что он здесь! Если б нам посторожить немножко на другой дороге! Идем, Фейт!

Зиферс. Помогите нам сначала вздуть бамбергцев.

Второй рейтар. Вас и так двое. Нам надо идти. Прощайте.

Уходят.

З и ф е р с. Экая сволочь эти рейтары — без платы шагу не ступят!

М е ц л е р. Бьюсь об заклад — они что-то затеяли. Кому они служат?

З и ф е р с. Этого я не смею сказать. Они служат Гецу.

М е ц л е р. Ах, так! Ну, а теперь покажем тем, на дворе. Идем, — пока у меня есть дубинка, я их вертелов не боюсь.

З и ф е р с. Вот бы на князей так ударить, ведь семь шкур они с нас дерут!

КОРЧМА В ЛЕСУ

Г е ц (*перед дверью, под липой*). Куда девались мои люди? Я должен ходить взад и вперед, чтобы сон не одолел меня. Уже пять дней и пять ночей я в засаде. Да, нелегко достается иному самая малость жизни и свободы. Зато, когда ты будешь в моих руках, Вейслинген, тогда я отведу душу. (*Наливает.*) Опять пусто! Георг! Пока есть вино и отвага, я смеюсь над властолюбием и кознями князей. Георг! Посылайте вашего любезного Вейслингена к сватьям и братьям, черните меня! Пусть так! Я на страже. Ты ускользнул от меня, епископ! Так пусть же твой милый Вейслинген расплачивается за тебя! Георг! Оглох, что ли, мальчик? Георг! Георг!

О р у ж е н о с е ц (*в латах взрослого*). Ваша милость!

Г е ц. Где ты застрял? Спал? Какого черта ты так вырядился? Поди-ка сюда! Наряд пристал тебе. Не стыдись, мальчуган! Ты — молодец! Да, если б они тебе были впору! Это Гансовы латы?

Г е о р г. Он хотел вздремнуть немножко и снял их.

Г е ц. Он привередливей, чем его господин.

Г е о р г. Не гневайтесь. Я тихонько взял их и надел, потом снял со стены старый отцовский меч, выбежал на луг и обнажил его.

Г е ц. И стал рубить все кругом? Верно, не поздоровилось кустам и терновнику! Ганс спит?

Г е о р г. Он вскочил на ваш зов и крикнул мне, что вы зовете. Я хотел снять доспех, но услышал, что вы кличете снова и снова.

Г е ц. Ступай! Снеси ему латы и скажи, что он должен быть наготове. Пусть позаботится о лошадях,

Г е о р г. Я хорошо накормил их и снова взнуздал. Вы можете сесть в седло когда угодно.

Г е ц. Принеси кувшин вина, дай и Гансу стакан. Скажи ему, чтоб он был бодрым — дело стоит того. Я думаю, мои разведчики вернутся с минуты на минуту.

Г е о р г. Ах, ваша милость!

Г е ц. Что тебе?

Г е о р г. Мне нельзя с вами?

Г е ц. В другой раз, Георг. Когда мы будем ловить купцов и забирать обозы.

Г е о р г. В другой раз! Вы всегда так говорите! О, в этот раз, в этот! Я сзади побегу, я в сторонке постою, я буду вам приносить брошенные стрелы.

Г е ц. В следующий раз, Георг! Тебе надо сначала завести камзол, шишак и дротик.

Г е о р г. Возьмите меня! Если б я был с вами в последний раз, вы не потеряли бы самострела.

Г е ц. Ты почему знаешь?

Г е о р г. Вы бросили им во врага, один латник поднял его, он и пропал. Видите, я знаю.

Г е ц. Это тебе мои латники рассказывают?

Г е о р г. Да. Зато когда мы чистим лошадей, я свищу им на все лады и учу их веселым песенкам.

Г е ц. Ты — молодчина!

Г е о р г. Возьмите меня с собой, чтоб я мог это доказать.

Г е ц. В следующий раз, даю тебе слово. Ты не вооружен, тебе нельзя в битву. Мужики нужны и будущим временам. Я говорю тебе, мальчик, наступят времена, когда они будут в цене. Князья еще предложат все сокровища свои за человека, которого сейчас ненавидят. Ступай, Георг, отдай Гансу его латы и принеси мне вина.

Георг уходит.

Где это пропадают мои люди? Непонятно! Монах! Этот еще откуда?

Входит брат М а р т и н.

Добрый вечер, честной отец! Откуда так поздно? Муж священного покоя, вид ваш посрамляет многих рыцарей.

М а р т и н. Благодарю вас, благородный господин. Я всего-навсего смиренный брат, коль уж речь зашла о звании.

В монастыре я зовусь Августином, но при крещении меня нарекли Мартином, и это имя мне мило.

Г е ц. Вы устали, брат Мартин, и, без сомнения, хотите пить!

Входит оруженосец.

Вот и вино кстати.

М а р т и н. Я попрошу лишь глоток воды, Я не смею пить вина.

Г е ц. Таков обет ваш?

М а р т и н. Нет, господин мой, обеты мои не возбраняют мне пить вино, но поелику вино возбраняет обеты мои, я и не пью вина.

Г е ц. Что вы под этим разумеете?

М а р т и н. Благо вам, что вы не понимаете этого. Пища и питье, думаю я, есть жизнь человека.

Г е ц. Верно!

М а р т и н. Когда вы поели и выпили, вы как будто бы родились вновь. Вы стали сильнее, смелее, искуснее в своем деле. Вино веселит сердце человеческое, а веселие есть мать всех добродетелей. Когда человек вкусит вина, все качества его удваиваются. Ему вдвое легче думать, он становится вдвое предприимчивее, вдвое скорее осуществляет задуманное.

Г е ц. Да, когда я выпью, все это так и бывает.

М а р т и н. О том и речь. Но мы...

Г е о р г входит с водой.

Г е ц (*Георгу, тихо*). Ступай на Дахбахскую дорогу, приложись ухом к земле,— не слышно ли конского топота,— и тотчас возвращайся назад.

М а р т и н. Но мы, когда поели и выпили, мы становимся прямою противоположностью того, чем нам надлежит быть. Ленивое пищеварение наше настраивает разум наш по желудку, и в расслаблении чрезмерного покоя рождаются похоти, легко нас одолевающие.

Г е ц. Один стакан, брат Мартин, не потревожит ваш сон. Вы много прошли сегодня. (*Подносит ему.*) За всех воителей!

М а р т и н. Во имя божье!

Они чокаются.

Я не выношу тунеядцев. И все-таки нельзя сказать, чтоб все монахи были тунеядцами. Они делают, что могут. Я иду от

святого Фейта, где ночевал. Настоятель водил меня в сад: воистину полная чаша. Превосходнейший салат! Не капуста, а улада душевная! А цветная капуста и артишоки такие, каких во всей Европе не сыщешь!

Г е ц. Так, значит, вас это дело не привлекает. *(Встает, смотрит, не идет ли мальчик, и возвращается.)*

М а р т и н. Ах, если бы господь создал меня садовником или монастырским собирателем лекарственных трав! Я был бы счастлив. Настоятель мой любит меня — монастырь мой в Эрфурте, в Саксонии, он знает, что я не создан для покоя, и посылает меня всюду, где надо что-нибудь устроить. Я иду к епископу Констанцскому.

Г е ц. Еще стаканчик! Желаю удачи!

М а р т и н. Вам того же.

Г е ц. Что вы так смотрите на меня, брат?

М а р т и н. Я влюбился в пандирь ваш.

Г е ц. Он вам нравится? Носить его тяжело и обременительно.

М а р т и н. А что же не обременительно на сем свете? По мне, самое обременительное — не сметь быть человеком. Бедность, целомудрие и послушание — вот три обета, из которых каждый, взятый в отдельности, кажется наиболее противным природе. Как же невыносимы все они, взятые вместе! И всю жизнь свою безрадостно задыхаются под этим гнетом или под еще более тяжким бременем угрызений совести! О господин мой! Что значат все тягости вашей жизни в сравнении с горестным положением сословия, которое из-за дурно понятого стремления стать ближе к господу отвергает лучшие стремления, какими создается, растет и созревает человек!

Г е ц. Если бы обеты ваши не были столь священны, я предложил бы вам надеть доспехи, дал бы коня, и мы б отправились вместе.

М а р т и н. О, если б господу было угодно даровать плечам моим силу снести тяжесть доспехов и руке моей — мощь, дабы сбить с коня врага! Бедная, слабая рука, ты издавна привыкла носить крест и мирную хоругвь да махать кадилом, тебе ли владеть копьем и мечом? Мой голос, пригодный лишь для «Ave» и «Аллилуйя», был бы для врага глашатаем моей немощи, тогда как ваш заранее побеждает его. Нет, обеты не смогли бы помешать мне вновь вступить в орден, учрежденный создателем моим!

Г е ц. Счастливого возвращения!

М а р т и н. Я пью лишь за ваше. Возвращение в мою клетку — всегда несчастье. Когда вы, господин мой, возвращаетесь под кров ваш с сознанием вашей храбрости и силы, их не может победить и сама усталость! Когда вы впервые за долгий срок в безопасности от нападения врага и безоружный простираетесь на ложе и вас одолевает сон, который вам слаще, чем для меня глоток воды после долгой жажды, тогда вы можете говорить о счастье.

Г е ц. Зато это редко случается.

М а р т и н (*страстно*). Но когда случается — это предвкушение небесного блаженства. Вы возвращаетесь, обремененный добычею врагов ваших, и припоминаете: «Этого копье мое сбило с седла ранее, чем он успел выстрелить, того я поверг на землю вместе с конем его», — и вот вы подъезжаете к вашему замку...

Г е ц. И что же?

М а р т и н. А жены ваши! (*Наливает.*) За здоровье супруги вашей! (*Вытирает глаза.*) Ведь она есть у вас?

Г е ц. Благородная, прекрасная женщина.

М а р т и н. Счастлив муж добродетельной жены и число дней его сугубое. Я не знаю женщин, хотя женщина была венцом творения!

Г е ц (*про себя*). Мне жаль его! Сознание своего звания разрывает ему сердце.

Г е о р г (*вбегают*). Господин! Я слышу коней — вскачь! Двоих! Это, наверное, они.

Г е ц. Выведи моего коня. Пусть Ганс сядет в седло. Прощайте, дорогой брат, да сохранит вас господь! Будьте мужественны и терпеливы. Бог не оставит вас.

М а р т и н. Я хотел бы знать ваше имя.

Г е ц. Извините меня. Прощайте! (*Подает ему левую руку.*)

М а р т и н. Зачем даете вы мне шуйцу? Или я не достоин рыцарской десницы?

Г е ц. Вы должны были удовольствоваться ею, даже если бы были императором. Моя десница, правда, в бою не бесполезна, но к дружескому пожатию она не чувствительна — она слилась воедино с перчаткой, а перчатка, как видите, железная.

М а р т и н. Так вы — Гец фон Берлихинген! Благодарю тебя, господи, что ты сподобил меня узреть сего мужа, которого ненавидят князья и к которому прибегают все

угнетенные! *(Берет его правую руку.)* Дайте мне эту руку, дайте мне облобызать ее!

Г е ц. Не надо.

М а р т и н. Дайте! О мертвое орудие, оживленное надеждой благороднейшего духа на господа, ты драгоценней священных мощей, в коих святая струилась кровь!

Гец надевает шлем и берет копье.

Долгое время жил у нас монах, который посещал вас после того, как при Ландсгуте вы лишились руки. Я никогда не забуду его рассказов о том, сколько вы перестрадали, как тяжело вам было увечье это, мешающее вашему призванию, и как, наконец, прослышали вы об одном человеке, который имел лишь одну руку и все-таки долго был храбрым рейтаром.

Входят два латника.

Гец обращается к ним. Они тайно переговариваются.

(Продолжая.) Я никогда не забуду, как он в благороднейшем, чистосердечнейшем уповании на господа сказал: «Если б я имел двенадцать рук, но милость твоя отвратилась бы от меня, на что бы они мне послужили? Теперь же я могу и одною...»

Г е ц. Значит, в Гослохский лес. *(Оборачивается к Мартину.)* Прощайте, достойный брат Мартин. *(Целует его.)*

М а р т и н. Не забывайте меня, как я вас не забуду.

Гец уходит.

Как сжалось мое сердце, когда я увидел его. Он не промолвил ни слова, но дух мой признал его. Лицезреть великого мужа — душе отрада.

Г е о р г. Вы ночуете у нас, святой отец?

М а р т и н. Найдется ли мне постель?

Г е о р г. Нет, господин! Я знаю о постелях только понаслышке, в нашей корчме нет ничего, кроме соломы.

М а р т и н. И на том спасибо! Как тебя зовут?

Г е о р г. Георгом, святой отец!

М а р т и н. Георгом! Значит, у тебя храбрый святой.

Г е о р г. Говорят, он был рыцарем, я тоже хочу быть рыцарем.

М а р т и н. Постой! *(Вынимает молитвенник и дает оруженосцу образец.)* На тебе его. Следуй его примеру, будь храбр и бойся бога. *(Уходит.)*

Г е о р г. Какой прекрасный белый конь! Вот бы мне такого! И вооружение золотое! А здесь отвратительный

дракон. Теперь я стреляю воробьев. Святой Георг! Сделай меня большим и сильным, дай мне копьё, доспех и коня — и пусть тогда попробуют сунуться драконы!

ЯКСТГАУЗЕН. ЗАМОК ГЕЦА

Елизавета, Мария, Карл — маленький сын Геца.

Карл. Пожалуйста, милая тетушка, расскажи мне еще раз о добром мальчике. Уж очень это хорошо.

Мария. Лучше ты мне расскажи, плутишка, увидим, внимательно ли ты слушал.

Карл. Чутьочку подожди, я думаю. Жил-был однажды... да, жил-был однажды мальчик... и его мать заболела... и вот он пошел...

Мария. Да нет же. И мать ему сказала: «Милый мальчик...»

Карл. «...я больна...»

Мария. «...и не могу выйти...»

Карл. И дала ему денег и сказала: «Поди и купи себе завтрак». Тут пришел нищий...

Мария. Мальчик пошел и встретил по дороге старика, он был... Ну, Карл!

Карл. Он был... старый.

Мария. Ну конечно! Он еле передвигал ноги и сказал: «Милый мальчик...»

Карл. «...подай мне что-нибудь: я ничего не ел ни вчера, ни сегодня». Тут мальчик отдал ему деньги...

Мария. ...которые ему дали на завтрак...

Карл. Тогда старик сказал...

Мария. Тогда старик взял мальчика...

Карл. ...за руку и сказал... и превратился вдруг в сияющего прекрасного святого и сказал: «Милое дитя...»

Мария. «За твое милосердие награждает тебя через меня мать божья: тот больной, которого ты коснешься...»

Карл. «...рукою...» Я думаю, это была правая рука.

Мария. Да.

Карл. «...тот тотчас выздоровеет».

Мария. Мальчик побежал домой и от радости не мог слова вымолвить.

Карл. Он бросился матери на шею и заплакал от радости.

М а р и я. Тут мать воскликнула: «Что со мной?»
И вдруг... Ну, Карл!

К а р л. И вдруг... и вдруг...

М а р и я. Вот ты уже и не слушаешь! И вдруг выздоровела. И мальчик врачевал королей и императоров и сделался так богат, что построил большой монастырь.

Е л и з а в е т а. Не могу понять, где мой господин. Пять дней и пять ночей нет его, а он надеялся быстро покончить со своим делом.

М а р и я. Меня это уже давно беспокоит. Если б у меня был муж, который вечно подвергает себя опасности, я б умерла в первый же год брака.

Е л и з а в е т а. Благодарю бога, что он создал меня более твердой.

К а р л. А разве отец должен уезжать, если это так опасно?

М а р и я. Это его добрая воля.

Е л и з а в е т а. Он должен, милый Карл.

К а р л. Почему?

Е л и з а в е т а. Ты помнишь, зачем он ездил в прошлый раз, когда привез тебе гостинца?

К а р л. А теперь он мне привезет что-нибудь?

Е л и з а в е т а. Ну конечно. Видишь ли, один портной из Штутгарта — меткий стрелок из лука — выиграл первый приз на состязании стрелков в Кельне.

К а р л. И много он выиграл?

Е л и з а в е т а. Сто талеров. А ему не хотели их отдать.

М а р и я. Ну, разве это не гадко, Карл?

К а р л. Гадкие люди.

Е л и з а в е т а. Тогда портной пришел к твоему отцу и попросил, чтобы он помог ему выручить деньги. Твой отец поехал и захватил двух кельнских купцов и томил их до тех пор, пока они не выдали деньги. Разве ты бы не поехал?

К а р л. Нет! Ведь надо проезжать через густой-густой лес, а там цыгане, ведьмы.

Е л и з а в е т а. Большой парень, а боишься ведм.

М а р и я. Ты сделаешь лучше, Карл, если будешь жить в своем замке благочестивым, христианским рыцарем. В своих владениях можно найти достаточно случаев для благотворительности. Во время набегов даже самые честные рыцари творят больше несправедливости, чем правды.

Е л и з а в е т а. Сестра, ты говоришь, не думая. Дай бог, чтобы и наш мальчик стал с годами храбрее и не напоминал

бы Вейслингена, который так вероломно поступает с моим мужем.

Мария. Не будем спорить, Елизавета. Мой брат очень раздражен, и ты тоже. В этом деле я только зритель и потому могу судить беспристрастнее.

Елизавета. Ему нет оправдания.

Мария. То, что я о нем слышала, расположило меня в его пользу. Да разве муж твой не рассказывал о нем сам столько хорошего? Как счастливо протекала их юность, когда оба они были пажамы маркграфа!

Елизавета. Пусть так. Но скажи мне, что может быть хорошего в человеке, который преследует своего лучшего, вернейшего друга, продает услуги свои врагам моего мужа и лживыми, искажающими дело наветами старается привлечь на свою сторону нашего доброго императора, который всегда был к нам так милостив!

Карл. Отец! Отец! Дозорный на башне трубит песенку: «Гей, да отпирай ворота!»

Елизавета. Он вернулся с добычей.

Входит рейтар.

Рейтар. Мы с охоты. Мы с добычей! Здравствуйте, благородные дамы!

Елизавета. Вейслинген захвачен?

Рейтар. Захвачен. И с ним три рейтара.

Елизавета. Как вышло, что вы так замешкались?

Рейтар. Мы подстерегали его между Нюрнбергом и Бамбергом. Он все не ехал, а мы знали, что он в пути. Наконец мы выследили его — он проехал стороною и сидел себе спокойно у графа в Шварценберге.

Елизавета. Они бы его хотели сделать врагом моего мужа.

Рейтар. Я тотчас донес об этом господину. На коней! И мы помчались в Гослохский лес. Тут так странно вышло: скачем мы ночью через лес и видим — пастух пасет свое стадо. Вдруг, откуда ни возьмись, пять волков, да как примутся за овцу. Тогда господин наш засмеялся и сказал: «Это к добру, дорогие товарищи. Всем удача, и нам удача!» И мы обрадовались хорошей примете. В это время выезжает Вейслинген с четырьмя рейтарами.

Мария. Сердце мое трепещет.

Рейтар. Я и товарищ мой по приказанию господина прижались к нему так, точно приросли — он не мог ни дви-

путься, ни шелохнуться, а господин наш и Ганс ударили на рейтаров и захватили их. Один ускользнул.

Елизавета. Любопытно взглянуть на него. Они скоро здесь будут?

Рейтар. Они скачут по долине, через четверть часа будут здесь.

Мария. Он, должно быть, очень подавлен.

Рейтар. Да, смотрит невесело.

Мария. Мне будет больно взглянуть на него.

Елизавета. Ах! Я пойду займусь стряпней. Все вы, верно, проголодались?

Рейтар. Так точно!

Елизавета. Возьми ключ от погреба и принеси лучшего вина. Они его заслужили. *(Уходит.)*

Карл. Я пойду с тобой, тетя.

Мария. Идем, мальчик.

Уходят.

Рейтар. Ну, этот не в отца, а то пошел бы со мной на конюшню.

Гец. Вейслинген. Рейтары.

Гец *(кладет на стол шлем и меч)*. Расстегните мне латы и подайте камзол. Приятен домашний уют. Ты был прав, брат Мартин. Вы загоняли нас, Вейслинген.

Вейслинген, не отвечая, ходит взад и вперед.

Будьте повеселей! Снимайте доспехи! Где ваше платье? Я надеюсь, что все цело. *(Слуге.)* Позовите его слуг и развяжите тюки, да смотрите, чтоб ничего не пропало. Я могу вам одолжить и мое платье.

Вейслинген. Оставьте меня, мне все равно.

Гец. Я могу вам дать красивое свежее платье. Правда, оно полотняное. Мне оно стало узко. Я был в нем на свадьбе всемилостивейшего господина нашего — пфальцграфа, тогда еще ваш епископ так разгневался на меня. За две недели перед тем я потопил на Майне две его барки. Поднимаюсь я в трактире «Олень» в Гейдельберге с Францем фон Зикингеном по лестнице. Почти в самом конце ее есть площадка с железными перильцами. На ней и стоял епископ и подал руку Францу, когда тот проходил, а затем и мне, когда я прошел за ним следом. Я усмехнулся про себя, подошел к ландграфу Ганаускому — очень я его любил! — и сказал: «Епископ подал мне

руку, бьюсь об заклад, что он не узнал меня». Епископ услышал, — я нарочно говорил громко, — подошел к нам с высокомерным видом и сказал: «Вы правы, я подал вам руку только потому, что не узнал вас». А я ему на это: «Господин мой, я и сам догадался, что вы не узнали меня, можете взять ваше рукопожатие обратно». Тут человек этот от злости покраснел как рак и побежал жаловаться пфальцграфу Людвигу и князю Нассаускому. Мы потом часто потешались, вспоминая об этом.

Вейслинген. Пожалуйста, оставьте меня одного.

Гец. Но отчего же? Успокойтесь, прошу вас. Вы в моей власти, а я не злоупотребляю ею.

Вейслинген. Этого я и не боюсь. Ведь это ваш рыцарский долг.

Гец. И вы знаете, что он священен для меня.

Вейслинген. Я в плену, остальное мне безразлично.

Гец. Вы не должны так говорить. Если бы вы имели дело с князьями, они бы посадили вас на цепь в глубоком подземелье и сторож не давал бы вам уснуть своими свистками.

Входят слуги с платьем. Вейслинген переодевается.

Входит Карл.

Карл. Доброго утра, отец!

Гец (*целует его*). Доброго утра, мальчуган. Ну, что ты подделывал?

Карл. Я очень хорошо вел себя, отец! Тетя сказала, что я умница!

Гец. Вот как!

Карл. Ты мне привез что-нибудь?

Гец. На этот раз не привез.

Карл. А я много учился.

Гец. Да ну?

Карл. Хочешь, я тебе расскажу о добром мальчике?

Гец. После обеда...

Карл. А я еще кое-что знаю.

Гец. Что это было?

Карл. Якстгаузен — селение и замок на Яксте — уже двести лет принадлежит господам фон Берлихингенам по праву наследия и собственности.

Гец. А ты знаешь господина фон Берлихингена?..

Карл в недоумении смотрит на него.

(*Про себя.*) Он, пожалуй, от большой учености и отца не признает. Кому принадлежит Якстгаузен?

Карл. Якстгаузен — селение и замок на Яксте...

Гец. Я не об этом спрашиваю. Я знал каждую дорогу, каждую тропинку, каждый брод, прежде чем узнал, как зовется река, селение и замок. Мать на кухне?

Карл. Да, отец. Она готовит брюкву и баранину.

Гец. Ты и это знаешь, кухонных дел мастер?

Карл. А мне тетя на сладкое испекла яблоко.

Гец. А сырого ты не можешь съесть?

Карл. Так вкусней.

Гец. Тебе всегда надо что-нибудь особенное. Вейслинген! Я сейчас вернусь к вам. Мне все-таки надо повидать жену. Идем, Карл.

Карл. Это что за человек?

Гец. Поклонись ему, попроси его быть повеселее.

Карл. Эй, человек! Право, развеселись! Скоро обед поспеет.

Вейслинген (*берет Карла на руки и целует*). Счастливое дитя! У него одна печаль, что суп запоздал. Дай бог, чтоб мальчик этот доставил вам много радостей, Берлихинген.

Гец. Где ярче свет, там гуще тени, но я и на это согласен. Ну, пойдем, посмотрим, как там.

Они уходят.

Вейслинген. О, если б я проснулся и все оказалось бы сном! Во власти Берлихингена! Я едва освободился от него, я как огня боялся мысли о нем, я надеялся его одолеть. А он — прежний, верный Гец! Боже правый, чем все это кончится? Вот ты и вернулся, Адельберт, в ту залу, где мы играли детьми, ты дорожил им тогда, ты любил его, как душу свою. Кто может, приблизясь к нему, ненавидеть его? Ах! Я чужой здесь. Ты прошло, счастливое время, когда у камина еще сидел старый Берлихинген, а мы играли вокруг него и любили друг друга, как ангелы. Как будет беспокоиться епископ и мои друзья! Я знаю — вся страна сочувствует моему несчастью. Что мне в том! Разве они могут мне дать то, к чему я стремлюсь?

Гец (*с бутылкой вина и кубками*). Пока еда будет готова, мы выпьем. Идите сюда, садитесь, будьте как дома! Подумайте, ведь вы снова у Геца. Давно мы уже не сживали вместе, давно вместе не осушали бутылки. (*Подносит ему*.) Ну, с легким сердцем!

Вейслинген. Те времена прошли.

Г е ц. Боже сохрани! Правда, нам не дожидаться лучших дней, чем те, когда мы были неразлучны днем и ночью при дворе маркиграфа. Я с радостью вспоминаю мою юность. Вы еще помните, как я повздорил с поляком, когда нечаянно заехал рукавом в его завитые и напomaженные локоны?

Вейслинген. Это было за столом, и он бросился на вас с ножом.

Г е ц. Я тогда здорово отколотил его, а вы из-за этого поссорились с его приятелем. Мы всегда честно держались заодно, как и подобает добрым и смелым ребятам. За это все и признавали нас. *(Наливает и подносит ему.)* Кастор и Поллукс! Сердце мое всегда радовалось, когда маркиграф так называл нас.

Вейслинген. Это придумал епископ Вюрцбургский.

Г е ц. Он был ученый муж и добрейший человек вместе с тем. Я до конца жизни буду помнить, как он ласкал нас, как хвалил наше единодушие и звал счастливым человеком того, который был близнецом его друга.

Вейслинген. Довольно об этом!

Г е ц. Почему же? После трудов для меня нет ничего приятнее воспоминания о прошлом. В самом деле, подумать только, что мы делили когда-то радость и горе, были всем друг для друга! Я воображал, что так будет всю жизнь! Когда при Ландсгуте я лишился руки, разве не было моим единственным утешением то, что ты ходил за мной и заботился обо мне больше, чем брат родной. Я надеялся, что в будущем моей правой рукою станет Адельберт. А теперь...

Вейслинген. О!

Г е ц. Если б ты послушал меня и поехал вместе в Брабант, когда я звал тебя, все осталось бы по-старому. Тебя удержала эта несчастная придворная жизнь, тебе понравилось слоняться без дела и расшаркиваться перед женщинами. Я всегда говорил тебе, что если ты будешь водиться с пустыми, противными бабами и болтать с ними о неудачных браках, об обольщенных девушках, о мозолях и вообще обо всем том, что им любо слушать, то ты станешь шалопаем, Адельберт, я всегда это говорил.

Вейслинген. К чему все это?

Г е ц. Видит бог, я б хотел или забыть все, или чтобы это было не так. Свободой и благородством рождения ты равен лучшим сынам Германии, ты независим, ты подчинен лишь императору, зачем же ты принижаешь себя до уровня васса-

да? Что тебе епископ? Он сосед твой? Он может напасть на тебя? А разве у тебя нет рук, нет друзей, чтобы отплатить ему? Ты забываешь свое достоинство свободного рыцаря, который зависит лишь от бога, императора и самого себя! Ты из кожи лезешь вон, чтобы занять место придворного шаркуна при своенравном и завистливом попе!

Вейслинген. Позволь мне сказать,

Гед. Что ты можешь сказать?

Вейслинген. Ты смотришь на князей, как волк на пастухов. И все-таки посмеешь ли ты порицать их за то, что они защищают свои владения и достояние своих подданных? Разве они хоть на мгновение бывают в безопасности от рыцарей-самоуправцев, которые нападают на их подданных у каждого перекрестка, опустошают селения и замки? С другой стороны — земли дражайшего императора нашего находятся во власти заклятого врага; император требует помощи от всех сословий, а они едва могут защитить свою жизнь. Разве не добрый гений внушает князьям желание подумать о средствах успокоить Германию, водворить право и справедливость, дать всем — и большим и малым — возможность наслаждаться годами мира? И ты нам ставишь в вину, Берлихинген, что мы ищем защиты у них, чья помощь нам ближе, нежели далекая от нас императорская власть, которая не в силах защитить себя самое.

Гед. Да! Да! Все понятно! Вейслинген, будь князья такими, какими вы их изображаете, то у нас было бы все, чего мы жаждем. Покой и мир! Я думаю! Их жаждет и хищная птица, чтоб на свободе пожирать добычу. Всеобщее благо! Ну, от этой заботы они не поседеют! А какую непристойную игру ведут они с нашим императором. Намерения его прекрасны, и стремления его еще лучше. И вот что ни день — является новый знахарь и предлагает лечить так и эдак. А так как господин наш все быстро схватывает и ему достаточно слово сказать, чтоб тысячи рук пришли в движение, то он и воображает, будто выполнит все так же легко и быстро. И вот издается приказ за приказом, и все они тут же забываются, а что князьям на пользу, того они и держатся и прославляют спокойствие и безопасность империи, попирая ногами меньшую братию. Готов поклясться, что кое-кто в глубине души благодарит бога за то, что турок насаждает на императора.

Вейслинген. Вы смотрите на это по-своему,

Г е ц. Так поступает каждый. Вопрос в том, на чьей стороне свет и правда, а ваши дела, говоря мягко, бояться дневного света.

Вейслинген. Вы все можете говорить, я — пленник.

Г е ц. Если совесть ваша чиста, вы — свободны. Но как обстояло дело с договором о земском мире? Я помню, как еще шестнадцатилетним мальчиком я был с маркграфом на сейме. Сколько князья там горланили, а духовные владыки — больше всех! Ваш епископ все уши прожужжал императору, будто чудо свершилось, и он вдруг всем сердцем возлюбил справедливость; а теперь он захватил моего оруженосца в ту пору, когда ссора наша уладилась и я не помышлял о зле. Разве мы не помирились? На что ему оруженосец?

Вейслинген. Это произошло без его ведома.

Г е ц. Отчего же он его не отпускает?

Вейслинген. Он вел себя не так, как должно.

Г е ц. Не так, как должно? Готов присягнуть, что он вел себя как должно, и это так же верно, как то, что он захвачен с ведома епископа и вашего. Вы думаете, я только сегодня на свет родился и не понимаю, что к чему?

Вейслинген. Вы подозрительны и судите несправедливо.

Г е ц. Вейслинген, могу я говорить напрямик? Как я ни мал, но я сучок в вашем глазу, так же, как Зикинген и Зельбиц. Все это потому, что мы твердо решили лучше умереть, чем быть обязанными жизнью кому-либо, кроме бога, или служить верой и правдой кому-либо, кроме императора. Вот они и обхаживают меня и стараются очернить в глазах его величества, его друзей и моих соседей и шпионят за мной ради своих целей. Хотят убрать меня с дороги во что бы то ни стало. Потому-то вы и взяли в плен моего оруженосца, ибо знали, что он послан мною на разведку. Потому и поступил он не так, как должно, ибо не предал меня вам. А ты, Вейслинген, ты — их орудие!

Вейслинген. Берлихинген!

Г е ц. Ни слова об этом больше! Я враг объяснений — обманываешь или себя, или другого, а большей частью — обоих.

К а р л. Кушать подано, отец!

Г е ц. Приятная весть! Идемте! Надеюсь, мои женщины развеселят вас. Прежде вы были большим их поклонником и у девиц было что о вас порассказать. Идемте!

Уходят.

В ЕПИСКОПСКОМ ДВОРЦЕ В БАМБЕРГЕ. СТОЛОВАЯ

Епископ Бамбергский, аббат фульдский, Олеарий,
Либетраут, придворные.
Все сидят за столом. Вносят десерт и вино в больших бокалах.

Епископ. Много ли немецких дворян обучается теперь в Болонье?

Олеарий. Есть и дворяне и бюргеры. И, не хвастаясь, могу сообщить, что они заслужили себе там отменную похвалу. Речение — «прилежен, как немецкий дворянин», — вошло в университет в пословицу. Так как бюргеры прилагают похвальные усилия к тому, чтобы дарованиями возместить низость происхождения, то и дворяне, в похвальном соревновании с ними, стремятся возвысить прирожденное достоинство блестящими заслугами.

Аббат. Каково!

Либетраут. Скажите! Чего только не бывает на свете! «Прилежен, как немецкий дворянин!» Никогда в жизни этого не слыхал!

Олеарий. Да, они — предмет удивления для всего университета. Некоторые из них — старейшие и способнейшие — вскоре вернутся сюда докторами. Император с радостью даст им лучшие места.

Епископ. За этим дело не станет.

Аббат. К примеру, не знаете ли вы одного молодого дворянина? Он из Гессена.

Олеарий. Там много гессенцев.

Аббат. Его зовут... он... Из вас никто его не знает? Его мать была урожденная... Ох! Его отец был кривой на один глаз и маршал.

Либетраут. Фон Вильденгольц?

Аббат. Правильно! Фон Вильденгольц.

Олеарий. Его я хорошо знаю. Он — молодой человек с большими дарованиями. Особенно славится стойкостью на диспутах.

Аббат. Это у него от матери.

Либетраут. Но муж никогда не прославлял ее за это.

Епископ. Как, говорите вы, зовут того императора, который написал ваш *Corpus iuris*¹.

Олеарий. Юстиниан.

Епископ. Достойный государь! За его здоровье!

¹ Свод законов (лат.).

О л е а р и й. Вечная память ему!

Пьют.

А б б а т. Должно быть, это замечательная книга.

О л е а р и й. Ее можно именовать книгою книг, она — собрание всех законов, — на каждый случай готов приговор, то же, что устарело или стало нелепым, восполняется глоссами, коими ученейшие мужи украсили это превосходнейшее произведение.

А б б а т. Собрание всех законов! Тыфу ты пропасть! Значит, там есть и все десять заповедей?

О л е а р и й. *Implicite*, конечно, но не *explicite*.

А б б а т. Я это и подразумевал — сами по себе и без дальнейших экспликаций.

Е п и с к о п. Но, по-вашему, лучше всего то, чтобы в государстве, где его введут и будут соблюдать неукоснительно, был обеспечен полный покой и мир?

О л е а р и й. Без сомнения.

Е п и с к о п. За докторов прав!

О л е а р и й. Я сумею почтить их.

Пьют.

Дай бог, чтобы и на моей родине говорили то же!

А б б а т. Вы откуда, ученейший муж?

О л е а р и й. Из Франкфурта-на-Майне, ваше преподобие.

Е п и с к о п. А разве вы, господа, там не в чести? Как это случилось?

О л е а р и й. Удивительное дело! Я приезжал туда получить отцовское наследство, а когда чернь прослышала, что я юрист, то чуть камнями меня не побила.

А б б а т. Не приведи, господи!

О л е а р и й. А всё оттого, что в суде шоффенов, уважаемом повсеместно, судейские места заняты исключительно людьми, не знакомыми с римским правом. Считается достаточным точное знание внутреннего и внешнего положения города, приобретенное путем опыта и долгой жизни. Вот горожан и крестьян и судят на основании старых обычаев да немногих статутот.

А б б а т. А ведь это хорошо.

О л е а р и й. Но далеко не достаточно. Жизнь человеческая коротка, в одном поколении все казусы встретиться не могут. Собранием таких случаев за многие столетия и являются наши книги законов. Кроме того, воля и мнения челове-

ческие крайне неустойчивы. Что сегодня одному кажется правильным, то другой на завтра будет порицать; таким образом, замешательство и несправедливость неизбежны. Все это определяют законы; и законы — неизменяемы.

А б б а т. Конечно, это лучше.

О л е а р и й. Чернь того не признает; она, правда, падка до новшеств, но те новшества, которые хотят выбить ее из старой кожи, ненавистны ей даже тогда, когда они ведут ко благу. Они ненавидят юриста, точно смутьяна или карманника, и приходят в бешенство, если он захочет обосноваться среди них.

Л и б е т р а у т. Так вы из Франкфурта! Меня там хорошо знают. При коронации императора Максимилиана мы кое-чем полакомились раньше ваших женихов. Вас зовут Олеарий? Я там нё знал никого с таким именем.

О л е а р и й. Отца моего звали Эльман. Но мне было неудобно начертать имя это на латинских моих писаниях, и, чтобы избежать этого, я, по примеру и совету достойных учителей моих, назвался Олеарием.

Л и б е т р а у т. Вы прекрасно сделали, что перевели свое имя. Несть пророка в отечестве своем. На отечественном языке с вами случилось бы то же самое.

О л е а р и й. Я руководствовался не этой причиной.

Л и б е т р а у т. На все бывает две причины.

А б б а т. Несть пророка в отечестве своем.

Л и б е т р а у т. А вы знаете почему, ваше преподобие?

А б б а т. Потому что он там родился и воспитывался.

Л и б е т р а у т. Правильно. Это одна причина. А вот другая — при ближайшем знакомстве с некими господами исчезает ореол достопочтенности и святости, который мерцал пам из туманной дали, и остается жалкий сальный огарочек.

О л е а р и й. Вы, кажется, подрядились изрекать истины.

Л и б е т р а у т. Что на уме, то и на языке. За словом в карман не полезу.

О л е а р и й. А за умением сказать его кстати?

Л и б е т р а у т. Банки кстати, если действуют.

О л е а р и й. Банщика узнают по переднику, и тогда никто не ставит ему в вину его звания. Вы бы из предосторожности носили шутовской колпак.

Л и б е т р а у т. А вы где получали ученую степень? Спрашиваю на случай, если мне придет охота исполнить ваш совет. Так чтобы попасть в надлежащее место.

О л е а р и й. Вы нахал!

Либетраут. А вы хвастун!

Епископ и аббат смеются.

Епископ. Давайте о другом! Не горячитесь, господа! За столом не всякое лыко в строку. Заведи разговор о другом, Либетраут!

Либетраут. Возле Франкфурта есть урочище, зовется Саксенгаузен...

Олеарий (епископу). Что говорят о турецком походе, ваше преосвященство?

Епископ. Для императора сейчас важнее всего умиротворить государство, прекратить раздоры и укрепить уважение к суду. Тогда, говорят, он лично двинется против врагов империи и христианства. Сейчас для него еще много дела с внутренними раздорами, и империя, несмотря на сорок договоров о земском мире, все еще остается вертепом разбойников. Франкония, Швабия, Верхний Рейн и смежные с ними земли разоряются дерзкими и надменными рыцарями. Зикинген, Зельбиц одноногий, Берлихинген с железною рукою издеваются в этих краях над имперскою властью.

Аббат. Да, если его величество за них не примется, эти молодцы и до нас доберутся.

Либетраут. А кто-нибудь из этих молодцов доберется и до фульдской винной бочки.

Епископ. В особенности последний из них — с давних пор мой непримиримый враг и несказанно докучает мне, но я надеюсь, что теперь уже это недолго будет тянуться. Резиденция императора находится сейчас в Аугсбурге. Мы приняли меры, и неудачи быть не может. Вы знаете Адельберта фон Вейслингена, господин доктор?

Олеарий. Нет, ваше преосвященство.

Епископ. Если вы дождетесь его прибытия, то будете иметь удовольствие встретить в одном лице благороднейшего, разумнейшего и любезнейшего из всех рыцарей.

Олеарий. Должно быть, он — человек исключительный, если заслужил подобные похвалы из таких уст.

Либетраут. Он не обучался ни в каком университете.

Епископ. Мы это знаем.

Двое слуг бегут к окну.

Что там?

Слуга. Фербер, рейтар Вейслингена, только что въехал в ворота замка.

Епископ. Узнайте, с какими он вестями, вероятно, он расскажет о Вейслингене.

Либетраут уходит. Все встают и пьют снова.
Либетраут возвращается.

Какие новости?

Либетраут. Я хотел бы, чтоб их принес другой. Вейслинген в плену.

Епископ. О!

Либетраут. Берлихинген захватил его с тремя рейтарами при Гослохе. Четвертый ускользнул, чтобы сообщить вам об этом.

Аббат. Прискорбная весть.

Олеарий. Сердечно сожалею.

Епископ. Я хочу видеть рейтара. Позовите его наверх. Я сам хочу с ним поговорить. Проведите его в мой кабинет. *(Выходит.)*

Аббат *(садится)*. Еще глоток!

Слуги наливают.

Олеарий. Не угодно ли вашему высокопреподобию прогуляться по саду? Post coenam stabis seu passus mille meabis.

Либетраут. Действительно, вам вредно сидеть. Еще паралич разобьет.

Аббат встает.

(Про себя.) Только бы ты вышел в сад, уж я тебя загоняю!

Уходят.

ЯКСТГАУЗЕН

Мария. Вейслинген.

Мария. Вы говорите, что любите меня. Я охотно верю вам и надеюсь быть с вами счастливой и вас сделать счастливым.

Вейслинген. Я чувствую одно — что я весь твой. *(Обнимает ее.)*

Мария. Прошу вас — пустите меня. Один поцелуй я вам дала в виде задатка, но вы, кажется, хотите вступить во владение тем, что принадлежит вам лишь условно.

Вейслинген. Вы слишком строги, Мария. Невинная любовь радует, а не оскорбляет господа.

М а р и я. Пусть так! Но меня иначе воспитывали. Меня учили, что любовные ласки вяжут, как цепь, а любящие девушки слабей, чем Самсон, потерявший свои кудри.

Вейслинген. Кто вас этому научил?

М а р и я. Настоятельница моего монастыря. Я жила у нее до шестнадцати лет, и только с вами я вновь обрела то счастье, которое испытывала при общении с нею. Она познала любовь и могла о ней говорить. У нее было чувствительное сердце. Да, замечательная женщина.

Вейслинген. Значит, она была похожа на тебя. (*Берет ее за руку.*) Что со мной будет, когда я вас покину!

М а р и я (*отнимает руку*). Надеюсь, что вам будет не-легко,— я по себе сужу, но вы должны ехать.

Вейслинген. Да, моя драгоценная, и я хочу ехать. Я предчувствую, какое блаженство принесет мне эта жертва. Да будет благословен твой брат и тот день, когда он выехал, чтобы захватить меня!

М а р и я. Его сердце было полно надежд и за себя и за тебя. «До свиданья,— сказал он, прощаясь,— быть может, я обрету его вновь!»

Вейслинген. И он обрел его. Как бы я хотел, чтоб и защита моих имений, и управление ими не были бы так запущены, как сейчас, из-за этой пагубной придворной жизни. Тогда ты могла бы тотчас стать моею.

М а р и я. И в отсрочке есть свои радости.

Вейслинген. Не говори так, Мария, а то я стану бояться, что чувство твое слабее моего. Но я терплю по заслугам, и потом — какие надежды будут сопровождать каждый мой шаг! Быть всецело твоим, жить только тобою и в кругу избранных, удалиться от света, наслаждаться блаженством, которое дают друг другу два сердца! Что значат милость князей и приговор света перед этим простым и единственным счастьем? Я на многое надеялся, я желал многого, это превзошло все мои надежды и желания.

Входит Гец.

Гец. Ваш отрок снова здесь. Он едва мог слово промолвить от голода и усталости. Моя жена кормит его. Насколько я мог понять — епископ не хочет выдать моего слугу, он хочет, чтобы были назначены имперские комиссары, которые в определенный день разберут дело. Будь что будет, Адельберт, вы свободны! Я ничего больше не требую, кроме вашего руко-

пожатия, как доказательства того, что впредь вы ни тайно, ни явно не будете оказывать помощи моим врагам.

Вейслинген. Вот рука моя. Пусть с этого мгновения дружба и доверие будут между нами нерушимы, подобно вечному закону природы. Позвольте мне здесь же взять и эту руку (*берет руку Марии*), а с нею и обладание этой благородной девицей.

Гец. Могу я сказать за тебя — да?

Мария. Если вы скажете это вместе со мною.

Гец. Хорошо, что на этот раз нам на руку одно и то же. Ты не красней! Твой взгляд — лучшее доказательство. Значит — да, Вейслинген! Дайте друг другу руки, и я скажу — аминь! Друг и брат мой! Благодарю, сестра! Ты умеешь не только пряхть лен. Ты ссучила нить, которой изловила эту райскую птицу. Тебе как будто не по себе, Адельберт? Чего тебе не хватает? Я совершенно счастлив, я только во сне мог мечтать об этом, теперь вижу наяву, а мне все еще кажется что я сплю! Ах, сон мой сбылся! Я видел сегодня ночью, что я даю тебе мою правую, железную руку, а ты так крепко схватил ее, что она, как сломанная, выпала из поручней. Мне стало страшно, на этом я проснулся. Мне б заснуть снова, и я б увидел, как ты приставил мне новую, живую руку. Ты смотри тотчас поезжай и приведи свой замок и поместья в порядок. Ты запустил их из-за проклятого двора. Надо позвать жену мою. Елизавета!

Мария. Как радуется брат мой!

Вейслинген. И все-таки я могу с ним поспорить о том, кто счастливее.

Гец. Ты чудесно заживешь.

Мария. Франкония — благословенная страна.

Вейслинген. И я могу сказать, что замок мой расположен в благословеннейшей и живописнейшей местности.

Гец. Можешь сказать — я подтверждаю! Там течет Майн, над ним полого возвышается гора, одетая пашнями и виноградниками и увенчанная замком. Затем река круто огибает подножие замка. Окна большой залы выходят прямо на воду — вид на многие мили.

Входит Елизавета.

Елизавета. Что тут происходит?

Гец. И ты дай руку и скажи: «Да благословит вас бог!»
Они — жених и невеста.

Елизавета. Так скоро!

Гец. Но не совсем неожиданно.

Елизавета. Любите ее всегда так же, как в дни жениховства! И будьте так же счастливы, как крепко вы ее любите.

Вейслинген. Аминь! Другого счастья я и не желаю.

Гец. Жених наш, милая жена моя, совершит маленькое путешествие. Ведь большие перемены всегда ведут за собой много мелких. Он сначала удалится от епископского двора, чтоб эта дружба остыла понемногу. Затем он вырвет свои поместья из рук корыстолюбивых арендаторов. И... Идем сестра, идем, Елизавета! Оставим его одного. Его отрок, наверное, привез ему тайные известия.

Вейслинген. Ничего такого, что вы не могли бы знать.

Гец. Не надо, не надо. Франкония и Швабия! Вы теперь породнились ближе, чем когда-либо. Теперь мы будем держать князей в ежовых рукавицах!

Все трое уходят.

Вейслинген. Отец небесный! За что ты уготовал такое блаженство мне, недостойному? Сердце мое переполнено. Как мог я зависеть от жалких людей, над которыми думал властвовать, от взора князей, от лстивых похвал! Гец, дорогой Гец, ты вернул меня мне самому, а ты, Мария, довершила мое душевное перерождение. Я чувствую, что я свободен, как птица в воздухе. Я не хочу больше видеть Бамберга, я хочу порвать все те постыдные связи, которые унижали меня. Сердце мое ширится. Да, это не мучительное стремление к недоступному величию. Воистину — лишь тот велик и счастлив, кому нет нужды властвовать или повиноваться, чтобы стать кем-нибудь!

Входит Франц.

Франц. Да благословит вас бог, ваша милость. Я привез вам столько приветов, что не знаю, с которого начать. Бамберг и весь край на десять миль кругом шлют вам тысячекратный привет. Да благословит вас бог!

Вейслинген. Добро пожаловать, Франц. Что ты еще привез?

Франц. При дворе и повсюду — все заняты вами так, что и рассказать невозможно.

Вейслинген. Это недолго будет продолжаться,

Франц. До тех пор, пока вы живы, а после смерти — память о вас будет сиять ярче, чем медные буквы на надгробной плите. Как все приняли к сердцу вашу беду!

Вейслинген. Что сказал епископ?

Франц. Он так жаждал все знать, что мешал мне отвечать настойчивой поспешностью своих вопросов. Кое-что он уже знал — Фербер, ускользнувший при Гослохе, привез ему эту весть. Но он хотел знать все. Он опасливо спрашивал, не ранены ли вы. Я сказал: «Он цел и невредим от самой макушки до ногтя мизинца на ноге».

Вейслинген. Что сказал он о предложениях?

Франц. Сначала он все хотел отдать — и отрока, и еще сверх того денег, чтобы только освободить вас. Но когда узнал, что вы освободитесь и без того и что лишь слово ваше будет залогом за отрока, он решил повременить. Он дал мне сотню поручений к вам, но я их все перезабыл. Это была длинная проповедь на тему — я не могу обойтись без Вейслингена.

Вейслинген. Придется привыкнуть.

Франц. Что вы хотите сказать? Он говорил мне: «Пусть поспешит, все ждут его».

Вейслинген. Пусть ждут. Я не еду ко двору.

Франц. Не едете? Господин мой! Да что на вас нашло? Если б вы знали то, что я знаю! Если б вам присниться могло то, что я видел!

Вейслинген. Что с тобой?

Франц. При одном воспоминании — я вне себя. Бамберг — не Бамберг больше, ангел в женском образе превратил его в преддверие рая.

Вейслинген. И только-то?

Франц. Будь я поп, если вы, увидев ее, не перестанете владеть собою.

Вейслинген. Кто же она?

Франц. Адельгейда фон Вальдорф.

Вейслинген. Она! Я много слышал об ее красоте.

Франц. Слышали? Это так же верно, как если б вы сказали, что видели музыку. Разве язык может изобразить хоть одну черточку ее совершенств! Ведь даже глаз теряется в ее присутствии.

Вейслинген. Ты не в своем уме?

Франц. Может быть. Когда я видел ее в последний раз — я был не разумней пьяного. Или, вернее сказать,

я ощущал в это мгновение то, что чувствуют святые перед небесным видением. Все чувства стали сильнее, возвышенней, совершенней, но были в бездействии.

Вейслинген. Это странно.

Франц. Когда я прощался с епископом, она была у него. Они играли в шахматы. Он был так милостив, что протянул мне руку для поцелуя и сказал мне многое, но я ничего не слышал. Потому что смотрел на его соседку. Она устремила глаза на доску, как бы обдумывая решительный удар. Черточка легкой настороженности змеилась на щеке возле рта. О, если б я был королем из слоновой кости! Благородство и доброта сияли на челе ее! А черные волосы — как оттеняли они ослепительное сияние ее лица и груди!

Вейслинген. Да ты стал настоящим стихотворцем!

Франц. Значит, в это мгновение я ощущаю то, что превращает нас в поэтов, сердце мое полно — полно единым чувством! Когда епископ окончил речь и я поклонился, она взглянула на меня и промолвила: «И от меня привет незнакомки. Скажи ему, чтоб приезжал поскорее. Его ждут новые друзья. Он не должен пренебрегать ими, хоть и богат старыми друзьями». Я хотел что-то ответить, но путь от сердца к языку был прегражден, и я лишь поклонился. Я отдал бы все на свете за то, чтобы посметь поцеловать кончики ее тонких пальцев! Пока я медлил, епископ уронил пешку, я нагнулся за нею и, подымаясь, коснулся края ее платья, огонь пробежал у меня по жилам, и я не знаю, как нашел дверь.

Вейслинген. Муж ее при дворе?

Франц. Уже четыре месяца, как она овдовела. Она приехала в Бамберг, чтобы рассеяться. Вы увидите ее. Когда она взглянет, кажется, будто стоишь на весеннем солнце.

Вейслинген. На меня бы это не подействовало так сильно.

Франц. Я слышал — вы почти что женаты.

Вейслинген. Надеюсь, так оно и будет. Моя нежная Мария составит счастье моей жизни. Ее сладостная душа отражается в ее синих глазах. Светлая, как ангел небесный, сотканная из любви и невинности, она ведет мое сердце к покою и блаженству. Укладывайся и — в мой замок! Я не хочу видеть Бамберга, хотя бы святой Фейт самолично требовал меня. *(Уходит.)*

Франц. Сохрани нас боже от этого! Будем надеяться на лучшее. Мария нежна и прекрасна. Больному пленнику

нельзя ставить в вину то, что он в нее влюбился. В ее глазах — утешение, пленительная томность. Но за тобой, Адельгейда, жизнь, огонь, отвага! Будь я... — нет, я уже дурак! — меня свел с ума один ее взгляд. Господин мой должен ехать туда! Я должен ехать туда! Там, глядя на нее, я или снова приду в себя, или обезумею совсем!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

БАМБЕРГ. ЗАЛА

Епископ, Адельгейда играют в шахматы, Либетраут с цитрой. Придворные дамы и кавалеры вкрут него и у камина.

Л и б е т р а у т
(играет и поет)

Амур со стрелами
Явился меж нами,
Он факел воздел.
Всех мужеской бранью
И буйственной дланью
Пленить захотел.

Так! Так!
Ах! Ах!

Колчаном он блещет,
Крылами трепещет
И взором зардел.

Увидел он груди,
Увы! — без всего.
Все на руки брали
Охотно его.
И сыпал он стрелы,
И жег, не шутя,
Любили, ласкали,
Качали дитя.

Гей-ей-о! Попейо!

Адельгейда. Вы невнимательны. Шах королю!

Епископ. Еще есть выход.

Адельгейда. Теперь вы долго не протянете. Шах королю!

Либетраут. Я не играл бы в эту игру, будь я высокой особой, и даже запретил бы ее при дворе и во всем государстве.

Адельгейда. Действительно, игра эта — пробный камень для ума.

Либетраут. Не потому! Я предпочел бы слушать вой погребального колокола и зловещих птиц или лай сварливой дворовой собаки — совести; лучше внимать им среди глубокого сна, чем слышать от слонов, коней и прочей твари это вечное — шах королю!

Епископ. Кому подобное взбредет на ум?

Либетраут. Тому, например, кто слаб, но имеет крепкую совесть, а чаще всего одно сопутствует другому. Называют шахматы королевской игрой и говорят, что они были изобретены для короля, который осыпал изобретателя милостями. Если это правда, мне кажется, я его вижу. Он был недорослем — по уму или по годам, находился под опекой матери или жены, легкий пух покрывал его подбородок, льняной локон вился у виска, он был гибок, как ивовый хлыст, в шашках любил проходить в дамки, любил он играть и с дамами, не по страсти, — боже сохрани! — а так, для препровождения времени. Его воспитатель, слишком деятельный, чтобы быть ученым, и слишком негибкий, чтобы быть светским человеком, *in usum Delphini* изобрел эту игру, столь однородную с его величеством... и так далее.

Адельгейда. Мат! Вы должны восполнить пробелы наших исторических сочинений, Либетраут.

Они встают.

Либетраут. Восполнить пробелы наших родословных книг было бы выгоднее. С тех пор как заслуги наших предков и их портреты употребляются для одинаковых целей, то есть ими заполняется пустота наших комнат и нашего характера, — здесь есть на чем заработать.

Епископ. Так вы говорите, он не хочет приехать?

Адельгейда. Пожалуйста, выкиньте это из головы.

Епископ. Но в чем тут дело?

Либетраут. Причины... Их можно перебрать, как четки. Он впал в некоторого рода угнетенное состояние, от которого я бы легко мог его вылечить.

Епископ. Сделайте это, поезжайте к нему.

Либетраут. Мои полномочия?

Епископ. Они неограниченны. Я ничего не пожалею, если ты привезешь его.

Либетраут. Могу ли я замешать и вас в это дело, госпожа моя?

Адельгейда. С осторожностью.

Либетраут. Затруднительное поручение!

Адельгейда. Разве вы так мало меня знаете или так молоды, что не понимаете, в каком тоне надо говорить обо мне с Вейслингеном?

Либетраут. Я думаю, что в тоне дудки для приманивания перепелов.

Адельгейда. Вы никогда не станете умнее!

Либетраут. А разве это возможно, госпожа моя?

Епископ. Ступайте, ступайте! Возьмите лучшего коня в моей конюшне, выберите себе рейтаров и доставьте его мне.

Либетраут. Если я не залучу его сюда — можете сказать, что старая баба, которая сводит веснушки и бородавки, знает больше толку в заклинаниях, чем я.

Епископ. Да разве это поможет? Берлихинген совершенно околдовал его. Если он и придет, то сейчас же захочет уехать.

Либетраут. Захотеть-то он захочет, а вот сможет ли? Рукопожатье князя и улыбка красавицы! Тут не увернется никакой Вейслинген. Я спешу. Мое почтение.

Епископ. Счастливого пути.

Адельгейда. Прощайте!

Либетраут уходит.

Епископ. Только бы он был здесь, а там — я полагаюсь на вас.

Адельгейда. Я буду силком?

Епископ. О нет!

Адельгейда. Значит, птицей для приманки?

Епископ. Нет, ею будет Либетраут. Я прошу вас — не отказывайте мне в том, чего никто, кроме вас, не может сделать.

Адельгейда. Посмотрим.

Зельбиц. Каждый одобрит вас за то, что вы объявили открытую войну нюрнбергцам.

Гец. Если б я дольше оставался у них в долгу, я бы извелся. Ведь ясно, как день,— это они предали моего оруженосца бамбергцам. Теперь попомнят меня!

Зельбиц. У них давняя злоба на вас.

Гец. А у меня — на них. Мне на руку, что они начали.

Зельбиц. Имперские города вечно заодно с попами.

Гец. У них есть на то основания.

Зельбиц. Мы зададим им жару.

Гец. Я рассчитывал на вас. Если, даст бог, в наши руки попадется бургомистр нюрнбергский с золотою цепью на шее,— он станет в тупик со всей своей премудростью.

Зельбиц. Я слышал, что Вейслинген снова на вашей стороне. Он присоединится к нам?

Гец. Нет еще. Есть причины на то, чтобы он пока не оказывал нам открытой поддержки, на некоторое время достаточно и того, что он не против нас. Поп без него то же, что ряса без попа.

Зельбиц. Когда мы выезжаем?

Гец. Завтра или послезавтра. Скоро на франкфуртскую ярмарку поедут бамбергские и нюрнбергские купцы. У нас будет хороший улов.

Зельбиц. Дай бог! (*Уходит.*)

БАМБЕРГ. КОМНАТА АДЕЛЬГЕЙДЫ

Адельгейда. Прислужница,

Адельгейда. Он здесь, говоришь ты? Я едва этому верю.

Прислужница. Если бы я его не видела, я бы сама сомневалась.

Адельгейда. Епископ должен озолотить Либетраута, он сделал дело мастерски.

П р и с л у ж н и ц а. Я видела его, когда он въезжал в замок. Он сидел на белом коне. У моста лошадь заартачилась и не хотела двинуться с места. Со всех улиц бежал народ, чтобы взглянуть на него. Они были довольны, что лошадь заупрямилась. Его приветствовали со всех сторон, и он благодарил всех. Так он сидел в седле спокойно и величаво, пока угрозой и лаской не заставил коня въехать в ворота; за ним последовал Либетраут с несколькими рейтарами.

А д е л ь г е й д а. Как он тебе нравится?

П р и с л у ж н и ц а. Как ни один мужчина до сих пор. Он похож на императора здесь (*указывает на портрет Максимилиана*), как сын родной. Нос только немножко поменьше. Такие же ласковые светло-карие глаза, такие же чудные белокурые волосы, а сложен — как куколка. Полупечальная черточка на лице его — не знаю отчего — ужасно мне понравилась!

А д е л ь г е й д а. Любопытно взглянуть на него.

П р и с л у ж н и ц а. Вот был бы муж для вас!

А д е л ь г е й д а. Дурочка!

П р и с л у ж н и ц а. Дети и дураки...

Входит Либетраут.

Либетраут. Ну, госпожа моя, чего я заслуживаю?

А д е л ь г е й д а. Рогов от жены твоей! Ведь если судить по этому случаю, вы должны были своей болтовней совратить с пути истинного не одну жену ближнего своего.

Либетраут. Да нет же, госпожа моя! Возвратить на путь истинный, хотите вы сказать. Ведь если что и случилось, — то на ее же брачном ложе.

А д е л ь г е й д а. Что вы сделали, чтобы привести его?

Либетраут. Вы слишком хорошо знаете сами, как ловят куликов, — разве надо вас учить еще и моим штукам? Сначала я прикинулся, что ничего не знаю и ничего не понимаю в его поведении. Тут-то и пришлось ему, к невыгоде своей, рассказать мне всю историю. На нее я тотчас же посмотрел с совсем другой точки, чем он: не мог понять, не мог постичь и т. д. Затем я стал рассказывать разные разности о Бамберге — дело и вздор, пробудил некоторые старые воспоминания, и как только я овладел его воображением, я прочно связал снова целую массу нитей, которые уже были разорваны. Он не знал, что с ним происходит, его вновь по-

влекло в Бамберг, почему — он и сам не знал. Когда же он углубился в себя, пробуя все это распутать, и был слишком занят собою, чтобы быть настороже, я опутал его сетью из трех могучих петель — княжеской милости, женской благосклонности и лести. Так я и притащил его.

А д е л ь г е й д а. Что вы сказали ему обо мне?

Л и б е т р а у т. Чистую правду. У вас неприятности с именьями, и вы надеетесь, что он благодаря своему влиянию на императора легко с ними покончит.

А д е л ь г е й д а. Прекрасно!

Л и б е т р а у т. Епископ приведет его к вам. *(Уходит.)*

А д е л ь г е й д а. Я жду их с такими чувствами, с какими редко жду гостей.

В ШПЕССАРТЕ

Берлихинген. Зельбиц. Георг в одежде рейтара.

Г е ц. Ты не застал его, Георг?

Г е о р г. За день перед этим он уехал в Бамберг с Либетраутом и двумя рейтарами.

Г е ц. Не могу понять, что это значит.

З е л ь б и ц. А я понимаю. Ваше примирение было слишком поспешным для того, чтобы быть прочным. Либетраут — малый продувной, он обошел его.

Г е ц. Ты думаешь, что он способен на вероломство?

З е л ь б и ц. Первый шаг сделан.

Г е ц. Я этого не думаю. Кто знает, зачем ему понадобилось ехать ко двору. Там еще перед ним в долгу. Будем надеяться на лучшее.

З е л ь б и ц. Дай бог, чтобы он заслуживал благих надежд!

Г е ц. Я придумал хитрость. Мы наденем на Георга захваченный у бамбергцев камзол рейтара и дадим ему пропуск, — пусть скачет в Бамберг и узнает, как обстоит дело.

Г е о р г. Я давно этого хочу.

Г е ц. Это — твой первый набег. Будь осторожен, мальчик. Мне будет больно, если с тобою случится несчастье.

Г е о р г. Полно! Пусть их копошатся вокруг меня сколько угодно, это меня не смутит, — они для меня все равно, что крысы или мыши. *(Уходит.)*

Епископ. Вейслинген.

Епископ. Ты не хочешь здесь дольше оставаться?

Вейслинген. Ведь вы не потребуете, чтобы я нарушил свою клятву.

Епископ. Я мог бы потребовать, чтобы ты не давал ее. Что за дух тебя обуял? Разве я не мог тебя освободить и без этого? Разве я так мало значу при императорском дворе?

Вейслинген. Так случилось. Простите мне, если можете.

Епископ. Понять не могу, что тебя побудило к такому шагу! Отступить от меня? Разве нельзя было найти сотни других возможностей, чтобы освободиться? Разве нет у нас его оруженосца? Разве у меня мало денег, чтобы удовлетворить Геца? А мы тем временем продолжали бы действовать против него и его помощников. — Ах, я и забыл, что говорю с его другом, который теперь сам действует против меня и спокойно может взорвать те подкопы, которые некогда вырыл сам!

Вейслинген. Ваше преосвященство!

Епископ. И все-таки, когда я снова вижу твое лицо и слышу твой голос, — это невозможно, невозможно!

Вейслинген. Прощайте, ваше преосвященство!

Епископ. Да будет с тобою мое благословение! Раньше, когда ты уходил, я говорил до свиданья, теперь скажу — дай бог, чтобы мы больше никогда не увиделись.

Вейслинген. Многое может измениться.

Епископ. И так уже изменилось слишком многое. Быть может, я еще увижу тебя с оружием в руках перед моими стенами, опустошающим те поля, которые теперь обязаны тебе своим цветущим состоянием.

Вейслинген. Нет, господин мой!

Епископ. Ты не можешь сказать — нет! Светские владыки — мои соседи — все точат на меня зубы. Покамест ты был у меня... Ступайте, Вейслинген! Мне больше нечего сказать вам. Вы многое превратили в ничто. Ступайте!

Вейслинген. Я не знаю, что мне сказать.

Епископ уходит.

Входит Франц.

Франц. Адельгейда ждет вас. Она нездорова. И все-таки она не хочет отпустить вас, не простившись.

Вейслинген. Идем.

Франц. Мы в самом деле едем?

Вейслинген. Сегодня же вечером.

Франц. Я чувствую себя так, будто расстаюсь с белым светом.

Вейслинген. Я тоже, и притом еще не знаю, куда после этого попаду.

КОМНАТА АДЕЛЬГЕЙДЫ

Адельгейда. Прислужница.

Прислужница. Вы бледны, госпожа моя.

Адельгейда. Я не люблю его и все-таки хотела бы, чтобы он остался. Видишь ли, я могла бы жить с ним, хотя сейчас и не хочу за него замуж.

Прислужница. Вы думаете, он уедет?

Адельгейда. Он пошел проститься с епископом.

Прислужница. После этого он очутится в тяжелом положении.

Адельгейда. Что это значит?

Прислужница. Что вы спрашиваете, госпожа моя? Вы подцепили на крючок его сердце,— если он захочет сорваться с него, он сам истечет кровью.

Адельгейда. Вейслинген.

Вейслинген. Вы нездоровы, сударыня?

Адельгейда. Что вам до того? Вы покидаете нас, покидаете навсегда. Зачем же спрашивать, живы ли мы или умираем?

Вейслинген. Вы ошибаетесь во мне.

Адельгейда. Я принимаю вас за то, за что вы себя выдаете.

Вейслинген. Наружность обманчива.

Адельгейда. Значит, вы хамелеон?

Вейслинген. Если бы вы могли заглянуть в мое сердце!

Адельгейда. Прекрасные вещи открылись бы моим глазам!

Вейслинген. Конечно! Вы увидели бы там ваш образ.

Адельгейда. В каком-нибудь углу, рядом с портретами умерших родственников. Прошу вас не забывать, Вейслинген, что вы говорите со мной. Лживые слова ценны только

тогда, когда они служат личиною для наших дел. Замаскированный, которого можно узнать, играет жалкую роль. Вы не отрицаете ваших поступков, но говорите противоположное им. Что же мне думать о вас?

Вейслинген. Что хотите! Я слишком измучен тем, что я есть, и мне все равно, за что меня можно принять.

Адельгейда. Вы пришли проститься?

Вейслинген. Позвольте мне поцеловать вашу руку, и я скажу вам: «Счастливо оставаться». Вы напоминаете мне! Я не сообразил... я в тягость вам!

Адельгейда. Вы ложно истолковали мои слова: я хотела помочь вам уйти. Ведь вы хотите уйти?

Вейслинген. Скажите лучше, что я должен. Если бы меня не увлекали рыцарский долг и честное слово...

Адельгейда. Подите! Подите! Рассказывайте это девочкам, которые читают о рыцаре Тейерданке и мечтают о таком муже. Рыцарский долг! Детская игра!

Вейслинген. Вы этого не думаете.

Адельгейда. По чести, вы притворяетесь! Что вы обещали? И кому? Человеку, который не признает своего долга перед императором и государством, и притом в то мгновение, когда он взял вас в плен и тем самым поставил себя вне закона. Говорить о долге, когда долг этот есть не что иное, как насильственно вынужденное обещание! Разве законы наши не освобождают от таких клятв? Рассказывайте это детям, которые верят в Рюбедала. За этим скрывается другое. Стать врагом государства, врагом покоя и счастья граждан! Враг императора! Помощник разбойника! Ты, Вейслинген, с твоей нежной душою...

Вейслинген. Если б вы его знали...

Адельгейда. Я отдаю ему должное. У него высокая, неукротимая душа. Именно поэтому — горе тебе, Вейслинген! Иди и готовься стать его рабом. Ты приветлив, мягок..

Вейслинген. И он также.

Адельгейда. Но ты уступчив, а он — нет. Он увлечет тебя незаметно, ты станешь рабом дворянина, ты, который мог бы быть владыкою князей. Впрочем, бесчеловечно внушать тебе отвращение к будущему твоему состоянию.

Вейслинген. Если б ты могла почувствовать, с какой любовью он меня встретил!

Адельгейда. С любовью! Ты это ему ставишь в заслугу! Но ведь это был его долг. Да и что бы ты потерял,

если бы он был суров? Мне это было бы даже приятнее. Человек столь высокомерный, как он...

Вейслинген. Вы говорите о враге вашем.

Адельгейда. Я говорила о вашей свободе. И вообще не знаю, зачем вмешалась в это дело. Прощайте!

Вейслинген. Еще одно мгновение. *(Берет ее руку и молчит.)*

Адельгейда. Вы имеете сказать еще что-нибудь?

Вейслинген. Я должен удалиться.

Адельгейда. Так идите.

Вейслинген. Я не могу.

Адельгейда. Вы должны.

Вейслинген. И это ваше последнее слово?

Адельгейда. Ступайте, я больна и очень не кстати.

Вейслинген. Не смотрите на меня так.

Адельгейда. Ты хочешь быть нашим врагом, а мы должны тебе улыбаться? Уходи!

Вейслинген. Адельгейда!

Адельгейда. Я ненавижу вас.

Входит Франц.

Франц. Господин мой! Епископ зовет вас.

Адельгейда. Идите! Идите!

Франц. Он просит вас прийти поскорее.

Адельгейда. Идите! Идите!

Вейслинген. Я не прощаюсь, я еще увижу вас.

Уходят.

Адельгейда. Еще увидит меня? Ну, это мы посмотрим! Маргарита, когда он придет, откажи ему. Я нездорова, у меня голова болит, я сплю. Откажи ему. Если можно еще завоевать его, то только этим путем.

ПРИХОЖАЯ

Вейслинген. Франц.

Вейслинген. Она не хочет меня видеть?

Франц. Надвигается ночь. Седлать ли коней?

Вейслинген. Она не хочет меня видеть?

Франц. Когда вы прикажете подать коней, ваша милость?

Вейслинген. Уж слишком поздно. Мы остаемся здесь.
Франц. Слава тебе, господи! (*Уходит.*)

Вейслинген. Ты остаешься? Будь настороже — искушение слишком велико. Конь мой заартачился, когда я хотел въехать в ворота замка. Мой добрый гений преградил ему путь — он знал опасности, которые меня здесь ждали. Но все-таки было бы несправедливо бросить дела епископа, которые я оставил неоконченными, — их надо привести хотя бы в такой порядок, чтобы преемник мой мог начать там, где я кончил. Все это я могу сделать, не изменяя Берлихингену и нашему союзу. Потому что они не должны меня здесь задерживать. Все-таки было бы лучше, если бы я сюда вовсе не приезжал. Но я уеду — завтра или послезавтра.

В ШПЕССАРТЕ

Гец. Зельбиц. Георг.

Зельбиц. Вы видите, сбылось все, что я предсказывал.
Гец. Нет! Нет! Нет!

Георг. Поверьте — я говорю вам чистую правду. Я выполнил ваше приказание, надел камзол бамбергца, захватил его пропуск и, чтоб заработать на еду, взялся проводить рейнекских крестьян до Бамберга.

Зельбиц. Переряженным? Это могло бы худо обернуться.

Георг. Я и сам так думаю, когда уже это позади. Рейтар, который загадывает вперед, далеко не уедет. Я прибыл в Бамберг и уже в гостинице услышал рассказ о том, что Вейслинген помирился с епископом. Много говорят и о его женитьбе на вдове фон Вальдорфа.

Гец. Сплетни!

Георг. Я видел, как он вел ее к столу. Она хороша, по чести, она очень хороша. Мы все ей поклонились, и она поблагодарила нас, он кивнул головою и, казалось, был очень доволен. Они прошли мимо, и народ шептал: «Прекрасная чета!»

Гец. Это возможно.

Георг. Слушайте дальше. Когда он на другой день пошел к обедне — я улучил мгновение. С ним был лишь одинок. Я стоял внизу у лестницы и тихо сказал ему: «Два слова от вашего Берлихингена». Он был поражен, на лице

его я прочел признание вины, у него едва хватило духу взглянуть на меня,— на жалкого юношу-рейтара.

Зельбиг. Значит, совесть его была еще ниже, чем твое звание.

Георг. «Ты бамбергский?» — спросил он. «Я привез привет от рыдара Берлихингена,— сказал я,— и должен узнать...» — «Приходи завтра поутру в мои покои,— сказал он,— мы продолжим беседу».

Гец. Ты пошел?

Георг. Да, я пошел и долго-долго ждал в прихожей. Толпы шелковых пажей оглядывали меня спереди и сзади. Я думал — смотрите себе. Наконец меня ввели к нему, он казался рассерженным. Мне это было безразлично. Я подошел к нему и изложил то, что мне было поручено. Он представился страшно разгневанным — как человек, который испугался и не хочет, чтобы это заметили. Он удивился, что вы передаете поручения с мальчиком-рейтаром. Это рассердило меня, и я сказал, что есть лишь две породы людей — честные и негодяи, а я служу Гецу фон Берлихингену. Тогда он начал болтать всякий вздор, из которого следовало, что вы напали на него врасплох, что у него нет обязательств по отношению к вам и что он не желает иметь с вами никакого дела.

Гец. Ты это слышал из его уст?

Георг. И это, и многое другое. Он угрожал мне.

Гец. Довольно! Неужели и этот потерян? Верность и вера, вы обманули меня снова! Бедная Мария! Как я скажу ей об этом?

Зельбиг. Я бы лучше согласился потерять другую ногу, чем быть таким подлецом.

БАМБЕРГ

Адельгейда. Вейслинген.

Адельгейда. Время тянется невыносимо, я не в состоянии говорить, и мне стыдно играть с вами. Скука, ты не-сносней лихорадки!

Вейслинген. Я уже надоед вам.

Адельгейда. Не столько вы, сколько ваше обращение. Я бы желала, чтобы вы были там, где хотели быть, и чтобы мы не удержали вас.

Вейслинген. Такова благосклонность женщин! Сначала они с материнской теплотой пригревают заветнейшие ваши надежды, затем, подобно ветреной наседке, покидают гнездо и предают свое нарождающееся потомство смерти и тлению.

Адельгейда. Да, браните женщин! Безрассудный игрок кусает и топчет неповинные карты, которые его сгубили. Дайте-ка я расскажу вам о мужчинах. Вам ли говорить о непостоянстве? Вам, которые редко бывают тем, чем хотят быть, и никогда тем, чем должны? Короли в праздничном убранстве, которым завидует чернь! Много бы дала какая-нибудь швейка, чтобы обвинить вокруг шеи ту нить жемчуга с полы вашей одежды, которую небрежно отбрасывает ваш каблук.

Вейслинген. Вы язвительны.

Адельгейда. Это антистрофа вашей песни. До того, как я вас встретила, Вейслинген, со мною было то же, что с этой швейкой. Стоустая — говоря без метафор — молва так неумеренно восхваляла вас, что я дала себя убедить и пожелала увидеть в лицо эту квинтэссенцию мужского пола, этого Феникса — Вейслингена! Мое желание сбылось.

Вейслинген. И вместо Феникса явился обыкновенный петух.

Адельгейда. Нет, Вейслинген, я приняла в вас участие.

Вейслинген. Так казалось.

Адельгейда. Так и было. Ведь в действительности вы превзошли свою славу. Толпа ценит лишь отблеск истинных заслуг. Я такова, что не умею судить о людях, к которым расположена. И вот мы жили рядом некоторое время, мне чего-то не хватало, но я не могла понять, чего в вас недостает. Наконец глаза мои открылись. Вместо деятеля, который вносит жизнь во все дела государства, не забывая при этом себя и своей славы, вместо человека, который, нагромождая друг на друга сотни великих предприятий, возносится по ним до облаков, я увидела вдруг человека, который ноет, как больной поэт, предается меланхолии, как здоровая девушка, и более склонен к праздности, чем старый холостяк. Сначала я приписывала это вашей неудаче, которая была еще свежа в вашей памяти, и извиняла вас, насколько могла. Но теперь, когда дело с вами день ото дня становится хуже, вы должны меня извинить, если я отниму у вас мое расположение. Вы владеете

им не по праву: я на всю жизнь отдала его другому, и он не может вам его передоверить.

Вейслинген. Так отпустите меня!

Адельгейда. Нет, пока последняя надежда еще не потеряна. Уединение при таких обстоятельствах опасно. Несчастный! Вы так расстроены, будто вам изменила первая возлюбленная! Именно потому я не оставляю вас. Дайте руху и простите мне все, что я наговорила только из любви к вам.

Вейслинген. Если б ты могла полюбить меня! Если б ты могла дать хоть каплю облегчения моей жгучей страсти! **Адельгейда!** Упреки твои совершенно несправедливы! Если б ты могла почувствовать хотя бы сотую долю того, что со мной творится все это время, ты не терзала бы меня так безжалостно своей любезностью, равнодушием и презрением. Ты улыбаешься? Снова стать самим собою после опрометчивого шага — на это нужен не один день. Действовать против человека, память о котором свежа в моем сердце!

Адельгейда. Станный ты человек, если можешь любить того, кому завидуешь! Это все одно, что подвозить провиант врагу.

Вейслинген. Я чувствую сам, что колебания невозможны. Он предупрежден о том, что я снова Вейслинген, и постарается воспользоваться своими преимуществами над нами. Но и мы, **Адельгейда**, не так беспечны, как ты думаешь. Наши рейтары удвоены в числе, и они бдительны, наши переговоры продолжаются, и надо надеяться, что имперский сейм в Аугсбурге приведет в исполнение все наши планы.

Адельгейда. Вы туда отправляетесь?

Вейслинген. Если б мог увезти с собою хоть надежду!
(Целует ее руку.)

Адельгейда. О вы, неверные! Вечно знамения и чудеса. Поезжай, Вейслинген, и заверши дело. Выгоды епископа так тесно сплелись с твоими и моими, что если б даже дело шло только об одной политике...

Вейслинген. И ты можешь шутить?

Адельгейда. Я не шучу. Мои поместья захватил гордый герцог, твои — Гец недолго оставит в покое. И если мы не будем поддерживать друг друга, как это делают враги наши, и не склоним императора на нашу сторону — мы погибли.

Вейслинген. Этого я не боюсь. Большинство князей на нашей стороне. Император требует помощи против турок,

за это, естественно, он должен поддерживать нас. Каким блаженством будет для меня освободить твои поместья от надменного врага, усмирить беспокойные головы в Швабии и дать покой епископству и всем нам! И тогда...

Адельгейда. Дни сменяются днями, а будущее в руках судьбы.

Вейслинген. Но мы должны желать.

Адельгейда. Мы и желаем.

Вейслинген. В самом деле?

Адельгейда. Ну да! Поезжайте же!

Вейслинген. Волшебница!

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР. КРЕСТЬЯНСКАЯ СВАДЬБА

За стеной музыка и танцы.

Гец, Зельбиц, тесть сидят за столом. Входит жених.

Гец. Благоразумнее всего было покончить эти дразги счастливо и весело — свадьбой.

Тесть. Лучшего мне и присниться не могло. С соседом в мире и ладу, и дочка хорошо пристроена.

Жених. А я владею спорным участком и самой красивой девицей на селе в придачу. Эх, если б вы раньше до этого додумались.

Зельбиц. А долго вы судились?

Тесть. Без малого восемь лет. Теперь я скорее согласился бы столько же времени трястись в лихорадке, чем начать все сначала. Вы не поверите, сколько намаешься, пока вытянешь у судейских париков решение. Да и какой в нем прок? Черт бы побрал асессора Сапуни! Вот проклятый черномазый итальянец!

Жених. Да, бедовый парень. Я там два раза был.

Тесть. А я три. И вот, господа мои хорошие, получили мы наконец приговор, по которому я так же прав, как он, а он, как я, и стояли мы, разинув рот, до тех пор, пока господь бог наш не надоумил меня отдать ему дочку, да и участок в придачу.

Гец (пьет). За мир и согласие в будущем!

Тесть. Дай-то бог! Будь как будет, а уж судиться я никогда в жизни не стану. Что за уйму денег это стоило! Прокуратору за каждую справку плати.

Зельбиц. Но ведь там бывают имперские ревизии!

Т е с т ь. Их мы и не нюхивали. А вот светлые талеры у меня повыскакивали из кармана. Чистый грабеж!

Г е ц. Как это?

Т е с т ь. Ах, у всех там руки загребушие! Один ассессор, бог ему прости, обобрал меня на восемнадцать гульденов.

Ж е н и х. Кто?

Т е с т ь. Ну кто же, как не Сапуни.

Г е ц. Это бессовестно!

Т е с т ь. Собственно, я должен был ему выложить двадцать, но когда я их отсчитал у него на даче — роскошная дача! — в большой зале, у меня от тоски чуть сердце не разорвалось. Хозяйство-то хоть и в порядке, а наличным откуда быть? Так я и стоял, и один бог знает, каково мне было. Гроша медного на дорогу не оставалось. Тут я собрался с духом и выложил ему все это. Как он увидел, что я стоял, как в воду опущенный, так бросил мне два гульдена обратно и выгнал меня вон.

Ж е н и х. Быть того не может! Неужто Сапуни?

Т е с т ь. А ты что думал? Конечно! Он самый!

Ж е н и х. Так пусть черт его возьмет — ведь он и у меня забрал пятнадцать золотых гульденов!

Т е с т ь. Проклятый!

З е л ь б и ц. Гец! Нас зовут разбойниками!

Т е с т ь. Оттого-то и приговор вышел такой хитрый. Ах ты, пес!

Г е ц. Вы не должны это оставить безнаказанным.

Т е с т ь. Что же нам делать?

Г е ц. Ступайте в Шпейер: там теперь ревизия, объявите об этом — они должны расследовать дело и помочь вам.

Т е с т ь. Вы думаете — мы этого добьемся?

Г е ц. Если б я мог дать им по уху — я бы обещал вам.

З е л ь б и ц. Деньги такие, что попробовать стоит.

Г е ц. Я делал наезды и за четверть того.

Т е с т ь. Как ты думаешь?

Ж е н и х. Попробуем — будь что будет!

Входит Георг.

Г е о р г. Нюрнбергцы приближаются.

Г е ц. Где они?

Г е о р г. Если мы двинемся потихоньку, то захватим их в лесу между Бергеймом и Мюльбахом.

З е л ь б и ц. Отлично!

Г е ц. В путь, дети! Бог да благословит вас! И да поможет он нам в делах наших!

К р е с т ь я н и н. Премного благодарны! Не останетесь ли вы на ужин?

Г е ц. Нам нельзя. Прощайте!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

АУГСБУРГ. САД

Два нюрнбергских купца.

Первый купец. Станем здесь. Император должен пройти мимо. Вот он идет по большой аллее.

Второй купец. Кто с ним?

Первый. Адельберт фон Вейслинген.

Второй. Друг Бамберга! Это хорошо!

Первый. Мы бросимся на колени, и я буду держать речь.

Второй. Ладно, вот они идут.

Император. Вейслинген.

Первый купец. У него расстроенный вид.

Император. Мне тяжело, Вейслинген, а когда я оглянусь на мое прошлое — я готов прийти в отчаяние: сколько незавершенных, сколько неудачных предприятий! И все это оттого, что в империи для самого малого из князей его прихоти важнее моих замыслов.

Купцы бросаются к его ногам.

Купец. Всесветлейший! Всемогуший!

Император. Кто вы? Что случилось?

Купец. Бедные купцы из Нюрнберга, слуги вашего величества, и молим о помощи. Гец фон Берлихинген и Ганс фон Зельбид напали на тридцать людей наших, которые через бамбергские владения возвращались с франкфуртской ярмарки, и ограбили их. Мы просим ваше императорское величество о помощи и поддержке, иначе все мы пропали и пойдем по миру!

Император. Господи! Господи! Что же это такое? У одного лишь одна рука, у другого — лишь одна нога, ну, а если б у них было по две руки и по две ноги, что бы вы тогда делали?

Купец. Мы всеподданнейше просим ваше величество обратить милостивое око на стесненные наши обстоятельства.

Император. Вот так всегда! Когда у купца пропадает мешок перду, надо поднять на ноги всю империю, а если предстоит дело, важное для императора и империи, касающееся королевств, княжеств, герцогств или прочих владений, тогда вас никто не соберет.

Вейслинген. Вы пришли не вовремя. Ступайте и подождите несколько дней.

Купцы. Поручаем себя вашей милости. *(Уходят.)*

Император. Новые распри! Они вырастают, как головы гидры.

Вейслинген. И их не искоренить ничем, кроме огня, меча и решительных мер.

Император. Вы думаете?

Вейслинген. Мне кажется, что это было бы благоразумнее всего, если б, конечно, ваше величество предварительно поладили с князьями в незначительных спорах. Ведь почти вся Германия молит об успокоении. Лишь во Франконии и Швабии тлеют еще искры гибельного междоусобия. Но и там есть много благородных и свободных рыцарей, которые жаждут покоя. Как только мы избавимся от Зикингена, Зельбица, Берлихингена, остальное быстро распадется само собой. Ибо их дух оживляет мятежные толпы.

Император. Я бы очень хотел пощадить этих людей — они смелы и благородны. Когда я буду воевать, они будут со мною на поле сражения.

Вейслинген. Было бы желательно, чтобы они сначала научились исполнять долг свой! И, кроме того, было бы очень опасно награждать их почетными должностями за мятежные дела. Ведь до сих пор они чудовищно злоупотребляли именно этой императорской кротостью и милостью; а их приверженцы, которые на это же возлагают все свои упования и надежды, не будут укрощены до тех пор, пока мы не сотрем с лица земли их главарей и не уничтожим до конца всякую надежду их на будущее.

Император. Итак, вы советуете прибегнуть к строгости?

Вейслинген. Я не вижу других средств изгнать тот дух безумия, который охватил целые области. Разве кое-где мы уже не слышим горьких жалоб дворянства на то, что их подданные, их крепостные возмущаются против них, спорят,

грозят ограничить их верховные права, данные правом рождения, так-что надо ожидать опаснейших последствий.

Император. Сейчас представится прекрасный случай привести к повиновению Берлихингена и Зельбига, но я не хочу, чтоб им причинили зло. Я бы хотел только взять их в плен, и чтобы они поклялись отказаться от наездов, жить спокойно в своих замках и не выходить из пределов своих полномочий. Я предложу это на собрании ближайшей сессии.

Вейслинген. И радостные, единодушные клики одобрения будут ответом на речи вашего величества, прежде чем она будет окончена.

Уходят.

ЯКСТГАУЗЕН

Зикинген. Берлихинген.

Зикинген. Да, я пришел просить руки и сердца благородной сестры вашей.

Гец. О, если бы вы пришли раньше! Должен вам сказать, что Вейслинген во время плена снискал ее любовь,—посватался, и я дал ему согласие. Я выпустил его из рук — эту птицу, и он пренебрегает теперь той благостной рукою, которая кормила его в беде. Он порхает и ищет себе корма бог весть в каком птичнике.

Зикинген. И это правда?

Гец. До последнего слова.

Зикинген. Он порвал двойную цепь. Ваше счастье, что вы не породнились с предателем.

Гец. Она сидит, бедная девушка, и собирается проплакать и промолиться всю жизнь.

Зикинген. С нами она скоро запоет опять.

Гец. Как? Вы решаетесь жениться на покинутой?

Зикинген. Вам обоим только делает честь то, что вы были им обмануты. Разве бедная девушка должна идти в монастырь из-за того, что первый мужчина, которого она узнала, оказался негодяем? Так нет же! Я стою на своем — она должна стать царицей моих замков.

Гец. Но ведь я говорю вам, что она была к нему неравнодушна.

Зикинген. Так ты не надеешься на то, что я смогу прогнать тень этого несчастного? Идем к ней!

Уходят.

ЛАГЕРЬ ИМПЕРСКОГО ОТРЯДА—

Капитан. Мы должны действовать осмотрительно и щадить наших людей, насколько возможно. Кроме того, нам строго приказано окружить его со всех сторон и взять в плен живьем. Это будет нелегко — ведь кто посмеет к нему подступить?

Первый офицер. Действительно! Ведь он будет защищаться, как дикий вепрь! И вообще — он за всю жизнь не причинил нам никакого зла, и всякий постарается увильнуть от того, чтоб жертвовать из-за императора и империи собственными руками и ногами.

Второй офицер. Вот будет стыд, если мы его упустим! Ну, уж если я ухвачу его за полу — ему не вывернуться!

Первый офицер. Только зубами не хватайтесь, а то он выломает вам челюсть. Милый юноша! Такие люди не дают себя забрать, как беглого вора.

Второй офицер. Посмотрим!

Капитан. Наше письмо он, верно, уже получил. Не будем медлить и пошлем отряд для наблюдения за ним.

Второй офицер. Позвольте мне вести его.

Капитан. Вы не знаете местности.

Второй офицер. В моем отряде есть человек, который здесь родился и вырос.

Капитан. Пусть будет так.

Уходят.

ЯКСТГАУЗЕН

Зикинген. Все идет на славу! Она была немножко смущена моим предложением и оглядела меня с ног до головы. Бьюсь об заклад — она меня сравнивала со своим молодым. Слава богу, что я могу за себя постоять. Она отвечала мне скупой и сбивчивой. Тем лучше! Перемелется — мука будет! Девушки, обжегшись на несчастной любви, быстро сдаются на брачные предложения.

Входит Гец.

Что нового, зятек?

Г е ц. Объявлен вне закона!

З и к и н г е н. Что?

Г е ц. Вот, прочтите это назидательное письмо. Император приказал послать против меня карательный отряд, который искромсает плоть мою на добычу птицам небесным и полевому зверю.

З и к и н г е н. Не тебе это суждено. Я здесь как раз вовремя.

Г е ц. Нет, Зикинген, вы должны уехать. Ваши великие замыслы могут погибнуть в зародыше, если вы не вовремя захотите стать врагом государства. И мне вы принесете гораздо больше пользы, если будете казаться нейтральным. Император любит вас. Худшее, что со мной может случиться, это — плен. Тогда вы замолвите за меня слово и вызволите из беды, в которую несвоевременная помощь могла бы ввергнуть нас обоих. Ведь что бы получилось? Сейчас идет поход против меня. Если они узнают, что и ты здесь, они пошлют большой отряд, и нам от этого лучше не будет. Источник всего — император, и я бы уже погиб невосвратно, если б внушить мужество было так же легко, как собрать отряд.

З и к и н г е н. Все-таки я могу тайно прислать вам человек двадцать рейтаров.

Г е ц. Хорошо. Я уже отправил Георга к Зельбицу и разослал слуг по соседям. Милый зять мой, когда люди мои соберутся, это будет такой отрядец, какой немногие князья видели.

З и к и н г е н. Вас будет мало против множества врагов.

Г е ц. На стадо овец и одного волка хватит с избытком.

З и к и н г е н. А если у них будет хороший пастух?

Г е ц. Не беспокойся. Это — сплошь наемники. И потом, лучший рыцарь ничего не может сделать, если он не господин своих поступков. Так и со мною случилось однажды, когда я договорился с пфальцграфом пойти против Конрада Шотта. Тут он и прислал мне бумажку из канцелярии, как я должен выступить и как вести себя; тогда я бросил бумажку советникам обратно и заявил, что не умею по ней действовать; ведь я не знаю, что мне встретится — в бумажке этого не написано, так лучше я сам погляжу во все глаза да и разберусь, что мне делать.

З и к и н г е н. Желаю успеха, брат! Я тотчас еду и пришлю тебе то, что успею собрать наспех.

Г е ц. Зайди-ка еще к женщинам, я оставил их вместе. Я хотел бы, чтоб ты получил ее согласие до отъезда. Потом пришли мне рейтаров и тайно приезжай за Марией,— боюсь, что замок мой скоро перестанет быть надежным приютом для женщин.

З и к и н г е н. Будем надеяться на лучшее.

БАМБЕРГ. КОМНАТА АДЕЛЬГЕЙДЫ

А д е л ь г е й д а. Ф р а н ц.

А д е л ь г е й д а. Итак, оба отряда уже выступили?

Ф р а н ц. Да, и господин мой имеет счастье сражаться против врагов ваших. Я хотел отправиться с ним, как ни охотно я ехал к вам. Теперь я снова еду к нему, чтобы поскорей вернуться с радостной вестью. Мой господин разрешил мне это.

А д е л ь г е й д а. Как он поживает?

Ф р а н ц. Он бодр. Он приказал мне облобызать вашу руку.

А д е л ь г е й д а. На!.. Губы твои жарки.

Ф р а н ц. *(про себя, указывая на грудь)*. Здесь еще жарче! *(Вслух.)* Госпожа моя, слуги ваши — счастливейшие люди под солнцем.

А д е л ь г е й д а. Кто ведет отряд против Берлихингена?

Ф р а н ц. Фон Сирау. Прощайте, прекрасная госпожа моя! Я еду снова. Не забывайте меня.

А д е л ь г е й д а. Ты должен что-нибудь поесть, выпить и отдохнуть.

Ф р а н ц. Зачем? Ведь я вас видел! Я не устал и не голоден.

А д е л ь г е й д а. Я знаю твою преданность.

Ф р а н ц. Ах, госпожа моя!

А д е л ь г е й д а. Ты не выдержишь, успокойся, скушай что-нибудь.

Ф р а н ц. Бедного юношу питает ваша заботливость! *(Уходит.)*

А д е л ь г е й д а. У него слезы на глазах. Я люблю его всем сердцем. Так искренне и горячо еще никто не был мне предан. *(Уходит.)*

Георг. Он сам хочет поговорить с вами. Я его не знаю. Он — статный мужчина с черными, огненными глазами.

Гед. Приведи его.

Входит Лерзе.

Здравствуйте! Какие вести вы несете?

Лерзе. Я принес лишь самого себя, это немного, но всего себя целиком я предлагаю вам.

Гед. Добро пожаловать, вдвойне добро пожаловать, храбрый муж, да еще в такое время, когда я не надеялся получить новых друзей, а скорей боялся потерять старых. Как ваше имя?

Лерзе. Франц Лерзе.

Гед. Благодарю вас, Франц, что вы познакомили меня с храбрым человеком.

Лерзе. Я уже однажды познакомил вас с собою, но только тогда вы не благодарили меня.

Гед. Я вас не помню.

Лерзе. Это меня огорчает. Но ведь вы помните еще, как по воле пфальцграфа вы сражались против Конрада Шотта и в ночь на масленицу собирались ехать в Гасфурт?

Гед. Ну конечно, помню.

Лерзе. Вы помните, как по дороге в одной деревне вам повстречалось двадцать пять рейтаров?

Гед. Верно. Мне сначала показалось, что их двенадцать, я разделил свой отряд надвое — нас было шестнадцать — и остался у деревни за сараями в надежде, что они проедут мимо. Тогда я бы ударил им в тыл, как было условлено с другим отрядом.

Лерзе. Но мы заметили вас и поднялись на холм возле деревни. Вы проехали мимо и остановились внизу. Когда мы увидели, что вы не хотите подняться, мы ринулись вниз.

Гед. Тут только я увидел, что попал из огня да в полымя. Двадцать пять против восьми! Это не шутки! Эргард Труксес заколол моего латника. За это я сбросил с коня его самого. Если бы все они дрались так, как он и еще один латник, то мне и моей маленькой дружине пришлось бы плохо.

Лерзе. Латник, о котором вы говорите...

Гед. Он был храбрее всех, кого я видел. Он здорово поприжал меня. А когда я думал, что уже совсем от него отделался, он снова очутился передо мной и яростно на меня

набросился. Он прорубил мне рукав панциря и слегка поранил руку.

Л е р з е. Вы ему простили?

Г е ц. Он понравился мне — лучше нельзя.

Л е р з е. Ну, тогда я надеюсь, что вы будете мною довольны, — образец моей работы я показал на вас самих.

Г е ц. Так это ты? Добро пожаловать, вдвойне добро пожаловать! Можешь ли ты похвалиться, Максимилиан, хоть одним таким слугою?

Л е р з е. Меня удивляет, что вы раньше меня не узнали.

Г е ц. Да как мне могло прийти в голову, что тот, кто яростнее всех стремился меня одолеть, пришел теперь предложить мне свои услуги?

Л е р з е. Вот в том-то и дело, господин мой! Я с юности служил рейтаром и скрестил оружие не с одним рыцарем. Когда мы ударили на вас, я обрадовался. До того я знал лишь ваше имя, тогда я узнал вас лично. Вы знаете, я тогда не устоял. Вы видели, что это было не от страха, — ведь я вернулся. Словом, я узнал вас и с того часа решил вам служить.

Г е ц. На какое время вы хотите у меня остаться?

Л е р з е. На год, но без платы.

Г е ц. Нет, вам должно платить, как всякому другому, и еще сверх того, как человеку, который задал мне работу при Ремлине.

Входит Г е о р г.

Г е о р г. Ганс фон Зельбиц шлет вам привет. Завтра он будет здесь с пятьюдесятью рейтарами.

Г е ц. Отлично!

Г е о р г. Возле Кохера спускается имперский отряд, наверное, для наблюдения за вами.

Г е ц. Сколько их?

Г е о р г. Человек пятьдесят.

Г е ц. Только-то! Идем, Лерзе, — мы их изрубим! Пусть к приезду Зельбица часть работы уже будет выполнена.

Л е р з е. Это будет наш ранний урожай.

Г е ц. На коней.

Уходят.

ЛЕС ВОЗЛЕ БОЛОТА

Два имперских латника встречаются.

Первый. Ты что здесь делаешь?

Второй. Я уволился по нужде. От вчерашнего перепол-

лоха у меня так живот схватило, что каждый миг должен с лошади слезать.

Первый. Разве отряд здесь поблизости?

Второй. В лесу — на добрый час пути отсюда.

Первый. Как же тебя сюда занесло?

Второй. Ты уж, пожалуйста, меня не выдавай. Я хочу пробраться в ближайшую деревню, чтоб посмотреть, не помогут ли моей беде горячие припарки. А ты откуда?

Первый. Из ближней деревни. Ездил за хлебом и вином для нашего офицера.

Второй. Так! Он себя ублажает у нас под носом, а мы — постись! Хороший пример!

Первый. Ступай за мной, негодный!

Второй. Нашел дурака! Многие в отряде охотно попустились бы, чтоб очутиться на моем месте.

Первый. Слышишь — лошади?

Второй. Вот беда!

Первый. Я влезу на дерево.

Второй. Я спрячусь в камыше.

Г е ц, Л е р з е, Г е о р г — на конях.

Г е ц. Сюда, мимо пруда, затем налево в лес, так мы зайдем им в тыл.

Они проезжают.

Первый (*слезает с дерева*). Здесь не безопасно. Михель! Не откликается? Михель, они уехали! (*Идет к болоту.*) Михель! Ой-ой! Он утонул! Михель! Он меня не слышит — утонул! Сдох-таки, баба! Мы разбиты! Враги, всюду враги!

Г е ц, Г е о р г — верхом.

Г е ц. Стой, молодец, или ты погиб!

Первый. Пощадите!

Г е ц. Твой меч! Георг, сведи его к остальным пленным, которые там в лесу у Лерзе. Я должен догнать их удравшего предводителя. (*Уезжает.*)

Первый. А что случилось с нашим предводителем?

Г е о р г. Мой господин сшиб его с коня так, что он полетел вверх тормашками и султан увяз в грязи. Латники подняли его — и вскачь как бесноватые!

Уходят.

ЛАГЕРЬ

Капитан. Первый рыцарь.

Первый рыцарь. Они издалека бегут к лагерю.

Капитан. Он гонится за нами по пятам. Двиньте полсотни к мельнице, если он слишком далеко заскочит. Вы, может быть, накроете его.

Рыцарь уходит.

Вводят второго рыцаря.

Как дела, молодой человек? Рога свои пообломали?

Рыцарь. Чума его возьми! Тут и самые крепкие олени рога разлетелись бы, как стекло. Ах ты, черт! Он налетел на меня так, что мне почудилось, будто меня громом в землю вбило.

Капитан. Благодарите бога, что вообще остались целы.

Рыцарь. Есть за что благодарить — два ребра пополам. Где фельдшер? (*Уходит.*)

ЯКСТГАУЗЕН

Гец. Зельбиц.

Гец. Что ты скажешь о том, что я объявлен вне закона, Зельбиц?

Зельбиц. Это проделки Вейслингена.

Гец. Ты думаешь?

Зельбиц. Не думаю, а знаю.

Гец. Почему?

Зельбиц. Я говорю тебе, что он был на имперском сейме в свите императора.

Гец. Ладно, так мы опять расстроим его козни.

Зельбиц. Надеюсь.

Гец. Едем — пусть начнется травля зайцев.

ЛАГЕРЬ

Капитан. Рыцари.

Капитан. Так ничего не выйдет, господа. Он бьет у нас отряд за отрядом, а тот, кто не убит и не взят в плен, бежит себе с богом и скорее очутится в Турции, чем вернется

обратно в лагерь. Так мы с каждым днем слабеем. Мы должны раз навсегда с ним покончить. Это не шутка! Я сам поведу вас — пусть знает, с кем имеет дело.

Рыцарь. Мы все на это согласны, но он так искусен в полевой войне, так хорошо знает все ходы и выходы в горах, что поймать его не легче, чем мышь в овине.

Капитан. Ничего, поймаем. Сначала — к Якстаузену. Он волей-неволей должен будет явиться на защиту своего замка.

Рыцарь. Весь наш отряд пойдет?

Капитан. Конечно. Вы знаете, что мы уже растаяли на сто человек?

Рыцарь. Поэтому поспешим, пока не растаяла вся льдина; кругом жарко, и мы здесь как масло на солнце.

ГОРЫ И ЛЕС

Гец. Зельбиц. Отряд.

Гец. Они идут всей кучей. Рейтары подоспели как раз вовремя.

Зельбиц. Мы разделимся. Я обогну холм слева.

Гец. Хорошо. А ты, Франц, возьми пятьдесят человек и ступай направо, лесом. Они идут лугом — я буду держаться против них. Георг, ты останешься при мне. И когда вы увидите, что они на меня напали, — тотчас ударьте на них с флангов. Мы их отшлепаем. Им и в голову не приходит, что мы можем дать отпор.

Уходят.

ПОЛЯНА. С ОДНОЙ СТОРОНЫ ВОЗВЫШЕННОСТЬ,
С ДРУГОЙ — ЛЕС

Капитан. Карательный отряд.

Капитан. Он стоит на поляне! Это — дерзость. За это он заплатит! Как? Не бояться потока, который мчитя на него?

Рыцарь. Вам не следует ехать во главе отряда, у него такой вид, точно он собирается посадить в землю головой первого, кто его тронет. Поезжайте сзади.

Капитан. Не хочу.

Рыцарь. Прошу вас. Вы один связываете еще этот пучок прутьев; развяжите его, и он их вам переломает поодиночке, как тростинки.

Капитан. Играй, трубач! А его — вывести из игры!

Уходят.

Зельбиц мчится галопом из-за холма.

Зельбиц. За мной! Прикажите рукам вашим удесаться! (*Уезжает.*)

Лерзе (*из лесу*). На помощь Гецу! Он почти окружен! Ты уже расчистил путь, храбрый **Зельбиц**. Мы засеем и луг их головами вместо чертополоха. (*Проезжает.*)

Шум битвы.

ХОЛМ СО СТОРОЖЕВОЙ БАШНЕЙ

Зельбиц раненый. **Латники**.

Зельбиц. Положите меня здесь и возвращайтесь к **Гецу**.

Первый латник. Позвольте нам остаться, рыцарь, мы нужны вам.

Зельбиц. Пусть кто-нибудь взойдет на башню и взглянет, как идут дела.

Первый латник. Как же я взберусь наверх?

Второй латник. Встань мне на плечи, тогда ты дотянешься до трещины и поднимешься до отверстия.

Первый латник (*взбирается наверх*). Ах, господин мой!

Зельбиц. Что ты видишь?

Первый латник. Ваши рейтары бегут к возвышенности.

Зельбиц. Проклятые трусы! Лучше мне пулю в лоб — только бы они держались! Пусть один из вас скачет туда! Разругать, вернуть их!

Латник уходит.

Ты видишь **Геца**?

Латник. Вижу три черных пера в самой гуще боя.

Зельбиц. Плыви, храбрый пловец! А я лежу здесь!

Латник. Белый султан! Кто это?

Зельбиц. Начальник.

Л а т н и к. Гец пробивается к нему,— ах! — он падает!

З е л ь б и ц. Начальник?

Л а т н и к. Да, господин мой!

З е л ь б и ц. Хорошо, хорошо!

Л а т н и к. Горе! Горе! Я больше не вижу Геца!

З е л ь б и ц. Так умри, Зельбиц!

Л а т н и к. Страшная схватка кипит там, где он стоял.

И голубой султан Георга тоже исчез.

З е л ь б и ц. Спускайся. Лерзе ты не видишь?

Л а т н и к. Ничего не вижу. Все смешалось.

З е л ь б и ц. Все кончено. Сойди! Как держатся рейтары
Зикингена?

Л а т н и к. Хорошо. Вот один бежит к лесу! Еще один...
весь отряд! Геца нет!

З е л ь б и ц. Сойди вниз.

Л а т н и к. Не могу.— Радость! Радость! Я вижу Геца!
Я вижу Георга!

З е л ь б и ц. На конях?

Л а т н и к. Высоко, на конях! Победа! Победа! Они
бегут!

З е л ь б и ц. Имперские войска?

Л а т н и к. Знамя среди них! Гец — за ними! Они рас-
сеиваются. Гец настиг знаменосца. Он отобрал знамя, дер-
жит его, вокруг него горстка людей. Мой товарищ пробрался
к нему. Они скачут сюда.

Г е ц. Г е о р г. Л е р з е. О т р я д.

З е л ь б и ц. С удачей, Гец! Победа! Победа!

Г е ц *(слезает с коня)*. Дорого досталась. Дорого! Ты ра-
нен, Зельбиц?

З е л ь б и ц. Ты жив, ты победитель! Я мало сделал. А мои
псы-рейтары! Как ты выбрался?

Г е ц. На этот раз жарко было! Я обязан жизнью Георгу.
Я обязан жизнью Лерзе. Я сбросил начальника с коня. Он
заколол мою лошадь и ринулся на меня, Георг пробился ко
мне и спешил, я, как молния,— на коня, он, как гром,—
снова в седло. Как ты добыл коня?

Г е о р г. Я пронзил моим кинжалом одного из тех, кто
пробивался к вам, когда панцирь его приподнялся. Он рух-
нул, а я разом и вас избавил от врага, и себе до-
был коня.

Г е ц. Тут мы и застряли, пока Франц к нам не пробился.
Тогда мы стали их косить, чтоб выбраться.

Л е р з е. Те псы, которых я вел, должны были косить их с другой стороны, пока наши косы не скрестились бы, но они удрали, как имперцы.

Г е ц. Бежал и друг и враг! Лишь ты, кучка друзей, защищала мой тыл, мне было довольно дела и с теми, кто стоял передо мной. Падение их предводителя помогло мне стряхнуть их — они разбежались. Мне досталось знамя и несколько пленных.

З е л ь б и ц. Начальник ускользнул от вас?

Г е ц. Они спасли его в суматохе. Идем, дети! Идемте, Зельбиц! Сделайте носилки из ветвей — ты не можешь сесть на коня. Идем в мой замок. Они рассеяны. Но нас мало, и я не знаю, есть ли у них еще войска. Я хочу угостить вас, друзья мои. Стакан вина вдвое вкусней после такой схватки.

ЛАГЕРЬ

Ка п и т а н.

Ка п и т а н. Я передушил бы вас всех своими руками! Так бежать! У него и горстки людей уже не было. Бежать от одного человека! Да никто этому не поверит, кроме тех, кому придет охота посмеяться над нами. Скачите во все концы — вы, и вы, и вы. Где найдете наших беглых рейтаров — гоните их обратно или колите на месте. Мы должны сквитаться, если б даже все войско при этом погибло.

ЯКСТГАУЗЕН

Г е ц. Лерзе. Георг.

Г е ц. Нам нельзя медлить ни минуты! Бедные дети, я не могу вам дать передышки. Мчитесь во все концы — не найдется ли где еще рейтаров. Сбор — в Вейлерне. Там всего надежней. Если мы промедлим — они как раз подступят к замку.

Георг, Лерзе уходят.

Надо послать кого-нибудь на разведку. Становится жарко! Если б еще нашлись храбрецы! А то ведь это — стадо!
(Уходит.)

З и к и н г е н. М а р и я.

М а р и я. Прошу вас, милый Зикинген, не покидайте моего брата! Его рейтары, рейтары Зельбица и ваши — все рассеяны, он один. Зельбиц ранен и перенесен в свой замок. Я боюсь всего.

З и к и н г е н. Будьте спокойны, я не уйду ни на шаг.

Г е ц входит.

Г е ц. Идем в церковь — патер ждет. Чтоб через четверть часа вы были обвенчаны!

З и к и н г е н. Позвольте мне остаться!

Г е ц. Сейчас идите в церковь!

З и к и н г е н. Охотно. А потом?

Г е ц. А потом идите своей дорогой.

З и к и н г е н. Гец!

Г е ц. Вы не желаете идти в церковь?

З и к и н г е н. Идем, идем.

ЛАГЕРЬ

К а п и т а н. Р ы ц а р ь.

К а п и т а н. Сколько их всего?

Р ы ц а р ь. Полтораста.

К а п и т а н. Из четырехсот! Плохо дело. Теперь — подъем и прямо на Якстгаузен, пока он снова не собрался с силами и не стал у нас на пути.

ЯКСТГАУЗЕН

Г е ц. Е л и з а в е т а. М а р и я. З и к и н г е н.

Г е ц. Бог да благословит вас, и да ниспошлет он вам счастливые дни, а те, что вам не достанутся, — пусть будут для детей ваших!

Е л и з а в е т а. И пусть дети ваши будут честны, как вы сами, остальное приложится.

З и к и н г е н. Благодарю вас, благодарю вас, Мария. Я вел вас к алтарю, вы поведете меня к блаженству.

М а р и я. Мы вместе совершим паломничество в эту чужую, прославленную страну.

Г е ц. Счастливого пути!

М а р и я. Ты не так меня понял: мы вас не оставим.
Г е ц. Вы должны оставить нас, сестра.
М а р и я. Ты — безжалостен, брат.
Г е ц. А вы более нежны, чем дальновидны.

Входит Г е о р г.

Г е о р г (*тихо*). Никого не могу завербовать. Один-единственный согласился, да потом раздумал и не захотел.

Г е ц. Хорошо, Георг, счастье начинает изменять мне. Впрочем, я это предчувствовал. (*Громко.*) Я прошу вас, Зикинген, уезжайте сегодня же вечером. Убедите Марию. Она ведь жена ваша. Пусть почувствует это. Если женщины начнут нехоти вмешиваться в наши дела, то враг в чистом поле будет безопаснее, чем мы с ними в крепости.

Входит л а т н и к.

Л а т н и к (*тихо*). Господин мой, имперский эскадрон идет сюда на рысях.

Г е ц. Я разбудил их ударом хлыста! Сколько их?

Л а т н и к. Около двухсот. Он не дальше, чем в двух часах пути отсюда.

Г е ц. Они еще за рекой?

Л а т н и к. Да, господин мой.

Г е ц. Если б у меня было хоть пятьдесят человек, они бы не посмели переправиться. Ты Лерзе не видел?

Л а т н и к. Нет, господин мой.

Г е ц. Скажи всем, чтобы они держались наготове. Надо нам расстаться, дорогие мои. Плачь, милая Мария. Еще придут мгновения, когда ты будешь радоваться. Лучше плакать в день свадьбы, чем предаваться безмерной радости, предтече грядущих бед. Прощай, Мария! Прощай, брат!

М а р и я. Я не могу вас покинуть, сестра! Милый брат, позволь нам остаться. Неужели ты так мало ценишь моего мужа, что пренебрегаешь его помощью в такой крайности?

Г е ц. Да, я зашел далеко. Быть может, я стою накануне моей гибели. Вы начинаете жить сегодня, и вы должны отделить судьбу вашу от моей. Я приказал седлать ваших коней. Вы должны ехать сейчас же.

М а р и я. Брат! Брат!

Е л и з а в е т а (*Зикингену*). Уступите ему! Уезжайте!

З и к и н г е н. Едем, милая Мария.

М а р и я. И ты? Сердце мое разорвется.

Г е ц. Так оставайся! Мой замок будет вскоре окружен.
М а р и я. Горе! Горе!

Г е ц. Мы будем защищаться до последней возможности.

М а р и я. Матерь божья, сжался над нами!

Г е ц. И кончим тем, что умрем или сдадимся. Ты будешь оплакивать участь благородного мужа твоего — общую с моей участью.

М а р и я. Ты терзаешь меня!

Г е ц. Оставайся! Оставайся! Ты упадешь в пропасть вместе со мною, Зикинген! А я надеялся, что ты выручишь меня.

М а р и я. Мы едем. Сестра! Сестра!

Г е ц. Когда она будет в безопасности, вспомни обо мне.

З и к и н г е н. Я не взойду к ней на ложе до тех пор, пока не узнаю, что вы вне опасности.

Г е ц. Сестра, милая сестра! *(Целует ее.)*

З и к и н г е н. В путь, в путь!

Г е ц. Еще мгновение. Я вас увижу снова. Утешьтесь! Мы еще увидимся.

Зикинген и Мария уходят.

Я прогнал ее, но вот она ушла, и я бы хотел удержать ее. Лишь ты мне осталась, Елизавета!

Е л и з а в е т а. До гроба. *(Уходит.)*

Г е ц. Кого бог возлюбит, тому он дарует такую жену!

Входит Г е о р г.

Г е о р г. Они близко. Я видел их с башни. Солнце взошло, и я увидел, как блестят их копья. Увидев их, я испугался не больше, чем кот перед мышиным войском. Хотя крысы играем мы.

Г е ц. Проверьте засовы у ворот. Завалите их изнутри камнями и бревнами.

Георг уходит.

Мы испытали их терпение, пусть бьют в стену лбом.

Трубач за сценой.

Ага! Краснокафтаный мерзавец, который предложит нам вопрос, не желаем ли мы стать мерзавцами. *(Идет к окну.)*
Что там?

Вдалеке слышна речь.

Г е ц (*себе в бороду*). Петлю тебе на шею.

Трубач продолжает играть.

«Оскорбитель его величества!» Приказ составил поп.

Трубач смолкает.

(*Отвечает.*) Мне сдаться? На гнев и милость? Ты с кем говоришь? Что я — разбойник? Скажи твоему начальнику, что к его императорскому величеству я, как всегда, чувствую должное уважение. А он, скажи ему, он может меня... (*Захлопывает окно.*)

У ОСАЖДЕННЫХ. КУХНЯ

Е л и з а в е т а. Г е ц.

Г е ц. У тебя много работы, бедная жена.

Е л и з а в е т а. Мне бы хотелось, чтобы ее было больше. Нам трудно будет долго продержаться.

Г е ц. У нас не было времени, чтобы подумать о запасах.

Е л и з а в е т а. А сколько народу надо кормить! И вино у нас на исходе.

Г е ц. Продержаться бы до тех пор, пока они предложат капитуляцию. Мы им даем хороший отпор. Они палят целый день и только ранят нам стены и бьют окна. Лерзе — храбрый малый, он вездесущ со своей пищалью. Чуть кто-нибудь подойдет слишком близко, — паф! — он и лег на месте.

Л а т н и к. Углей, госпожа моя!

Г е ц. На что?

Л а т н и к. Пули все вышли — будем лить новые.

Г е ц. Как с порохом?

Л а т н и к. Да ничего себе. Мы выстрелов зря не тратим.

ЗАЛА

Лерзе с формой для отливки пуль, латник — с угольями.

Лерзе. Клади их сюда да пойди посмотри, где бы нам в доме добыть свинца. А я пока займусь этим. (*Выламывает раму, выбивает стекла.*) Все на пользу. Так мир устроен: ни один человек не знает, что из чего может получиться. Стекольщик, который вставлял рамы, наверное, не думал, что

свинец переплетает здорово повредит голову одному из его правнуков; также и отец мой, произведя меня на свет, верно, не думал о том, какой птице небесной и какому червю земному я достанусь на обед.

Входит Георг с кровельным желобом.

Георг. Вот тебе свинец. Если ты хоть половиной попадешь в цель, то некому будет сказать его величеству: «Государь, мы скверно дрались».

Лерзе (*рубит желоб*). Славный кусок!

Георг. А дождь пусть ищет себе другую дорогу! Я о нем не тревожусь — храбрый рейтар и здоровый ливень везде пробьют себе дорогу.

Лерзе (*за литьем*). Держи ложку. (*Идет к окну.*) Вот шатается какой-то имперский молодчик с пищалью. Они думают, что мы все заряды расстреляли. Пусть попробует горячий пули — прямо со сковородки. (*Заряжает.*)

Георг (*кладет ложку*). Дай мне взглянуть.

Лерзе (*стреляет*). Конеч воробью.

Георг. Этот самый и в меня стрелял (*оба льют*), когда я вылез из слухового окна за желобами. Он попал в голубя, который сидел рядом, голубь упал в желоб. Я поблагодарил за жаркое и влез обратно с двойной добычей.

Лерзе. Ну, теперь зарядим и обойдем весь замок, чтоб заслужить наш обед.

Входит Гец.

Гец. Остаься, Лерзе! Мне надо с тобой поговорить! Я не хочу мешать твоей охоте, Георг.

Георг уходит.

Они хотят мне что-то предложить.

Лерзе. Я к ним схожу и узнаю, что именно.

Гец. Думаю, это будет рыцарское заточение на известных условиях.

Лерзе. Это ни к чему. А вот, если бы они предложили нам свободно уехать, раз вы все равно потеряли надежду, что Зикинген снимет осаду. Мы зарыли бы золото и серебро так, что им его не отыскать никаким колдовством, оставили бы им замок и удалились бы подобру-поздорову.

Гец. Они нас не выпустят.

Лерзе. Попробовать стоит. Потребуем верной охраны, и я выйду к ним.

Уходят.

Г е ц, Елизавета, Георг, латники — за столом.

Г е ц. Так сблизила нас опасность! Кушайте, друзья мои! Не забывайте и о вине. Бутылка пуста. Дай еще одну, милая жена.

Елизавета пожимает плечами.

Больше нет ни одной?

Е л и з а в е т а. Есть одна — я спрятала ее для тебя.

Г е ц. Зачем, дорогая? Дай ее! Им надо подкрепиться, а не мне, ведь это мое дело.

Е л и з а в е т а. Принесите ее — она там, в шкафу!

Г е ц. Это — последняя. И мне кажется, что нам незачем ее беречь. Давно я не был так весел. *(Наливает.)* Да здравствует император!

В с е. Да здравствует!

Г е ц. Это должно быть нашим предпоследним словом, когда мы будем умирать! Я люблю его — ведь у нас одинаковая судьба. Я даже счастливее его. Он должен ловить мышей для имперских чинов, а крысы в то время опустошают его владения. Я знаю, что он порою желал бы лучше умереть, чем быть душою такого хилого тела. *(Наливает.)* Как раз еще обойдет всех! Ну, а когда кровь наша оскудеет в жилах и, как вино из этой фляги, польется тонкою струей и наконец медленными каплями *(выливает по капле остаток в свой стакан)*, что тогда будет нашим последним словом?

Г е о р г. Да здравствует свобода!

Г е ц. Да здравствует свобода!

В с е. Да здравствует свобода!

Г е ц. И если она переживет нас, то мы можем умереть спокойно. Очами духа мы увидим наших счастливых внуков и их счастливых повелителей. Когда слуги князей будут служить им так же верно и вольно, как вы мне служите, когда князья будут служить императору, так же, как я хотел ему служить...

Г е о р г. Для этого многое должно измениться.

Г е ц. Не так много, как кажется. Разве я не встречал отличных людей среди князей и разве род их вымер? Эти добрые люди бывали счастливы сами и делали счастливыми своих подданных, они терпели около себя благородного, свободного соседа, они не боялись его и не завидовали ему,

у них сердце расцветало, когда они видели у себя за трапезой много себе подобных, они не обращали рыцарей в ластовцов, чтобы жить с ними.

Г е о р г. Вы знавали таких князей?

Г е ц. Конечно! Я всю жизнь буду помнить, как ландграф Ганауский устроил охоту, на которой князья и рыцари пировали под открытым небом, а поселяне сбегались, чтобы взглянуть на них. Это не был маскарад, устроенный им из тщеславия. Нет. Круглолицые парни, розовощекие девушки, домовитые мужи, крепкие старики, кругом радостные лица — все свидетельствовало о том, как искренне любовались они на великолепие своего господина, который пировал среди них на вольном воздухе.

Г е о р г. Он был приветлив, как вы, этот князь.

Г е ц. Разве мы не должны желать, чтобы побольше таких князей правило одновременно? Чтоб почтение к императору, мир и дружба между соседями, любовь подданных стали драгоценнейшим семейным сокровищем, которое наследуют внуки и правнуки? Каждый сохранил бы свое и умножил, вместо того чтобы, как сейчас, считать приобретением лишь то, что отнято у другого.

Г е о р г. А мы делали бы тогда наезды?

Г е ц. Дай бог, чтобы в Германии перевелись все беспокойные головы! Дело нам всегда нашлось бы. Мы бы очистили горы от волков, мы привозили бы мирному соседу-землепашцу жаркое из лесу и за это хлебали бы с ним суп. Если бы этого нам было мало — мы вместе с нашими братьями, как херувимы с пламенным мечом, встали бы у границ государства против волков-турок, против лисиц-французов, охраняя отдаленные земли любимого императора и покой всей империи. Вот была бы жизнь, Георг! Рисковать головой за всеобщее благо!

Георг вскакивает.

Куда ты?

Г е о р г. Ах, я и забыл, что мы заперты и запер нас император! И унести отсюда наши головы можно, только рискуя головой.

Г е ц. Не унывай.

Входит Л е р з е.

Л е р з е. Свобода! Свобода! Что за мерзкий народ, что за бестолковые, нерешительные ослы! Вы можете выйти из замка

с оружием, конями и снаряжением. Провиант вы должны оставить здесь.

Г е о р г. Ну, от него у них зубы не заболят!

Л е р з е *(тихо)*. Вы спрятали серебро?

Г е ц. Нет! Жена, иди с Францем, он хочет тебе что-то сказать.

ДВОР ЗАМКА

Г е о р г
(в конюшне поет)

Поймал пичугу паренек,

Гм! Гм!

Смеялся, глядя ей в домик,

Гм! Гм!

Так! Так!

Гм! Гм!

Он радовался дюже,

Гм! Гм!

И хватъ,— да неуклюже,

Гм! Гм!

Так! Так!

Гм! Гм!

Синичка выпорхнула вон,

Гм! Гм!

И в дураках остался он.

Гм! Гм!

Так! Так!

Гм! Гм!

Г е ц. Как дела?

Г е о р г *(выводит его коня)*. Конь оседлан.

Г е ц. Ты торопишься?

Г е о р г. Как птица из клетки.

Входят о с а ж д е н н ы е.

Г е ц. Пищали с вами? Да нет же! Пойдите наверх и возьмите лучшие из оружейной,— не пропадать же им. Мы поедем вперед.

Г е о р г
Гм! Гм!
Да! Да!
Гм! Гм!

Уезжают.

Два латника возле шкафа с оружием.

Первый. Я возьму это.

Второй. А я — это. А вон там есть еще одно — лучше.

Первый. Да брось! Кончай — надо уходить.

Второй. Стой — слышишь?

Первый (*бросается к окну*). Господи помилуй! Они убивают нашего господина! Он сброшен с коня. Георг падает.

Второй. Как нам спастись? Со стены по орешнику и — в поле! (*Убегает.*)

Первый. Франц еще держится, иду к нему. К чему мне жить, если они умрут. (*Уходит.*)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ГОСТИНИЦА В ГЕЙЛЬБРОНЕ

Гец. Мне кажется, что я — тот злой дух, которого капуцин загнал заклятиями в мешок. Я мучаю себя — и безо всякой пользы. Клятвопреступники!

Входит Елизавета.

Какие вести, Елизавета, о моих милых верных товарищах?

Елизавета. Ничего достоверного. Одни убиты, другие брошены в темницу. Никто не мог или не хотел мне сказать определенное.

Гец. Так вот она награда за верность! За сыновнее послушание! За это — благо ти будет и долголетен будешь на земли!

Елизавета. Милый муж мой, не хулите отца нашего небесного! Свою награду они получили — она родилась вместе с ними, это — свободное, благородное сердце. Пусть они в плену — они свободны! Подумай о присланных комиссарах. Толстые золотые цепи идут им.

Гец. Как корове седло. Хотел бы я видеть Георга и Франца в заточении.

Елизавета. От этого зрелища и ангелы бы заплакали.

Гец. Я бы не заплакал. Я заскрежетал бы зубами и сломал бы их от гнева. Зеница моего ока — в цепях! Милые дети мои — зачем вы так любили меня? Я б не мог на них досыта насмотреться. Не держать слова, данного именем императора!

Елизавета. Отгоните эти мысли. Подумайте о том, что вы должны предстать перед советниками. Вы не расположены встретить их приветливо, и я опасюсь за вас.

Гец. Что могут они со мной сделать?

Елизавета. Посланный суда!

Гец. Осел правосудия! Таскает мешки его на мельницу и навоз на поле. Что случилось?

Входит судебный служитель.

Судебный служитель. Господа комиссары собрались в ратуше и посылают за вами.

Гец. Я иду.

Судебный служитель. Я буду сопровождать вас.

Гец. Много чести.

Елизавета. Будьте сдержанней.

Гец. Не беспокойся.

Уходят.

РАТУША

Имперские советники, капитан, ратсгеры
Гейльброна.

Ратсгер. По вашему повелению мы собрали самых сильных и храбрых граждан. Они здесь поблизости и ждут вашего знака, чтобы управиться с Берлихингенем.

Первый советник. Мы сумесм в самом лестном виде представить его императорскому величеству вашу готовность повиноваться его приказаниям. Это — ремесленники?

Ратсгеры. Кузнецы, кладовщики, плотники — все люди с крепкими кулаками и здесь ладно скроенные. (*Указывает на грудь.*)

Советник. Отлично!

Входит судебный служитель.

Судебный служитель. Гец фон Берлихинген ждет у дверей.

Советник. Пусть войдет.

Входит Гец.

Гец. Здравствуйте, господа! Что вам от меня надо?

Советник. Во-первых, чтобы вы поняли, где вы и перед кем находитесь.

Гец. Клянусь честью, я вас ценю по заслугам, господа.

Советник. Вы исполняете долг свой.

Гец. От всего сердца.

Советник. Садитесь.

Гец. Там внизу? Я лучше постою. Стульчик провонял приговоренными, как и вся комната, впрочем.

Советник. Так стойте!

Гец. К делу, если вам угодно.

Советник. Мы будем действовать по закону.

Гец. Очень рад. Давно бы так.

Советник. Вы помните, что вы сдались нам на гнев и милость?

Гец. А что вы мне дадите, если я забуду?

Советник. Если б я мог дать вам немного скромности, я б этим очень помог вам.

Гец. Помог бы! Да разве вы это можете? Ведь это труднее, чем губить.

Писец. Надо ли все это заносить в протокол?

Советник. Только то, что относится к делу!

Гец. А по мне — хоть печатайте!

Советник. Вы были во власти императора, но царственное правосудие уступило место отеческому милосердию, и сие последнее вместо темницы назначило вашим местопребыванием Гейльброн, один из любимейших городов его. Вы поклялись честно держать себя, как подобает рыцарю, и смиренно ждать дальнейшего.

Гец. Верно, и вот я здесь и жду.

Советник. И вот мы здесь объявляем вам милость и прощение его императорского величества. Он прощает вам все ваши преступления и освобождает вас от всякого заслуженного вами наказания, что вы и должны принять со всеподданнейшей благодарностью и поклясться выполнить договор о мире, который вам сейчас будет прочтен.

Г е ц. Я, как всегда,— верный слуга его величества. Еще вопрос, до того как вы продолжите свою речь. Где мои люди? Что с ними будет?

С о в е т н и к. Это вас не касается.

Г е ц. Да отвратит император свое лицо от вас, когда вы будете в беде! Они были моими товарищами, они ими остались. Куда вы их дели?

С о в е т н и к. Мы не обязаны давать вам отчет об этом.

Г е ц. Ага! Не думал я, что вы не связаны тем, что обещали, не говоря уж о том...

С о в е т н и к. Нам поручено предложить вам договор о мире. Покоритесь императору, и вы найдете средства вымолить жизнь и свободу вашим товарищам.

Г е ц. Где бумага?

С о в е т н и к. Писец, читайте!

П и с е ц. Я, Гец Берлихинген, торжественно признаю сим письмом, что так как я недавно поднял знамя бунта против императора и империи...

Г е ц. Это неправда. Я не мятежник. Я ни в чем не повинен перед его императорским величеством, а до империи мне дела нет.

С о в е т н и к. Будьте осторожней и слушайте дальше.

Г е ц. Не хочу слушать дальше! Пусть выступят и докажут! Сделал ли я хоть шаг против императора или против царствующего дома Австрии? Разве я не доказывал всегда всеми своими поступками, что я лучше, чем кто-либо, чувствую, чем обязана Германия своему правителю и особенно чем обязаны своему императору малые — рыцари и свободные люди. Я был бы негодяем, если б меня можно было уговорить подписать эту бумагу.

С о в е т н и к. И все-таки нам дан определенный приказ или уговорить вас добром, или в случае сопротивления бросить вас в темницу!

Г е ц. В темницу? Меня?

С о в е т н и к. Там ждите решения участи своей от правосудия, раз вы не желаете принять его из рук милосердия.

Г е ц. В темницу? Вы злоупотребляете императорской властью. В темницу? Это не его приказ. Как! Сначала устроить мне — предатели! — западню и повесить в нее для приманки вашу честь, ваше слово рыцаря! Затем обещать мне рыцарское заточение и тотчас снова нарушить свое обещание!

Советник. Мы не обязаны держать слово, данное разбойнику.

Гец. Если б ты не носил изображения императора, которое я чту даже в самой скверной копии, ты бы у меня сожрал «разбойника» или он тебе стал бы поперек горла! Я веду борьбу честно! Ты мог бы благодарить бога и стать славным в глазах всего света, если бы совершил в своей жизни хоть одно такое благородное дело, как то, из-за которого я попал в плен.

Советник подает знак ратсгеру, тот дергает звонок.

Я вышел в поле не из-за низменной корысти, не для того, чтобы отнять земли и людей у беззащитных и слабых; я вышел, чтобы освободить моего отрока и защитить свою шкуру! Что вы в этом видите незаконного? Императору и империи нет дела до наших бед. У меня, слава богу, одна рука еще есть, и я хорошо сделал, что пустил ее в ход.

Граждане входят с рогатинами в руках, с оружием у пояса.

Что это значит?

Советник. Вы не хотите слушать? Возьмите его!

Гец. Это ваше мнение? Кто не венгерский бык — тот пусть не подходит близко! От этой правой железной руки он получит такую затрещину, что навеки излечится от головной, зубной и всякой прочей боли.

Они наступают на него, он сбивает одного с ног, срывает у другого меч с пояса.

Они отступают.

Подойдите! Подойдите! Мне было бы очень приятно познакомиться с самым храбрым из вас.

Советник. Сдавайтесь!

Гец. С мечом в руке? А знаете ли вы, что теперь только от меня зависит пробиться сквозь всю эту свору и вырваться на волю! Но я научу вас, как держать слово. Обещайте мне рыцарское заточение, и я отдам мой меч и снова стану вашим пленником.

Советник. Вы с мечом в руках хотите договориться с императором?

Гец. Боже сохрани! Только с вами и с вашей честной компанией. Вы можете идти домой, добрые люди. За потерю времени вам ничего не дадут, а здесь взять нечего — кроме сипяков.

Советник. Схватить его! Разве любовь ваша к императору не дает вам больше мужества?

Гец. Дает столько же, сколько император даст пластыря, чтобы залечить раны, которые причинит им их мужество.

Входит судебный служитель.

Судебный служитель. Дозорный кричит, что к городу приближается отряд более чем в двести человек. Они неожиданно показались из-за виноградников и угрожают нашим стенам.

Ратсгер. Горе нам! Что это значит?

Входит дозорный.

Дозорный. Франц фон Зикинген стоит у городских ворот. Он велел сказать вам: он узнал, что клятва, данная его зятю, недостойно нарушена, чему способствовали гейльбронские власти. Он требует удовлетворения, иначе — по истечении часа — он зажжет город с четырех концов и предаст его разграблению!

Гец. Молодец зять!

Советник. Удалитесь, Гец!

Гец уходит.

Что нам делать?

Ратсгер. Сжальтесь над нами и над нашими согражданами! Зикинген неукротим в своем гневе и способен выполнить угрозу.

Советник. Неужели нам отступить от наших прав и от прав нашего императора?

Капитан. Если бы у нас были люди, чтоб защитить эти права! А так — мы погибнем, и дело от этого только ухудшится. Уступая — мы выиграем.

Ратсгер. Мы попросим Геца замолвить за нас слово. Мне чудится, что я уже вижу город в пламени.

Советник. Введите Геца!

Гец. В чем дело?

Советник. Ты бы хорошо поступил, если бы отговорил своего зятя от его мятежных намерений. Вместо того чтобы спасти, он толкает тебя к гибели, вмешиваясь в твое дело.

Гец (*видит Елизавету в дверях, тихо ей*). Иди, скажи ему, чтобы он тотчас же вторгся в город и пришел сюда, но пусть не причиняет никакого вреда населению. Если эти негодяи будут сопротивляться, пусть применит силу. Я согласен даже погибнуть, если и они все будут переколочены со мной вместе.

Зикинген. Гец.

Вся ратуша занята рейтарами Зикингена.

Гец. Вот уж поистине помощь с неба! Как ты попал сюда, мой желанный и неожиданный зять?

Зикинген. Колдовства в том нет. Я выслал двух-трех гонцов, чтобы узнать, как идут твои дела. При вести об их вероломстве я двинулся в путь. Теперь они в наших руках.

Гец. Я желаю только рыцарского заточения.

Зикинген. Ты слишком честен. Не использовать того преимущества, которое честный имеет перед клятвопреступником! Они сидят в неправде, и не нам подкладывать им подушки. Они постыдно злоупотребили велениями императора. И — насколько я знаю его величество — ты смело можешь требовать большего. Это слишком мало.

Гец. Я всегда довольствовался малым.

Зикинген. И всегда был в накладе. Мое мнение таково: они должны освободить из тюрьмы твоих латников и тебя вместе с ними и отпустить вас на честное слово в твой замок. Ты можешь обещать им не покидать своих владений. И все же тебе там будет лучше, чем здесь.

Гец. Они скажут, что мои земли перешли к императору.

Зикинген. Тогда мы скажем, что ты берешь их по найму до тех пор, пока император не даст их тебе снова в лен. Пусть вертятся, как угри в верше, — от нас им не ускользнуть. Они станут говорить об его императорском величестве и о своих полномочиях. Нам это безразлично. Я тоже знаю императора и кое-что для него значу. Он всегда хотел иметь тебя в своем войске. Ты не засидишься — он скоро призовет тебя.

Гец. Дай бог, чтобы поскорее, пока я не разучился биться.

Зикинген. Отваге нельзя разучиться, как нельзя и научиться. Не тревожься ни о чем! Когда дела твои устроятся, я поеду ко двору, потому что замысел мой созрел. Благоприятные предзнаменования велят мне: начини! Мне остается только выяснить, каковы настроения императора. Трир и Пфальц ожидают скорее падения небес, чем того, что я свалюсь им на голову. Я примчусь, как гроза! И если нам удастся устроить нашу судьбу, — то ты скоро будешь зятем курфюрста. Я надеялся на твой кулак, замышляя это.

Гец (*смотрит на свою руку*). О! Так вот что значил сон, который я видел накануне того дня, в который обещал Марию Вейслингену. Он мне клялся в верности и сжал мою правую руку так крепко, что она вышла из поручней и как бы обломилась. Ах, ныне я беззащитней, чем был в тот миг, когда ее отстрелили. Вейслинген! Вейслинген!

Зикинген. Забудь предателя. Мы разрушим его козни и подорвем его влияние, а совесть и стыд пусть сведут его в могилу. Я вижу, вижу духовными очами, что мои враги и твои враги будут ниспровергнуты. Гец, еще только полгода!

Гец. Полет души твоей высок. Не знаю почему, но с недавних пор моя душа уже не ждет радостей. Я не раз бывал и в горшей беде, был я и в плену, но так, как сейчас, я себя никогда не чувствовал.

Зикинген. Счастье дает отвагу! Идем к парикам! Довольно им толковать, теперь мы потрудимся.

ЗАМОК АДЕЛЬГЕЙДЫ

Адельгейда. Вейслинген.

Адельгейда. Это ужасно!

Вейслинген. Я скрежетал зубами. Такой чудесный замысел, такое удачное выполнение — и в конце концов он отпущен в свой замок! Проклятый Зикинген!

Адельгейда. Они не должны были этого делать.

Вейслинген. Им не было выбора. Что они могли поделать? Зикинген грозил огнем и мечом, надменный, бешеный человек! Ненавижу его! Его влияние растет, как поток, который если поглотил один-два ручья, то остальные впадают сами собой.

Адельгейда. Разве не было у них императора?

Вейслинген. Милая жена, он — лишь тень императора, он становится стар и слаб. Когда он узнал о том, что случилось и я стал горячиться так же, как и все остальные военачальники, он сказал: «Оставьте их в покое! Ведь могу же я дать местечко старому Гецу, и если он там будет сидеть тихо, на что вам тогда жаловаться?» Мы заговорили о благе государства. «О,— сказал он,— если бы у меня нашлись советники, которые направили бы мой беспокойный дух на счастье отдельных лиц!»

Адельгейда. Он утрачивает дух правителя.

Вейслинген. Мы ополчились на Зикингена. «Он — мой верный слуга, — сказал он. — Если он это сделал и не по моему повелению, то волю мою он все-таки выполнил лучше, чем те, кого я облек властью, не все ли равно, когда я его одобрил — тогда или теперь».

Адельгейда. Можно лопнуть от злобы.

Вейслинген. Поэтому-то я еще и не отказался от всякой надежды. Он отпущен в свой замок на рыцарское слово, чтобы жить там спокойно. Это для него невозможно. Вскоре у нас снова окажется предлог для того, чтобы действовать против него.

Адельгейда. Тем более что есть надежда на близкую кончину императора, а Карл, его прекрасный наследник, обещает проявить более царственный образ мыслей.

Вейслинген. Карл? Он еще не выбран и не коронован.

Адельгейда. Кто не желает этого, кто не надеется на это?

Вейслинген. Ты очень высокого мнения о его достоинствах, можно почти подумать, будто ты глядишь на них другими глазами.

Адельгейда. Ты оскорбляешь меня, Вейслинген. Неужели ты меня считаешь способной на это?

Вейслинген. Я не хотел тебя обидеть. Но я не могу молчать об этом. Необычайное внимание Карла к тебе тревожит меня.

Адельгейда. А мое обращение с ним?

Вейслинген. Ты — женщина. Вам мил всякий, кто за вами волочится.

Адельгейда. А вам?

Вейслинген. Она грызет мне сердце, эта страшная мысль! Адельгейда!

Адельгейда. Как я вылечу твоё безумие?

Вейслинген. Если б ты пожелала! Ты могла бы удалиться от двора.

Адельгейда. Укажи средства и способ. Разве ты не при дворе? Почему я должна оставить тебя и моих друзей, чтобы в моем замке беседовать с совами? Нет, Вейслинген, из этого ничего не выйдет. Успокойся, ты знаешь, как я люблю тебя.

Вейслинген. Священный якорь среди этой бури, пока не порвется канат. (*Уходит.*)

А д е л ь г е й д а. Ах, вот ты как! Этого еще не хватало! Я ношу в груди моей слишком великие замыслы, чтобы ты мог им стать поперек дороги! Карл! Великий, необычайный муж и вместе с тем император! И неужели он должен быть тем единственным из мужчин, которого не прельстит моя благосклонность? Нет, Вейслинген, не пробуй помешать мне, иначе ты сойдешь в могилу, и я перешагну через нее.

Входит Франц с письмом.

Франц. Вот, госпожа моя.

А д е л ь г е й д а. Карл сам дал его тебе?

Франц. Да.

А д е л ь г е й д а. Что с тобой? У тебя такой скорбный вид.

Франц. Вы хотите, чтобы я умер от тоски. Вы заставляете меня в годы надежды приходить в отчаяние.

А д е л ь г е й д а *(про себя)*. Мне так жаль его — и мне бы так мало стоило сделать его счастливым! *(Вслух.)* Утешся, мальчик! Я знаю твою любовь и верность и сумею отблагодарить тебя.

Франц *(взволнованно)*. Если б вы мне не верили — я бы умер. Боже мой! Во мне нет ни одной капли крови, которая не была бы вашей, ни одной мысли кроме той, что я люблю вас и сделаю все, что вам угодно!

А д е л ь г е й д а. Милый мальчик!

Франц. Вы льстите мне. *(Разражается рыданиями.)* Если преданность эта не заслуживает ничего, кроме предпочтения, оказываемого другим, и сознания, что все помыслы ваши стремятся к Карлу...

А д е л ь г е й д а. Ты сам не знаешь, чего хочешь, и еще того менее — что говоришь.

Франц *(от гнева и негодования топает ногой)*. Довольно с меня! Не желаю больше быть посредником!

А д е л ь г е й д а. Франц, ты забываешься!

Франц. Жертвовать мной! Моим милым господином!

А д е л ь г е й д а. Уйди с глаз моих!

Франц. Госпожа моя!

А д е л ь г е й д а. Иди, открой мою тайну твоему милому господину! Я была душой, что приняла тебя не за то, что ты есть.

Франц. Возлюбленная госпожа моя, ведь вы знаете, что я люблю вас.

Адельгейда. И ты был мне другом, столь близким моему сердцу! Иди, предай меня!

Франц. Раньше я вырву сердце из груди моей! Госпожа моя, простите мне! Сердце мое так полно, что я вне себя.

Адельгейда. Милый, пылкий мальчик! *(Берет его за руку, притягивает к себе, и их губы встречаются; он, рыдая, бросается ей на шею.)*

Адельгейда. Пусти меня!

Франц *(задыхаясь от слез на ее груди)*. Боже! Боже!

Адельгейда. Пусти меня — у стен есть уши. Пусти! *(Высвобождается.)* Будь непоколебим в своей любви и верности, и высочайшая награда ждет тебя. *(Уходит.)*

Франц. Высочайшая награда! Лишь дай мне дожить до этого дня! Я б убил отца моего, если бы он стал оспаривать у меня это место!

ЯКСТГАУЗЕН

Гец — у стола. Елизавета — возле него с работой.
На столе стоят светильник и письменный прибор.

Гец. Ах, праздность мне не по вкусу! С каждым днем все теснее в заточении. Я хотел бы уснуть или хоть вообразить, что в покое есть что-то приятное.

Елизавета. Так закончи свои записки, которые ты пачал. Дай в руки друзей твоих доказательство, при помощи которого они могли бы посрамить врагов твоих, доставь благородному потомству радость узнать тебя.

Гец. Ах! Писание — трудолюбивая праздность, мне противно писать. Пока я пишу о том, что совершил, я досаую на потерю того времени, в которое я мог бы что-нибудь совершить.

Елизавета *(берет рукопись)*. Не надо чудить! Ты как раз остановился на первом плену своем в Гейльбронне.

Гец. Он всегда был для меня роковым местом.

Елизавета *(читает)*. «Даже некоторые союзники, нашедшиеся там, сказали мне, что я поступил неразумно, отдавшись в руки моих злейших врагов, так как я мог предполагать, что они не будут ко мне милостивы. Тут я ответил...» Ну, что же ты ответил? Пиши дальше.

Гец. Я сказал: если я часто подвергал жизнь свою

опасности за чужое достояние, не должен ли я подвергать ее опасности, чтобы сдержать свое слово?

Елизавета. Эту славу ты заслужил.

Гец. Ее они у меня не отнимут. Они все у меня отняли: имяние, свободу.

Елизавета. Это было в те дни, когда я встретила на постоялом дворе людей из Мильтенберга и Зинглингена, которые не знали меня. Вот радость была мне! Точно я сына родила! Они славил тебя в один голос и говорили: «Он образец рыцаря — смел и благороден на воле, тверд и верен в беде».

Гец. Пусть они мне хоть одного покажут, которому я не сдержал слова! И видит бог, что я больше попотел, служа своему ближнему, нежели себе самому, и зарабатывал себе имя храброго и верного рыцаря, а не богатства и почести. И — благодарение богу — я получил то, чего добивался.

Лерзе, Георг с дичиной.

С удачей, удалые охотники!

Георг. Мы в них превратились из удалых рейтаров. Из сапог не трудно сделать опорки.

Лерзе. Охота все-таки нечто: она — род войны.

Георг. Если б только в наших краях не приходилось все время иметь дело с имперскими латниками. Помните, господин мой, вы нам предсказывали, что, когда мир перевернется, мы станем охотниками. Мы ими стали и без того.

Гец. Одно на одно и выходит: мы выбиты из колен.

Георг. Наступают трудные времена! Уж восемь дней, как появилась грозная комета, и вся Германия в страхе, — она предвещает смерть императора, который очень болен.

Гец. Очень болен! Путь наш близится к концу!

Лерзе. А здесь по соседству есть и еще более страшные перемены. Крестьяне подняли ужасное восстание.

Гец. Где?

Лерзе. В сердце Швабии. Они грабят, жгут и режут. Боюсь, что они опустошат всю страну.

Георг. Началась страшная война. Они восстали уже в сотне мест, и волнения с каждым днем разрастаются. Недавно буря вырвала целые леса, а вслед за этим в той местности, где началось восстание, в воздухе появились два скрещенных огненных меча.

Гец. Верно, там невинно страдают мои хорошие друзья!

Георг. Жаль, что нам нельзя больше делать наездов!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА.

В ДЕРЕВНЕ СУМАТОХА И ГРАБЕЖ

Женщины и старики с детьми и пожилками. Бегство.

Старик. Прочь отсюда! Прочь! Лишь бы спастись от этих живодеров!

Женщина. Боже правый! Небо багрово, как кровь! Багрово заходящее солнце, как кровь!

Мать. Это огонь.

Женщина. Муж мой! Муж мой!

Старик. Прочь! Прочь! В лес!

Проходят.

Линк (*входит*). Кто станет сопротивляться — коли на месте! Деревня наша! Не оставлять ничего съестного. Грабьте дочиста, да поживей. Сейчас мы подожжем.

Мецлер сбегает с холма.

Мецлер. Как дела, Линк?

Линк. Взгляни кругом, — ты пришел напоследок. Откуда?

Мецлер. Из Вейнсберга. Там был праздник.

Линк. Как там?

Мецлер. Мы так их всех перекололи — одно удовольствие!

Линк. Кого всех?

Мецлер. Открыл бал Дитрих фон Вейлер. Вот рожа! Мы стояли кругом всей разъяренной ватагой, а он вздумал сверху, с колокольни, сговориться с нами по-хорошему. Паф! Один попал ему в голову. Мы вихрем наверх, и малый полетел вниз.

Линк. А!

Мецлер (*крестьянам*). Эй вы, собаки! Уносите ноги! Чего они валандаются и копаются, ослы!

Линк. Зажигай! Пускай их изжарятся! Прочь! Убирайтесь, простофили!

Мецлер. Затем мы выволокли Гельфенштейна, Эльтерсгофена и еще тринадцать дворян. Всего их было штук восемьдесят. Вывели мы их на равнину близ Гейльбронна. И какое тут началось улюлюканье, ликование, когда мы увидели длинную вереницу тоскливо озиравшихся сиятель-

ных грешников! Мы мигом их окружили и всех перекололи до единого.

Л и н к. И меня там не было!

Мецлер. Я в жизни своей так не веселился.

Л и н к. Убирайтесь! Вон!

Крестьянин. Все пусто.

Л и н к. Так зажигай со всех концов!

Мецлер. Славный огонек будет! Если б ты видел, как эти парни кувыркались и квакали, как лягушки! У меня сердце разгоралось, как от стакана водки. Там был такой Риксингер. Этот парень раньше выезжал на охоту с султаном на шлеме, задравши нос, и гнал нас перед собой вместе с собаками и как собак. Я давненько его не встречал, а тут вдруг вижу его харю! Хвать! Пику ему в ребра! Тут он и свалился всеми четырьмя лапами на своих товарищей. Парни корчились в куче, как зайцы после гона.

Л и н к. Здорово занялось!

Мецлер. И сзади горит. Давай лучше заберем добычу и примкнем к главной ватаге.

Л и н к. А где она, главная-то ватага?

Мецлер. На дороге в Гейльброн. Они хотят подыскать предводителя, которого бы уважал весь народ. Ведь мы все-таки им ровня. Они это чувствуют, и с ними поладить легко.

Л и н к. О ком же вы думали?

Мецлер. О Максе Штумпфе или Геце фон Берлихингене.

Л и н к. Было бы хорошо, если б взялся Гец,— это бы делу дало другой вид. Он всегда слыл за справедливого рыцаря. В путь! В путь! Мы идем в Гейльброн! Сзывай всех!

Мецлер. Огонь еще посветит нам добрую часть пути. Ты видел большую комету?

Л и н к. Да. Это грозное, страшное знаменье! Если мы будем идти всю ночь, мы как раз ее увидим. Она восходит около часа.

Мецлер. И стоит лишь час с четвертью. И на вид — как согнутая рука с мечом — вся кроваво-желто-багровая.

Л и н к. А ты заметил три звезды — на острие и у рукоятки?

Мецлер. И широкий дымчатый хвост с тысячью тысяч полос, подобных копьям, а между ними — словно маленькие мечи.

Л и н к. Меня дрожь пробрала. Все такое бледно-алое, кое-где яркие языки пламени, и среди них свирепые лица с косматыми волосами и бородами.

М е ц л е р. Так ты их тоже видел? И все это дрожит и сливается, точно погружается в кровавое море, и мерцает так, что голова идет кругом.

Л и н к. В путь! В путь!

Уходят.

ПОЛЕ. ВДАЛИ ГОРЯТ ДВЕ ДЕРЕВНИ И МОНАСТЫРЬ

К о л ь. Вильд. Макс Штумпф. Ватага.

Ш т у м п ф. Вы не должны требовать, чтобы я стал вашим предводителем. Это было бы бесполезно и для меня и для вас. Я служу пфальцграфу, как же мне идти против моего господина? Вам всегда будет казаться, что я это делаю не от чистого сердца.

К о л ь. Мы так и знали, что ты найдешь отговорку.

Входят Гец, Лерзе и Георг.

Гец. Что вы хотите от меня?

К о л ь. Вы должны быть нашим предводителем.

Гец. Значит, я должен нарушить мое рыцарское слово, данное императору, и самовольно выйти из заточения?

В и л ь д. Это не оправдание.

Гец. Да если б я и был совершенно свободен, а вы бы захотели поступать с дворянами и помещиками так же, как при Вейнсберге, продолжая хозяйничать в стране, которая вся пылает и истекает кровью, и требовали бы, чтобы я принял участие в ваших постыдных и неистовых деяниях, то скорей бы я дал убить себя, как бешеную собаку, чем стал бы во главе такого войска!

К о л ь. Если б это уже не случилось, оно б, может быть, не случилось никогда.

Ш т у м п ф. В том-то и заключалось все несчастье, что у них не было предводителя, которого бы они почитали и который сдерживал бы их ярость. Гец, прошу тебя, прими над ними начальство. Князья и вся Германия сумеют отблагодарить тебя. Все пойдет к лучшему, восторжествует справедливость. Страна и люди будут спасены.

Гец. Почему ты за это не возьмешься?

Ш т у м п ф. Я уже отказался.

К о л ь. Время у нас не покупное, чтобы долго болтать попусту. Короче. Гец, будь нашим начальником или береги

замок и шкуру! И вот тебе два часа на размышления. Стерегите его!

Г е ц. Это ни к чему! Мое решение неизменно. Зачем вы восстали? Чтобы возвратить себе права и вольности? Чего же вы неистовствуете и опустошаете страну? Если вы откажетесь от всех злодеяний и будете вести себя, как честные люди, которые знают, чего хотят, тогда и я буду поддерживать ваши притязания и на восемь дней стану во главе вас.

В и л ь д. Что случилось, то случилось сгоряча, тебе не придется больше нас удерживать.

К о л ь. Обещай нам быть с нами, по крайней мере, три месяца.

Ш т у м п ф. Пусть будет четыре недели, этим обе стороны должны быть довольны.

Г е ц. Быть по сему!

К о л ь. Вашу руку!

Г е ц. И клянись мне разослать по всем отрядам письменное условие, заключенное со мною. Пусть выполняют сго строго-настрого — под страхом кары.

В и л ь д. Ну конечно. Будет сделано.

Г е ц. Итак, я заключаю с вами союз на четыре недели.

Ш т у м п ф. В добрый час! Но что бы ты ни предпринял — щади благородного господина нашего — пфальцграфа.

К о л ь (*тихо*). Стерегите его! Чтоб никто с ним не говорил без вас.

Г е ц. Лерзе! Ступай к жене моей и не оставляй ее. Я скоро пришлю ей вести о себе.

Гец, Штумпф, Георг, Лерзе и некоторые крестьяне уходят.
Входят Мецлер и Линк.

М е ц л е р. О каких это условиях мы слышали? На что нам эти условия?

Л и н к. Стыдно заключать такие условия.

К о л ь. Мы так же хорошо знаем, чего хотим, как и вы, и будем делать, что нам вздумается.

В и л ь д. Неистовства, поджоги и убийства должны же были рано или поздно прекратиться, теперь мы зато получили славного начальника!

М е ц л е р. Как прекратиться! Ах ты предатель! Мы здесь зачем? Чтобы отомстить нашим врагам, чтоб добыть свободу! Это вам княжеский блюдолиз присоветовал.

К о л ь. Идем, Вильд. От них толку, что от скотов.

Уходят.

Медлер. Идите себе! К вам ни одна ватага не примкнет. Мерзавцы! Линк, подобьем-ка мы остальных поджечь Мильтенберг, а если выйдет грызня из-за условия, так мы всем этим условщикам головы снесем.

Линк. Ведь главная ватага на нашей стороне.

ГОРА И ДОЛИНА. В ГЛУБИНЕ МЕЛЬНИЦА

Отряд рейтаров. Вейслинген в сопровождении Франца и гонца выходит из дверей мельницы.

Вейслинген. Коня! Ты оповестил других владельцев?

Гонец. В лесу за Мильтенбергом к вам присоединятся по меньшей мере семь эскадронов. Крестьяне обходят, по низу. Гонцы разосланы повсюду. Вскоре соберутся все союзники. Неудачи быть не может, говорят, они перессорились.

Вейслинген. Тем лучше! Франц!

Франц. Да, господин мой!

Вейслинген. Исполни все точно. Это на твоей совести. Отдай ей письмо. Пусть покинет двор и едет в мой замок! Немедленно! Ты дожدهшься ее отъезда и сообщишь мне об этом.

Франц. Ваши приказания будут точно исполнены.

Вейслинген. Скажи ей, что она должна это сделать. (Гонцу.) Теперь веди нас лучшей и кратчайшей дорогой.

Гонец. Мы должны ехать кругом. От проливных дождей все реки вышли из берегов.

ЯКСТГАУЗЕН

Елизавета. Лерзе.

Лерзе. Утешьтесь, госпожа моя!

Елизавета. Ах, Лерзе, слезы стояли у него на глазах, когда он прощался со мной. Это ужасно, ужасно!

Лерзе. Он вернется.

Елизавета. Не в этом дело. Когда он шел в поход за славой и победой, сердце мое не болело. Я радовалась его возвращению, а теперь оно тревожит меня.

Лерзе. Такой благородный муж...

Елизавета. Не зови его так,— это причиняет мне новые страдания! Злодеи! Они грозили убить его и поджечь

замок! Если он вернется — я знаю, что он будет мрачен, так мрачен! Враги его будут строчить лживые доносы, а он не сможет отрицать. Нет!

Л е р з е. Он сможет и будет!

Е л и з а в е т а. Он нарушил слово. Разве нет?

Л е р з е. Нет. Он был вынужден. Где ж основания, чтобы осуждать его?

Е л и з а в е т а. Злоба ищет не оснований, но повода. Он присоединился к мятежникам, злодеям, убийцам, он стал во главе их. Разве нет?

Л е р з е. Перестаньте мучить себя и меня. Разве они сами не обещали ему торжественно, что не будут больше делать того, что было при Вейнсберге? Разве я не слышал, как они, как бы каясь, говорили: «Не случись это раньше, этого, быть может, никогда бы не случилось». Разве князя и владетели не должны ему быть благодарны за то, что он добровольно стал предводителем разнузданной черни, чтобы остановить ее безумие и спасти людей и достояние их?

Е л и з а в е т а. Ты — любящий защитник. Если они захватят его и объявят мятежником, то его седая голова... Л е р з е! Я с ума сойду!

Л е р з е. Отче наш, ниспошли покой телу ее, если не хочешь дать утешения ее душе!

Е л и з а в е т а. Георг обещал приехать с вестями. И он не сможет этого сделать. Это хуже плена. Я знаю, — их сторожат, как врагов. Милый Георг! Он не захотел оставить своего господина!

Л е р з е. Сердце мое истекало кровью, когда он отослал меня. Если б вы не нуждались в моей помощи, то все угрозы позорнейшей смерти не разлучили бы меня с ним.

Е л и з а в е т а. Я не знаю, где Зикинген. Если б я только могла послать гонца к Марии.

Л е р з е. Вы только напишите, а я уж об этом позабочусь. *(Уходит.)*

ВОЗЛЕ ДЕРЕВНИ

Г е ц. Георг.

Г е ц. Скорей на коня, Георг! Я вижу — Мильтенберг горит. Так-то соблюдают они условие! Скачи туда, объяви им мое решение. Убийцы! Я отрекаюсь от них. Пусть берут себе в начальники дыгана, а не меня. Скорей, Георг!

Георг уходит.

Я бы хотел быть за тысячу миль отсюда в глубочайшем подземье Турции. Если б я мог с честью уйти от них! Я каждый день перечу им и говорю горьчайшие истины, чтобы стать им в тягость и получить свободу.

Неизвестный (*входит*). Привет вам, благородный рыцарь!

Гец. Благодарю. Что скажете? Как ваше имя?

Неизвестный. Дело не в нем. Я пришел сказать вам, что ваша голова в опасности. Вожакам надоело слушать ваши жесткие слова, и они решили убрать вас с дороги. Будьте умеренны или ищите спасенья в бегстве, и да сохранит вас господь. (*Уходит.*)

Гец. Так расстаться с жизнью, Гец! Так завершить свое поприще! Пусть будет так! Тогда смерть будет для мира лучшим доказательством того, что я не имел ничего общего с этими псами.

Несколько крестьян.

Первый крестьянин. Господин! Господин! Их разбили, их поймали!

Гец. Кого?

Второй крестьянин. Тех, что сожгли Мильтенберг. Из-за горы вышел союзный отряд и застал их врасплох.

Гец. Поделом! О Георг! Георг! Они захватили его вместе со злодеями! Георг мой! Георг мой!

Входят предводители.

Линк. В путь, рыцарь, в путь! Не время медлить. Враг силен, он близко.

Гец. Кто сжег Мильтенберг?

Мецлер. Если вы будете разводить церемонии, так вас научат, как не церемониться.

Коль. Подумайте о своей и нашей шкуре. В путь! В путь!

Гец (*Мецлеру*). Так ты мне грозишь? Ты, негодяй? Думаешь, я тебя испугаюсь, потому что кровь графа Гельфенштейна запеклась на твоей одежде?

Мецлер. Берлихинген!

Гец. Имя мое можно назвать, и дети мои не будут его стыдиться.

М е д л е р. Трус! Княжий холоп!

Гец наносит ему удар по голове, тот падает, остальные бросаются между ними.

К о л ь. Вы взбесились! Враг прет со всех сторон, а вы ссоритесь.

Л и н к. В путь! В путь!

Шум сраженья.

Вейслинген. Рейтары.

Вейслинген. В погоню! В погоню! Они бегут. Пусть не остановят вас ни ночь, ни дождь! Я слышал — Гец среди них. Приложите все усилия, чтобы схватить его! Говорят — он тяжело ранен.

Рейтары уходят.

Только б ты попался мне! Это еще будет милость, если мы тайно в тюрьме казним тебя. Он угаснет в памяти людской, и ты вздохнешь свободно, безумное сердце. (Уходит.)

НОЧЬ В ГЛУХОМ ЛЕСУ. ЦЫГАНСКОЕ КОЧЕВЬЕ

Цыганка-мать у огня.

М а т ь. Залатай навес над ямой, дочка, сегодня дождь так и льет.

Входит мальчик.

М а л ь ч и к. Хомяк, мама! Вот! Две полевых мыши.

М а т ь. Обдеру их и сжарю тебе, и шапка из шкурки будет. Ты в крови?

М а л ь ч и к. Хомяк куснул.

М а т ь. Тащи сухих дров, чтоб огонь пылал, отец придет насквозь мокрый.

Еще цыганка, за спиной ребенок.

Первая цыганка. Много накланчила?

Вторая цыганка. Нет, немного. Вся округа полна смуты — тут и за жизнь свою не ответишь. Две деревни огнем горят.

Первая цыганка. Так он от пожара — этот ответ? Давно я на него смотрю! К огненным знамениям в небе все теперь привыкли.

Входит предводитель цыган с тремя товарищами.

Предводитель. Охотника дикого слышите?
Первый цыган. Сейчас он мчится над нами.
Предводитель. Как собаки лают! Вау! Вау!
Второй цыган. Бичи щелкают.
Третий цыган. Охотники кличут. Хола! хо!
Мать. Давайте чертову поклажу!
Предводитель. В мутной воде рыбки наловили.
Крестьяне грабят, так нам и бог велел.
Вторая цыганка. Что у тебя, Вольф?
Вольф. Вот заяц, вот петух. Вертел. Кусок полотна.
Три чумички и узда.
Шрикс. У меня шерстяная попона, пара сапог и огни-
во с трутом.
Мать. Все промокло, как пес, дай — высушу.
Предводитель. Чу, конь! Пойдите взгляните, кто
там!

Гец на коне.

Гец. Слава богу, я вижу огонь. Это — цыгане. Мои ра-
ны кровоточат. Враги следом за мной. Боже правый! Страш-
ный конец посылаешь ты мне!

Предводитель. Ты приходишь с миром?

Гец. Я молю вас о помощи. Раны истомили меня. По-
могите мне сойти с коня.

Предводитель. Помочь ему! Благородный рыцарь
по осанке и речи!

Вольф (*тихо*). Это — Гец фон Берлихинген.

Предводитель. Добро пожаловать! Все, что у нас
есть, — ваше.

Гец. Благодарю вас.

Предводитель. Пойдемте в мой шатер.

ШАТЕР ПРЕДВОДИТЕЛЯ

Предводитель и Гец.

Предводитель. Позовите мать, пусть принесет ко-
реньев, чтоб остановить кровь, и мазей.

Гец снимает доспех.

Вот мой праздничный кафтан.

Г е ц. Да наградит вас господь!

М а т ь перевязывает его.

П р е д в о д и т е л ь. Я от всего сердца рад видеть вас у себя.

Г е ц. Вы меня знаете?

П р е д в о д и т е л ь. Кто же вас не знает? Гец, мы отдадим за вас жизнь и кровь нашу.

Входит Ш р и к с.

Ш р и к с. Лесом идут рейтары. Это — союзники.

П р е д в о д и т е л ь. Ваши преследователи! Им вас не видеть! Вперед, Шрикс! Зови других! Мы знаем все лазейки лучше, чем они, мы перебьем их раньше, чем они нас разыщут.

Г е ц (*один*). О император! Император! Разбойники охраняют детей твоих.

Слышна частая стрельба.

Эти дикари — люди верные, хотя на вид и страшны.

Входит цы г а н к а.

Цы г а н к а. Спасайтесь! Враги одолевают!

Г е ц. Где мой конь?

Цы г а н к а. Здесь рядом.

Г е ц (*опоясывается мечом и садится в седло, не надевая лат*). Пусть в последний раз почувствуют тяжесть руки моей. Я еще не совсем ослабел. (*Уезжает.*)

Цы г а н к а. Он мчится к нашим.

Общее бегство.

В о л ь ф. Прочь! Прочь! Все пропало! Наш предводитель убит, Гец — в плену!

Вопли женщин и общее бегство.

СПАЛЬНЯ АДЕЛЬГЕЙДЫ

А д е л ь г е й д а с письмом в руке.

А д е л ь г е й д а. Он или я! Дерзкий! Угрожать мне! Мы предупредим тебя. Кто это крадется по зале?

Стук.

Кто там?

Франц *(тихо)*. Откройте мне, госпожа моя.

Адельгейда. Франц! Он заслуживает того, чтобы я ему открыла. *(Впускает его.)*

Франц *(бросается ей на шею)*. Милая госпожа моя!

Адельгейда. Бесстыдный! Что, если бы тебя кто-нибудь услышал?

Франц. О, все спит! Все!

Адельгейда. Зачем ты здесь?

Франц. Мне нет покоя. Угрозы моего господина, ваша судьба, мое сердце...

Адельгейда. Он был очень гневен при расставании?

Франц. Таким я его еще никогда не видел. «Она должна ехать в мои поместья,— сказал он,— она должна желать этого».

Адельгейда. И мы его послушаем?

Франц. Я ничего не знаю, госпожа моя!

Адельгейда. Глупый, обманутый мальчик, ты не видишь, к чему это клонится. Он знает, что я здесь в безопасности. Он давно уже замышляет лишить меня свободы. Он хочет заманить меня в свои владения. Там в его власти будет поступать со мной так, как внушит ему ненависть.

Франц. Этому не бывать!

Адельгейда. Тебе ли удержать его?

Франц. Этому не бывать!

Адельгейда. Я предвижу все муки мои. Он силой увезет меня из своего замка, он заточит меня в монастырь.

Франц. Смерть и ад!

Адельгейда. Ты спасешь меня?

Франц. Я пойду на все! На все!

Адельгейда *(плача, обнимает его)*. Ах, Франц, если бы мы спаслись!

Франц. Он должен пасть, я растопчу его!

Адельгейда. Бешенства не надо! Ты получишь письмо к нему, полное покорности, о том, что я подчиняюсь. А из этого флакона влей ему в питье.

Франц. Дайте! Вы будете свободны!

Адельгейда. Свободна! Тогда ты не будешь красться ко мне дрожа, и я уже не скажу тебе испуганно: «Пора, Франц, наступает утро».

Елизавета. Лерзе.

Лерзе. Да облегчит господь страдания ваши, госпожа моя. Мария здесь.

Елизавета. Слава богу! Лерзе, мы погрузились в пучину ужаснейших бед. Все случилось так, как я предчувствовала! Схвачен, как бунтовщик, как злодей, брошен в глубочайшее подземелье.

Лерзе. Я знаю все.

Елизавета. Ничего, ничего ты не знаешь. Несчастье слишком велико! Его старость, его раны, изнурительная лихорадка и всего более сумрак души — все это убьет его.

Лерзе. Также и то, что этот Вейслинген назначен комиссаром.

Елизавета. Вейслинген?

Лерзе. Начались неслыханные казни. Медлер сожжен живым, колесуют, колют, обезглавливают, четвертуют сотнями. Вся страна кругом обращена в бойню, где мясо человеческое дешево.

Елизавета. Вейслинген — комиссар! О, боже! Луч надежды! Пусть Мария поедет к нему — ей он ни в чем не сможет отказать. У него все-таки нежное сердце, и когда он увидит ту, которую так любил и которая теперь так из-за него страдает... Где она?

Лерзе. Еще в гостинице.

Елизавета. Веди меня к ней. Она должна ехать сейчас же! Я боюсь самого худшего.

ЗАМОК ВЕЙСЛИНГЕНА

Вейслинген.

Вейслинген. Я так болен, так слаб. Все кости мои иссохли. Изнуряющая лихорадка высосала из них мозг. Ни отдыха, ни покоя — ни днем, ни ночью. И в полузабытьи отравляющие сны. Прошлую ночь я встретил в лесу Геца. Он обнажил меч и бросил мне вызов. Я схватился за оружие — рука не повиновалась мне. Он вложил меч в ножны, презрительно взглянул на меня и прошел мимо. Он в плену, а я дрожу перед ним! Жалкий человек! Словом твоим он осужден на смерть, а ты дрожишь перед сновидением, как

злодей! И неужели он должен умереть? Гец! Гец! Мы, люди, действуем не сами, — мы отданы во власть злым духам. Это их адская злоба ведет нас к гибели. *(Садится.)* Изнемогаю! Изнемогаю! Отчего ногти мои так сини? Ледяной, едкий пот обессиливает все мои члены. Все кружится у меня перед глазами. Если б я мог уснуть! Ах!

Появляется М а р и я.

Исус! Мария! Оставь меня в покое! Оставь меня в покое! Этого призрака еще недоставало! Она умирает, Мария умирает, и вот она явилась мне! Оставь меня, блаженный дух, я и без того слишком несчастен.

М а р и я. Вейслинген, я не дух! Я — Мария.

В е й с л и н г е н. Это ее голос.

М а р и я. Я пришла молить тебя о жизни моего брата. Он невинен, каким бы виновным ни казался.

В е й с л и н г е н. Молчи, Мария! Ты, ангел небесный, приносишь с собою муки ада. Ни слова больше!

М а р и я. И брат мой должен умереть? Вейслинген, разве не чудовищно то, что я должна тебя убеждать в его невинности, что я стенаниями должна удерживать тебя от гнуснейшего убийства? Душа твоя до последних глубин во власти вражьей силы. И это — Адельберт!

В е й с л и н г е н. Ты видишь — всепожирающее дыхание смерти коснулось меня, силы мои близятся к концу. Я умираю, злосчастный, а ты приходишь, чтобы повергнуть меня в отчаяние. Если бы я мог говорить, твоя великая ненависть истаяла бы в сострадании и плаче! О Мария! Мария!

М а р и я. Вейслинген, брат мой страждет больной в темнице. Его тяжкие раны, его старость... И если ты способен... его седую голову... Вейслинген, мы предадимся отчаянию!

В е й с л и н г е н. Довольно! *(Дергает колокольчик.)*

Ф р а н ц. Милостивый господин мой!

Ф р а н ц в сильном волнении.

В е й с л и н г е н. Дай вон те бумаги, Франц!

Франц подает их.

(Вскрывает пакет и показывает одну из бумаг Марии.)
Здесь подписан смертный приговор твоему брату!

М а р и я. Боже милосердный!

Вейслинген. И вот я разрываю его! Он будет жить! Но как я смогу восстановить то, что сам разрушил? Не плачь так, Франц! Славный мальчик, мои страдания глубоко трогают тебя.

Франц падает перед ним и обнимает его колени.

Мария (про себя). Он очень болен. Вид его надрывает мне сердце. Как я любила его! Теперь близ него я это так живо чувствую.

Вейслинген. Встань, Франц, и брось плакать! Я же могу еще выздороветь. Живые не должны терять надежды.

Франц. Вы не встанете! Вы должны умереть!

Вейслинген. Должен?

Франц (вне себя). Яд! Яд! От жены вашей! Я! Я! *(Бросается прочь.)*

Вейслинген. Мария, иди за ним. Он в отчаянии.

Мария выходит.

Яд от жены моей! Горе! Горе! Я его чувствую! Мука и смерть!

Мария (за сценой). Помогите! Помогите!

Вейслинген (хочет встать). Боже, я не в силах!

Мария (входит). Он погиб! Из окна залы он бешено ринулся в Майн.

Вейслинген. Счастливцев! — Брат твой вне опасности. Остальные комиссары — особенно Зекендорф — его друзья. Они тотчас же отпустят его на честное слово в рыцарское заточение. Будь счастлива, Мария, и ступай!

Мария. Я останусь с тобой, несчастный, покинутый.

Вейслинген. Да, я покинут и несчастен! Страшен суд твой, господи! Жена моя...

Мария. Отгони эти мысли. Склони сердце свое к милосердию.

Вейслинген. Иди, чистая душа, предоставь меня моей скорби. Ужасно! Даже последнее утешение — твое присутствие, Мария, — стало мукой.

Мария (про себя). Боже! Укрепи меня! Душа моя изнемогает вместе с его душою.

Вейслинген. Горе! Горе! Яд от жены моей! Это чудовище совратило моего Франца! Как она ждет, как высматривает гонца, который принесет ей весть о том, что я мертв. И ты, Мария! Зачем пришла ты? Чтоб пробудить все уснувшие

воспоминания о грехах моих? Оставь меня! Оставь меня, дай мне умереть.

Мария. Позволь мне остаться! Ты одинок. Представь себе, что я хожу за тобой. Забудь все! Пусть господь простит тебя так же, как я прощаю.

Вейслинген. Ты, душа, полная любви, молись за меня, молись за меня! Сердце мое замкнулось.

Мария. Он смирится над тобой. Ты измучен.

Вейслинген. Я умираю, умираю и не могу умереть. Муки ада в этой страшной борьбе между жизнью и смертью.

Мария. Милосердный, смилуйся над ним! Низведи лишь единый луч любви твоей в его сердце, чтобы оно открылось утешению и чтобы дух его перенес надежду, надежду на жизнь в самую смерть!

В ТЕСНОМ И МРАЧНОМ ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Судьи тайного судилища. Все в масках.

Старейший. Судьи тайного судилища, вы клялись на мече и петле жить непорочно, судить сокровенно, карать сокровенно, подобно богу! Если чисты сердца и руки ваши, возденье длани, возгласите злодеям: «Горе! Горе!»

Все. Горе! Горе!

Старейший. Глашатай! Приступи к суду!

Глашатай. Я, глашатай, призываю обвинять злодеев. Чье сердце чисто, чьи руки чисты, кто может клясться на мече и петле, тот обвиняй мечом и петлей! Обвиняй! Обвиняй!

Обвинитель (*выступает вперед*). Сердце мое чисто от злодеяний, руки — от неповинной крови. Прости мне, боже, злые помышления, прегради путь злым желаниям! Я воздел длань — и обвиняю! Обвиняю! Обвиняю!

Старейший. Кого обвиняешь ты?

Обвинитель. Обвиняю на мече и петле Адельгейду фон Вейслинген. Она повинна в прелюбодеянии и в отравлении мужа через его отрока. Отрок сам свершил над собой суд, супруг скончался.

Старейший. Клянешься ли ты перед богом правды, что правдивы слова твой?

Обвинитель. Клянусь.

С т а р е й ш и й. Если они окажутся ложью, предашь ли ты вину свою каре за убийство и прелюбодеяние?

О б в и н и т е л ь. Предаю.

С т а р е й ш и й. Голоса ваши.

Судьи тайно с ним переговариваются.

О б в и н и т е л ь. Судьи тайного судилища, какой приговор произнесли вы над Адельгейдой фон Вейслинген, повинной в убийстве и прелюбодеянии?

С т а р е й ш и й. Умереть должна она! Умереть двойною и горькою смертью. Пусть дважды искупит — через нож и петлю — двойное злодеяние. Возденьте руки и призовите на нее гибель! Горе! Горе! Горе! Предана в руки мстителю!

В с е. Горе! Горе! Горе!

С т а р е й ш и й. Мститель! Мститель! Явись!

Мститель выступает вперед.

Возьми меч и петлю — и да исчезнет она с лица земли до истечения восьми дней. Где бы ни нашел ее — повергни ее во прах! Судьи, что судят сокровенно и карают сокровенно, подобно богу, берегите сердца ваши от злодеяний, руки — от неповинной крови!

ДВОР ГОСТИНИЦЫ

М а р и я. Л е р з е.

М а р и я. Лошади достаточно отдохнули. В путь, Лерзе!
Л е р з е. Отдохните до утра. Ночь уж очень неприветлива.

М а р и я. Лерзе, мне не будет покоя, пока я не увижу брата. Поедем. Погода разгуливается, день будет ясный.

Л е р з е. Как прикажете.

ГЕЙЛЬБРОН. ТЕМНИЦА

Г е ц. Е л и з а в е т а.

Е л и з а в е т а. Милый муж мой, прошу тебя, поговори со мной. Твое молчание пугает меня. Оно тебя сжигает. Дай взглянуть на твои раны. Они заживают. Я не узнаю тебя более в этой унылой мрачности.

Г е ц. Ты ищешь Геца? Его давно уже нет. Они изувечили меня мало-помалу — лишили руки, свободы, имуще-

ства и доброго имени. Что мне в моей жизни? Есть вести о Георге? Лерзе поехал за ним?

Елизавета. Да, милый! Ободришь, еще все может измениться.

Гед. Кого ниспроверг господь, тот уже сам не подыметься. Я слишком хорошо знаю, что легло мне на плечи. Я привык переносить невзгоды. Но сейчас дело не в одном Вейслингене, не в одних крестьянах, не в смерти императора, не в моих ранах. Все соединилось вместе. Час мой настал. Я надеялся, что он будет таким же, как вся моя жизнь. Но да свершится его святая воля.

Елизавета. Не хочешь ли ты покушать?

Гед. Нет, жена моя. Взгляни, как на дворе солнце сияет!

Елизавета. Чудный весенний день.

Гед. Милая, если б ты могла уговорить тюремщика пустить меня на полчаса в его садик, чтобы я мог насладиться красным солнцем, ясным небом и чистым воздухом.

Елизавета. Сейчас! И он, конечно, позволит.

САДИК ПРИ ТЮРЬМЕ

Мария. Лерзе.

Мария. Сходи туда и взгляни, что там.

Лерзе уходит.

Елизавета. Тюремщик.

Елизавета. Да вознаградит вас господь за любовь и преданность моему господину.

Тюремщик уходит.

Мария, что привезла ты?

Мария. Безопасность брата. Ах, но сердце мое растерзано. Вейслинген умер, отравленный своей женой. Муж мой в опасности. Князья одолевают. Говорят, он осажден и заперт в своем замке.

Елизавета. Не верь слухам. И не давай ничего заметить Геду.

Мария. Что с ним?

Елизавета. Я боялась, что он не доживет до твоего возвращения. Тяжко легла на него десница господня. А Георг умер.

Мария. Георг! Золотой мой мальчик!

Елизавета. Когда эти негодяи жгли Мильтенберг, господин отправил его, чтоб он остановил их. Вдруг на них ударил отряд союзников. Георг! Для того чтобы все они так дрались, как он, у них должна бы была быть и его чистая совесть. Многие были заколоты, и среди них — Георг. Он умер смертью воина.

Мария. Гец это знает?

Елизавета. Мы скрываем от него. Он десять раз в день спрашивает меня о нем, десять раз посылает меня разузнать, что с ним. Я боюсь нанести этот последний удар его сердцу.

Мария. О, боже! Как тщетны земные упования!

Гец. Лерзе. Тюремщик.

Гец. Боже всемогущий! Как хорошо под небом твоим! Как свободно! На деревьях наливаются почки, все полно надежды. Прощайте, мои любимые, корни мои подрублены, мощь моя клонится к могиле.

Елизавета. Можно послать Лерзе в монастырь за нашим сыном, чтобы ты еще раз взглянул на него и дал ему свое благословение?

Гец. Оставь его, он святей меня, мое благословение ему не нужно. В день нашей свадьбы не думалось мне, Елизавета, что я умру так. Мой старый отец благословил нас, и молитва его была полна надежды на потомство — благородных, смелых сыновей. Ты не внял ему, господи, и я — последний. Лерзе, мне еще радостней видеть тебя в час смерти, чем в жаркой сече. Тогда мой дух вел вас, теперь ты поддерживаешь меня. Ах, если б еще раз увидеть Георга — его вид согрел бы меня. Вы опустили глаза долу и плачете. Он умер... Георг умер... Умри, Гец, ты пережил самого себя, ты пережил благороднейших. Как он умер? Ах, они захватили его вместе с поджигателями и убийцами и он казнен?

Елизавета. Нет, он был заколот при Мильтенберге. Он дрался, как лев, за свою свободу.

Гец. Слава богу! Он был лучшим юношей на земле и храбрейшим. Отпусти ныне душу мою... Бедная жена! Я оставляю тебя в развращенном мире. Лерзе, не покидай ее... Замыкайте сердца ваши заботливее, чем ворота дома. Приходит время обмана, ему дана полная свобода. Негодяи будут править хитростью, и честный попадетсЯ в их сети. Мария, да возвратит тебе господь мужа твоего. Дай бог, что-

бы он не пал столь же низко, сколь высоко был вознесен! Зельбиц умер, и добрый император, и Георг мой... Дайте мне воды... Небесный воздух... Свобода! Свобода! (*Умирает.*)

Елизавета. Она лишь там, в вышине, с тобою. Мир — темница.

Мария. Благородный муж! Благородный муж! Горе веку, отвергнувшему тебя!

Елизавета. Горе потомству, если оно тебя не оценит!

БОГИ, ГЕРОИ И ВИЛАНД

ФАРС

Меркурий на берегу Коцита в сопровождении двух теней.

Меркурий. Харон! Гей! Харон! Переправь-ка нас на тот берег! Да побыстрее! Эти людишки проняли меня своими жалобами. Плачутся, что трава им промочила ноги и что они схватят насморк.

Харон. Славный народец? Откуда? А! опять той же достойной породы! Им бы еще пожить.

Меркурий. Там, наверху, судят иначе. И все же эта пара пользовалась немалым почетом на земле. Вот — господин литератор, ему недостает только парика и книг, а той мегере — ее румян и дукатов. Что нового на вашем берегу?

Харон. Остерегайся! Они поклялись хорошенько взяться за тебя, если ты им повстречаешься.

Меркурий. Как так?

Харон. Адмет и Алкеста возмущены тобою. Еврипид и того пуще. А Геркулес в порыве гнева обозвал тебя глупым мальчишкой, который никогда не поумнеет.

Меркурий. Я ни слова не понимаю.

Харон. Я тоже. Ты, говорят, снюхался в Германии с каким-то Виландом.

Меркурий. И не знаю такого.

Харон. Мне — что? Но они чертовски взбеленились.

Меркурий. Пусти-ка меня в свою лодку. Хочу переправиться. Должен же я узнать, в чем тут дело?

Переправляются через Коцит.

Еврипид. Неблагодарно так подшучивать над нами. Мы твои старые, испытанные друзья, твои братья и дети, а

ты связался с парнями, не имеющими и капли греческой крови в жилах, и теперь глумишься и издеваешься над нами, как будто не всё, что нам осталось, это те крохи славы и уваженья, которые продолжают там, на земле, внушать мальчишкам наши седые бороды.

Меркурий. Клянусь Юпитером, я вас не понимаю.

Литератор. Может быть, здесь речь идет о «Немецком Меркурии»?

Еврипид. Вы оттуда? Вы подтверждаете, стало быть?

Литератор. О да. Они составляют ныне надежду и отраду всей Германии, эти золотые листочки наших Аристархов и Ардов, которые разносит посланник богов.

Еврипид. Слыхали? А со мной сыграли прескверную штуку эти золотые листочки.

Литератор. Это не совсем так. Господин Виланд только объяснил, что он был вправе написать и после вас свою «Алкесту» и что, если ему и удалось избежать ваших ошибок и сообщить пьесе — по сравнению с вами — больше красот, то виною тому — ваш век и его образ мыслей.

Еврипид. Ошибки! Вина! Век! О ты, высокий и величавый свод беспредельного неба! Что с нами случилось? Меркурий, и ты с ними заодно?

Меркурий. Так можно и до столбняка довести!

Алкеста (входит). Ты в дурном обществе, Меркурий! И я не займусь его улучшением. Фу!

Адмет (входит). Меркурий! Этого я от тебя не ожидал.

Меркурий. Говорите понятнее, иначе я уйду. Что мне делать с бесноватыми?

Алкеста. Ты как будто поражен? Так слушай же! Мы шли недавно, мой супруг и я, рощей, по ту сторону Коцита, где, как ты знаешь, образы сновидений движутся и говорят, как живые. Некоторое время мы стояли, дивясь этим призракам, как вдруг я услышала свое имя, произнесенное пренеприятным голосом. Мы обернулись, и нашему взору открылись две нудные, жеманные, тощие, бледные куклы; они называли друг друга «Алкеста», «Адмет», были готовы умереть друг за друга, звенели голосочками, словно птички, и под конец с жалобным писком исчезли.

Адмет. Смешно было смотреть. Но мы ничего не понимали, покуда недавно не спустился сюда молодой студиозус и не сообщил нам великую новость: некий Виланд, не спросясь, оказал нам честь, подобно Еврипиду: выставил на

позор перед народом наши маски. И студиозус прочел на память всю трагедию, с начала до конца. Этого, однако, никто не выдержал, кроме Еврипида, которого на то подвигло его любопытство и то, что он все же был в достаточной мере автором.

Еврипид. Да, и что всего хуже, говорят, будто он в тех самых листочках, которые ты разносишь по домам, вдобавок превозносит свою «Алкесту», мою же хулит и осмеивает.

Меркурий. Кто этот Виланд?

Литератор. Надворный советник и воспитатель принцев веймарских.

Меркурий. Да будь он воспитателем самого Ганимеда, мы и тогда притянули б его к ответу. Теперь как раз ночь, и моему жезлу будет нетрудно вызвать его душу из ее телесного вместилища.

Литератор. Мне будет очень приятно познакомиться со столь великим мужем.

Тень Виланда появляется в ночном колпаке.

Виланд. Оставьте нас, милый Якоби.

Алкеста. Он говорит во сне.

Еврипид. Но все же видно, с какими он знается людшками.

Меркурий. Опомнитесь-ка! При чем здесь Якоби. Скажите, как обстоит дело с Меркурием, вашим Меркурием, «Немецким Меркурием»?

Виланд (*жалобно*). Они его перепечатали у меня.

Меркурий. Нам-то что до того? Итак, дарую вам слух и зрение.

Виланд. Где я? Куда увлекло меня сновиденье?

Алкеста. Я Алкеста.

Адмет. А я Адмет.

Еврипид. Меня вы, может быть, узнали?

Меркурий. Откуда бы? Это — Еврипид, а я Меркурий. Что вас так удивляет?

Виланд. Что это — сон? Я все так ясно вижу? А между тем воображение никогда не порождало подобных образов. Вы — Алкеста? С такой талией? Извините! Не знаю, что и сказать.

Меркурий. Вопрос, собственно, вот в чем: почему вы отдали на поругание мое имя и так дурно обошлись со всеми этими честными людьми?

Виланд. Я не знаю за собой никакой вины. Что касается до вас, то вы, казалось бы, могли и знать, что мы, христиане, не обязаны чтить вашего имени. Наша религия запрещает нам признавать и почитать правду, величие, добро, красоту — поскольку они не явлены ею. Поэтому ваши имена и изваяния преданы глумлению и разбиты. И, уверяю вас, греческий Гермес, каким изображают его мифологи, даже и не возникал в моем воображении. Когда произносишь ваше имя, так ровно ни о чем не думаешь. Это все равно, как если бы кто сказала: «Recueil», «portfeuille»¹.

Меркурий. Но это как-никак мое имя.

Виланд. А не случилось ли вам мимоходом видеть на табакерках ваш образ с крыльями на челе и ногах, посаженный на тюк или бочку, с жезлом, увитым змеями, в руке?

Меркурий. Он прав. Я отказываюсь от тяжбы с вами. Вы же, остальные, впредь оставьте меня в покое. На последнем маскараде, как мне известно, присутствовал один знатный дворянин который, напившись поверх своих штанов и жилетки телесного цвета трико, возомнил, что сможет при помощи крыльев на челе и подошвах выдать свое тело, жирное, как у саламандры, за стан Меркурия.

Виланд. Совершенно верно. Я так же мало думал о вас, как мой изготовитель виньеток — о вашей статуе, хранящейся во Флоренции.

Меркурий. Так пребывайте же в здравии. Вы же, надеюсь, убедились, что сын Юпитера еще не настолько обанкротился, чтобы связываться со всякими людишками. *(Уходит.)*

Виланд. Итак, я откланиваюсь.

Еврипид. Нет; позвольте. Нам еще предстоит осушить с вами стаканчик.

Виланд. Вы — Еврипид, и в своем уважении к вам я расписался публично.

Еврипид. Много чести! Но, спрашивается, в какой мере ваши творения дали вам право отзываться дурно о моих? Написать пять писем, чтобы не только заверить ваших кавалеров и дам в преимуществах вашей драмы, столь посредственной, что даже я, опороченный вами соперник, чуть не уснул за ее чтением (о, это было бы еще простительным!), но и изобразить к тому же доброго Еврипида неудачливым

¹ Сборник (стихов), папка *(франц.)*.

соискателем славы, у которого вы во всех отношениях оттягали первенство?

А д м е т. Скажу вам правду: Еврипид — тоже поэт, а я во всю свою жизнь не ставил портов выше, чем они того заслуживают. Но он — достойный человек и наш соотечественник. И вы все же должны были бы смекнуть: не лучше ли, чем вам, удастся вызвать тени Адмета и Алкесты мужу, родившемуся в год, когда Греция осилила Ксеркса, слывшему другом Сократа, мужу, чьи драмы так сильно воздействовали на весь его век, как едва ли это удастся вашим? Это заслуживало бы более благоговейного уважения, на которое, впрочем, ваш мудрствующий век литераторов даже и не способен.

Е в р и п и д. Только тогда, когда окажется, что ваши драмы сохранили жизнь такому же множеству людей, как мои, только тогда вы имели бы право говорить подобным образом.

В и л а н д. Моя публика, Еврипид, — не ваша.

Е в р и п и д. Не в этом дело! Я говорю о моих ошибках и промахах, которых вы будто бы избегли.

А л к е с т а. Я скажу вам как женщина, которая не скажет ни одного лишнего слова. Ваша «Алкеста», может быть, и хороша, и способна позабавить ваших мужчин и бабенок, а то и пощекотать их или «растрогать», как называется это у вас. Но я от нее сбежала, как шарахаешься от расстроенной цитры. Еврипидову же «Алкесту» я прослушала до конца и местами ей радовалась, а иногда и улыбалась.

В и л а н д. Государыня!

А л к е с т а. Вы могли бы знать, что государыни здесь ничего не значат. Мне хотелось бы, чтобы вы почувствовали, сколь счастливее вашего был Еврипид в изображении нашей судьбы. Я умерла за мужа. Где и как? — не в этом дело. Дело в вашей «Алкесте» и в «Алкесте» Еврипида.

В и л а н д. Можете ли вы отрицать, что я изобразил все куда деликатнее?

А л к е с т а. Что это значит? Хватит и того, что Еврипид знал, почему он ставит «Алкесту» на театре. А вы — нет. К тому же вы не сумели передать всего величия жертвы, которую я принесла супругу.

В и л а н д. Что вы хотите сказать?

Е в р и п и д. Дайте я ему все растолкую, Алкеста. Смотрите, вот мои ошибки. Молодой царь, во цвете сил, умирает посреди всех благ счастья. Двор, народ — в отчаянии поте-

рять его, добросердного, доблестного; Аполлон, тронутый общим горем, предлагает паркам принять взамен его смерти добровольную смерть другого. И вот — все притихло: и отец, и мать, и друзья, и народ — все. А он, уже томясь смертельной тоской, озирается кругом в надежде прочесть готовность в чьих-либо глазах, и повсюду молчанье, пока не вызвалась она, единственная, готовая пожертвовать своей красотой и силой и сойти за него в безнадежную обитель смерти.

В и л а н д. Все это имеется и у меня.

Е в р и п и д. Не совсем. Ваши люди все — словно члены одной большой семьи, которой вы дали унаследовать «человеческое достоинство» — абстрактное понятие, изобретенное вами, портами, копошащимися в нашем мусоре. Все они друг на друга похожи, как куриные яйца. И вы из них состряпали самую незатейливую болтушку. У вас имеется жена, готовая умереть за мужа, муж, готовый умереть за жену, герой, готовый умереть за них обоих. Не остается ничего другого, как вывести скучнейшую Парфению, которую всем было приятно извлечь, как барана за рога из кустарника, чтобы покончить с этой канителью.

В и л а н д. Вы смотрите на все по-другому, чем я.

А л к е с т а. О, в этом я не сомневаюсь! Но скажите мне: чем был бы подвиг Алкесты, если бы муж любил ее больше жизни? Человека, все счастье которого заключается в его супруге (а таков ваш Адмет), поступок Алкесты вверг бы в дважды горчайшую смерть. Филимон и Бавкида испросили себе одновременную кончину. Клопшток (а он у вас все же более всех остальных похож на человека) заставляет своих любящих соперничать — «Дафнис, я умру последней!» Стало быть, Адмету хотелось жить, очень хотелось, или я — не так ли? — была лицедейкой, ребенком? Довольно! Делайте из меня, что хотите.

А д м е т. И Адмет, который вам так противен, потому что он не хочет умереть... Пробовали ли вы умирать? Или когда-нибудь были вполне счастливы? Вы рассуждаете, как щедрый нищий.

В и л а н д. Только трус страшится смерти!

А д м е т. Геройской смерти — да, но смерти обыденной страшится каждый, даже герой. Таков закон естества. Или вы думаете, я дрожал бы за свою жизнь, отбивая от врагов супругу или защищая свои владения? И все же...

В и л а н д. Вы говорите, как люди другого мира, — на языке, слова которого я слышу, смысла же их не понимаю.

А д м е т. Мы говорим по-гречески. Или этот язык вам так непонятен? **А д м е т.**...

Е в р и п и д. Вы позабыли, что он принадлежит к секте, которая желает уверить всех страдающих водянкой, прокаженных, увечных, будто по смерти их сердца станут тверже, дух — отважнее, костяк — тяжелее. Он в это верит.

А д м е т. Ах, только притворяется! Нет, вы еще в достаточной мере человек, чтобы перенестись в Еврипидова **А д м е т а**.

А л к е с т а. Подумайте и расспросите вашу жену.

А д м е т. Молодой, счастливый, благодушный государь, принявший от отца державу и казну, стада и уголья; он жил среди изобилия, наслаждался им, был полн своим счастьем, но желал, чтобы и другие наслаждались вместе с ним благами жизни, и, конечно, находил на то много охотников. Не устававший дарить, всех любивший и всеми любимый, обретший друзей в богачах и людях, за чьим столом и **Аполлон** забывал о небе, как мог он не хотеть жить вечно? И у него была жена.

А л к е с т а. И у вас она есть, и вы этого не понимаете? Мне хотелось бы объяснить это той черноглазой девочке. Прелестная крошка, ты готова меня выслушать?

Д е в о ч к а. Конечно.

А л к е с т а. У тебя был любовник?

Д е в о ч к а. Ах, да!

А л к е с т а. И ты любила его всем сердцем? Так что в иной час чувствовала желание умереть за него?

Д е в о ч к а. Ах, из-за него я и умерла! Нас разлучил враждебный рок, и я не надолго пережила разлуку.

А л к е с т а. Вот вам — ваша **Алкеста**. Теперь скажи мне, милая крошка, были ли у тебя родители, сердечно любившие друг друга?

Д е в о ч к а. По сравнению с нашей их любовь была только тенью. Но они от всего сердца друг друга уважали.

А л к е с т а. Как ты думаешь, если твоей матери грозила бы смертельная опасность, а твой отец спас бы ее ценою жизни, она приняла бы это с благодарностью?

Д е в о ч к а. О, несомненно!

А л к е с т а. И наоборот, конечно! **Виланд!** Вот вам — **Алкеста Еврипида**.

А д м е т. Ваша **Алкеста** годится для ребят, **Еврипида** — для честных людей, уже схоронивших одну, а то и двух

жен. Впрочем, то, что вы потворствуете вкусам аудитории, неизбежно и основательно.

В и л а н д. Оставьте меня! Вы — грубые люди с извращенными понятиями. У меня не может быть с вами ничего общего.

Е в р и п и д. Нет. Выслушайте еще несколько слов.

В и л а н д. Но — покороче.

Е в р и п и д. Пяти писем не будет, но материалу на них, пожалуй бы, и хватило. Знайте: то, чем вы так гордитесь — построением и удачным закруглением драмы (благодаря чему становится возможным ее дослушать до конца), — несомненно, требует таланта, но таланта весьма ничтожного.

В и л а н д. Вы не знаете, какого труда это стоит!

Е в р и п и д. Ну, этим ты достаточно похвалялся. Но если взглянуть попристальнее, то все это не более, как умение сглаживать и укорачивать природу и жизненную правду с помощью театральных навыков и рутины по не раз подновлявшимся трафаретам.

В и л а н д. Вы меня не переубедите.

Е в р и п и д. Так наслаждайтесь же своею славой среди своих, а нас оставьте в покое.

А д м е т. Успокойся, Еврипид! Те места в его сочинениях, где он глумится над тобою, — только лишние пятна, посаженные им на собственную одежду. Если бы он был умен и смог ценою крови искупить их (равно как и свои комментарии к Шекспиру), он так бы и поступил. Но он притворяется и твердит: «Я ничего не почувствовал...»

Е в р и п и д. Не почувствовал? При чтении моего пролога? А он ли не произведение великого мастера? О, я имею право так отзываться о моих творениях, раз ты похваляешься своими! Ты не чувствуешь ничего, когдаходишь в гостеприимный дворец Адмета...

А л к е с т а. Он ничего не понимает в гостеприимстве! Разве ты не видишь?

Е в р и п и д. ...и на пороге встречает тебя Аполлон, доброе божество дома, Аполлон, полный любви к Адмету, отта-гавший его у смерти и теперь — о, горе! — видящий, как умирает лучшая из жен. Бессильный, он уже хочет уйти, чтобы не запятнать своей чистоты соприкосновеньем с мертвыми. И вот вступает в дом, вся в черном, с коварным своим мечом в руке, владычица мертвых, извечная сопутница в Орк, неумолимая судьба. Злобно поносит она задержавшегося из сострадания бога и уже грозит Алкесте. И Аноллон

покидает дворец и нас. Мы же, вместе с осиротевшим хором, взываем: «О, жил бы еще Эскулап, сын Аполлона, знавший травы и все снадобья! Она была бы спасена — ведь воскрешал же он мертвых!» Но Эскулап сражен перуном Юпитера, не стерпевшего, чтобы кто-либо пробуждал от вечного сна повергнутых во прах его неумолимым приговором.

А л к е с т а. И ты не сумел перенестись в душевный мир людей, слыхавших еще из уст отцов о чуде, властном над всемогущей смертью? И в тебе не зашевелились желание, надежда, вера, что придет кто-нибудь из его родичей, что явится полубог помочь своим братьям?

Е в р и п и д. И вот он пришел: Геркулес выступает вперед и восклицает: «Мертва! Мертва! Ты увлекла ее, безобразная, черная сопутница, в Орк, ты срезала ее кудри своим мертвящим мечом! Я сын Юпитера и верю в свою власть над тобою! Я подстерегу тебя у могилы, где ты пьешь кровь закланных жертв. Я настигну тебя, владычица смерти, охвачу своими руками, разнять которые не может никто из смертных и бессмертных. И ты отдашь мне жену, Адмета жену дорогую! — или я не сын Юпитера».

Появляется Геркулес.

Геркулес. Что вы тут толкуете о сыне Юпитера? Я — сын Юпитера!

Адмет. Мы, верно, помешали тебе соснуть после выпивки?

Геркулес. А шум из-за чего?

Алкеста. Виланд сюда наведалься.

Геркулес. Где он?

Адмет. Вот он стоит.

Геркулес. Этот? Ну, он достаточно мал. Таким я себе и представлял его. Так вот тот человек, с языка которого не сходит имя Геркулеса!

Виланд (*отступая*). Нам не о чем с вами говорить, колосс.

Геркулес. Или я тебе казался карликом?

Виланд. Мой Геркулес выступает статным мужчиной среднего роста.

Геркулес. Среднего роста? Я?

Виланд. Если вы — Геркулес, так я имел в виду не вас.

Геркулес. Это мое имя, и я им горжусь. О, я знаю: если какому-нибудь шуту не понравится подпирать свой щит медведем, грифом или свиньей, он останавливает свой выбор

на Геркулесе. Мой божественный облик не посещал тебя даже во сне?

В и л а н д. Признаюсь, я впервые вижу подобный сон.

Г е р к у л е с. Так покайся и испроси у богов прощение за свои комментарии к Гомеру, где мы тебе показались слишком великими! О, разумеется, слишком великими!

В и л а н д. Воистину, вы чудовищно громадны. Таким я вас никогда себе не представлял.

Г е р к у л е с. Чем я виноват, что у него такое узкогрудое воображение. Так кто же он — его Геркулес, которым он так похвально? И что ему надо? «За добродетель». Что значит этот девиз? Ты видел ее, эту добродетель? Виланд! Я тоже бродил по земле и ничего подобного не видывал.

В и л а н д. Вы не знаете добродетели, ради которой мой Геркулес всем рискует, совершая свои великие подвиги?

Г е р к у л е с. Добродетель? Я это слово услышал здесь, в преисподней, от двух-трех дурашливых парней, которые мне даже не могли истолковать его значения.

В и л а н д. Этого и я бы не сумел. Но не будем спорить. Мне хотелось бы, чтобы вы прочитали мои стихи. Вы нашли бы тогда, что и я не слишком чту эту добродетель. Добродетель — вещь двусмысленная.

Г е р к у л е с. Она — чудовищна, как всякое порождение фантазии, не способное ужиться с естественным ходом вещей. Ваша добродетель мне напоминает кентавра. Покуда он пробегает рысцой по вашему воображению, как он прекрасен! Как статен! И когда изображает его ваятель — что за сверхчеловеческая мощь! Но проанатомируйте его, и вы обнаружите четыре легких, два сердца, два желудка. Он должен был бы умереть в час своего рождения, как всякий урод, или, вернее, он нигде не мог бы родиться, или разве что только в вашей голове.

В и л а н д. Но добродетель — должна же чем-нибудь быть? Должна же где-нибудь быть?

Г е р к у л е с. Клянусь вечной бородою моего отца! Кто ж в этом усомнится? Мне сдается — у нас она обитала в полубогах и героях. Или ты думаешь, мы жили, как скот, потому только, что ваши бюргеры в испуге открещиваются теперь от времен кулачного права? Среди нас были достойные молодцы.

В и л а н д. Кого вы зовете достойными молодцами?

Г е р к у л е с. Того, кто дает, что имеет. Кто всех богаче, тот и достойнейший. У кого избыток сил, пусть поколотит

другого. Но, разумеется, настоящий мужчина не свяжется со слабейшим. Он будет биться с равным или сильнейшим противником. У кого избыток жизненного сока, пусть делает бабам столько ребят, сколько они пожелают, а то и вовсе не спросившись их. Так я, например, в одну ночь настряпавший пятьдесят мальчишек. А кто не этим богат или кому небо взамен, а то и в придачу, даровало столько добра и скарба, что хватило бы на тысячу душ, пусть откроет двери своего дома, впустит тысячу гостей и пирует с ними. Вот стоит Адмет — он был достойнейшим по этой части.

В и л а н д. Большая часть перечисленных вами добродетелей в наши дни зовется пороком.

Г е р к у л е с. Пороком? Вот тоже хорошенькое словечко! Потому-то у вас все так половинчато, что вы порок и добродетель рассматриваете как две противоположные крайности и мечетесь от одной к другой, вместо того чтобы считать свое срединное положение разумнейшим и лучшим, как то делают еще ваши крестьяне, слуги и служанки.

В и л а н д. Обнаружь вы подобный образ мыслей в наш век, вас побили бы камнями. Ведь объявлен же и я мерзким еретиком за мои невинные выпады против добродетели и религии.

Г е р к у л е с. Какие тут еще выпады? С конями, людоедами и драконами — с ними я вступал в бой, но с облаками — никогда, какие бы очертания они ни принимали. Облака разумный человек предоставляет развеять ветру, согнавшему их в кучу.

В и л а н д. Вы — изверг, вы — богохульник!

Г е р к у л е с. Что? Это не лезет тебе в башку? Вот Геркулес Продика — это человек по твоему вкусу, Геркулес школьного учителя, безбородый Сильвио на распутии? Нет, повстречай я этих баб, я, уж поверь мне, одной рукой подхватил бы одну, другою — другую и обеих увлек бы за собой. В этом отношении твой Амадис — не дурак, отдаю тебе справедливость.

В и л а н д. Знай вы мой образ мыслей, вы бы еще и не то обо мне сказали.

Г е р к у л е с. С меня довольно. Если бы ты не кряхтел так долго под ярмом вашей религии и учения о нравственности, из тебя могло бы еще что-нибудь получиться. Но — увы! — перед тобою и теперь носят пустые идеалы. Не можешь переварить, что и полубог способен напиться и быть озорником, не пороча тем самым своей божественности? Ты

думаешь, что, — бог мой! — как опозорили парня, уложив его под стол или на солому к девчонке? Все это потому, что ваше преподобие страшится кое в чем сознаться.

В и л а н д. Я откланиваюсь.

Г е р к у л е с. Хочешь проснуться? Погоди — еще словечко. Что прикажешь думать об уме человека, который сорока лет от роду смог наделать шумиху и исписать пять-шесть книг о том, как девчонка с холодной кровью спала с тремя или четырьмя парнями, даря любовью каждого по очереди, и как эти парни на это разобиделись, а немного погодя опять пошли на ту же приманку? Я не вижу вовсе...

П л у т о н *(за сценой)*. Го! Го! Что за проклятый шум у вас за воротами? Геркулес, повсюду только тебя и слышно! Разве нельзя спокойно полежать со своей женой, если это тебе и ей приятно.

Г е р к у л е с. Пребывайте в здравии, господин гофрат.

В и л а н д *(просыпаясь)*. Пусть говорят, что хотят, пусть рассуждают, — что мне до этого.

КЛАВИГО

Трагедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

К л а в и г о, архивариус короля.	С о ф и Ж и л ь б е р, урожден- ная Бомарше.
К а р л о с, его друг.	Ж и л ь б е р, ее муж.
Б о м а р ш е.	Б у р н к о.
М а р и Б о м а р ш е.	С е н-Ж о р ж.

Место действия — Мадрид.

АКТ ПЕРВЫЙ

ДОМ КЛАВИГО

К л а в и г о, К а р л о с.

К л а в и г о (*поднимаясь от письменного стола*). Этот журнал будет пользоваться доброй славой, все женщины придут от него в восторг. Скажи мне, Карлос, ты не считаешь, что мой еженедельник — из первых в Европе?

К а р л о с. Во всяком случае, у нас в Испании никто из новых писателей столь счастливо не сочетает в себе такую силу мысли и богатство выдумки с блестящим и легким стилем.

К л а в и г о. Оставь! Мне еще предстоит привить народу хороший вкус. Люди охочи до любых впечатлений. Я снискал

славу, снискал доверие моих сограждан, и должен сказать тебе, что знания мои с каждым днем полнятся, богаче становятся чувства, и стиль мой делается все уверенней и правдивей.

Карлос. Ты прав, Клавиго! Не пойми меня превратно, но мне более по душе те твои творения, что ты слагал к ногам Мари, когда еще был во власти этого прелестного, веселого создания. Не знаю, но все, написанное тобою в ту пору, кажется более юным и цветущим.

Клавиго. То было доброе время, Карлос, но оно позади. С радостью сознаюсь, тогда я писал от чистого сердца, и, что правда то правда, ей я обязан значительной долей успеха, который я сразу завоевал у публики. Но за долгий срок любая женщина может прискучить, Карлос, и не ты ли первый приветствовал мое решение оставить ее?

Карлос. А иначе ты бы неминуемо скис. Ведь все они скроены на один манер. Только мне кажется, пора уж тебе поискать нового смысла жизни, — куда ж это годится — сидеть на мели!

Клавиго. Для меня смысл жизни — это двор, а праздность тут неуместна. Где теперь тот чужеземец, без положения, без имени, без средств, которым я пришел сюда? Разве малого я достиг? Здесь, при дворе, в этой людской толпе, где так трудно обратить на себя внимание? Как радостно мне оглянуться на путь, пройденный мною! Я любим первыми людьми королевства, за мои знания я удостоился чести занять высокий пост. Архивариус короля! Все это подхлестывает меня, Карлос! Если я останусь тем, что я есть, значит, я ничтожество! Выше! Выше! Но на это надобны усилия и хитроумие! Тут нельзя терять голову. А женщины! Женщины! Они отнимают слишком много времени!

Карлос. Глупец, ты сам в этом виноват! Я жить не могу без женщин, но мне они никогда не мешают. Я, правда, не говорю им столько прекрасных слов, не поджариваюсь месяцами на медленном огне сантиментов и прочей ерунды, и потому предпочитаю не иметь дела с порядочными девушками. С ними не знаешь, о чем и говорить, а стоит за ними какое-то время приволочнуться и пробудить в них интерес к своей особе, как черт уже внушает им мысли о браке, о предложении руки и сердца, а этого я бегу как чумы. О чем ты задумался, Клавиго?

К л а в и г о. Я не могу избавиться от мысли, что бросил Мари, обманул ее, называй это как угодно.

К а р л о с. Чудак! А я думаю, ведь жизнь дается нам только раз, только раз даются нам эти силы, эти надежды, и тот, кто не использует их себе во благо, кто постоянно не добивается большего — тот дурак. Жениться! Жениться именно тогда, когда жизнь только-только достигает размаха! Осесть, запереться в четырех стенах, когда не пройдена и половина пути, не завоевано и половины того, что должно! Ты любил ее — это было естественно, ты обещал на ней жениться — это была глупость, но если бы ты сдержал слово — это было бы безумие!

К л а в и г о. Знаешь ли, человек для меня — загадка. Я в самом деле любил ее, она влекла меня к себе, она владела моими помыслами, и я, припав к ее стопам, клялся ей, клялся себе, что так будет вечно, что я мечтаю принадлежать ей безраздельно, как только добьюсь места и положения в обществе... А теперь, Карлос!

К а р л о с. У тебя еще есть время! Когда ты преуспеешь в жизни, достигнешь желанной цели, ты сможешь увенчать и увековечить свое счастье, вступив в разумный брак и породнившись с богатым, и знатным родом.

К л а в и г о. Ее нет больше! Ее нет больше в моем сердце, и если бы иногда я не вспоминал о постигшем ее несчастье... Как же непостоянен человек!

К а р л о с. Удивляться надо бы постоянству! Приглядишься, разве не все в мире меняется? Почему же страсть должна быть постоянной? Не мучь себя, она — не первая покинутая девушка и не первая, нашедшая потом утешение. Если хочешь моего совета — вон там, напротив, живет молодая вдовушка...

К л а в и г о. Ты же знаешь, я не охотник до таких предложений. Роман, не подсказанный сердцем, меня не привлекает.

К а р л о с. Ох, уж эта тонкость чувств!

К л а в и г о. Довольно! Не забывай, сейчас самое главное — сделать так, чтобы новый министр не мог без нас обойтись. То, что Уолл оставляет пост губернатора Индии, только усложнит нашу задачу. Хотя меня это не слишком пугает — влиятелен он будет по-прежнему, они с Гримальди друзья, а мы умеем кланяться и пустословить...

К а р л о с. А думать и поступать, как нам заблагорассудится.

К л а в и г о. Это в жизни самое главное. (*Звонит слуге.*) Вот, возьмите лист и отнесите в книгопечатню!

К а р л о с. Мы свидимся сегодня вечером?

К л а в и г о. Вряд ли. Но вы все же зайдите узнать.

К а р л о с. Хорошо бы нынче как следует поразвлечься, а до вечера я должен опять писать, писаньям конца не видно.

К л а в и г о. Полно! Не гнули бы мы спину для стольких людей, нам не удалось бы стольких оставить позади,

ДОМ ЖИЛЬБЕРА

Софи Жильбер, Мари Бомарше, дон Буэнко.

Б у э н к о. Вы плохо спали этой ночью?

Софи. Я еще вечером предостерегала ее. Она так бурно веселилась и болтала до одиннадцати, что не могла заснуть от возбуждения, а теперь снова задыхается и плачет все утро напролет.

М а р и. Что ж это брат наш не едет! Он опаздывает уже на два дня.

Софи. Наберись терпения, скоро он будет здесь.

М а р и (*встает*). Я сгораю от желания увидеть брата, моего судью, моего спасителя. Я ведь едва помню его.

Софи. А у меня он так и стоит перед глазами, пылкий, искренний, добрый мальчуган лет тринадцати, таким он был, когда отец отослал нас сюда.

М а р и. Он человек благородной, большой души! Вы ведь читали письмо, которое он написал, узнав о моем горе! Каждая буква его письма запала мне в сердце. «Если ты виновата,— пишет он,— не жди прощения; горе твое лишь усугубится презрением брата и проклятием отца. Если же ты невинна... о, тогда отмщение, яростное отмщение постигнет изменника!» Я в трепете! Он приезжает! Но я не за себя трепещу, бог свидетель, я неповинна. Вы, мои друзья, должны... Ах, мне самой не ведомо, чего я хочу! О, Клавиго!

Софи. Послушай, сестра! Ты погубишь себя!

М а р и. Я буду молчать. И не буду больше плакать. Кажется, у меня и слез больше нет. Что проку в слезах? Мне только жаль, что я отравляю вам жизнь. Ведь на что мне, собственно, жаловаться? Я видела много радости, покуда жив был наш старый друг. Любовь Клавиго тоже радовала меня, наверное, больше, чем его — моя любовь. А как же дальше?

Что значу я, что людям в девушке, чье сердце разбито, в девушке, которая чахнет и губит свою молодую жизнь?

Буэнко. Мадемуазель, я вас умоляю!

Мари. А ему, ему разве не безразлично, что он разлюбил меня? Ах, отчего я более не достойна любви? Но хоть пожалеть-то меня он должен! Бедняжку, которую он сумел так привязать к себе, что без него ей остается влачить жизнь в тоске! Пожалеть! Не нужно мне его жалости!

Софи. Если бы я могла внушить тебе презрение к этому ничтожеству, достойному лишь ненависти!

Мари. Нет, сестрица, он не ничтожество; и разве непременно надо презирать того, кого ненавидишь? Да, иной раз я ненавижу его, иной раз, когда испанский дух вдруг овладеет мною. Недавно, совсем недавно мы встретились с ним, и при виде его я вновь ощутила всю пылкую мою любовь, а когда мы вернулись домой и я вспомнила, как он вел себя, вспомнила его спокойный, холодный взгляд, который он бросил на меня, идя рядом с ослепительно прекрасной дамой... о, тут в душе своей я стала испанкой, схватила кинжал, взяла яд и надела маску. Вы поражены, Буэнко? Но это, разумеется, была лишь игра воображения.

Софи. Глупая девчонка!

Мари. Фантазия повлекла меня за ним, я видела его у ног новой возлюбленной, видела его нежность и покорство, которыми он отравил меня, и метила прямо в сердце изменника! Ах, Буэнко! Но вдруг я вновь стала мягкосердечной французской девушкой, которой неведомы ни мстительный кинжал, ни любовное зелье. Плохи наши дела! К нашим услугам лишь песенки, чтоб развлекать возлюбленных, веера, чтоб их наказывать, а если они неверны нам?.. Скажи, сестрица, как поступают во Франции, когда изменит возлюбленный?

Софи. Проклинают его.

Мари. А еще?

Софи. Отпускают на все четыре стороны.

Мари. Отпускают! Может быть, и мне отпустить Клавиго? Если так делается во Франции, почему бы нам в Испании не перенять эту моду? Почему француженке не остаться француженкой и в Испании? Так отпустим же его и найдем себе другого, по-моему, и здесь женщины поступают не иначе.

Буэнко. Он нарушил торжественное обещание, а не покончил с легким романом, светской интрижкой. Мадемуазель, вы оскорблены, задеты за живое. Никогда еще мне не было так тягостно мое положение ничтожного мирного

гражданина Мадрида, никогда еще я не робел так, как теперь, когда чувствую, что бессилие добиться справедливой кары для этого лукавого царедворца.

М а р и. Когда он был просто Клавиго, а не архивариусом короля, пришлым провинциалом, которого ввели к нам в дом, он был так добр, так любезен! Его честолюбие, все его высокие устремления, казалось, были порождены его любовью. Для меня хотел он завоевать имя, положение, состояние — ему это удалось, а я!..

Входит Ж и л ь б е р.

Ж и л ь б е р (*жене, шепотом*). Брат приехал.

М а р и. Брат! (*Она дрожит, ее усаживают в кресло.*) Где он, где? Приведите его сюда! Отведите меня к нему!

Входит Б о м а р ш е.

Б о м а р ш е. Сестра! (*Отходя от старшей, бросается к младшей.*) Сестра моя! Друзья! О, сестра моя!

М а р и. Ты здесь? Благодарение богу, ты здесь!

Б о м а р ш е. Дай мне опомниться!

М а р и. Мое сердце, бедное мое сердце!

С о ф и. Успокойтесь! Любезный братец, я надеялась увидеть тебя более невозмутимым.

Б о м а р ш е. Невозмутимым! А разве вы невозмутимы? Разве по тому, как растерянна эта бедняжка, по твоим заплаканным глазам, по горестной бледности твоего лица, по мертвому молчанию вашего друга я не вижу, что вы так несчастны, как я и представлял себе во все время моего долгого пути! И даже еще несчастнее, — ведь я вижу вас, заключаю вас в свои объятия, действительность лишь удваивает мои чувства! О, сестра!

С о ф и. А что отец?

Б о м а р ш е. Он благословляет вас и меня, если я вас спасу.

Б у р н к о. Сударь, позвольте незнакомцу, с первого взгляда увидевшему в вас благородного, смелого человека, обнаружить перед вами то глубокое сочувствие, с которым он относится ко всей этой истории. Сударь мой! Вы проделали неслыханно долгий путь во имя спасения своей сестры, во имя мести! Милости просим! Вы явились, точно ангел с неба, пусть даже устыдив всех нас!

Б о м а р ш е. Я питал надежду, сударь, встретить в Испании людей с сердцем, подобным вашему. Это и подвигло

меня на такой шаг. Везде, во всем мире можно найти понимающие, сочувствующие души, стоит лишь появиться человеку, чье положение допускает решительные действия. И потому, друзья мои, я исполнен надежд: повсюду среди самых могущественных, самых великих есть прекрасные люди, да и монархи редко бывают глухи, только голос наш обычно слишком слаб, чтобы достигнуть их ушей.

Софи. Идем, сестрица, идем! Тебе надо прилечь хоть ненадолго! Она сама не своя.

Мари уводят.

Мари. Брат!

Бомарше. Бог даст, ты ни в чем не повинна, и тогда изменнику не уйти, не уйти от возмездия.

Мари и Софи уходят.

Брат мой! Друзья мои! Я по вашим глазам вижу, что вы друзья мне. Дайте мне опомниться. И тогда! Поведайте мне честно и беспристрастно всю историю. Пусть ваш рассказ определит мои поступки. Уверенность в том, что я совершаю доброе дело, лишь укрепит мою решимость. Верьте мне, если мы правы — справедливость восторжествует!

АКТ ВТОРОЙ

ДОМ КЛАВИГО

Клавиго. Кто эти французы, что предупредили меня о моем визите? Французы! Обычно я радовался встрече с людьми этой национальности. Отчего же теперь я не рад им? Удивительно, человек, одолевший столько преград, вдруг не в состоянии разорвать тонкую нить, связавшую его. Прочь, прочь! Разве я более виноват перед Мари, нежели перед самим собой, разве я обязан быть несчастным лишь потому, что какая-то девушка любит меня?

Слуга. Иностранцы уже здесь, сударь.

Клавиго. Проси. Ты сказал их слуге, что я ожидаю его господ к завтраку?

Слуга. Как изволили приказать.

Клавиго. Я сейчас вернусь. *(Уходит.)*

Бомарше, Сен-Жорж.

Слуга пододвигает им стулья и уходит.

Бомарше. Мне сейчас так легко, так радостно, друг мой, что я здесь, наконец, что он в моей власти; теперь ему от меня не уйти! Не теряйте спокойствия или хотя бы не выказывайте своего волнения! Ах, сестра, сестра! Кто бы мог подумать, что ты, невинная, так несчастна? Но все выйдет на свет божий, и ты будешь жестоко отомщена. Господи, сохрани тот мир в душе моей, который ты ниспослал мне в эти мгновения, дабы я, несмотря на все свои страдания, мог действовать мудро и хладнокровно.

Сен-Жорж. Этой мудрости, друг мой, всего того, к чему вы пришли по зрелом размышлении, я только и жду от вас. Обещайте же мне еще раз не забывать, где вы находитесь. В чужом королевстве все ваши покровители, все ваши деньги не смогут уберечь вас от тайных интриг нечестивых врагов.

Бомарше. Не тревожьтесь. Сыграйте как должно свою роль, пусть он не знает, с кем из нас двоих ему предстоит иметь дело. Я хочу помучить его. У меня сейчас самое подходящее расположение духа, чтобы поджаривать этого малого на медленном огне.

Возвращается Клавиго.

Клавиго. Господа, я счастлив видеть у себя представителей столь высоко ценимой мною нации.

Бомарше. Я желал бы, сударь, чтоб и мы были достойны чести, которую вам угодно оказывать нашим соотечественникам.

Сен-Жорж. Удовольствие познакомиться с вами заставило нас отбросить опасения, что мы будем вам в тягость.

Клавиго. Люди, один вид которых уже сам по себе достаточная рекомендация, не должны столь далеко заходить в своей скромности.

Бомарше. Вам, разумеется, не в новинку визиты незнакомцев, ибо ваши превосходные произведения снискали вам известность в чужих краях, так же как в вашем отечестве — почетные должности, кои доверены вам его величеством.

Клавиго. Король благосклонно относится к скромным моим заслугам, а публика проявляет немалое снисхождение к ничтожным пробам моего пера. Мне хотелось в какой-то мере споспешествовать улучшению вкуса в моей стране и более широкому распространению наук. Ибо только науки

связывают нас с другими нациями, только они сближают людей чуждых по духу, более того — помогают сохранить приятнейшее единство между теми, кого, увы, частенько разъединяют политические преграды.

Б о м а р ш е. Я восхищаюсь, слыша эти слова от человека, равно влиятельного в вопросах государственных и научных. И должен заметить, что вы опередили меня, заговорив именно о том, ради чего я позволил себе посетить вас. Ряд достойных и ученых мужей поручил мне повсюду, где я буду проезжать и поелику это будет возможно, наладить переписку между ними и крупнейшими умами вашего королевства. А кто же из испанцев владеет пером лучше издателя журнала, получившего известность под названием «Мыслитель», то есть человека, с коим я имею честь беседовать...

Клавиго отвечает благодарный поклон.

...Этот человек является красой и гордостью ученого мира, ибо со своими талантами он сочетает удивительную житейскую мудрость; он наверняка достигнет тех блистательных высот, кои сулят ему его знания и достоинства. Мне думается, связав моих друзей с таким человеком, я не смог бы сослужить им лучшей службы.

К л а в и г о. Господа, ни одно предложение на свете не могло бы быть желаннее для меня, в нем я усматриваю воплощение лучших чаяний, коими я, как мне иной раз казалось — напрасно, тешил свое сердце. Не потому, чтобы я верил, будто своими письмами могу удовлетворить желания ваших ученых друзей, — я все же не столь самонадеян. Но коль скоро я имею счастье быть связанным с лучшими умами Испании, коль скоро мне ведомо все, что свершается в нашем обширном королевстве на благо искусства и науки часто даже отдельными людьми, втайне, то я доселе числил себя всего лишь разносчиком, чья скромная задача состоит в том, чтобы делать общеизвестными открытия других. Но теперь, благодаря вашему посредничеству, я стану купцом, которому посчастливилось, пустив в оборот отечественные товары, увеличить славу отечества и к тому же обогатить его сокровищами другого народа. Так дозвоьте же мне, милостивый государь, не считать чужестранцем человека, который от чистого сердца принес мне приятнейшую весть; дозвоьте спросить, какое дело, какое стремление заставило вас пуститься в столь дальний путь? Нет, не пустое любопытство подсказало мне сей нескромный вопрос, поверьте, мною

движут самые чистые побуждения — я хотел бы в ваших интересах использовать все свои силы, все влияние, которое могу иметь: ибо, я должен сказать это наперед, вы прибыли в страну, где чужеземцу чинится множество препятствий, особенно при дворе.

Б о м а р ш е. С превеликой благодарностью принимаю ваше любезное предложение. У меня нет секретов от вас, сударь, и мой друг тоже вправе присутствовать во время моего рассказа, ибо он достаточно осведомлен обо всем, что я имею вам сказать.

Клавиго внимательно смотрит на Сен-Жоржа.

У одного французского купца, человека многосемейного, по малосостоятельного, имелось множество торговых корреспондентов в Испании. Один из них, очень богатый человек, пятнадцать лет назад приехал в Париж и предложил ему: «Отдайте мне двух ваших дочерей, я возьму их с собой в Мадрид и обеспечу. Я одинок, стар, родственников у меня нет, ваши дочери скрасят остаток моих дней, а после моей смерти унаследуют одно из крупнейших торговых дел Испании». Отец доверил ему старшую дочь и одну из младших и взялся поставлять его торговому дому все, какие понадобятся, французские товары. Все шло как нельзя лучше, покуда старый испанец не скончался, так ничего и не завещав французенкам. Оказавшись в весьма затруднительном положении, они решили сами открыть новое торговое дело.

Старшая между тем вышла замуж и, хотя средства сестер были более чем скромными, им удалось, благодаря хорошему поведению и приятной живости ума, сохранить множество друзей, которые прилагали все старания, чтобы расширить их дело и кредит.

Клавиго слушает все с большим вниманием.

Примерно в это же время к ним в дом был введен молодой человек, уроженец Канарских островов.

Веселость сходит с лица Клавиго, серьезное выражение мало-помалу сменяется замешательством, которое становится все заметнее.

Несмотря на незначительность его положения и состояния, он был принят весьма радушно. Дамы, заметив, что он горит желанием изучать французский язык, всеми средствами облегчали его старания в наикратчайший срок узнать как можно больше.

Стремясь завоевать себе имя, он напал на мысль доставить жителям Мадрида удовольствие, доселе в Испании не вемое, — выпустить в свет еженедельный журнал во вкусе английского «Зрителя». Новые приятели не преминули всемерно поддержать его, никто не сомневался, что сие начинание будет пользоваться большим успехом; короче говоря, воодушевленный надеждой вскоре занять видное положение, он предложил младшей сестре руку и сердце.

Ему ответили, что он может надеяться. «Попробуйте счастья, — сказала ему старшая сестра, — и ежели какая-либо должность, благоволение двора или что-нибудь еще дадут вам право помышлять о моей сестре и ежели она предпочтет вас другим искателям ее руки, то я обещаю вам свое согласие».

Смущенный Клавиго ерзает в кресле.

Младшая сестра отказывает самым достойным женихам, ее склонность к этому человеку растет день ото дня, помогая ей переносить все тревоги ожидания. Его счастье волнует ее не меньше, чем ее собственное, она побуждает его поспешить с выпуском в свет первого номера еженедельника, который появляется под весьма многообещающим названием.

Клавиго в крайнем смятении.

(Невозмутимо.) Еженедельник имеет ошеломляющий успех. Сам король, восхищенный им, оказывает издателю явные знаки расположения. Ему обещают видную должность, как только откроется подходящая вакансия. С этой минуты, начав открыто ухаживать за своею возлюбленной, он тем самым избавляется от всех соперников. Свадьба откладывается лишь до его вступления в обещанную должность. Наконец, после шести лет ожидания, дружбы, поддержки и любви со стороны девушки, после шести лет преданности, благодарности, ухаживаний, торжественных клятв со стороны молодого человека, должность получена и... он исчезает.

Клавиго старается подавить невольный тяжкий вздох, он вне себя.

История эта была слишком широко известна, чтобы люди могли равнодушно отнестись к ее развязке. Уже нанят дом для обоих семейств. Весь город только об этом и говорит. Друзья дома крайне возмущены и жаждут мести. Они взывают к могущественным покровителям, но этот негодяй, уже освоивший все придворные козни, умудрился сделать бес-

плодными попытки друзей и в своей наглости дошел до того, что осмелился угрожать несчастной девушке и ее сестре, осмелился сказать в лицо их друзьям, явившимся к нему: пусть де француженки поостерегутся, пусть не вздумают вредить ему, а ежели они что-либо против него предпримут, то он в мгновение ока разделается с ними здесь, в чужой для них стране, где им неоткуда ждать помощи и защиты.

У бедной девушки, когда ей передали его слова, начались конвульсии, угрожавшие ее жизни. Движимая глубоким горем, старшая сестра пишет во Францию, откровенно рассказывая о том, какому надругательству они подверглись. Эта весть до глубины души потрясла их брата, он подает прошение об отставке и спешит из Парижа в Мадрид, дабы словом и делом помочь в этой запутанной истории, и этот брат — я! Я бросил все — отечество, семью, долг, положение в обществе, радости жизни, чтобы отомстить в Испании за мою невинную, несчастную сестру.

Я пришел сюда в сознании своей правоты, исполненный решимости обличить изменника и кровью вывести на его лице всю суть его низкой души, и этот изменник — ты!

К л а в и г о. Послушайте, сударь, я... у меня... я не сомневаюсь...

Б о м а р ш е. Не перебивайте меня. Вам нечего мне сказать, а выслушать придется многое. Теперь, для начала, будьте любезны перед лицом этого господина, вместе со мною примчавшегося из Парижа, дать объяснения: какой неверностью, легкомыслием, слабостью, озорной выходкой заслужила моя сестра столь откровенное надругательство?

К л а в и г о. Сударь, ваша сестра, донна Мария, прелестная девушка, исполненная ума и добродетели.

Б о м а р ш е. С того дня, как вы познакомились с нею, дала ли она вам хоть малейшее основание жаловаться на нее или ее не уважать?

К л а в и г о. Нет, никогда!

Б о м а р ш е (*поднимаясь*). Так почему же, изверг, ты был так жестокосерд, что до смерти замучил бедняжку? Лишь потому, что ее сердце выбрало тебя из десятка других, которые все были и честнее и богаче тебя?

К л а в и г о. О милостивый государь! Ежели бы вы знали, как я был затравлен, какие обстоятельства, сколько всяких советчиков меня...

Бомарше. Довольно! (*К Сен-Жоржу.*) Вы слышали оправдание, вынесенное моей сестре, так идите же и рассказывайте об этом повсюду. Для того, что я еще имею сказать этому господину, свидетели не нужны.

Клавиго встает. Сен-Жорж направляется к двери.

Нет, оставайтесь, оставайтесь!

Оба опять садятся.

Раз уж мы так далеко зашли, я хочу сделать вам одно предложение, которое, я надеюсь, вы примете.

Ваш брак с Мари не в моих и не в ваших интересах; вы отлично понимаете, что я приехал не для того, чтобы изображать здесь брата из комедии, желающего ускорить развязку романа и выдать сестру замуж. Вы, не дрогнув, оскорбили честную девушку, ибо полагали, что в чужой стране некому будет помочь ей, некому отомстить за нее. Это поступок негодяя, ничтожного человека. Итак, прежде всего вы сами, по доброй воле, в присутствии ваших слуг во всеуслышание заявите, что вы гнусный человек, обманувший мою сестру, предавший и унизивший ее без малейших на то оснований. С этим я поеду в Аранхуэс, где квартирует наш посланник, я покажу ему ваше объяснение, велю его отпечатать, и послезавтра двор и весь город узнает о нем. Здесь у меня есть могущественные друзья, есть время и деньги — все это я обращаю на то, чтобы подвергнуть вас самым жестоким гонениям, покуда не уляжется гнев моей сестры, покуда она не сочтет себя удовлетворенной и не остановит меня.

Клавиго. Я этого объяснения давать не стану.

Бомарше. Так я и думал, вероятно, потому, что и сам на вашем месте поступил бы не иначе. Но теперь все будет по-другому — я останусь здесь, я ни на минуту не покину вас, буду неотступно следовать за вами, покуда вы, пресытившись моим обществом, не попытаетесь избавиться от меня где-нибудь за Буэнрети́ро. Коль скоро счастье будет на моей стороне, я, не повидавшись с посланником, возьму на руки мою умирающую сестру, посажу ее в карету и вместе с нею вернусь во Францию. Если же судьба улыбнется вам, то я свой долг выполнил, и вы сможете довольнo посмеяться над нами. Между прочим, пора завтракать!

Бомарше звонит. **Слуга** приносит шоколад. Бомарше с чашкой в руках прогуливается по расположенной рядом галерее, рассматривая картины.

К л а в и г о. Задыхаюсь, задыхаюсь! Ты поражен, ты постигнут врасплох, как мальчишка! Что случилось с тобою, Клавиго? Как намерен ты покончить с этой историей? Как можешь ты с нею покончить? Твоя собственная глупость, твоё вероломство ввергли тебя в это ужасающее положение! *(Хватается за шпагу, лежащую на столе.)* Вот! Легко и просто! *(Кладет шпагу на стол.)* Ужели нет иного пути, иного средства, кроме смерти... или убийства, отвратительного убийства! Лишить бедную девушку брата, её последнего утешения, единственной опоры! Пролить кровь благородного, храброго человека! Взвалить на себя непосильное бремя — быть дважды проклятым этой злосчастной семьею! Ежели бы ты мог все предвидеть, когда это прелестное создание в первые же часы знакомства очаровало тебя? И даже оставив её, ты не полагал, что твоя подлость возымеет столь тяжкие последствия. Какое наслаждение сулили тебе её объятия! И дружба такого брата! Мари! Мари! О, ежели бы ты могла простить, ежели бы я смел у ног твоих слезами смыть с себя вину! А почему бы и нет? Сердце мое переполнено, в душе загорается надежда! Сударь!

Б о м а р ш е. Что вы решили?

К л а в и г о. Выслушайте меня! Мой поступок с вашей сестрой не простителен. Меня совратило тщеславие. Я боялся этой женитьбой погубить свои планы, свои виды на будущую славную жизнь. Если бы я знал, что у неё есть такой брат, я не счёл бы её безвестной чужестранкой, мог бы надеяться на немалую пользу от этого брака. Сударь! Вы внушили мне величайшее почтение, заставили понять, как дурно я поступил, влили в меня силу, и теперь я жажду все исправить. Я паду к её ногам! Помогите, помогите мне, поелику это возможно, искупить мою вину и покончить с этой бедою! Возвратите мне вашу сестру, возвратите меня ей! Как счастлив был бы я получить от вас, сударь, руку вашей сестры и прощение всех моих ошибок!

Б о м а р ш е. Слишком поздно! Моя сестра более не любит вас, и мне вы омерзительны. Напишите то, что я сказал, ничего другого я от вас не требую, и уж поверьте, месть моя достаточно продумана!

К л а в и г о. Ваше упрямство несправедливо и неразумно. Я согласен, что уже не в моей власти исправить столь запутанное положение. Но смогу ли я что-то исправить, зависит от сердца вашей достойной сестры, от того, захочет ли она вновь свидеться с презренным человеком, который даже не

вправе смотреть на свет божий. Ваш долг единственно в том, сударь, чтобы выяснить это и повести себя так, как должно вести себя, не руководствуясь юношеским безрассудным пылом. Ежели донна Мария непреклонна... О, я знаю это сердце! Я словно воочию вижу ее доброту, ее ангельскую душу! Если же она будет неумолима, тогда все в ваших руках!

Бомарше. Я настаиваю на письменном объяснении.

Клавиго (*направляясь к столу*). А если я возьмусь за шпагу?

Бомарше (*прохаживаясь по комнате*). Отлично, сударь! Великолепно!

Клавиго (*останавливая его*). Еще одно слово. Ваше дело правое, так дозвоьте же мне призвать вас к благоразумию. Одумайтесь, что вы делаете! В любом случае нам не избежать гибели. Если шпага моя обагрится вашей кровью, если я в довершение всех бед еще убью брата Мари, то не смогу жить от боли и отчаяния, а если повезет вам... убийце Клавиго не перейти через Пиренеи.

Бомарше. Объяснение, сударь, письменное объяснение!

Клавиго. Будь по-вашему. Я хочу сделать все, дабы убедить вас в подлинности чувств, которые вы мне внушили. Я напишу объяснение, я хочу написать его под вашу диктовку. Только обещайте не пускать в ход эту бумагу, пока мне не представится случай убедить донну Марию в своем искреннем сердечном раскаянии, пока я не поговорю со старшей сестрою, пока та не замолвит за меня словечко перед моею возлюбленной! Не раньше, сударь!

Бомарше. Я еду в Аранхуэс.

Клавиго. Что ж, но пусть до вашего возвращения бумага останется у вас в портфеле. Если я до той поры не буду прощен, вы вольны мстить мне как угодно. Мое предложение справедливо, порядочно и разумно, но ежели вы его не принимаете, дело пойдет уже не на жизнь, а на смерть. И жертвами этой опрометчивости так или иначе падете вы сами и ваша несчастная сестра.

Бомарше. Как это на вас похоже — пожалуйть ту, кого вы сами сделали несчастной!

Клавиго (*сидясь*). Согласны вы принять мое предложение?

Бомарше. Хорошо, я согласен. Но запомните: я вернусь из Аранхуэса, спрошу, выслушаю ответ. И ежели вы не

будете прощены,—о, как я на это надеюсь, как алчу этого! — я немедленно отошлю записку в книгопечатню.

К л а в и г о (*берет бумагу*). Что я должен писать?

Б о м а р ш е. Сударь, я настаиваю на присутствии ваших слуг.

К л а в и г о. Зачем это?

Б о м а р ш е. Прикажите им просто находиться в этой галерее. Чтобы потом не было разговоров, будто я принуждал вас.

К л а в и г о. Какая предусмотрительность!

Б о м а р ш е. Я — в Испании и вынужден иметь дело с вами.

К л а в и г о. Пусть будет так! (*Звонит.*)

Входит слуга.

Созовите всех слуг и побудьте в галерее.

Слуга уходит и возвращается с другими, все стоят в галерее.

Предоставьте мне самому написать это объяснение.

Б о м а р ш е. Нет, сударь. Пишите! Пишите, прошу вас, то, что я вам скажу.

Клавиго пишет.

«Я, нижеподписавшийся, Иосиф Клавиго, архивариус короля...»

К л а в и г о. «...короля...»

Б о м а р ш е. «Признаю, что был весьма радушно принят в доме мадам Жильбер...»

К л а в и г о. «...мадам Жильбер...»

Б о м а р ш е. «И, стократ давая обещания жениться на ее сестре, обманул мадемуазель де Бомарше». Готово?

К л а в и г о. Сударь!

Б о м а р ш е. Вы можете назвать это иначе?

К л а в и г о. Я думал...

Б о м а р ш е. «Обманул мадемуазель де Бомарше». То, что вы могли сделать, вам нетрудно и написать... «Я оставил ее, хотя ни единым проступком, никакою слабостью не дала она мне повода, которым можно было бы извинить мое клятвопреступление».

К л а в и г о. Дальше!

Б о м а р ш е. «Напротив, поведение упомянутой девицы всегда отличалось безупречностью, чистотою и заслуживало всемерного уважения».

К л а в и г о. «...всемерного уважения...»

Б о м а р ш е. «Сознаюсь, что своими поступками, легко-мыслием своих речей и вследствие сего возникшими толками я унизил достоинство добродетельной девушки, и посему я прошу ее о прощении, хотя и понимаю, что не заслуживаю оного».

Клавиго перестает писать.

Пишите! Пишите! «Сие признание сделано мною по доброй воле, без всякого принуждения. Считаю необходимым при-сокупить: коль скоро эта сатисфакция не покажется до-статочной оскорбленному семейству, то я готов удовлетво-рить их любым образом, каким они потребуют. Мадрид».

К л а в и г о (*поднимается, знаком велит слугам удалить-ся и протягивает Бомарше написанное*). Я имею дело с ос-корбленным, но благородным человеком. Сдержите свое слово и не спешите с местью. Лишь с этим упованием, с этой един-ственной надеждой я подписал бумагу себе в поношение, чего иначе ни за что бы не сделал. Но прежде чем я осме-люсь предстать пред донной Марией, я хочу кого-нибудь про-сить замолвить за меня слово, и выбор мой пал на вас!

Б о м а р ш е. И не подумаю!

К л а в и г о. Хотя бы расскажите ей, что видели меня в искреннем горьком раскаянии. Это все, все, о чем я прошу вас, не откажите мне. Я должен был бы выбрать другого, не столь сильного духом заступника, но ваш долг честно рас-сказать ей все. Так расскажите ей, каким вы нашли меня.

Б о м а р ш е. Хорошо, это я могу, более того, хочу сде-лать. Итак, до свидания.

К л а в и г о. Прощайте. (*Хочет пожать руку Бомарше, но тот ее отдергивает.*)

Клавиго одип.

Как неожиданно все переменялось! Я едва держусь на но-гах, я как во сне! Не надо мне было давать ему эту бумагу. Но все произошло так внезапно, с такой молниеносной бы-стротой!

Входит К а р л о с.

К а р л о с. В чем дело? Весь дом взбудоражен. Что за гость был у тебя?

К л а в и г о. Брат Мари.

К а р л о с. Так я и думал. Мне только что повстречался этот старый пес, бывший слуга Жильбера, и он сболтнул,

будто ему еще со вчерашнего дня известно, что у Жильбера ожидают приезда этого братца. Это был он?

К л а в и г о. Замечательный юноша!

К а р л о с. С ним мы живо разделаемся! По дороге сюда я уже все обдумал. Чем же дело обернулось? Вызовом? Объяснением? Этот малый очень горячился?

К л а в и г о. Он потребовал от меня письменного признания, что его сестра ничем не подала мне повода к измене.

К а р л о с. И ты написал?

К л а в и г о. Даже почел за благо.

К а р л о с. Хорошо, очень хорошо! Этим все и ограничилось?

К л а в и г о. Он требовал или поединка, или письма.

К а р л о с. Последнее было разумнее. Кому охота ставить жизнь на карту из-за какого-то романтического дуралея. Он что, с ножом к горлу требовал этой бумаги?

К л а в и г о. Он диктовал мне ее, и я должен был еще созвать в галерею всех слуг.

К а р л о с. Понятно! Ну, погоди у меня, любезный братец, ты еще сломишь себе шею! Назови меня книжным червем, ежели я в два дня не упеку этого юнца в тюрьму и не отправлю с первым же транспортом в Индию.

К л а в и г о. Нет, Карлос, все обстоит совсем иначе, чем ты думаешь.

К а р л о с. Как же?

К л а в и г о. Я надеюсь через его посредничество своими настойчивыми просьбами добиться прощения несчастной девушки.

К а р л о с. Клавиго!

К л а в и г о. Надеюсь загладить прошлое, восстановить все, что сам разрушил, и вновь стать честным человеком в глазах света и своих собственных.

К а р л о с. Черт возьми, что за ребячество! Впрочем, я всегда знал, что ты человек не от мира сего. Позволить так себя одурачить! Неужто ты не видишь, этот план явно рассчитан на то, чтобы завлечь тебя в ловушку?

К л а в и г о. Нет, Карлос, он не хочет этого брака. Они все против. Мари обо мне и слышать не желает.

К а р л о с. Ну, знаешь!.. Нет, милый друг, не сочти за обиду, но я такое разве что в комедиях видел — так дурачат деревенских простаков.

К л а в и г о. Ты оскорбляешь меня. Прошу тебя, отложи свои шутки до моей свадьбы. Я решил жениться на Мари. По доброй воле, по велению сердца. Все мои надежды, все мое счастье связаны с мыслью добиться ее прощения. А значит — гордость побоку! Вновь, как и прежде, небесное блаженство для меня — объятия моей любимой. Слава, коей я добьюсь, высокое положение, коего я достигну, только удвоят мое чувство, ибо моя возлюбленная разделит их со мною, та, которая дважды сделала меня человеком. Прощай! Я должен пойти туда. Мне необходимо поговорить хотя бы с мадам Жильбер.

К а р л о с. погоди, пообедай сперва!

К л а в и г о. Ни минуты промедленья!

К а р л о с (*некоторое время молча глядит ему вслед*). Вот и опять человек совершает глупость. (*Уходит.*)

АКТ ТРЕТИЙ

ДОМ ЖИЛЬБЕРА

С о ф и Ж и л ь б е р. М а р и Б о м а р ш е.

М а р и. Ты его видела? Меня бьет дрожь. Ты видела его? Я была близка к обмороку, когда услышала, что он пришел, а ты его видела? Нет, я не могу, я... я не могу с ним встретиться...

С о ф и. Я вконец растерялась, когда он вошел. Ах, разве я не любила его так же, как и ты, — всем сердцем, чистой сестринской любовью? Разве его исчезновение не ранило, не измучило меня? И вдруг он возвращается, исполненный раскаяния бросается к моим ногам! Сестра! В лице его, в звуках его голоса таится какое-то необъяснимое очарование. Он...

М а р и. Нет, никогда, никогда в жизни!

С о ф и. Он совсем не изменился — то же доброе, нежное сердце, та же пылкость чувств. Он, как и прежде, жаждет быть любимым, как и прежде, мучительно боится, что ему откажут в этой любви. Все, все как прежде! А о тебе, Мари, он говорит, совсем как в былые счастливые дни пламенной страсти. Точно твой ангел-хранитель сам побудил его к этой неверности, к отчуждению, дабы нарушить вялое однообразие длительного знакомства и вновь оживить ваши чувства.

М а р и. Ты просишь за него?

С о ф и. Нет, сестрица, этого я ему и не обещала. Но, моя милая, я вижу вещи в подлинном свете. А ты и наш брат видите все в свете романтическом. Ты не первая и не последняя девушка, которую обманул и бросил возлюбленный. А то, что он вернулся в раскаянии исправить свою ошибку, воскресить былые надежды,— счастье, и другая на твоём месте не стала бы им пренебрегать.

М а р и. Сердце мое разорвется на части!

С о ф и. Я верю тебе. В первый миг при виде его ты взволнуешься до глубины души, но потом, моя милая, прошу тебя, не сочти тот испуг и растерянность, что, видимо, овладела тобой, за ненависть, за отвращение. Сердце твоё тянется к нему сильнее, чем ты думаешь, именно поэтому ты боишься увидеться с ним — ты слишком жаждешь его возвращения.

М а р и. Помилосердствуй!

С о ф и. Ты будешь счастлива. Если бы чувство подсказывало мне, что ты презираешь его, что он тебе безразличен, я бы и словечка более не проронила, и никогда бы ему не видать меня. Но, дорогая моя... ты ещё станешь благодарить меня, за то, что я помогла тебе справиться с этой мучительной нерешительностью, она — верный признак настоящей любви.

Т е ж е. Ж и л ь б е р. Б у э н к о.

Буэнко, Жильбер, идите сюда! Помогите мне вдохнуть мужество в эту малютку! Придать ей силы, в которых она так нуждается.

Б у э н к о. Если мне дозволено будет сказать — не принимайте его вновь!

С о ф и. Буэнко!

Б у э н к о. У меня сердце замирает в груди от мысли, что ему достанется этот ангел, та, которую он подло оскорбил, чуть не довел до могилы. Она достанется ему! Отчего? Чем склеит он разбитое? Ужели своим приходом? Тем, что ему вдруг вздумалось вернуться и заявить: «Теперь она мне по сердцу, теперь я хочу, чтобы она была моею!» Так, словно эта прекрасная девушка — какой-то сомнительный товар, который наконец уступают покупателю, торговавшемуся за каждый грош, как последний жид. Нет, я за Клавиго просить не стану, пусть даже сердце Мари рвется к нему. Вернулся... Но отчего как раз теперь? Или он ждал приезда вашего храб-

рого брата, мести которого боится, чтобы прийти и просить прощения, как провинившийся школяр? Да, он столь же труслив, сколь и подл.

Ж и л ь б е р. Вы рассуждаете, как настоящий испанец, по кажется, будто сами вы не знаете испанцев. В эти мгновения нам грозит опасность, которой вы и вообразить себе не можете.

М а р и. Жильбер, дорогой!

Ж и л ь б е р. Я воздаю должное предприимчивости нашего брата, я втайне наблюдал его геройство и теперь желаю, чтобы все кончилось хорошо, чтобы Мари решилась отдать свою руку Клавиго, ибо... *(улыбаясь)* сердце ее уже принадлежит ему.

М а р и. Как вы жестоки!

С о ф и. Выслушай его, прошу тебя, выслушай!

Ж и л ь б е р. Твой брат вынудил Клавиго написать объяснение, оправдывающее тебя в глазах света, но это-то нас и погубит.

Б у р н к о. Почему?

М а р и. О, боже!

Ж и л ь б е р. Клавиго написал объяснение в надежде растрогать тебя. Если это не удастся, он пойдет на все, чтобы уничтожить бумагу, он может это сделать — и сделает. Твой брат собирается, вернувшись из Аранхурса, немедленно напечатать и распространить сей документ. Боюсь, если ты станешь упорствовать, он никогда оттуда не вернется.

С о ф и. Жильбер, милый!

М а р и. Я умираю!

Ж и л ь б е р. Клавиго не допустит распространения этой бумаги. Ежели ты отклонишь его предложение, он, как человек чести, будет драться с твоим братом, и лишь один из них останется в живых. Умрет твой брат или выйдет победителем, он все равно погиб. Чужеземец в Испании! Убийца предпочтенного царедворца! Сестра! Весьма похвально чувствовать и мыслить столь благородно, но губить из-за этого себя и своих близких...

М а р и. Софи, посоветуй, как мне быть, помоги мне!

Ж и л ь б е р. Бурэнко, что вы можете возразить мне?

Б у р н к о. Он не посмеет, он слишком дорожит своей жизнью, иначе он не написал бы этой бумаги, иначе не просил бы руки Мари.

Жильбер. Тем хуже. Он сыщет сотни наемников, готовых по его коварному наущению убить нашего брата. Буэнко, ведь ты уже не ребенок. Разве каждый придворный не держит про запас наемного убийцу?

Буэнко. Король всемогущ и великодушен!

Жильбер. Что ж, в добрый час! Попробуйте проникнуть сквозь все стены, что окружают короля, сквозь стражу, сквозь все, чем эти придворные льстецы отгородили монарха от его народа, и спасите нас! Кто там пришел?

Входит Клавиго.

Клавиго. Пустите! Пустите меня к ней!

Мари вскрикивает и падает в объятия Софи.

Софи. Ужасный человек! В какое положение вы нас поставили?

Жильбер и Буэнко подходят к ней.

Клавиго. Да, это она, она! А я — Клавиго! Дорогая, если вы не хотите и глаз на меня поднять, то хоть выслушайте меня! В то время, когда Жильбер радушно принял меня в свой дом, я был бедным, неизвестным юношей, сердце мое разгорелось неодолимой страстью к вам, но разве была в том моя заслуга? Не объяснялось ли это скорее сродством душ, тайной склонностью сердец, ведь и вы не остались безразличны ко мне, и вскорости я льстил себя надеждой целиком завладеть вашим сердцем. А теперь — ужели я не прежний Клавиго? Отчего я не смею надеяться, отчего не смею просить? А если бы друг или возлюбленный, которого долго считали погибшим во время опасного и неудачного морского плавания, внезапно возвратился и, спасенный, упал к вашим ногам, неужто вы не открыли бы ему объятий? Разве море, по которому носило меня все это время, было менее бурным? Разве наши страсти, с которыми мы всю жизнь принуждены бороться, не страшнее, не безжалостнее волн, уносящих несчастного вдаль от родных берегов? Мари! Мари! Неужто вы ненавидите меня, ведь я никогда не переставал любить вас! Даже в вихре жизни, внимая обольстительным напевам тщеславия и гордости, я вспоминал те блаженные дни, что я, счастливый своей скромной долей, проводил у ваших ног, дни, когда мы видели перед собою путь, усыпанный розами! Почему же вы не хотите быть со мною теперь, когда могут осуществиться наши надежды? Неужто вы не пожелаете

наслаждаться жизнью лишь потому, что в нашей любви был этот перерыв, краткий и мрачный? Нет, дорогая, поверьте, самые светлые радости в этом мире не бывают безоблачны. Даже наивысшее блаженство нарушают удары судьбы или собственные наши страсти. Стоит ли сокрушаться о том, что у нас все было как у других, стоит ли самим карать себя, отвергая возможность вернуть былое, покончить с семейным разладом, вознаградить мужественный поступок благородного брата и на веки вечные составить счастье друг друга? Друзья мои, коих я не достоин, друзья мои, вы должны быть мне друзьями, ибо вы в дружбе с добродетелью, к которой я отныне возвращаюсь, поддержите же мои мольбы! Мари! *(Падает к ее ногам.)* Мари! Ты не узнаешь моего голоса? Не слышишь, как бьется мое сердце? Мари! Мари!

М а р и. О Клавиго!

К л а в и г о *(вскакивает и в восторге покрывает ее руку поцелуями)*. Она простила! Она любит меня! *(Обнимает Жильбера и Буэнко.)* Она еще любит меня! О Мари, сердце мое говорит мне об этом! Если бы я у твоих ног молча выплакал свою боль, свое раскаяние, ты и без слов поняла бы меня, как я понял, что прощен, хоть ты и слова не проронила. Нет, сродство наших душ не распалось, они внимают друг другу, как и прежде, когда ни слова, ни звука не нужно было, чтобы понять самые тайные порывы. Мари... Мари... Мари...

Входит Б о м а р ш е.

Б о м а р ш е. А!

К л а в и г о *(бросаясь к нему)*. Брат мой!

Б о м а р ш е. Ты простила его?

М а р и. Оставьте, оставьте меня! Я теряю сознание!

Ее уводят.

Б о м а р ш е. Она его простила?

Б у э н к о. Похоже, что так.

Б о м а р ш е. Ты не заслужил своего счастья.

К л а в и г о. Поверь, я это сознаю.

С о ф и *(возвращается)*. Она простила его. Слезы хлынули из ее глаз. «Пусть он уйдет! — проговорила она сквозь рыдания. — Я хочу отдохнуть, я прощаю его... Ах, Софи! — воскликнула она и бросилась мне на шею. — Откуда он знает, что я так его люблю?»

К л а в и г о *(целует ее руку)*. Счастливее меня нет никого в целом мире! Брат мой!

Бомарше (*обнимает его*). От чистого сердца. Хотя должен сказать: я еще не могу любить вас. И все-таки вы — наш, забудем прошлое! Вот бумага, которую вы дали мне! (*Достает бумагу из портфеля, рвет и клочки протягивает Клавиго.*)

Клавиго. Я — ваш отныне и навеки.

Софи. Я прошу вас на время удалиться, чтобы она могла прийти в себя, не слыша вашего голоса.

Клавиго (*обнимая каждого из них*). До свидания, до свидания, тысячу поцелуев моему ангелу! (*Уходит.*)

Бомарше. Может, оно и к лучшему, но я хотел другого исхода. (*С улыбкой.*) Какое доброе сердце у этой девочки! Должен сказать вам, друзья мои, что наш посланник желал только одного — чтобы Мари простила Клавиго и эта досадная история кончилась счастливым браком.

Жильбер. Что до меня, то я доволен!

Буэнко. Стало быть, он ваш зять, а посему — прощайте! Больше ноги моей не будет в вашем доме.

Бомарше. Сударь!

Жильбер. Буэнко!

Буэнко. Я ненавижу его и готов заявить об этом хоть на Страшном суде. А вы помните, с каким человеком имеете дело! (*Уходит.*)

Жильбер. Он меланхолик и вечно пророчит беды! Со временем он сменит гнев на милость, когда увидит, что все у нас хорошо.

Бомарше. Однако я слишком поторопился отдать ему бумагу.

Жильбер. Полно, полно вам! Не надо мрачных мыслей! (*Уходит.*)

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

ДОМ КЛАВИГО

Карлос один.

Карлос. Я весьма одобрительно отношусь к тому, что за расточительство и прочие сумасбродства, доказывающие, что человек несколько свихнулся, над ним учреждают официальную опеку. Поскольку так поступает правительство,

которое обычно не слишком-то о нас печется, можем ли мы не позаботиться о близком друге? Плохи твои дела, Клавиго! Но у меня еще есть надежда. И если ты хоть вполтину так податлив, как некогда, я еще успею спасти тебя от сумасбродного шага, который при твоей живой и впечатлительной натуре станет для тебя величайшим несчастьем и раньше времени сведет тебя в могилу. А, вот и он.

К л а в и г о входит в задумчивости.

К л а в и г о. Добрый день, Карлос.

К а р л о с. Как горестно и вымученно ты приветствуешь меня. Уж не от невесты ли ты возвращаешься в *таком* расположении духа?

К л а в и г о. Она — ангел! И все они — превосходные люди!

К а р л о с. Надеюсь, вы не очень спешите со свадьбой и я еще успею заказать себе расшитый камзол?

К л а в и г о. Не пойму, шутишь ты или говоришь серьезно, но наши гости не будут щеголять в расшитых камзолах.

К а р л о с. Охотно верю.

К л а в и г о. Радость и дружеская гармония — вот что станет лучшим украшением этого торжества.

К а р л о с. Вы собираетесь устроить тихую и скромную свадьбу?

К л а в и г о. Как и подобает людям, уверенным, что счастье заложено в них самих.

К а р л о с. В данных обстоятельствах это похвально.

К л а в и г о. Что ты понимаешь под «данными обстоятельствами»?

К а р л о с. То, как это дело делается и что из него вытекает.

К л а в и г о. Послушай, Карлос, мне претит сдержанно-таинственный тон между друзьями. Я знаю, ты против этого брака, посему выскажи прямо, что у тебя на душе, какие у тебя возражения и что значит твое «как это дело делается и что из него вытекает»?

К а р л о с. В жизни мы нередко сталкиваемся с неожиданным и странным, да и что хорошего, если бы все катилось по наезженной дороге? Нечему было бы удивляться, не о чем судачить, да и позлословить в обществе не пришлось бы.

К л а в и г о. Шуму, конечно, будет немало.

Карлос. Бракосочетание Клавиго! Еще бы! Сколько девушек в Мадриде тебя подстерегают, надеются тебя изловить, а ты преподнесешь им такой сюрприз.

Клавиго. Да, это уже неизбежно.

Карлос. Но странновато. Я мало знал мужчин, которые нравились бы женщинам больше, чем ты. Девушки разных сословий с утра до вечера только и думают, как бы тебя окрутить. Одна делает ставку на свою красоту, другая — на богатство, на знатность, на живость своего ума, а не то и на родственные связи. Каких только я не наслушался комплиментов в твой адрес! Ведь, по правде сказать, ни мой курносый нос, ни курчавые волосы, ни тем более мое общеизвестное презрение к женщинам не могли бы снискать мне подобных комплиментов.

Клавиго. Ты смеешься надо мной.

Карлос. Я бы молчал, если бы у меня в руках не перебывали всевозможные поручения и предложения, написанные и надарাপанные их собственными нежными лапками и такие безграмотные, какими только и могут быть любовные записки девушек. А сколько хорошеньких дуэний доставалось на мою долю при этих оказиях!

Клавиго. И ты ни слова мне не говорил!

Карлос. Не хотел занимать тебя такими пустяками и не мог тебе посоветовать серьезно заняться хоть одной из этих девиц. О Клавиго, твоя судьба волновала меня не меньше, чем моя собственная! Ты мой единственный друг, все люди мне противны, но похоже, что скоро и ты мне опротивеешь.

Клавиго. Успокойся, пожалуйста.

Карлос. Если у человека сгорел дом, который он строил добрый десяток лет, стоит ли посылать к нему духовника с проповедью христианского смирения? Собственно говоря, интересоваться надо только самим собой, люди не стоят того, чтобы...

Клавиго. Тебя опять одолевают мрачные мысли!

Карлос. И кто же в этом виноват, как не ты? Сколько раз я говорил себе: на что ему сейчас даже самый выгодный брак? Для обыкновенного человека он уже достиг всего, что можно, но с его умом, с его талантами было бы безответственно, даже преступно остановиться на достигнутом. И я начал строить планы. Мало на свете людей, думалось мне, столь предприимчивых и гибких, столь умных и трудолюбивых. Ему любое дело по плечу. Как архивариус он быстро приоб-

ретет важнейшие знания, сумеет сделаться необходимым при дворе, а в случае каких-либо перемен — и министром.

К л а в и г о. Признаюсь, и меня нередко посещали такие мечты.

К а р л о с. Мечты! Ежели я подхожу к башне с твердым намерением на нее взобраться, то и уйду не раньше, чем осуществлю это намерение, вот так же и ты сумеешь преодолеть любые трудности. А в дальнейшем все уже не страшно. У тебя нет наследственного состояния, но так оно, пожалуй, и лучше. Ты больше будешь стараться его приобрести и заботливее его хранить. Тот, кто взимает пошлину, а сам сидит без гроша — простофиля. К тому же я не понимаю, почему страна платит дань королю, а не министрам. Король дает ей свое имя, а те — все свои силы. Обдумав это, я мысленно стал подыскивать для тебя хорошую партию. Многие знатные семьи закроют глаза на твое происхождение, а богачи рады будут тряхнуть мощной для поддержки твоего высокого сана и, таким образом, разделить блеск и великолепие, я бы сказал, второго короля... а теперь...

К л а в и г о. Ты неправильно судишь и не в меру принижаешь мое нынешнее положение. Почему ты думаешь, что я не могу и сейчас продвигаться вперед, не могу шагнуть еще выше?

К а р л о с. Друг мой, попробуй вырви сердцевину из растения — оно будет давать все новые и новые боковые побеги, возможно, разрастется в пышный куст, но гордый, царственный рост ствола приостановится. Кстати, не воображай, что при дворе безразлично отнесутся к такому браку. Вспомни, какие люди тебе советовали не встречаться более с Мари, порвать с нею. Вспомни, кто подал тебе весьма неглупую мысль ее покинуть? Хочешь, я всех их пересчитаю по пальцам?

К л а в и г о. Меня уже мучила мысль, что мало кто одобрительно отнесется к моей женитьбе.

К а р л о с. Никто! А разве могли твои знатные друзья не возмутиться, что ты, не поговорив, не посоветовавшись с ними, поступил как глупый мальчишка, отдавший на рынке все свои деньги за кулек червивых орехов?

К л а в и г о. Это некрасиво, Карлос, и преувеличено.

К а р л о с. Ничуть. Я вполне понимаю, что объятый страстью человек может натворить глупостей. К примеру, жениться на служанке, потому что она красива, как ангел! Ладно, люди будут его порицать, но будут и завидовать.

К л а в и г о. У тебя вечно — люди, люди.

К а р л о с. Ты знаешь, я не робкого десятка и не ищу всеобщего одобрения, но вечная истина остается в силе: кто ничего не делает для других — ничего не делает и для себя, и, если люди тобой не восхищаются или не завидуют тебе, то и счастья у тебя не будет.

К л а в и г о. Свет судит поверхностно. О, право же, нельзя не позавидовать тому, кто владеет сердцем Мари.

К а р л о с. Какова поверхность, таков и предмет. Но я, разумеется, полагал, что должны в ней быть какие-то скрытые качества, которые заставили бы нас всех позавидовать твоему счастью. Однако по тому, что мы видим своими глазами, по тому, что постигает наш разум...

К л а в и г о. Ты меня убиваешь, Карлос.

К а р л о с. Как это могло произойти? — будут спрашивать друг у друга мадридцы. Как это могло произойти? — станут удивляться при дворе. Скажите, ради бога, как это могло произойти? Она бедна, без всякого положения в обществе. Если бы не ее интрижка с Клавиго, никто бы о ней и слыхом не слыхал. Возможно, она мила, приятна в обхождении, неглупа, но разве из-за этого женятся? Такие свойства перестают замечать в первые же месяцы брака. Ах, что вы, говорит кто-то, я слышал, что она необыкновенно хороша собой, очаровательна... В таком случае все понятно, ответят ему...

К л а в и г о (*в смятении, глубокий вздох вырывается у него*). О, боже мой!

К а р л о с. Хороша собой? Ну, в таком случае — дело другое! — скажет какая-нибудь дама. Я шесть лет ее не видела, заметит другая, за это время она могла измениться. Надо будет внимательно к ней присмотреться. Клавиго, вероятно, вскоре представит ее ко двору, произнесет третья. Начинаются расспросы, переглядыванье, все нетерпеливо ждут, вспоминая горделивого Клавиго, которого постоянно видели в свете подле красавицы испанки; он с торжествующим видом вел под руку свою пышногрудую даму, чьи румяные щеки и огненные глаза, казалось, надменно спрашивали всех и каждого: «Разве я не достойна своего спутника?» — а шелковый шлейф, далеко волочась за ней, развевался, как парус на ветру, придавая ей вид еще более величавый и царственный. И вдруг этот господин появляется — у окружающих слова замирают на языке — с маленькой француженкой. У нее семенящая походка, ввалившиеся глаза,

чахотка вконец ее иссушила, хотя она и пытается скрыть свою мертвенную бледность под слоем белил и румян. О брат мой, я с ума сойду и брошусь бежать без оглядки, когда меня начнут хватать за рукав, расспрашивать, выпытывать в полнейшем недоумении.

К л а в и г о (*дотрагиваясь до его руки*). Друг мой, брат мой, я попал в ужасающее положение. Не буду скрывать от тебя и притворяться — я испугался, снова увидев Мари! Как она изменилась, как исхудала, какой у нее изможденный вид. И виной тому я, моя измена!

К а р л о с. Пустое! Еще в разгаре вашего романа у нее была чахотка. Я тебе тысячу раз это твердил, но влюбленные слепы и глухи. Это позор, Клавиго! Все, все забыть для больной женщины, которая испортит твоё потомство, так что и дети твои и внуки будут угасать, как светильники, в которых не достало масла. А ты ведь мог стать родоначальником семейства, в будущем, возможно... Нет, лучше я буду молчать, у меня голова идет кругом.

К л а в и г о. Что мне сказать тебе, Карлос! Когда я увидел ее после долгой разлуки, в первый миг волнение охватило меня и наполнило мое сердце счастьем... Но — увы, — едва этот миг прошел — осталось лишь сострадание, глубокая искренняя жалость, но любви... знаешь, мне почудилось, что в горячем вихре житейских радостей холодная рука смерти коснулась меня. Я тшил себя быть веселым, казаться счастливым этим людям, вновь окружавшим меня, — но все было уже позади, я словно окаменел, и страх закрался мне в душу. Не будь они так взбудоражены, они, конечно бы, это заметили.

К а р л о с. Проклятие! Ад и смерть! И ты все-таки хочешь на ней жениться?

Клавиго молча стоит, погруженный в раздумье.

Ты погиб! Погиб навеки. Прощай, брат, и дай мне все забыть, я буду влачить одинокую жизнь, скорбя о твоём ослеплении. Подумать только! Так уронить себя в глазах света, даже не испытывая при этом страсти, вожделения! Накликать на себя болезнь, которая подточит твои душевные силы и к тому же заставит окружающих с отвращением смотреть на тебя.

К л а в и г о. Карлос! Карлос!

К а р л о с. Лучше бы тебе никогда не подниматься, чтобы потом не пасть так низко. Какими глазами будут смотреть на тебя люди! Ее братья, скажут они, малый не промах, умудрился скрутить Клавиго в бараний рог, а тот и пикнуть

не посмел. Ха-ха, будут похваляться наши придворные шаркуны, сразу видно, что он из простых. Жаль, скажет кто-нибудь еще, поглубже надвигая свою шляпу и самодовольно хлопывая себя по животу, что этот французишка не на меня нарвался! А все они не достойны и конюхами у тебя служить!

К л а в и г о *(в страхе, обливаясь слезами, бросается в объятия Карлоса)*. Спаси меня! Друг! Любимый друг мой, спаси меня! Спаси от двойного клятвопреступления, от безграничного позора, от меня самого — я гибну!

К а р л о с. Бедняга ты! Несчастный человек! А я-то надеялся, что с юношескими неистовствами, с рыданиями, с тоской и унынием давно покончено, надеялся, что ты, уже зрелый муж, не будешь так бурно предаваться горести, которую некогда изливал на моей груди. Опомнись, Клавиго, приди в себя!

К л а в и г о. Дай мне выплакаться! *(Опускается в кресло.)*

К а р л о с. Беда, что ты вступил на путь, дойти до конца которого у тебя не хватает сил! С таким сердцем, с такими убеждениями быть бы тебе мирным, счастливым обывателем, но ты одержим манией величия! А что, собственно, такое — величие, Клавиго? По своему положению, по почету, который тебе оказывают, возвыситься над другими? Оставь! Если в твоём сердце величия не больше, чем в других сердцах, если тебе недостает сил подняться над теми обстоятельствами, которые пугают самого заурядного человека, значит, ты, со всеми своими орденскими лентами и звездами, даже с короной на голове — и сам так же зауряден. Возьми себя в руки, успокойся.

Клавиго подымается, смотрит на Карлоса и протягивает ему руку. Карлос порывисто схватывает ее.

Выше голову, друг мой! Решайся. Отбросим все! Я говорю тебе: на чашах весов две возможности. Либо ты женишься на Мари и обретешь свое счастье в тихой семейной жизни, в мирных радостях, либо ты пойдешь дальше по почетной стезе к уже близкой цели. Итак, повторяю: отбросим все: стрелка весов стоит посередине. Ты один можешь решить — какая из двух чаш перевесит! Решайся же! На свете нет ничего более жалкого, чем нерешительный человек, — он мечется между двумя чувствами, жаждет связать их воедино и не может взять в толк, что лишь сомнения и тревоги, его терзающие, связывают их. Иди к Мари, протяни ей руку, посту-

пи как порядочный человек, который приносит в жертву слову, некогда данному им, все счастье своей жизни, который считает священным долгом исправить то, что он натворил, и никогда не расширяет круг своих действий и страстей, ибо главное для него — исправление ошибок. Итак, наслаждайся счастьем спокойного самоограничения и доброй совести, словом, блаженством, что даруется людям, умеющим созидать свое счастье и счастье близких,— решайся же, и я назову тебя настоящим человеком...

К л а в и г о. О Карлос, если бы я имел хоть искорку твоей силы и твоего мужества.

К а р л о с. Она тлеет в тебе, и я раздую ее в пламя. Взгляни — на другой чаше весов счастье и величие, которые тебя ожидают. Я не собираюсь расписывать твое будущее пестрыми поэтическими красками, вспомни, сколь живо ты его себе представлял, покуда этот французский вертопрах не сбил тебя с толку. Но все равно, Клавиго, будь настоящим человеком, иди своей дорогой, не оглядываясь по сторонам. Я уповаю, что ты опамятуешься и уразумеешь наконец, что незаурядные люди незаурядны еще и потому, что долг их отличен от долга человека заурядного. Тот, кто обязан обозревать великое целое, управлять им и его сохранять, также обязан пренебречь мелкими житейскими обстоятельствами, во имя блага великого целого. Так вседержитель поступает в природе, король в своем государстве,— почему же и нам не уподобится им?

К л а в и г о. Я маленький человек, Карлос.

К а р л о с. Маленьким человеком может себя назвать лишь тот, кого обстоятельства заводят в тупик и берут верх над ним. Еще мгновение, и ты опять станешь самым собою. Отринь остатки этой жалкой страсти, она теперь тебе так же не к лицу, как смиренный вид и серая курточка, в которой ты явился в столицу Испании. За то, что сделала для тебя эта девочка, ты уже давно с лихвою заплатил ей. А хороший прием, который она тебе оказала,— о, любая другая, ради удовольствия общаться с тобою, сделала бы то же самое или даже больше без всяких на тебя притязаний. Скажи, разве придет тебе на ум отдать школьному учителю половину твоего состояния за то, что тридцать лет тому назад он обучил тебя азбуке? Ну, Клавиго...

К л а в и г о. Все это так, в общем, ты, наверно, прав — будь по-твоему. Но как выпутаться из сетей, в которые я угодил? Помоги мне, дай добрый совет, а потом уж говори.

Карлос. Хорошо! Значит, ты этого хочешь?

Клавиго. Сделай так, чтобы это было возможно, тогда я захочу. Я ничего не в состоянии придумать, придумай ты за меня.

Карлос. Идет. Сначала ты встретишься с этим господином не у него и не у себя дома. Затем со шпагой в руке потребуешь обратно свое признание, подписанное тобой не обдуманно и по принуждению.

Клавиго. Оно у меня. Он его разорвал, а клочки вручил мне.

Карлос. Превосходно! Просто превосходно! Первый шаг, следовательно, уже сделан, а ты заставляешь меня понапрасну тратить слова. Но короче! Ты спокойно пишешь ему, что жениться на его сестре тебе нежелательно; причину ты ему откроешь, если он сегодня ночью, в сопровождении одного из своих друзей и при оружии — выбор такового целиком предоставляется ему — прибудет в указанное тобою место. И подпись. Садись, Клавиго, пиши. Я буду твоим секундантом, и если он не дьявол во плоти...

Клавиго идет к столу.

Постой! Еще одно словечко! По зрелом размышлении такой вариант кажется мне наивным. Кто мы, чтобы связываться с оголтелым авантюристом? Его поведение и сословная принадлежность не дают нам оснований считать его равней. Итак, слушай! Я хочу возбудить против него уголовное преследование за то, что он, тайно пробравшись в Мадрид, явился к тебе под чужим именем вместе со своим клеветником, втерся в доверие дружелюбной беседой, засим внезапно на тебя набросился, вынудил у тебя письменное признание, каковое и унес с собой, чтобы его распространить. Поверь, на этом он сломит себе шею и узнает, что значит среди бела дня напасть на испанца.

Клавиго. Ты прав.

Карлос. Может быть, нам, покуда не начнется процесс, обезопасить себя от выходов этого господина и, без долгих разговоров, упрятать его за решетку?

Клавиго. Я понял и знаю, что ты сумеешь выполнить задуманное.

Карлос. Разумеется! Вот уже двадцать пять лет я принимаю живейшее участие в подобных историях и своими глазами видел, как у одного из первых наших сановников от страха проступил на лице холодный пот, так неужто же мне

не разыграть такую комедию! Ты только предоставь мне полную свободу действий, а сам ничего не пиши и не принимай. Тот, кто позволяет посадить за решетку брата, и без слов доказывает сестре, что он ее не любит!

К л а в и г о. Нет, Карлос, будь что будет, но на это я пойти не могу. Бомарше достойный человек, и я не допущу, чтобы ее брата, за правое дело, опозорили и сгноили в тюрьме. Придумай что-нибудь другое, совсем другое!

К а р л о с. Ну, это же просто ребячество! Мы его не съедем, он будет получать хорошее содержание, к тому же долго это не продлится. Будь спокоен, когда он сообразит, что с ним не шутят, весь наигранный пыл с него слетит, он совсем ошалеет, вернется во Францию и будет учтиво благодарить за то, что его сестре назначена годовая рента, о чем он, надо думать, только и хлопсчит.

К л а в и г о. Будь по-твоему, но вы должны хорошо с ним обращаться.

К а р л о с. Не беспокойся.— Да, еще одна необходимая мера предосторожности! Кто знает, не распространится ли молва о нашем замысле, а если он обо всем пронюхает и тебя обгонит, тогда — пиши пропало! Посему уезжай из дому, так, чтобы слуги не знали куда. Вели уложить только необходимейшие вещи. Я пришлю за ними одного малого, который, кстати сказать, отвезет тебя в такое местечко, где и святой Германдаде тебя не сыскать. У меня всегда наготове несколько надежных убежищ. Прощай!

К л а в и г о. Всего доброго!

К а р л о с. Не вешай носа! Когда дело будет сделано, мы с тобою, братец, хорошенько повеселимся. *(Уходит.)*

ДОМ ЖИЛЬБЕРА

Со ф и Ж и л ь б е р, М а р и Б о м а р ш е с рукоделием.

М а р и. Ты говоришь, Буэнко ушел в ярости?

С о ф и. Это вполне естественно, он любит тебя, и видеть человека, вдвойне ему ненавистного, было для него нестерпимо.

М а р и. Он самый лучший, самый добропорядочный из всех, кого я знаю. *(Показывает Софи рукоделие.)* По-моему, надо сделать так. Вот тут я втягу, а вот тут выпущу конец наружу. Так будет неплохо.

Софи. Очень хорошо. А я хочу украсить свой чепчик палевой лентой. Палевый цвет мне больше всего к лицу. Тебе смешно?

Мари. Я над собой смеюсь. Мы, девушки, странный народ: стоит нам хоть немного воспрянуть духом, и мы уже думаем о нарядах и лентах.

Софи. Тебе этого в упрек не поставишь, с тех пор как Клавиги исчез, тебе ничто не доставляло радости.

Мари, вздрогнув, оглядывается на дверь.

Что с тобою?

Мари (*удрученно*). Мне показалось, кто-то пришел. Бедное мое сердце! Оно еще погубит меня. Слышишь, как бьется, и это из-за пустячного испуга!

Софи. Успокойся, ты так побледнела, прошу тебя, милая моя!

Мари (*указывая на грудь*). Вот здесь так теснит! Так колет! Я на краю гибели!

Софи. Пощади себя!

Мари. Я глупая, несчастная девушка! Горе и радость в равной мере подорвали мою бедную жизнь. Знаешь, я не полно радуюсь его возвращению. Недолго суждено мне наслаждаться счастьем, которое сулят его объятия, а может быть, и вовсе не суждено.

Софи. Сестра моя, милая, единственная! Ты сама себя терзаешь этими мрачными мыслями.

Мари. К чему себя обманывать?

Софи. Ты молода, счастлива и можешь надеяться на все, что угодно.

Мари. Надежда! Этот единственный сладостный бальзам в жизни часто завораживает мою душу. Смелые юные мечты и видения проходят перед моим взором, повсюду сопровождая образ возлюбленного, который опять принадлежит мне. О Софи, как он прекрасен! За то время, что я не видела его, — не знаю, как это выразить, — он ... проявились все лучшие его свойства, прежде не видные миру из-за его скромности. Он стал зрелым мужчиной; осознав это, отбросил гордость и тщеславие, и ныне все сердца влекутся к нему. И он будет моим? Нет, сестра, я никогда не стоила его, а теперь — и подавно!

Софи. Выходи за него и будь счастлива! Мне кажется, брат пришел.

Входит Бомарше.

Б о м а р ш е. Где Жильбер?

С о ф и. Еще не вернулся, но думаю, долго ждать себя не заставит.

М а р и. Что с тобою, братец? *(Вскакивает и бросается ему на шею.)* Милый братец, что с тобою?

Б о м а р ш е. Ничего. Оставь меня, моя Мари.

М а р и. Коли я твоя Мари, так поведай мне, что у тебя на сердце?

С о ф и. Оставь его, у мужчин часто бывает такое лицо даже без всякой причины.

М а р и. Нет, нет. Я совсем мало знаю твое лицо, но уже читаю на нем все твои чувства, каждое движение твоей искренней, непорочной души. Тебя что-то гнетет!. Скажи мне, что?

Б о м а р ш е. Ничего, мои дорогие. Я надеюсь, что, в сущности, ничего не случилось. Клавиго...

М а р и. Что?

Б о м а р ш е. Я был у Клавиго. Его нет дома.

С о ф и. И это тебя смутило?

Б о м а р ш е. Его привратник говорит, что он уехал, но куда — не известно, и никто не знает, надолго ли. Если он сам велел говорить, что его нет дома!.. А если он и вправду уехал? Куда? Зачем?

М а р и. Надо подождать.

Б о м а р ш е. К чему притворство? Ты побледнела, тебя бьет дрожь, все это доказывает, что ты ждать не можешь. Милая моя сестрица! *(Сжимает ее в объятиях.)* У твоего тревожно бьющегося, трепещущего сердца я клянусь тебе! Боже праведный, услышь меня! И все твои святые пусть услышат меня! Сестра, ты будешь отомщена, если он... при этой мысли у меня мутится разум... если он опять... если он, второй раз совершив клятвопреступление, посмеется над нашей бедой... Нет, нет, этого не может быть. Но ты будешь отомщена!

С о ф и. Все это слишком рано, слишком поспешно! Прошу тебя, брат, пощади ее!

Мари садится.

Что с тобою? Тебе дурно?

М а р и. Нет, нет, ничего. Ты напрасно волнуешься.

С о ф и *(подает ей стакан)*.. Отпей воды!

М а р и. Полно! Зачем? Ну, хорошо, я выпью.

Б о м а р ш е. Где Жильбер? Где Буэнко? Пошли кого-нибудь за ними, умоляю тебя!

Софи уходит.

Как ты себя чувствуешь, Мари?

М а р и. Хорошо, очень хорошо. Ты, значит, думаешь...

Б о м а р ш е. О чем, дорогая?

М а р и. Ах!

Б о м а р ш е. Ты задыхаешься?

М а р и. Сердце так сильно бьется, что мне нечем дышать.

Б о м а р ш е. Разве нет какого-нибудь средства? Может быть, тебе нужно успокоительное?

М а р и. Я знаю одно средство и уже давно молю господа о нем.

Б о м а р ш е. Ты получишь это средство, и, надеюсь, из моих рук.

М а р и. Благодарю тебя.

Возвращается С о ф и.

С о ф и. Курьер только что доставил это письмо из Аранхуэса.

Б о м а р ш е. Я узнаю печать и руку нашего посланника.

С о ф и. Я просила курьера спешиться, отдохнуть немного и перекусить, но он отказался, он должен развезти еще много депеш.

М а р и. Дорогая, не послать ли служанку за доктором?

С о ф и. Тебе дурно? О, господи, что с тобой?

М а р и. Ты так меня запугаешь, что я в конце концов даже не посмею попросить стакана воды... Софи! Брат! Что в этом письме? Смотри, как он дрожит! Силы оставляют его!

С о ф и. Брат! Брат!

Бомарше молча падает в кресло, роняет письмо.

Брат! *(Поднимает письмо и читает.)*

М а р и. Дай мне взглянуть! Я должна... *(Порывается встать.)* О, горе! Я чувствую, это конец. Сестра, хотя бы из милосердия, ускорь этот последний, смертельный удар! Он предал нас!..

Б о м а р ш е *(вскакивая)*. Он предал нас! *(Бьет себя в грудь.)* Вот! Вот! Все омертвело, все глухо в душе моей, точно удар грома поразил меня. Мари! Мари! Он предал

тебя! А я стою здесь! Куда? Что?.. Я ничего не вижу, ничего! Ни выхода, ни спасения! (*Падает в кресло.*)

Входит Жильбер.

Софи. Жильбер! Помоги, посоветуй, что делать! Мы погибли!

Жильбер. Софи!

Софи. Читай! Читай! Посланник сообщает брату, что Клавиго возбудил против него уголовное дело, обвиняя его в том, что якобы он под вымышленным именем проник в дом Клавиго, когда тот был еще в постели, и, угрожая пистолетом, вынудил подписать порочащее его признание, и, ежели брат не поторопится покинуть пределы королевства, они упрячут его в тюрьму, откуда даже посланнику вряд ли удастся освободить его.

Бомарше (*вскакивая*). Да, пускай, пускай, пускай меня упрячут в тюрьму! Но сперва им придется оттащить меня от его трупа, от того места, где я искупаюсь в его крови! Ах, страшная, отвратительная жажда крови терзает меня! Благодарю тебя, господи, что ты среди невыносимых, жгучих страданий ниспосылаешь людям хотя бы такое утешение, такую усладу! Жажда мести огнем пылает в моей груди, это прекрасное чувство не даст мне зачохнуть под тяжким гнетом тупой нерешительности! Оно поднимет меня надо мною! Я алчу его крови! Возмездие! О, как радостно мне! Как я хочу его настигнуть, схватить, уничтожить!

Софи. Ты страшен сейчас!

Бомарше. Тем лучше. Нет! К дьяволу шпагу! Не надо оружия! Вот этими руками я задушю его, и пусть единственным моим блаженством будет сознание, что я уничтожил его!

Мари. Боже, мое сердце, мое сердце!

Бомарше. Мне не удалось спасти тебя, но ты будешь отомщена! Я пойду по его следу, зубами вопьюсь в его тело, узнаю вкус его крови! Я превратился в бешеного зверя! Жажда встречи с ним огнем разливается по моим жилам, заставляет трепетать каждый нерв! Я возненавидел бы того, кто с помощью отравы или шпаги наемного убийцы убрал бы его с моей дороги! Жильбер, помоги мне сыскать его! А где Буэнко? Помогите же мне найти его!

Жильбер. Ты обезумел! Спасайся! Спасайся!

Мари. Беги, брат!

Софи. Уведи его, он погубит ее.

Входит Буэнко.

Буэнко. Сударь, скорее бегите отсюда! Я это предвидел. Я наблюдал за всем происходящим. Поторопитесь, вас ищут, если вы сей же час не покинете город, вы погибли!

Бомарше. Никогда! Где Клавиго?

Буэнко. Не знаю.

Бомарше. Знаешь! Я на коленях умоляю, скажи, где он?

Софи. Бога ради, Буэнко!

Мари. Ах! Мне нечем дышать, дышать! (*Падает навзничь.*) Клавиго!..

Буэнко. На помощь! Она умирает!

Софи. Господи, не оставь нас милосердием твоим! Беги, брат, беги!

Бомарше (*падает на колени перед Мари, которая, не смотря на все старания близких, не приходит в сознание*). Как мне покинуть тебя, тебя!

Софи. Оставайся! И ты погубишь нас всех, как уже погубил Мари. Ты умерла, сестра моя, из-за безрассудства твоего брата.

Бомарше. Замолчи, сестра!

Софи (*насмешливо*). Он приехал, чтобы спасти ее! Мститель! Позаботься лучше о себе!

Бомарше. Чем я заслужил такое?

Софи. Верни мне ее! А там ступай хоть в тюрьму, хоть на дыбу, ступай, пролей свою кровь, но верни ее мне!

Бомарше. Софи!

Софи. Да, ее нет больше, она умерла — так сбереги же себя ради нас! (*Бросается ему на шею.*) Брат мой, ради нас, ради нашего отца! Спеши! Спеши! Так ей было суждено. Всему конец. Отмщение предоставь господу!

Буэнко. Скорей, скорей! Пойдемте со мною, я спрячу вас, пока мы не сыщем возможности вывезти вас за пределы Испании.

Бомарше (*склоняется над Мари и целует ее*). Сестра!

Его отрывают от нее, он хватается в объятия Софи, та вырывается.

Тело Мари уносят. Буэнко и Бомарше уходят.

Жильбер. Врач.

Софи (*вернувшись из комнаты, в которую унесли Мари*). Поздно. Все кончено. Она умерла!

Жильбер (*врачу*). Пойдемте туда, сударь, вы должны сами взглянуть на нее, этого не может быть.

Уходят.

АКТ ПЯТЫЙ

УЛИЦА ПЕРЕД ДОМОМ ЖИЛЬБЕРА. НОЧЬ

Двери дома открыты настежь. У дверей с факелами стоят трое, закутанные в черные плащи. Появляется К л а в и г о, в плаще со шпагой. Впереди идет слуга с факелом.

К л а в и г о. Я говорил тебе, чтобы ты миновал эту улицу.

С л у г а. Тогда нам пришлось бы сделать слишком большой крюк, а вы ведь торопитесь. Отсюда недалеко до того дома, где живет дон Карлос.

К л а в и г о. А что это за факелы?

С л у г а. Похороны. Идемте, сударь.

К л а в и г о. Дом Мари! Похороны! Смертный ужас объемлет меня. Поди, узнай, кого они хоронят.

С л у г а (*подходит к людям в черном*). Кого вы хороните?

Ф а к е л ь щ и к и. Мари Бомарше.

Клавиго опускается на камень и закрывает лицо плащом.

С л у г а (*возвращается*). Они хоронят Мари Бомарше.

К л а в и г о (*вскакивает*). Зачем ты повторяешь это, предатель? Зачем повторяешь слова, точно громом поразившие меня, потрясшие меня до глубины души!

С л у г а. Тише, сударь, пойдемте! Подумайте, какая опасность вам грозит!

К л а в и г о. Убирайся к черту! Я остаюсь!

С л у г а. Карлос! Только бы мне найти тебя, Карлос! Он сам не свой! (*Уходит.*)

Клавиго. В отдалении — факельщики.

К л а в и г о. Мертва, Мари мертва! Факелы — скорбные спутники ее! Нет, это всего лишь морок, ночное видение, что, точно в зеркале, показывает мне, чем кончатся мои измены! Еще не поздно! Еще есть время! Я весь дрожу, сердце замирает от ужаса! Нет! Нет! Ты не можешь умереть! Я иду к тебе! Иду! Сгиньте, ночные духи, прочь с моей дороги, страшные призраки! (*Идет прямо на факельщиков.*) Сгиньте! Они стоят! Смотрят на меня! О, горе мне, о, горе! Они — люди, такие же, как я! Значит, это правда? Правда! Можешь ты это понять? Она мертва! Эта мысль ужасом ночи пронизывает

меня! Она мертва! Вот она лежит, дивная роза, у ног твоих... а ты... Господи, сжалясь надо мной!.. Я не убил ее! Скрой-тесь, звезды, не смотрите на меня, вы, не раз видевшие, как злодей, упоенный счастьем, покидал этот дом, шел по этим улицам, влекомый золотыми мечтами, под сладостные звуки музыки и песен, а сердце девушки, что провожала его взглядом из-за потайной решетки, замирало в предчувствии грядущего блаженства! Ныне по твоей вине дом этот наполнился рыданиями! В стенах, что были свидетелями твоего счастья, звучит погребальное пение! Мари! Мари! Возьми меня с собою! Возьми меня с собою!

Из дома доносится траурная музыка.

Они провожают ее в последний путь! Стойте! Стойте! Не закрывайте гроба! Дайте мне еще раз взглянуть на нее! *(Идет к дому.)* Кому, кому осмелюсь я посмотреть в лицо? С кем из удрученных великим горем дерзну встретиться? С ее друзьями? С братом, в груди которого пылает горестный гнев?

Снова слышится музыка.

Она зовет меня! Зовет! Иду! Страх сковал меня! Что не даст мне сдвинуться с места?

В третий раз слышится музыка и уже не прерывается. К трем факельщикам перед дверьми присоединяются еще трое, они выстраиваются, дабы сопровождать погребальное шествие. Шесть человек выносят из дому одр, на котором стоит гроб под парчовым покровом. Жильбер и Буэнко в глубоком трауре.

К л а в и г о *(выступая вперед)*. Стойте!

Ж и л ь б е р. Чей это голос?

К л а в и г о. Стойте!

Носильщики останавливаются.

Б у э н к о. Кто посмел кощунственно нарушить святость похоронной процессии?

К л а в и г о. Опустите гроб!

Ж и л ь б е р. А!

Б у э н к о. Презренный! Будет ли конец твоим позорным деяниям? Ужели и в гробу твоей жертве нет от тебя покоя?

К л а в и г о. Полно! Не доводите меня до безумия! Человек в несчастьи опасен! Я должен ее увидеть! *(Сбрасывает покров с гроба.)*

В гробу со сложенными на груди руками, вся в белом, лежит Мари. Клавиго в смятении отступает.

Буэнко. Уж не хочешь ли ты воскресить Мари, чтобы вновь убить ее?

Клавиго. Жалкий зубоскал!.. Мари! *(Падает на колени перед гробом.)*

Появляется **Бомарше**.

Бомарше. Буэнко покинул меня. Они сказали, она не умерла! Я должен сам в этом убедиться, хоть вопреки всем силам ада! Я должен ее видеть! Факельщики! Похороны! *(Бросается к факельщикам, видит гроб и в безмолвии падает на него.)*

Бомарше поднимают, он словно в обмороке. Жильбер поддерживает его.

Клавиго *(встает с другой стороны гроба).* Мари! Мари!
Бомарше *(вскидываясь).* Его голос! Кто зовет Мари?
При звуках этого голоса жгучая ярость разливается в моих жилах!

Клавиго. Я!

Бомарше с обезумевшим взглядом хватается за шпагу.
Жильбер удерживает его.

Меня не страшит ни пламя в твоих очах, ни острие твоей шпаги! Взгляни сюда, на ее смеженные вежды, на ее скрещенные руки!

Бомарше. Ты мне указываешь на это! *(Вырывается, и подбегает к Клавиго.)*

Тот выхватывает шпагу. Они бьются, Бомарше вонзает шпагу в грудь Клавиго.

Клавиго *(пошатнувшись).* Благодарю тебя, брат мой! Ты укрепил наш союз! *(Падает на гроб.)*

Бомарше *(оттаскивает его от гроба).* Преступник! Прочь от святой!

Клавиго. О, горе!

Носильщики поддерживают его.

Бомарше. Кровь! Мари, взгляни, взгляни на свой подвенечный убор и навеки закрой глаза! Смотри, твое последнее пристанище я оросил кровью твоего убийцы! Как хорошо! Как прекрасно!

Появляется **Софи**.

Софи. Брат! О, господи, что произошло?

Бомарше. Подойди, дорогая, подойди, полюбуйся! Я надеялся усыпать розами ее брачное ложе! Взгляни же, какими розами украсил я ее последний путь!

Софи. Мы погибли!

Клавиго. Спасайся, безумец! Спасайся, пока не забрезжил день! Господь, пославший тебя отмстить за нее, да не оставит тебя! Софи... прости меня!.. Брат... и вы, друзья, простите...

Бомарше. Потоки его крови гасят пламень мести в моем сердце! Его иссякающая жизнь уносит с собою мой гнев! *(Подходит к Клавиго.)* Умри, я прощаю тебя!

Клавиго. Твою руку! И твою, Софи! И вашу!

Буэнко медлит.

Софи. Дай ему руку, Буэнко!

Клавиго. Благодарю тебя! Ты все та же! Благодарю вас всех! И коли ты, дух моей возлюбленной, еще витаешь над нами, опусти глаза долу, взгляни на эту небесную доброту, благослови ее и прости меня! Я иду, иду за тобою! Брат, спасайся! Скажите, она меня простила? Как она скончалась?

Софи. Последним с ее уст сорвалось твое злосчастное имя! Она отошла, не простившись с нами.

Клавиго. Я иду за нею и передам ваше последнее прости.

Появляются Карлос и слуга.

Карлос. Клавиго? Убийца!

Клавиго. Послушай, Карлос! Ты видишь перед собою жертвы твоего хитроумия! Заклинаю тебя кровью, что неудержимо уносит мою жизнь, спаси мне брата!

Карлос. Друг мой! Что ж вы стоите! Бегите за хирургом!

Слуга уходит.

Клавиго. Тщетно! Спаси, спаси несчастного брата! Дай руку мне! Они простили меня, и так же я прощаю тебя! Ты проводишь его до границы и... ах!

Карлос *(топнув ногой)*. Клавиго! Клавиго!

К л а в и г о (*приближается к гробу, на который его опускают*). Мари, твою руку. (*Берет ее правую руку.*)

С о ф и (*к Бомарше*). Беги же, несчастный, спасайся!

К л а в и г о. Я добился ее руки! Ее холодной, мертвой руки! Ты — моя! И еще последний поцелуй, поцелуй жениха! Ах!

С о ф и. Он умирает! Беги, брат!

Бомарше бросается к Софи. Софи обнимает его и тут же отталкивает, чтобы он поспешал.

СТЕЛЛА

Драма для любящих

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Стелла.

Цецилия (вначале под именем мадам Зоммер).

Фернандо.

Люция.

Управляющий.

Станционная смотрительница.

Анхен.

Карл.

Почтальон.

Слуги.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

В ПОЧТОВОМ ДОМЕ

Слышен рожок почтальона.

Станционная смотрительница. Карл! Карл!
Входит мальчик.

Мальчик. Чего вам?

Станционная смотрительница. Пропasti на тебя нету, где ты опять застрял? Ступай на улицу! Почтовая карета едет. Проводи сюда пассажиров, возьми их багаж! Да быстрее поворачивайся! Опять надулся?

Мальчик уходит. Станционная смотрительница кричит ему вслед.

Погоди, я еще выбью из тебя лень! Мальчик при почтовой гостинице должен быть шустрым, расторопным. Станет по-

том такой бездельник хозяином, толку от него никакого. Ежели я и выйду замуж, так только потому, что женщине одной с таким народом не управиться.

Мадам Зоммер. Люция в дорожном платье. Карл.

Люция (*с саквояжем в руках, к Карлу*). Оставь, мне не тяжело, возьми картонку у моей матушки.

Станционная смотрительница. Ваша слуга, сударыня! Вы рано приехали. Обычно карета прибывает позже.

Люция. Уж очень нам веселый почтарь попался, молодой, красивый, я бы с ним охотно весь свет объездила. А пассажиров было всего нас двое и багажа немного.

Станционная смотрительница. Ежели вам угодно покушать, будьте добры обождать. Обед еще не готов.

Мадам Зоммер. Можно мне попросить немного супа?

Люция. Я-то не спешу! Но, может быть, вы накормите сперва мою матушку?

Станционная смотрительница. Сию минуту.

Люция. Только очень крепким бульоном!

Станционная смотрительница. Самым что ни на есть крепким! (*Уходит.*)

Мадам Зоммер. Неужели нельзя без приказаний? Кажется, могла бы за путешествие поумнеть! Мы каждый раз платим больше, чем съедаем. И это при наших-то обстоятельствах!

Люция. Мы еще никогда не терпели недостатка.

Мадам Зоммер. Но были очень близки к этому.

Входит почтальон.

Люция. Ну, что скажешь, славный почтарь? За чаевыми пришел, да?

Почтальон. Я же вас, как со спешной почтой, мчал.

Люция. И потому поспешил за чаевыми? Так ведь? Были бы у меня лошади, я бы тебя своим лейб-кучером сделала.

Почтальон. Я и без лошадей к вашим услугам.

Люция. Вот, получи!

Почтальон. Премного благодарен, мамзель! Вы дальше не едете?

Люция. На этот раз нет.

П о ч т а л ь о н. Счастливо оставаться. (*Уходит.*)

М а д а м З о м м е р. Я по его лицу видела, что ты слишком много дала.

Л ю ц и я. Ведь не хотели же вы, маменька, чтобы он остался недоволен. Он всю дорогу был так услужлив! Ежели я, как вы всегда говорите, своевольна, то хоть не своекорыстна.

М а д а м З о м м е р. Прошу тебя, Люция, пойми меня правильно. Я ценю в тебе прямоту не менее, чем веселый нрав и щедрость; но эти добродетели хороши только там, где они уместны.

Л ю ц и я. Маменька, здесь мне очень нравится. А дом там, напротив, принадлежит, должно быть, той даме, у которой я буду жить в камеристках?

М а д а м З о м м е р. Меня радует, что место, где ты будешь жить, тебе по душе.

Л ю ц и я. Верно, здесь очень тихо, это я уже заметила. Прямо как в воскресный день на главной площади! Но у хозяйки дома прекрасный сад, и сама она, говорят, хорошая женщина. Посмотрим, как мы с ней поладим. Что вы все вокруг оглядываете, маменька?

М а д а м З о м м е р. Ах, оставь меня. Счастливая ты девочка, ничто не наводит тебя на воспоминания! Тогда все было не так, как сейчас. Что может быть для меня тягостнее почтовой станции.

Л ю ц и я. И всегда-то вы найдете, чем растравить себе душу.

М а д а м З о м м е р. А разве не всегда есть для этого повод? Милая, ведь все было совсем не так, как сейчас, когда мы с твоим отцом ездили еще вместе, когда мы в лучшую пору нашей жизни, в первые годы брака, наслаждались путешествиями! Для меня тогда все имело очарование новизны. В его объятиях глядеть из экипажа на все время сменяющиеся картины! Тогда каждая мелочь оживлялась для меня его умом, его любовью!..

Л ю ц и я. Я тоже очень люблю путешествовать.

М а д а м З о м м е р. И когда после утомительного дня, после непредвиденных случайностей, после тяжелой зимней дороги мы останавливались на ночлег в еще более захудалой почтовой гостинице, чем здешняя, мы вместе наслаждались самыми простыми удобствами, вместе сидели на деревянной скамье, вместе ели дробленую и вареную картошку... Да, тогда было не так, как сейчас.

Люция. Пора уже забыть его.

Мадам Зомер. Ты понимаешь, что значит: забыть! Милая моя девочка, ты, слава богу, еще не теряла ничего такого, потерю чего нельзя возместить. С той самой минуты, когда я убедилась что он меня бросил, жизнь перестала меня радовать. Меня охватило отчаяние. Я потеряла веру в себя, я потеряла веру в бога. Уж и не помню, как все это было.

Люция. И я ничего не помню, помню только, что сидела у вас на кровати и плакала, потому, что плакали вы. Это было в зеленой комнате на маленькой кровати. Больше всего мне было жаль эту комнату, когда нам пришлось продать дом.

Мадам Зомер. Тебе было семь лет, ты не могла чувствовать, что ты потеряла.

Входят Анхен с супом, станционная смотрительница,
Карл.

Анхен. Вот суп, мадам.

Мадам Зомер. Спасибо, голубушка! Это ваша дочурка?

Станционная смотрительница. Моя падчерица, сударыня, но она такая хорошая, что заменяет мне родную дочь.

Мадам Зомер. Вы в трауре?

Станционная смотрительница. Три месяца, как я овдовела. А мы и трех лет не прожили вместе.

Мадам Зомер. Но вы как будто уже немного утешились?

Станционная смотрительница. Ах, сударыня, нашей сестре некогда плакать, некогда, к сожалению, и молиться. Вертишься и в воскресные и в будние дни. Разве только поплачешь, когда пастор скажет проповедь на евангельские слова о смерти или услышишь заупокойное пение. Карл, принеси салфетки! Накрой на этом конце стола!

Люция. Чей это дом напротив?

Станционная смотрительница. Нашей баронессы. Добрейшей женщины.

Мадам Зомер. Меня радует услышать от соседки подтверждение тому, в чем меня уверяли очень далеко отсюда. Моя дочь поступает к ней в услужение.

Станционная смотрительница. Вы, мамзель?

Люция. Ну да!

Станционная смотрительница. Я слышала, что она ждет камеристку. Но как вы решились?

Люция. А почему нет, если она приятная особа и мне понравится? Конечно, раз уж приходится идти в услужение, так я хочу к такой, что была бы мне по вкусу.

Станционная смотрительница. Станный был бы у вас вкус, ежели бы она вам не понравилась. Нельзя ее не полюбить с первого же взгляда. Будь моя девочка постарше, я бы такого места не упустила.

Люция. Тем лучше! Когда мне приходится приравниваться к человеку, надо, чтобы я делала это охотно, от всего сердца, иначе ничего не выйдет.

Станционная смотрительница. Вот вернетесь от нее и скажете, права я была или нет. Жить у баронессы всякий почитает за счастье. Как подрастет моя дочка — пусть хоть несколько лет проживет у нее в прислугах; девочке от этого на всю жизнь польза будет.

Анхен. Вы бы ее только видели! Она такая, такая милая. Вы не поверите, как она вас ждет. И меня она тоже любит. Не хотите пойти к ней? Я бы вас проводила.

Люция. Мне надо сперва переодеться, и поесть хочется.

Анхен. А мне, мамаша, можно пойти? Я скажу баронессе, что мамзель приехала.

Станционная смотрительница. Ступай, ступай!

Мадам Зоммер. И скажи, голубушка, что сразу же, как отообедаем, мы придем засвидетельствовать ей свое почтение.

Анхен уходит.

Станционная смотрительница. Моя дочка очень к ней привязана. И то сказать, лучше нее на свете не сыщешь; вся ее радость в детях. Она учит их рукодельничать, учит петь. Берет в услужение деревенских девушек, обучает их, как ходить за господами; потом подыскивает им хорошее место; вот так и проводит время с тех пор, как ее муж уехал. Просто не понять, как она при всем своем горе такая ласковая, такая хорошая.

Мадам Зоммер. Разве она не вдова?

Станционная смотрительница. Это одному богу известно. Ее супруг три года, как уехал, и о нем ни слуху ни духу. А она его безумно любит. Мой муж как начнет,

бывало, о них рассказывать, никак кончить не может. Еще бы! Я и сама говорю, такого сердца на всем свете не сыщешь. Каждый год в тот день, когда она его в последний раз видела, она никого до себя не допускает, сидит запершись, а когда о нем говорит, просто за душу берет.

Мадам Зоммер. Бедная, бедная!

Станционная смотрительница. Толков всяких много ходит.

Мадам Зоммер. О чем?

Станционная смотрительница. Да говорить-то не хочется.

Мадам Зоммер. Я вас очень прошу.

Станционная смотрительница. Вам я скажу, только вы не выдавайте меня. Тому уже больше восьми лет, как они сюда приехали. Они купили здесь поместье; никто их не знал, называли просто господами, его считали офицером, который разбогател на военной службе в чужой стране и желает пожить спокойно. Она была тогда совсем юная, лет шестнадцати, не старше, и прекрасна, как ангел.

Люция. Так теперь ей должно быть не больше двадцати четырех?

Станционная смотрительница. Для своего возраста она пережила много горя. Была у нее девочка, да рано умерла. Похоронили ее в саду, просто зеленый холмик, а с тех пор, как уехал супруг, она построила около усыпальницу и наказала себя там похоронить. Мой покойный муж был не очень чувствительный и уже в летах, но ни о чем не рассказывал он так охотно, как об их счастье в ту пору, что они жили здесь вместе. «Сам другим человеком становишься только от того, что видишь, как они друг друга любят», — говаривал он.

Мадам Зоммер. И в моем сердце отзывается ее горе.

Станционная смотрительница. Что поде-лаешь! Толковали, будто у него чудные какие-то взгляды. Во всяком случае, в церковь он не ходил, а ежели кто к религии не привержен, в том и бога нет и никаких законов он не соблюдает. Потом стали говорить: «Муж от нее уехал». Уехал и не вернулся.

Мадам Зоммер (*про себя*). Та же картина, что и у меня!

Станционная смотрительница. Все только об этом и судачили. Я как раз тогда вышла замуж и приехала сюда; в Михайлов день три года будет. И всякий свое болтал, шептались даже, будто они не венчаны. Только не выдавайте меня! Вроде бы — он знатный барин, вроде бы она сбежала с ним. И чего только не говорили. Да, ежели молодая девица решится на такой шаг, ей всю жизнь придется искупать свой грех.

Входит Анхен.

Анхен. Они очень просят вас пожаловать, не откладывая; им желательно только посмотреть на вас, только минутку побеседовать.

Люция. Неприлично являться в дорожном платье.

Станционная смотрительница. Идите, идите! Честное слово, она на это и не посмотрит.

Люция. Ты меня проводишь, девочка?

Анхен. С радостью!

Мадам Зоммер. Люция, на два слова!

Станционная смотрительница отходит в сторону.

Только не проговорись ни о нашем звании, ни о нашей судьбе! Держи себя почтительно.

Люция (*тихо*). Будьте покойны! Отец был купцом, уехал в Америку, там умер, и потому наши обстоятельства... Будьте покойны; мне уже не впервой повторять эту сказку. (*Громко.*) Вы, кажется, хотели немного отдохнуть? Вам это необходимо. Хозяюшка отведет вам комнатку с постелью.

Станционная смотрительница. У меня в саду есть как раз уютная, тихая комнатка. (*К Люции.*) Желаю, чтобы наша баронесса вам понравилась.

Люция и Анхен уходят.

Мадам Зоммер. Моя дочь еще немного самоуверенна.

Станционная смотрительница. Это по молодости лет. С годами наступит предел надменным волнам.

Мадам Зоммер. Тем хуже.

Станционная смотрительница. Если угодно, я провожу вас, мадам.

Обе уходят.

Слышен рожок почтальона.

Фернандо в офицерской форме. Слуга.

Слуга. Прикажете сразу же запрягать и укладывать вещи?

Фернандо. Принеси вещи сюда, я же сказал — сюда. Мы дальше не поедem, слышишь?

Слуга. Не поедem? Вы же изволили говорить...

Фернандо. Я говорю, скажи, чтобы тебе отвели комнату, и отнеси туда мои вещи.

Слуга уходит.

(Подходя к окну.) И вот я снова гляжу на тебя? Упоительная картина! И вот я снова гляжу на тебя! Место моего блаженства! Какая тишина в доме! На террасе, где мы так часто сидели вместе, никого! Видишь, Фернандо, ее дом кажется монастырем, ты можешь ласкать себя надеждой! Неужели она предается воспоминаниям о тебе, коротает время в одиночестве думами о своем Фернандо? Заслужил ли ты это? О, мне кажется, будто я снова пробудился к жизни после долгого, холодного, могильного сна; таким новым, таким значительным представляется мне все. Деревья, фонтан, все, все, как было тогда. Вот так же из этих труб струилась вода, когда я — ох, сколько раз! — стоял в задумчивости рядом с пей у окна и мы оба, погрузившись в свои мысли, молча глядели на бегущую воду! Ее журчание звучит для меня мелодией, мелодией, вызывающей воспоминания. А она? Она, конечно, та же, что и была. Да, Стелла, сердце говорит мне, что ты не изменилась. Как оно бьется в ожидании встречи с тобой! Но я не хочу, я не смею! Я должен сперва прийти в себя, должен сперва убедиться, что я действительно здесь, что это не грезы, так часто и во сне и наяву переносившие меня сюда из самых дальних краев. Стелла! Стелла! Я иду! Чувствуешь ты, что я здесь, рядом? Иду позабыть обо всем в твоих объятиях! И если ты, дорогая тень моей несчастной жены, витаешь тут, возле, прости, покинь меня! Ты ушла в прошлое, дай мне забыть тебя в объятиях моего ангела, забыть все превратности судьбы, твою утрату, мою боль и раскаяние... Я так близко от нее и так от нее далеко!.. И через минуту... Я не могу, не могу! Я должен прийти в себя, не то я у ног ее задохнусь от волнения.

Входит станционная смотрительница.

Станционная смотрительница. Не угодно ли, сударь, откусать?

Фернандо. У вас есть, чем меня накормить?

Станционная смотрительница. Конечно! Мы ждем одну молодую особу. Она пошла напротив, к баронессе.

Фернандо. Как здоровье баронессы?

Станционная смотрительница. Вы ее знаете?

Фернандо. Несколько лет тому назад я бывал здесь. Что делает ее супруг?

Станционная смотрительница. Одному богу известно. Странствует по свету.

Фернандо. Уехал?

Станционная смотрительница. Ну да! Покинул бедняжку! Да простит ему бог!

Фернандо. Ничего, утешится.

Станционная смотрительница. Вы так думаете? Видно, мало вы ее знаете. Все то время, что я с ней знакома, она живет как монахиня, в полном уединении. Ни посторонние, ни соседи у нее, можно сказать, не бывают. Живет одна со своей прислугой, зовет к себе здешних детей и, невзирая на душевную боль, всегда со всеми обходительна.

Фернандо. Надо ее навестить.

Станционная смотрительница. Обязательно навестите! Иногда она изволит нас приглашать — супругу судьи, пасторшу и меня, и обо всем с нами беседует. Мы, конечно, остерегаемся упоминать о ее супруге. Один-единственный раз обмолвились, только господу богу известно, что с нами было, когда она начала говорить о нем, хвалить его, плакать. Мы все, сударь, как дети, плакали и никак не могли успокоиться.

Фернандо (*про себя*). Ты это заслужил за нее! (*Громко.*) Вы указали моему лакею комнату?

Станционная смотрительница. Этажом выше, второй номер. Карл, покажи господину комнату!

Фернандо и Карл уходят.

Входят Люция и Апхен.

Ну как?

Люция. Очаровательная особа. Мы с ней поладим. Вы не преувеличили. Она не отпускала меня. Я должна была ей твердо обещать, что сразу же после обеда мы с маменькой и со всем нашим багажом придем к ней.

Станционная смотрительница. Я так и думала! А теперь не угодно ли откусать? Сейчас приехал красивый высокий офицер, ежели он вас не стеснит...

Люция. Нисколько. С военными я больше, чем со всеми прочими, люблю иметь дело. Они, по крайней мере, не притворяются, так что с первого взгляда знаешь, кто хороший, а кто плохой. Маменька спит?

Станционная смотрительница. Не знаю.

Люция. Пойду взгляну. (*Уходит.*)

Станционная смотрительница. Карл! Опять позабыл поставить солонку! Посмотри на стаканы! Это называется вымыты? Надо бы их разбить о твою голову, да ты не стоишь того, что стоит стакан.

Входит Фернандо.

Та особа вернулась. Она сейчас сядет за стол.

Фернандо. Кто она?

Станционная смотрительница. Не знаю. На вид из хорошей, но несостоятельной семьи. Она будет жить в камеристках у баронессы.

Фернандо. Вы говорите, молодая?

Станционная смотрительница. Совсем молоденькая и бедовая. Ее матушка тоже здесь.

Входит Люция.

Люция. К вашим услугам!

Фернандо. Я счастлив сидеть за столом в таком приятном обществе.

Люция кланяется.

Станционная смотрительница. Сюда, мамзель! А вы, будьте любезны, сюда!

Фернандо. А вы, хозяйшюка, не окажете нам честь?

Станционная смотрительница. Где мне сидеть сложа руки,— тогда и все в доме сложат руки. (*Уходит.*)

Фернандо. Значит — tête-à-tête!

Люция. И между нами стол,— одобряю.

Фернандо. Вы решили поступить в камеристки к баронессе?

Люция. Приходится!

Фернандо. А ведь вам нетрудно было бы найти компаньона более увлекательного, чем баронесса.

Люция. Мне он не нужен.

Фернандо. Совершенно честно?

Люция. Сударь, я замечаю, вы такой же, как и все мужчины.

Фернандо. То есть?

Люция. То есть вы очень самоуверенны. Все вы, мужчины, считаете, что без вас не обойтись. Уж не знаю, я-то ведь выросла без мужчин.

Фернандо. У вас уже нет отца?

Люция. Я, можно сказать, почти не помню, что у меня был отец. Я была маленькой, когда он нас оставил, поехал в Америку, и, как мы слышали, его корабль потонул.

Фернандо. И вы так равнодушно об этом говорите?

Люция. А как еще я могу говорить о нем? Он ничем не поступил из любви ко мне; и хотя сейчас я и простила ему, что он нас бросил, — ведь ничего не может быть для человека дороже свободы, — но все же я бы не хотела быть на месте моей матушки, она убита горем.

Фернандо. И вам не на кого опереться, не у кого искать помощи?

Люция. А зачем? Наше состояние с каждым днем становится все меньше, зато я с каждым днем становлюсь все больше. Я не боюсь, что не смогу прокормить свою мать.

Фернандо. Меня поражает ваше мужество!

Люция. Ах, сударь, мужество приобретается. Когда часто чувствуешь себя на краю гибели и всякий раз удастся спастись, начинаешь верить в свои силы!

Фернандо. А поделиться этой уверенностью со своей матушкой вы не можете?

Люция. К сожалению, она его потеряла, а не я. Я благодарна отцу уже за то, что родилась, я люблю жизнь и радуюсь ей. Но матушка... ведь ему она отдала все надежды, ему в жертву принесла цвет своей юности и теперь покинута, покинута так внезапно... Чувствовать себя покинутой — это, должно быть, ужасно!.. Я еще ничего не теряла, судить об этом я не могу... Вы как будто задумались?

Фернандо. Да, дорогая, кто живет, тот теряет (*вставая*), но он и приобретает. Дай вам бог сохранить мужество! (*Берет ее руку.*) Вы удивили меня. О, дитя мое, какое счастье!.. Мне тоже пришлось так много, так часто терять... и надежды... и радости... Ведь всегда... И...

Люция. Что вы хотите сказать?

Фернандо. Всего хорошего! Самые лучшие, самые теплые пожелания вам счастья! (*Уходит.*)

Люция. Что за странный человек! Но, кажется, хороший!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Стелла. Слуга.

Стелла. Ступай, ступай туда поскорее. Скажи, я жду ее.

Слуга. Они обещались сейчас же прийти.

Стелла. Ты же видишь, она не пришла. Девушка очень мне полюбилась. Ступай!.. И ее матушку тоже проси!

Слуга уходит.

Кажется, я просто не дождусь ее. Сколько желаний, сколько надежд связано с появлением нового человека столь приятного облика! Стелла! Ты ребенок. А разве мне запрещено любить?.. Чтобы заполнить пустоту сердца, мне надо так много! Так много? Бедняжка Стелла! Так много? Прежде, когда он еще любил тебя, когда еще лежал в твоих объятиях, его взглядом была полна твоя душа и... о, отец наш небесный! Пути твои неисповедимы. Когда я, оторвавшись от его поцелуев, обращала взоры к тебе, когда сердце мое пылало у его сердца, когда я трепетными устами вливалась его большую душу, а затем со слезами блаженства устремляла взор в небеса и от полноты сердца молила тебя: «Отче, оставь нам наше счастье! Ты дал нам столько счастья!» Но на то не было твоей воли. (*Впадает в минутную задумчивость, затем быстро поднимается и прижимает обе руки к сердцу.*) Нет, Фернандо, нет, это не упрек!

Входят мадам Зоммер и Люция.

Наконец-то вы тут! Милая девочка, теперь ты моя... Мадам, благодарю вас за доверие, с которым вы отдаете в мои руки ваше сокровище. Милая моя упрямец, добрая своевольная душа. О, я уже узнала тебя, Люция.

Мадам Зоммер. Вы чувствуете, что я отдаю, что я оставляю вам.

Стелла (*после паузы, во время которой она вглядывается в мадам Зоммер*). Простите! Мне рассказали вашу

историю; я знаю, что передо мной особа из хорошей семьи; но с первого же взгляда вы поразили меня. Я чувствую к вам доверие и глубокое уважение.

Мадам Зомер. Сударыня...

Стелла. Не возражайте! Что у меня на сердце, то и на устах. Я слышала, вы нездоровы. Как вы себя чувствуете? Прошу вас, садитесь!

Мадам Зомер. Ах, сударыня, путешествие весной, перемена обстановки и чистый благодатный воздух, и раньше так часто дававший мне силы, — все это оказало такое хорошее, такое отрадное действие, что даже воспоминание об ушедших радостях было мне приятно, в моей душе забрезжили отблески золотой поры юности и любви.

Стелла. Ах, эти дни, эти первые дни любви!.. Нет, золотая пора, ты не отлетела на небеса! Ты еще витаешь у каждого сердца в те минуты, когда в нем раскрывается цветок любви.

Мадам Зомер (*беря ее руки*). Какие возвышенные, какие прекрасные слова!

Стелла. Ваше лицо сияет, как лик ангела. Ваши щеки порозовели!

Мадам Зомер. А сердце! Как оно переполнено, как раскрывается перед вами!

Стелла. Вы любили! О, слава богу! Вы понимающая меня душа. Вы можете мне сочувствовать! Не взираете холодно на мои горести!.. Мы же не виноваты, раз мы такие!.. Чего только я не делала, за что только не бралась! Разве это помогло! Сердце жаждало только этого... одного этого... не суетного света и вообще ничего другого на всем свете... Ах, любимый всегда и везде с тобой, и все помыслы только о любимом.

Мадам Зомер. Само небо говорит вашими устами.

Стелла. Не успею опомниться, как его образ опять передо мной!.. Вот так, будучи где-либо в гостях, он оглянулся и посмотрел на меня... вот так он скакал на коне по полю и у калитки бросался мне в объятия... Я видела, как он уезжал отсюда, уезжал... и вновь возвращался, возвращался к той, что ждала его!.. Обращусь ли я мысленно к шумному свету — и там опять он! Сидя в ложе, я знала, что, вижу ли я его или нет, все равно, где бы он ни сидел, он с любовью следит за каждым моим движением — как я встаю, как сажусь! Я чувствовала, что покачивание моего эгрета привлекает его сильнее, чем сверкающие вокруг глаза, и что

музыка для него только повторяет мелодию его сердца, вечную его песню: «Стелла, Стелла! Как я люблю тебя!»

Люция. Любить так друг друга — разве это возможно?

Стелла. Ты спрашиваешь, девочка? Ответить тебе я не могу... Но чем я вас занимаю!.. Пустяками... Значительными пустяками... Поистине мы взрослые дети, и как это отрадно... Совсем как дети — закроют лицо фартучком и кричат: «Ку-ку!» — чтобы их искали!.. И как переполняется сердце, когда ты, обидевшись, решаешься сгоряча покинуть предмет своей любви. С какими терзаниями, в каком изнеможении встречаешься ты с ним снова, как вздымается у тебя грудь и как все проходит от одного взгляда, от одного прикосновения его руки!

Мадам Зоммер. Счастливая! В ваших чувствах столько молодости, чистоты, столько человеколюбия!

Стелла. Тысячелетия слез и скорби не могут перевесить блаженства первых взглядов, трепета, робкого шепота, близости, покорности... самозабвения... первого быстрого, обжигающего поцелуя и успокоенных вздохов первого объятия... Сударыня, дорогая моя, вы задумались! Где сейчас ваши мысли?

Мадам Зоммер. Ах, мужчины, мужчины!

Стелла. Они дают нам счастье и муки! Каким предвкушением блаженства переполняют они наше сердце! Какие новые незнакомые чувства и надежды зарождаются в душе, когда их бурная страсть передается каждому нашему нерву! Как часто все во мне трепетало, отзывалось на те потоки слез, что он проливал у меня на груди, оплакивая страждущее человечество! Я молила его ради всего святого пощадить себя... пощадить меня!.. Напрасно! До мозга костей проникал в меня тот пламень, что сжигал его. Вот так я еще совсем юным созданием вся целиком превратилась в сочувствующее сердце. Где, в какой стране могу я ныне жить и дышать, где могу найти пищу для сердца!

Мадам Зоммер. Мы верим мужчинам! В минуты страсти они обманывают сами себя; как же можем не быть обманутыми мы?

Стелла. Мадам! Мне в голову пришла счастливая мысль. Будем друг для друга тем, чем должны были стать для нас они! Будем жить вместе!.. Дайте вашу руку!.. С этой минуты я вас не отпускаю!

Люция. Нет, это не годится!

Стелла. Почему, Люция?

Мадам Зоммер. Моя дочь чувствует...

Стелла. Надеюсь, не желание облагодетельствовать? Разве вам непонятно, что, оставшись здесь, вы окажете благодеяние мне! О, я не могу жить одна! Дорогая, я делала все, обзавелась птицей, купила ланей, собак; я учу девочек вязать, плести бахрому, только бы не быть одной, только бы видеть около себя кого-то, кто живет и растет. Но иногда мне улыбается счастье, и радостным весенним утром мне кажется, будто какое-то доброе божество сняло с моей души горе; я просыпаюсь умиротворенная, и когда солнышко освещает цветущие деревья, чувствую себя бодрой, готовой деятельно приняться за дневные заботы, и на душе у меня хорошо; какое-то время я хлопочу, убираю, навожу порядок, даю распоряжения прислуге и, позабыв горести, от всего сердца благодарю небо за дарованные мне счастливые часы.

Мадам Зоммер. Да, да, сударыня, я это знаю! Деятельность и добрые дела — дары неба, замена несчастной любви.

Стелла. Замена? Нет, не замена, скорее — возмещение, вот с этим я согласна... Что-то вместо утраченного, но не сама утрата... Утраченная любовь! Где найти для нее замену? Когда я, погруженная в думы, брожу иногда по саду при свете луны, вызываю в памяти любезные сердцу картины прошлого и мечтаю о будущем, исполненном надежд, мною вдруг овладевает мысль, что я одна, что я напрасно простираю руки, напрасно от избытка чувств со всей силой души призываю очарование любви, словно думаю, будто могу принудить луну сойти с неба... Но я одна, и ничей голос не отзывается из кустов, и ясные звезды холодно взирают с высоты на мои муки! И тут вдруг я вижу у своих ног могилу моего ребенка!..

Мадам Зоммер. У вас был ребенок?

Стелла. Да, моя дорогая! О, боже, ты на всю жизнь уготовал мне чашу страданий, дав только вкусить от блаженства материнства... Когда какой-нибудь босоногий крестьянский малыш бежит мне навстречу, широко открыв невинные глазки, и посылает воздушные поцелуи, боль пронзает меня до мозга костей. Такой большой была бы теперь моя Мина! И, трепеща от любви, я беру ребенка на руки, целую его еще и еще; средце у меня разрывается, слезы текут из глаз, и я спасаюсь бегством!

Люция. Но насколько же меньше у вас хлопот.

С т е л л а *(улыбается и похлопывает ее по плечу)*. Как я могу еще что-нибудь чувствовать!.. Как не убили меня эти ужасные минуты!.. Она лежала передо мной! Сорванный нераспустившийся бутон! А я стояла, окаменев... ничего не чувствуя... ничего не сознавая... Я стояла!.. Тут няня взяла девочку на руки, прижала к сердцу и вдруг крикнула: «Она жива!» Я бросилась к ней на шею, схватила ребенка, обливаясь слезами, и упала к ее ногам... Она обманулась! Девочка лежала мертвая, и я лежала рядом в безумном отчаянии. *(Бросается в кресло.)*

М а д а м З о м м е р. Гоните воспоминания о таких горестных минутах!

С т е л л а. Нет, нет, мне легче, мне гораздо легче, сердце мое опять открылось, я могу высказать все, что так тяготит меня!.. Да, когда я вдруг начинаю говорить о нем, о том, кто был для меня всем... кто... Я должна показать вам его портрет!.. Его портрет!.. Мне думается, что облик человека сам лучше всего расскажет о нем, лучше всего поможет его понять.

Л ю ц и я. Меня разбирает любопытство.

С т е л л а *(открывает дверь в будуар и вводит их туда)*. Сюда, сюда, мои дорогие!

М а д а м З о м м е р. О, боже!

С т е л л а. Вот он!.. Вот он!.. И все же в жизни он в тысячу раз лучше, чем тут. Это его лоб, его черные глаза, его каштановые кудри, его серьезный взгляд!.. Но, ах, на портрете не выразить всю любовь, всю нежность его душевных излияний!.. Только ты, мое сердце, только ты это чувствуешь!

Л ю ц и я. Мадам, я поражена!

С т е л л а. Он настоящий мужчина!

Л ю ц и я. Я хочу вам сказать, что сегодня в почтовом доме обедала за одним столом с офицером, похожим на этого господина... О, это он! Клянусь жизнью, он!

С т е л л а. Сегодня? Ты обманываешь и себя и меня!

Л ю ц и я. Да, сегодня! Только тот был старше, смуглее, загорел на солнце. Это он! Это он!

С т е л л а *(держит звоночек)*. Люция, у меня разрывается сердце. Я побегу туда!

Л ю ц и я. Это неприлично!

С т е л л а. Неприлично? О, сердце, сердце мое!

Входит слуга.

Вильгельм, скорее туда, на почтовую станцию, да, туда! Там офицер... Это, может быть.. это должен быть... Люция, объясни ему... Вильгельм, пусть он придет сюда.

Люция. Ты знал здешнего помещика?

Слуга. Как себя самого.

Люция. Так вот, иди в почтовый дом. Там приезжий офицер, разительно похожий на здешнего хозяина. Посмотри, ошибаюсь я или нет. Ручаюсь, что это он.

Стелла. Скажи ему, пусть придет, пусть придет. Поскорей, поскорей! Только бы пережить эти минуты... Ах, был бы он уже у меня... в этих... в этих... Ты сама себя обманываешь, это невозможно!.. Оставьте меня, дорогие мои! Оставьте меня одну!

Она затворяет за собой дверь будуара.

Люция. Что с вами, маменька? Вы так бледны!

Мадам Зоммер. Это последний день моей жизни. Сердце не выдержит! Все, все сразу!

Люция. Боже праведный!

Мадам Зоммер. Муж... портрет... он тот, кого она ждет... кого любит! Это мой муж!.. Это твой отец!

Люция. Маменька! Родная моя маменька!

Мадам Зоммер. И он здесь! Еще несколько минут, и... он упадет в ее объятия... А мы... Люция, нам надо уехать!

Люция. Уедем, куда вам угодно!

Мадам Зоммер. Тотчас же!

Люция. Идите в сад! А я побегу на почтовую станцию. Ежели карета еще там, мы можем, не прощаясь, потихоньку... пока она, опьяненная счастьем...

Мадам Зоммер. В блаженстве оттого, что они свиделись, обнимает его... его! А я в ту минуту... когда вновь обрела его... навеки... навеки!..

Входят Фернандо и слуга.

Слуга. Пожалуйста сюда! Вы позабыли, где ваш кабинет? Баронесса не помнит себя от радости! Какое счастье, что вы опять здесь!

Фернандо проходит, не замечая их.

Мадам Зоммер. Это он, он!.. Я пропала.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Радостная Стелла входит вместе с Фернандо.

Стелла (*обращаясь к стенам*). Он снова здесь! Вы видите его? Он снова здесь! (*Подходя к картине, на которой изображена Венера.*) А ты, богиня, ты видишь его? Он снова здесь! Как часто я, глупая, металась, плакала, жаловалась тебе! Он снова здесь! Я не верю себе! Как часто, богиня, я видела тебя, а его здесь не было... Теперь ты здесь, и он тоже здесь!.. Любимый! Любимый! Тебя долго не было... но теперь ты здесь! (*Бросаясь ему на шею.*) Ты здесь! Я хочу чувствовать, слышать; знать только одно, только то, что ты снова здесь!

Фернандо. Стелла, моя Стелла! (*Обнимая ее.*) Господи, ты снова даровал мне слезы.

Стелла. О, мой любимый!

Фернандо. Стелла! Дай мне снова упиться твоим милым сердцу дыханием, твоим дыханием, более отрадным, более живительным для меня, чем небесный эфир!

Стелла. Милый!

Фернандо. Вдохни от полноты сердца в эту иссохшую, опустошенную, разбитую грудь новую любовь, новые восторги! (*Впивается поцелуем в ее уста.*)

Стелла. Ненаглядный!

Фернандо. Какая отрада! Какая отрада! Воздух, которым ты дышишь, напоен радостной, молодой жизнью. Любовь и верность — вот те цепи, что удержат здесь закоснелого бродягу.

Стелла. Мечтатель!

Фернандо. Ты не чувствуешь, что значит небесная роса для жаждущего, который из безводных сыпучих песков светской пустыни вернулся в твои объятия.

Стелла. Не чувствую, Фернандо, блаженства несчастного, который снова прижимает к сердцу свою заблудшую, потерянную, единственную овечку?

Фернандо (*у ее ног*). Стелла!

Стелла. Встань! Встань, дорогой! Я не могу видеть тебя на коленях.

Фернандо. Оставь! Я же всегда на коленях перед тобой, мое сердце всегда преклоняется перед твоей беспредельной любовью и добротой!

Стелла. Ты снова со мной!.. Я не узнаю, не понимаю себя! А, в сущности, не все ли равно?

Фернандо. Все снова, как в первые блаженные минуты. Ты в моих объятиях, с твоими поцелуями я вливаю уверенность в твоей любви, я пьянею, не знаю, явь это или сон.

Стелла. Ах, Фернандо, мне кажется, ты не стал благодарнее.

Фернандо. Упаси боже!.. Но от блаженных минут в твоих объятиях я добрею, становлюсь кротким... и могу молиться, потому что счастлив.

Стелла. Да простит тебе господь, что ты такой грешник... и такой хороший. Да простит тебе господь, сотворивший тебя... таким непостоянным и таким верным! Когда я слышу твой голос, я сейчас же опять думаю — ведь это тот Фернандо, который любил только меня одну!

Фернандо. А я, когда я испытующим оком вливаюсь в твои голубые ласковые глаза, я думаю, что за время моего отсутствия они хранили мой, только мой образ.

Стелла. И ты не ошибаешься.

Фернандо. Не ошибаюсь?

Стелла. Я бы призналась!.. Разве в первые же дни моей страстной любви к тебе я не призналась во всех увлечениях, когда-либо затронувших мое сердце? И разве от этого я не стала тебе еще милей?

Фернандо. Ты ангел!

Стелла. Что ты так смотришь на меня? Я постарела, да? Горе стерло цвет с моих щек, да?

Фернандо. Моя роза! Мой нежный цветок! Моя Стелла!.. Что ты качаешь головой?

Стелла. И за что только вас так любят! И за что только прощают вам то горе, которое вы нам причиняете?!

Фернандо *(гладя ее локоны)*. Ты поседела от этого?.. Твое счастье, что волосы у тебя белокурые! И они как будто не поредели. *(Он вытаскивает гребень у нее из прически, и волосы рассыпаются по спине.)*

Стелла. Шалун!

Фернандо *(накручивая ее волосы себе на руки)*. Ринальдо снова в прежних оковах!

Входит слуга.

Слуга. Сударыня!

Стелла. В чем дело? Чем ты недоволен, почему хмуришься? Ты же знаешь, когда я счастлива, недовольный вид для меня смерть.

С л у г а. Простите, сударыня,— обе приезжие дамы собираются в дорогу.

С т е л л а. Собираются в дорогу? Ах!

С л у г а. Так точно. Я видел, как дочь пошла на почтовую станцию, вернулась сюда, говорила с мамашей. Я спросил на станции в чем дело и услышал, что они спешно заказали почтовых лошадей, потому как почтовая карета уже уехала. Я говорил с ними. Мамаша вся в слезах, попросила меня тайком отнести их одежду на почтовую станцию и передать вам тысячу добрых пожеланий; им никак нельзя остаться.

Ф е р н а н д о. Это та дама, что приехала сегодня вместе с дочерью?

С т е л л а. Я хотела взять дочь в камеристки и мать тоже оставить у себя. И надо же, Фернандо, чтобы именно сейчас на меня свалились эти неполадки!

Ф е р н а н д о. С чего это они так?

С т е л л а. Кто знает! Я не могу, не хочу ничего знать. Лишиться их мне бы не хотелось... Ведь ты теперь со мной, Фернандо!.. В такие минуты мне этого не выдержать! Фернандо, поговори с ними ты!.. И надо же, чтобы именно сейчас, сейчас!.. Генрих, попроси сюда мать.

Слуга уходит.

Поговори ты с ней, Фернандо! Пусть чувствует себя свободно. А я пойду в боскет. Ты тоже приходи туда, да, приходи туда! Соловушки мои, вы опять увидите его!

Ф е р н а н д о. Любовь моя!

С т е л л а (*обнимая его*). Ты ведь скоро придешь?

Ф е р н а н д о. Сейчас же, следом за тобой.

Стелла уходит.

Ангел небесный! Как радостно, как свободно дышится в ее присутствии! Фернандо, узнаешь ли ты себя? Все, что стесняло тебе грудь, исчезло; все опасения, все тревожные мысли о прошлом, о том, что было — и что будет! Неужели вы опять тут? И все же, Стелла, когда я гляжу на тебя, когда держу твою руку, тогда исчезает все, меркнут в моей душе все остальные образы.

Входит управляющий.

У п р а в л я ю щ и й (*целуя ему руку*). Вы вернулись?

Ф е р н а н д о (*отнимая руку*). Да, вернулся.

У п р а в л я ю щ и й. Дозвольте, дозвоьте мне... Ах, сударь!...

Фернандо. Ты счастлив?

Управляющий. Жена моя здорова, у меня двое детей, и вы вернулись!

Фернандо. Как вы хозяйничали?

Управляющий. Так, что готов хоть сейчас дать отчет... Вы удивитесь, как улучшилось хозяйство. Дозвольте спросить, как вам жилось?

Фернандо. Тс!.. Сказать тебе все? Ты это заслужил, давний соучастник моих сумасбродств.

Управляющий. Еще слава богу, что вы не были атаманом цыганской шайки; одно ваше слово — и я все спалил бы, сжег дотла. А теперь-то вы не уедете? Положете конец бродячей жизни? Я, как обзавелся женой и детьми, чувствую себя очень даже приятно в этом уголке земли, а ведь прежде мне всюду было тесно. Правда, вы...

Фернандо. Пожалуйста, без упреков!

Управляющий. Я хотел сказать, что после такой долгой разлуки наша милая женушка, надо надеяться, снова...

Фернандо. Ах, Мина, Мина, девочка моя!

Управляющий. Ну, ну! Господь подарит вам еще ребенка. И вы его не потеряете, никуда не уедете, станете вместе с нами усердствовать в сельском хозяйстве. Ведь в конце концов что толку постоянно что-то искать, куда-то стремиться, чем-то бахвалиться?

Фернандо. Ты не разучился еще наставлять?

Управляющий. А почему, государь мой, мне нельзя высказать то, что у меня на сердце? Простите, но я помню, что прошло всего два-три года, как хорошая, милая наша Цецилия стала вашей супругой, а вас уже словно червь точил, все было не по вас, вы чувствовали себя скованным, связанным, хватались за свободу.

Фернандо. Вот это я охотно слушаю.

Управляющий. Разве это неправда?

Фернандо. Хорошо, хорошо!

Управляющий. Помню, что вы доверились мне и в припадке раздражения сказали: «Франц, я должен уехать! Надо быть дураком, чтобы позволить себя связать! Такое состояние лишает меня сил, такое состояние подавляет свободу духа, стесняет меня. Во мне столько всего заложено! Столько еще не развернувшихся задатков! Мне надо прочь отсюда... помотаться по белу свету!»

Фернандо. Верно!

Управляющий. Я не понимал, что вам было нужно, а теперь понимаю; мы объездили белый свет, порхали там и тут, туда и сюда, и под конец не знали, что делать с этой свободой духа, куда деваться от скуки, и, чтоб не пустить себе пулю в лоб, пришлось нам опять связать себя по рукам и ногам.

Фернандо. Чудак человек!

Управляющий. Теперь нашим силам была представлена полная свобода.

Фернандо. Трус!

Управляющий. Вот тут-то задатки и развернулись.

Фернандо. Ты понимаешь, над чем ты издеваешься?

Управляющий. Над тем, что вы так часто говорили, но никогда не выполняли, над тем, о чем вы мечтали и никогда не находили, а часто даже и не искали. (*Уходит.*)

Входит слуга.

Слуга. Мадам Зоммер!

Фернандо. Проси!

Слуга уходит.

(*Один.*) Эта женщина наводит меня на грустные мысли. Значит, на свете нет ничего совершенного, ничего чистого! Несчастливая женщина! Мужество ее дочери расстроило меня, как же отзовется в моем сердце горе матери!

Входит мадам Зоммер.

(*Про себя.*) Боже мой! Надо же, чтобы всем своим обликом она напомнила мне о моем проступке. Ах, сердце, сердце! Ежели тебе дано так чувствовать и в то же время так поступать, почему же тебе не дано простить себе то, что случилось?.. Тень моей жены!.. О, где только не мерещится мне она! (*Громко.*) Мадам!

Мадам Зоммер. Что вам угодно, сударь?

Фернандо. Мне бы хотелось, чтобы вы составили компанию моей Стелле и мне. Прошу вас, садитесь!

Мадам Зоммер. Видеть того, кто в горести, тому, кто счастлив, тягостно, но — ах! — насколько же тягостнее видеть счастливого тому, кто в горести.

Фернандо. Я вас не понимаю. Неужели вы могли не оценить Стеллу! Ведь она — сама любовь, она ангел!

Мадам Зоммер. Сударь, я хотела уехать тайно! Не удерживайте меня!.. Я должна уехать. Поверьте, у меня есть на то причины! Прошу вас, не удерживайте меня!

Фернандо (*про себя*). И голос и облик! (*Громко.*)
Мадам! (*Отворачивается.*) Боже, это моя жена! (*Громко.*)
Простите! (*Быстро уходит.*)

Мадам Зоммер (*одна*). Он узнал меня!.. Боже, благодарю тебя, что в такие минуты ты укрепил мое сердце!.. Неужели я, чье сердце разбито, растерзано, могу держаться так спокойно, так мужественно в этот столь значительный для меня час? Благостный, вечный о нас печальник, ты ничего не отнимаешь у нашего сердца, не сохранив ему до нужной минуты того, что ему всего нужнее.

Фернандо возвращается.

Фернандо (*про себя*). Неужели она меня узнала? (*Громко.*) Прошу вас, мадам, заклинаю, откройте мне ваше сердце!

Мадам Зоммер. Мне пришлось бы рассказать, какая постигла меня судьба. Разве можете вы быть расположены выслушивать жалобы и сетования несчастной в день, когда вам вновь даны все радости жизни, когда вы вновь дали все радости жизни достойнейшей из женщин! Нет, сударь, не удерживайте меня!

Фернандо. Молю вас!

Мадам Зоммер. Как охотно избавила бы я от этого и вас и себя! Воспоминания о первой счастливой поре моей жизни причиняют мне смертельную боль.

Фернандо. Вы не всегда были несчастны?

Мадам Зоммер. Тогда я не была бы до такой степени несчастна сейчас. (*После недолгого молчания, облегченно вздохнув.*) Юность у меня была легкая и радостная. Не знаю, что влекло ко мне мужчин: очень многие старались завоевать мое расположение. К очень немногим я чувствовала дружбу, симпатию, но не было ни одного, с кем бы мне хотелось связать свою судьбу. Так весело дружной чредой текли счастливые розовые дни. И все же чего-то мне не доставало. Когда я глубже вглядывалась в жизнь, когда догадывалась, что нам суждены и радость и горе, — тогда я мечтала о муже, спутнике жизни, который за ту любовь, что я подарю ему от всего своего юного сердца, и в старости будет мне другом, заступником, заменит родителей, с которыми я расстанусь ради него.

Фернандо. И что же?

Мадам Зоммер. Ах, я встретила такого человека! Встретила человека, на которого в первые же дни знаком-

ства возложила все свое упование! Казалось, его живой ум так тесно связан с верностью сердца, что очень скоро я открыла ему свою душу и подарила его дружбой, а затем — ах, как скоро затем — и любовью. Когда его голова покоилась у меня на груди, казалось, он возносит благодарение господа богу за уготованное ему прибежище в моих объятиях! Как спасался он у меня от водоворота дел и суетных развлечений и какое утешение в тяжелые минуты находила я в его объятиях!

Фернандо. Что же могло нарушить столь любящий союз?

Мадам Зоммер. Ничто не вечно!.. Ах, он любил меня, любил, это так же несомненно, как то, что я любила его. Было время, когда все его думы, все помыслы были только об одном: видеть, что я счастлива, дать мне счастье. Ах, это было самое легкое время нашей жизни, первые годы брака. Тогда нас угнетало, словно подлинное несчастье, если, случится, мы вдруг повздорим или соскучимся. Ах, он был моим спутником на скромной жизненной стезе, а потом бросил одну в унылой, страшной пустыне.

Фернандо (*все в большем смущении*). Как же так? При его взглядах, при его сердце?

Мадам Зоммер. Разве мы знаем, что бьется в груди у мужчины?.. Я не замечала, что мало-помалу все становилось ему... как бы это выразить... Нет, не безразличней... этого я не могу сказать. Он все время, все время любил меня! Но ему мало было моей любви. Я должна была делить его с его желаниями, возможно, с соперницей; я упрекала его, и под конец...

Фернандо. Неужели он мог?..

Мадам Зоммер. Он покинул меня. Для моего горя нет слов. В ту минуту всем моим надеждам пришел конец. В ту минуту, когда я думала пожать плоды отданной ему юности... я покинута!.. покинута!.. Все, что дает силы сердцу человека, — любовь, доверие, почет, положение, с каждым днем растущее благосостояние, мечты о многочисленном, хорошо обеспеченном потомстве, все, все рухнуло, а я... и оставшийся горестный залог нашей любви... Неистовое отчаяние сменила смертельная тоска, во всем изверившееся сердце уже не обливалось слезами, оно дошло до полного изнеможения. На неудачи, разорившие меня, несчастную, покинутую женщину, я не обращала внимания, не чувствовала их, пока наконец...

Фернандо. Как он виноват!

Мадам Зоммер (*со сдержанной печалью*). Он не виноват... Я жалею мужчину, всем сердцем привязавшегося к девушке.

Фернандо. Мадам!

Мадам Зоммер (*стараясь скрыть свое волнение под легкой насмешкой*). Нет, это так. Я смотрю на него, как на пленника. Они и сами говорят, что это так. Из своего мира он вовлекается в наш, с которым, по существу, у него нет ничего общего. В течение какого-то времени он сам себя обманывает, и горе нам, когда у него откроются глаза!.. Под конец я стала для него просто добросовестной, рачительной хозяйкой, правда, всей душой к нему привязанной, угождающей, заботливой, все свое время отдающей дому, ребенку и, разумеется, занятой кучей мелочей, которыми у меня часто бывали забиты и сердце и голова; и я уже не могла быть занимательной собеседницей, а при живости его ума он неминуемо должен был скучать в моем обществе. Он не виноват!

Фернандо (*у ее ног*). Я виноват!

Мадам Зоммер (*обнимает его, проливая потоки слез*). Ты мой!..

Фернандо. Цецилия!.. Жена моя!..

Цецилия (*отвернувшись от него*). Нет, не мой. Ты покинешь меня, сердечный друг!.. (*Снова обнимая его.*) Фернандо! Чей бы ты ни был, дай мне выплакать горе у тебя на груди! Поддержи меня в это мгновение, а потом оставь навсегда!.. Я не твоя жена!.. Не отталкивай меня!..

Фернандо. Боже мой!.. У меня на щеках твои слезы... У моего сердца бьется твое сердце!.. Пощади! Пощади меня!

Цецилия. Мне ничего не надо, Фернандо!.. Только это мгновение!.. Дай моему сердцу излиться в слезах! Оно почувствует силу, свободу. Ты не должен себя связывать.

Фернандо. Я скорее лишу себя жизни, чем расстанусь с тобой!

Цецилия. Мы снова свидимся, но не тут, не на земле! Ты принадлежишь другой. Похитить тебя у нее я не могу!.. Открой, открой мне небо. Дай заглянуть в эту блаженную даль, в обитель вечного нашего бытия... Только в этом, только в этом одном мое утешение в такие ужасные минуты,

Фернандо (*обнимает ее и, глядя на нее, берет ее руку*). Ничто, ничто на свете не разлучит нас. Я снова нашел тебя.

Цецилия. Нашел то, чего не искал!

Фернандо. Не говори, не говори так!.. Я искал тебя, тебя, мою покинутую, мою дорогую! Даже здесь, в объятиях этого ангела, я не знал покоя, не знал радости. Все напоминало мне о тебе, о твоей дочери, о моей Люции. Боже мой! Какая радость! Неужели это милое существо — моя дочь?.. Я искал тебя повсюду. Я езжу уже три года. Я был в том месте, где мы жили с тобой, был в нашем доме, но — увы! — он уже совсем не тот, им владеют чужие люди, — я узнал печальную историю о потере тобой всего состояния. Твое исчезновение разбило мне сердце. Ты исчезла бесследно. Я сам себе опостылел, жизнь опостылела мне, и я облачился в этот мундир, стал служить в чужих войсках, помогал подавлять умирающую свободу благородных корсиканцев; и вот теперь, после долгого и непонятного заблуждения мы свиделись, я опять обнимаю тебя, моя дорогая, моя хорошая, моя жена!

Входит Люция.

О, моя дочь!

Люция. Милый, любимый отец! Если вы опять стали мне отцом!

Фернандо. Навсегда и навеки!

Цецилия. А Стелла?

Фернандо. Медлить нельзя. Бедняжка! Почему, почему, Люция, мы не узнали друг друга сегодня утром! Сердце что-то говорило мне, ты же видела, как я был растроган, когда прощался с тобой?! Почему же, почему? Мы были бы избавлены от многого! А Стелла? Мы бы избавили ее от тягостных переживаний!.. Нам надо уехать. Я скажу ей, что вы настаиваете на отъезде, не хотите затруднить ее прощанием, хотите уехать. Люция, отправляйся, не медля, туда, на почтовую станцию! Вели заложить трехместную карету. Мой багаж пусть лакей присоединит к вашему... А ты, моя дорогая, моя любимая жена, останься здесь. И ты, дочка, когда обо всем распорядишься, тоже приходи сюда! Ждите меня в садовом павильоне. Я освобожусь от нее, скажу, что хочу вас проводить, поудобней устроить, обо всем позаботиться, заплатить за проезд. Бедняжка, опираясь на твою доброту, я тебя же обманываю!.. Мы уедем!..

Ц е ц и л и я. Уедем?.. Дай сказать разумное слово!

Ф е р н а н д о. Уедем! Не надо ничего говорить!.. Да, мои милые, уедем!

Цецилия и Люция уходят.

(Один.) Уедем?.. Но куда, куда? Удар кинжала — вот исход, он положил бы конец всем страданиям, вверг бы меня в бесчувствие туманного небытия, а за это я отдал бы сейчас все!.. Ты снова несчастен, Фернандо. Вспомни те счастливые дни, когда ты, всем удовлетворенный, противостоял несчастному, желавшему сбросить с себя бремя жизни! Как ты себя чувствовал в те счастливые дни, а сейчас?.. Да, есть счастливые, есть счастливые люди!.. Найди я ее часом раньше, я был бы спасен. Я не свиделся бы со Стеллой, она не свиделась бы со мной; я мог бы убедить себя: «За эти четыре года она позабыла тебя, притерпелась к своему горю». А теперь как я предстану перед ней, что скажу? О, вина, вина моя, каким тяжким бременем ложишься ты на меня в эту минуту. Покинуть обоих милых сердцу! А я в ту минуту, как снова обрел их, сам себе не мил, сам себе жалок. Сердце разрывается!..

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

УСЫПАЛЬНИЦА В САДУ СТЕЛЛЫ

С т е л л а (одна). Здесь все в цвету, в еще более роскошном цвету, чем обычно, здесь, в дорогом сердцу месте, где я лелеяла надежду обрести вечный покой!.. Но теперь ты уже не влечешь меня, холодная, рыхлая земля — я содрогаюсь при мысли о тебе. Содрогаюсь!.. Ах, не раз в часы мечтаний в своем воображении я уже рисовала себя облаченной в саван, равнодушно стоящей у глубокого склепа, сходящей в могилу, где под твоим вечно живым покровом дано будет успокоиться моему страждущему сердцу. Там тление, подобно ласковому дитяти, высосет мою переполненную горем грудь, и мое существование разрешится отрадным сном небытия... А сейчас... Солнце, ты светишь с небес на усыпальницу!.. Вокруг меня так светло, так просторно, и я этому рада! Он вернулся! И, как по мановению чьей-то руки, весь мир вокруг меня преисполнился любо-

вью... и я — сама жизнь... С его поцелуями я буду впивать новую, теплую, пламенную жизнь! Жить у него... при нем... с ним... жить с неослабной силой!.. Фернандо!.. Он идет! Тише... Нет, мне почудилось! Здесь, здесь мы встретимся, здесь, у моего увенчанного розами алтаря, среди кустов роз! Эти бутончики я сорву для него... Здесь! Здесь!.. А потом введу его сюда, в мою обитель. Как хорошо, что, несмотря на тесноту, я устроила ее на двоих. Там обычно лежала моя книга, стояла чернильница... Ни книг, ни чернильницы теперь не надо!.. Только бы он пришел!.. Уже опять одна! Ведь он же снова мой? Ведь он же здесь?

Входит Фернандо.

Где ты задержался, любимый мой? Где ты был? Я так долго, так долго одна! (*Испуганно.*) Что с тобой?

Фернандо. Меня расстроили обе приезжие... Старшая — славная женщина, но она не хочет остаться, не хочет сказать почему, хочет уехать, и все! Пусть уезжает, Стелла.

Стелла. Если ее нельзя уговорить, я не хочу удерживать их насильно. Понимаешь, Фернандо, мне нужно было общество... а теперь (*обнимая его*), теперь со мной ты, Фернандо!

Фернандо. Успокойся!

Стелла. Дай мне поплакать. Скорей бы прошел этот день. Во мне еще все дрожит!.. Такая радость!.. Все сразу, неожиданно!.. Ты, ты, Фернандо... И едва, едва ты... Фернандо, столько всего я не вынесу.

Фернандо (*про себя*). Я сам себе жалок! Покинуть ее? (*Громко.*) Пусти меня, Стелла!

Стелла. Я слышу твой голос, твой любящий голос!.. Стелла, Стелла!.. Ты знаешь, как радостно мне было слышать, когда ты произносил мое имя: «Стелла!» Никто не произносит его так, как ты. Вся сила любви в его звуке. Как живо помню я тот день, когда ты произнес его впервые, когда я почувствовала, что все мое счастье в тебе! .

Фернандо. Счастье?

Стелла. Ты как будто подсчитываешь те унылые часы, что я грустила по тебе. Не надо, Фернандо, не надо!.. О, с той минуты, когда я впервые увидела тебя, я все ощутила по-новому. Помнишь тот день в саду у моего дядюшки, когда ты пришел к нам? Мы сидели под большими каштанами за бельведером...

Фернандо (*про себя*). Она терзает мне сердце! (*Громко.*) Помню, помню, Стелла!

Стелла. Помнишь, как ты подошел? Не знаю, заметил ли ты, что с первого же мгновения ты завладел моим вниманием? Я, по крайней мере, вскоре заметила, что твои взгляды искали меня. Ах, Фернандо! Дядя принес ноты, ты взял скрипку; и пока ты играл, я беззаботно следила за тобой взглядом, всматривалась в каждую черту твоего лица, и вдруг... во время неожиданной паузы, ты взглянул... на меня! Наши глаза встретились! Как я покраснела, как отвела свой взор! Фернандо, ты это заметил, ведь я же чувствовала, что с той минуты ты часто глядел поверх нотного листа, часто сбивался с такта, что вслед за тобой ошибался и мой дядя. Каждый неверный удар смычка трогал меня до глубины души. Ни разу еще не была мне так сладостна чья-то рассеянность. За сокровища всей земли я не решилась бы взглянуть тебе в лицо. Я вздохнула и ушла.

Фернандо. Ты помнишь все до мельчайших подробностей! (*Про себя.*) Какая злополучная память!

Стелла. Иногда я себе удивляюсь, отчего так люблю тебя, что сама себя не помню, когда я с тобой; но все у меня перед глазами так живо, словно это было сегодня! Как часто я сама себе все рассказывала, да, Фернандо, очень часто! Как ты и моя подруга, с которой ты познакомился раньше, искали меня, как вы бродили по боскету, как она звала меня: «Стелла»,— и ты звал: «Стелла, Стелла!» В то время я еще почти не слышала твоего голоса, и все же сразу узнала, что зовешь меня ты. И как вы меня нашли и как ты взял мою руку! Кто был больше смущен, ты или я? Смущение одного передавалось другому... И та минута положила всему начало; хорошая моя Сара тогда же, в тот самый вечер, так и сказала... Какое блаженство быть в твоих объятиях! Ах, если бы Сара могла поглядеть на мое счастье! Она такая добрая душа. Она пролила много слез, когда я заболела, заболела любовью к тебе. С какой радостью я взяла бы ее с собой, когда ради тебя оставила все!

Фернандо. Оставила все!

Стелла. Тебя это удивляет? Разве это не так? Оставила все! Неужели в моих устах ты можешь истолковать это как упрек? Я еще слишком малым пожертвовала ради тебя.

Фернандо. Еще бы! Оставила дядю, который любил

тебя, как родной отец, носил на руках, исполнял все твои прихоти,— этого, по-твоему, мало? Состояние, поместья, которые все были твоими, все стали бы твоими,— это, по-твоему, ничто? Место, где ты выросла, где знала столько радости... подруг?..

С т е л л а. И все это без тебя, Фернандо? Много ли это стоило по сравнению с твоей любовью? Только когда в моей душе расцвела любовь, да, только тогда я почувствовала, что живу. Правда, должна признаться, что иногда, грустя в одиночестве, я думала: «Почему я не могла вместе с ним наслаждаться всем, что оставила? Почему нам надо было бежать? Почему не пользоваться тем, что принадлежало мне? Неужели дядя отказал бы ему в моей руке?.. Нет, не отказал бы!.. Так почему же тогда бежать?» О, я всегда находила для тебя оправдания! Для тебя недостатка в них у меня не было! Пусть это просто каприз, думала я,— ведь у вас, у мужчин, столько капризов,— пусть это просто каприз: тайно, как свою добычу, похитить девушку... пусть это просто гордость — только она мне нужна, приданого мне не надо! Ты, конечно, понимаешь, что и моя гордость была в этом заинтересована: убедить себя в самых хороших побуждениях с твоей стороны; вот так я и находила тебе оправдания.

Ф е р н а н д о. Я сокрушен!

Входит А н х е н.

А н х е н. Простите, сударыня! Где же вы, господин капитан? Все уложено, а теперь вас ждут! Мамзель совсем избегалась, захлопоталась, просто замучила всех, а теперь вас ждут!

С т е л л а. Пойди, Фернандо, проводи их! Заплати за проезд, только скорей возвращайся!

А н х е н. А вы разве не едете? Мамзель заказала трехместную карету; ваш слуга уложил уже вещи.

С т е л л а. Фернандо, здесь какое-то недоразумение...

Ф е р н а н д о. Девочка что-то путает.

А н х е н. Это я-то путаю? Конечно, сударыня, странно, что, познакомившись с мамзель за столом, господин капитан собрались с ней уехать. Должно быть, это на прощанье вы, откушавши, так нежно пожали ей ручку?

С т е л л а (*смущенно*). Фернандо!

Ф е р н а н д о. Что ты слушаешь эту девочку!

Анхен. Не верьте, сударыня! Все упаковано, господин капитан тоже уезжают!

Фернандо. Куда, куда я уезжаю?

Стелла. Оставь нас, Анхен.

Анхен уходит.

Разреши мои страшные сомнения! Я ничего не боюсь; и все же болтовня девочки пугает меня. Ты взволнован, Фернандо! Ведь я твоя Стелла!..

Фернандо (*повернувшись к ней и беря ее руку*). Ты — моя Стелла!

Стелла. Ты пугаешь меня, Фернандо! У тебя безумный взгляд!

Фернандо. Стелла! Я негодяй и трус, я бессилён перед тобой! Бежать!.. У меня не хватает мужества вонзить тебе в грудь кинжал! Я хочу тайком отравить, убить тебя, Стелла!

Стелла. Боже мой, боже мой!

Фернандо (*дрожа, в неистовстве*). Только бы не видеть ее страданий, не слышать ее отчаяния! Бежать!..

Стелла. Я не выдержу! (*Она падает и хватается за него.*)

Фернандо. Стелла, ты в моих объятиях! Стелла, ты для меня все! Стелла!.. (*Холодно.*) Я покидаю тебя.

Стелла (*смущенно улыбаясь*). Меня?

Фернандо (*с зубовным скрежетом*). Тебя! С той женщиной, что ты видела! С той девушкой!

Стелла. У меня темнеет в глазах.

Фернандо. Эта женщина — моя жена!

Стелла смотрит на него остановившимся взглядом и опускает руки.

А девушка — моя дочь! Стелла! (*Только сейчас он замечает, что она потеряла сознание.*) Стелла! (*Он относит ее на скамейку.*) Стелла! Помогите! Помогите!

Входят **Целия** и **Люция**.

Глядите, глядите на нее, на ангела! Глядите! Она мертва! Помогите!

Они хлопчут около нее.

Люция. Она приходит в себя.

Фернандо (*молча смотрит на Стеллу*). И все из-за меня! Из-за меня! (*Уходит.*)

Стелла. Кто? Кто?.. *(Поднимаясь.)* Где он? *(Падает обратно, смотрит на хлопочущих около нее женщин.)* Спасибо! Спасибо!.. Кто вы?

Цецилия. Успокойтесь! Это мы.

Стелла. Вы!.. Вы не уехали? Вы... Боже мой, кто это мне сказал?.. Кто ты?.. Ты? *(Хватая Цецилию за руки.)* Нет, я этого не перенесу!

Цецилия. Милая, хорошая моя! Ты ангел! Дай мне прижать тебя к сердцу!

Стелла. Скажи мне... это запало мне в душу... скажи мне — ты?..

Цецилия. Я... я его жена!..

Стелла *(вскочив и закрывая глаза руками)*. А я? *(В смятении ходит взад и вперед.)*

Цецилия. Пойдемте в вашу спальню!

Стелла. О чем ты мне напоминаешь? Что здесь мое? Ужасно! Ужасно!.. Разве это мои деревья, те деревья, что я сажала, что растила? Почему мне все сразу стало таким чужим?.. Отвергнута!.. Потерян! Потерян навеки! Фернандо! Фернандо!

Цецилия. Пойди отыщи отца, Люция!

Стелла. Ради всего святого, не ходи! Ушел! Не зови его! Пусть уходит... Отец!.. Муж!..

Цецилия. Милая, дорогая!

Стелла. Ты любишь меня? Ты прижимаешь меня к сердцу? Нет, нет!.. Оставь меня!.. Оттолкни! *(Обнимает ее.)* Еще минуту! Меня скоро не станет. Сердце, сердце мое!..

Люция. Вам нужен покой!

Стелла. Я не могу смотреть на вас! Я отравила вам жизнь! Похитила у вас все! Вы в горе, а я... блаженствую в его объятиях! *(Бросается на колени.)* Можете вы мне простить?

Цецилия. Не надо, не надо!

Стараются ее поднять.

Стелла. Я буду лежать у ваших ног, стенать, молить бога и вас простить, простить меня! *(Вскакивает.)* Простить?.. Нет, утешить! Утешить меня! Я не виновата! Ты дал мне его, отец небесный! Я приняла его из твоих рук, как сладостный дар... Оставь меня! У меня разрывается сердце!..

Цецилия. Ты не виновата! Милая, дорогая!

Стелла (*обнимая ее*). В твоих глазах, на твоих устах начертаны небесные слова. Обними меня! Поддержи! Я изнемогаю! Она простила меня! Она сочувствует моему горю!

Цецилия. Сестра! Сестра моя! Успокойся! Успокойся хоть на мгновение! Верь — тот, кто вложил в наши сердца те Чувства, что так часто приносят нам страдания, может уготовать нам также утешение и помощь.

Стелла. Я хочу умереть на твоей груди!

Цецилия. Идемте!

Стелла (*после паузы, в неистовстве отпрянув*). Оставьте меня! Все оставьте! Видишь, моя душа разрывается от смятения и боли, она изнемогает в несказанных муках... Нет, это невозможно... невозможно! Так вдруг!.. Этого нельзя понять, нельзя перенести... (*Некоторое время стоит тихо, глядя в землю, задумавшись, потом подымает глаза, видит обеих женщин, судорожно вздрагивает, вскрикивает и убегает.*)

Цецилия. Ступай за ней, Люция. Не спускай с нее глаз.

Люция уходит.

Взгляни, господи, на чад твоих, на их смятение, их горе!.. Страдания многому научили меня. Укрепи мое сердце!.. И если этот узел можно развязать, не разрывай его, господи!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

БУДУАР СТЕЛЛЫ, ОСВЕЩЕННЫЙ ЛУНОЙ

Стелла (*держит портрет Фернандо и пробует снять его с подрамника*). Ночь, обними, укрой меня своим покрывом, укажи мне путь! Я не знаю, куда я иду... Я должна, я хочу уйти далеко-далеко! Но куда? Ах, куда?.. Я изгнана из мною же созданного мира! Неужели мне не бродить больше там, где твоим светом, чистая луна, омыты верхушки моих деревьев, где, осиянные тобой, витают у могилы моей ненаглядной Мины безумно любимые мною тени? Изгнана отсюда, где хранятся все сокровища моей жизни, все счастливые воспоминания?.. Где ты, место, избранное мною для упокоения, место, где я так часто проводила время в слезах и молитве? Изгнана и отсюда, где мне вспоминаются все горести, все радости моей жизни, где я надеялась реять уже усопшей!

и, тоскуя и томясь, вкушать прошлое?.. Изгнана!.. Стелла, ты молчишь! Слава богу! Твой разум спит, ты не можешь понять, что значит: изгнана! Иначе ты сошла бы с ума!.. И так... О, как кружится голова!.. Прощай!.. Прощайте!.. Никогда больше не свидимся? В этом слове мне мерещится безучастный взгляд мертвеца! Не свидимся?.. Уезжай, уезжай, Стелла! *(Хватает портрет.)* И тебя я хотела оставить здесь? *(Берет нож и принимается вытаскивать гвозди.)* О, хоть бы обеспамятствовать! Хоть бы умереть в смятении чувств, в слезах и стенаниях!.. Так есть, и так будет: ты покинута!.. *(Обращая портрет к луне.)* Ах, Фернандо, когда ты подошел и я всем сердцем устремилась к тебе, разве ты не почувствовал, как я полагаюсь на твою верность, на твою доброту?.. Не почувствовал, какая святыня пред тобой, когда мое сердце открылось навстречу тебе? И ты не затрепетал, не отшатнулся?.. Не упал? Не спасся бегством? Ты мог просто так, ради развлечения, не задумываясь, сорвать, разорвать и бросить на дороге цвет моей невинности, моего счастья, моей любви... Какое благородство!.. Хорошо благородство!.. Мою юность!.. Золотые дни моей жизни!.. А в глубине души ты затаил коварство... У тебя есть жена! Есть дочь!.. А у меня душа была свободная, чистая, как весеннее утро!.. Жила одной-единственной надеждой!.. Где ты, Стелла? *(Смотрит на портрет.)* Такой великодушный, такой ласковый! Да, этот взгляд погубил меня!.. Я ненавижу тебя!.. Не гляди! Отвернись... Такой мечтательный, такой милый!.. Нет!.. Нет!.. Ты погубитель!.. Меня?.. Меня?.. Ты?.. Меня?.. *(Судорожным движением замахивается ножом на портрет.)* Фернандо! *(Отворачивается, нож падает у нее из рук, она, рыдая, опускается на пол перед стулом.)* Любимый, любимый!.. Все напрасно! Напрасно!

Входит слуга.

С л у г а. Как вы изволили приказать, милостивая государыня, лошади поданы к задней калитке. Белье ваше уложено. Не забудьте взять деньги!

С т е л л а. Портрет!

Слуга подымает нож, вырезает портрет из рамки и свертывает его трубочкой.

Вот деньги.

С л у г а. Но зачем?..

С т е л л а *(минутку стоит тихо, обводя взглядом комнату)*. Идем!

Уходят.

Фернандо (*один*). Оставь, оставь меня! Вот опять ты овладело мною, ужасное смятение!.. Таким холодным, таким омерзительным кажется мне все на свете... словно все ничтожно... словно моя вина ничтожна... А они! Разве я не несчастнее вас? Что можете вы требовать от меня?.. Где конец колебаниям? Тут или там! От начала до конца все продумано! Продумано и передумано! И все мучительнее, все невыносимее! (*Хватается за голову.*) От чего я в конце концов оттолкнулся! Нигде ничего, ни впереди, ни позади! Нигде ничего, ни совета, ни помощи!.. А они, эти две, эти три прекраснейших создания... Несчастливы из-за меня... несчастны без меня... Ах, еще несчастней со мной... Если бы я мог сетовать на судьбу, отчаиваться, молить о прощении... если бы мог провести хоть час в смутной надежде... и, лежа у их ног, вкушать отраду сочувствия моим горестям!.. Где они? Стелла! Ты повержена, ты в смертельной тоске, стеная, взываешь к небесам: «Чем согрешила я, сорванный цветок, что ты так караешь меня своим гневом? Чем согрешила я, бедная, что ты послал мне этого злодея?..» Цецилия, жена моя, о жена!.. Горе! Горе мне, тяжкое горе! Сколько радостей — муж, отец, возлюбленный — объединились, чтобы принести мне горе! Прекраснейшие, благороднейшие создания!.. Твой! Твой? Как осознать это тройное несказанное упоение счастьем... И именно оно, овладев тобою, разрывает тебе сердце!.. Каждая требует меня всего... А я? У меня все замкнуто глубоко, глубоко в душе!.. Каждая будет страдать. Стелла! Ты уже страдаешь! Что я похитил у тебя? Веру в себя, твою молодую жизнь!.. Стелла! И я так холоден? (*Берет со стола пистолет.*) Все-таки на всякий случай! (*Заряжает пистолет.*)

Входит Цецилия.

Цецилия. Мой дорогой! Так как же ты? (*Видит пистолет.*) Я вижу, ты уже собрался в дорогу? (*Фернандо кладет пистолет обратно.*) Друг мой! Ты как будто успокоился. Можно поговорить с тобой?

Фернандо. О чем, Цецилия? О чем, жена?

Цецилия. Не называй меня так, пока я не выскажу тебе все. Мы, правда, в полном смятении, неужели нельзя все уладить? Я много выстрадала, и поэтому не надо никаких насильственных решений. Ты слышишь меня, Фернандо?

Фернандо. Я слушаю.

Цецилия. Отнесись к моим словам серьезно! Я только женщина, озабоченная, скорбная женщина, но я приняла решение... Фернандо... я решилась... я оставляю тебя!

Фернандо (*насмешливо*). Только и всего?

Цецилия. По-твоему, достаточно уйти тайком, чтобы покинуть того, кого любишь?

Фернандо. Цецилия!

Цецилия. Я тебя ни в чем не упрекаю; и не думай, что это большая жертва с моей стороны. До сего дня я скорбела о том, что потеряла тебя, я горевала о том, что не в силах была изменить. Я снова нашла тебя, твое присутствие вдохнуло в меня новую жизнь, новые силы. Фернандо, я чувствую, что моя любовь к тебе не своекорыстна, это не страсть любовницы, готовой все отдать, только бы предмет ее любви был с ней. Фернандо! Мое сердце полно теплым чувством к тебе; это чувство жены, которая из любви к мужу может пожертвовать даже своей любовью.

Фернандо. Нет, нет!

Цецилия. Ты вздрогнул?

Фернандо. Ты мучаешь меня.

Цецилия. Будь счастлив! У меня есть дочь... и друг в твоём лице. Мы разойдемся, но не расстанемся. Я буду жить вдали от тебя и буду свидетельницей твоего счастья. Я хочу быть твоим близким другом, хочу, чтобы тыверял моему сердцу свои радости и свои горести. В твоих письмах будет вся моя жизнь, и мои пусть будут для тебя желанными гостями... Так ты останешься моим, и вы со Стеллой не будете изгнаны отсюда куда-то на край света, нас с ней связывают любовь, сочувствие! Итак, Фернандо, дай мне на том твою руку.

Фернандо. Для шутки это жестоко, для серьезного разговора непостижимо!.. Будь что будет, дорогая! Холодным разумом этот узел не распутать. Твои слова звучат прекрасно, слушать их сладостно. Если бы только не чувствовать, что под ними кроется куда больше, что ты сама себя обманываешь, что ты ослеплена, полагая, будто придуманные утешения могут унять твои душевные муки. Нет, Цецилия! Нет, жена!.. Ты — моя... я останусь твоим. К чему слова? К чему приводить тебе всякие «потому»? Все «потому» равносильны лжи. Я останусь твоим или...

Цецилия. Ну, хорошо! А Стелла?..

ОНН

Фернандо вскакивает и, как безумный, мечется по комнате.

Кто себя обманывает? Кто усыпляет свои муки холодным, не прочувствованным, непродуманным, преходящим утешением? Да, вы мужчины, верны себе.

Фернандо. Не гордись своим спокойствием... Стелла! Стелла страдает! Вдали от меня и тебя она выплачет свое горе. Оставь ее в покое! Оставь в покое меня!

Цецилия. Я думаю, одиночество и сознание того, что мы вместе, принесло бы утешение ее нежной душе. Сейчас она казнит себя упреками. Если я покину тебя, она вечно будет считать меня несчастнее, чем это есть. Она судит по себе. У нее ангельская душа, она не могла бы жить спокойно, не могла бы любить, если бы чувствовала, что ее счастье — краденое. Для нее лучше...

Фернандо. Пусть уезжает! Пусть идет в монастырь!

Цецилия. А потом я опять думаю: чего ради ей заключать себя в монастырские стены? Чем она согрешила, чтобы отчаиваться и скорбеть, чтобы оплакивать свои лучшие годы, годы расцвета, избытка чувств, манящих надежд? Проститься с любезным ее сердцу окружающим миром... с тем, кого она так пламенно любит!.. С тем, кто ее... Фернандо, ведь ты же любишь ее?

Фернандо. К чему эти речи? Кто ты, — злой гений во образе моей жены? Зачем бредишь ты мои раны? Зачем рвешь то, что уже порвано? Разве я и без того не потрясен, не повержен? Оставь меня! Предоставь меня моей судьбе!.. И да смилуется над вами господь! *(Опускается в кресло.)*

Цецилия *(подходит к нему и берет его руку)*. Жил некогда в Германии граф...

Фернандо хочет вскочить, она удерживает его.

Он чувствовал потребность выполнить долг благочестия и, покинув супругу и владения, отправился на освобождение Святой земли.

Фернандо. Вот как!

Цецилия. Он был человек достойный, простился с любимой женой, доверил ей дом и хозяйство, обнял ее и уехал. Он проехал много стран, воевал и был взят в плен. Дочь того, чьим невольником он стал, пожалела его, она сняла с него оковы, и они спаслись бегством. Она — его милый оруженосец — была ему верным спутником в опасной военной жизни. Увенчанный славой победы, отправился он в обратный путь... к своей благородной супруге! А как же

его спасительница?.. Он был человеколюбив!.. Он верил в человеколюбие и взял ее с собой... И вот уже рачительная хозяйка спешит навстречу супругу, видит, что ее верность, доверие, все ее надежды вознаграждены, он снова в ее объятиях. И рядом с ним его рыцари, сойдя с коней, с заслуженной гордостью ступают по родной земле; его слуги сгружают трофейную добычу и кладут к ее ногам, а она уже мысленно убирает все в шкафы, украшает трофеями замок, одаряет друзей. «Благородная, дорогая супруга, самое ценное сокровище еще не предстало пред тобой!» Кто это, опустив на лицо покрывало, приближается вместе со свитой? Тихо сходит она с коня... «Вот,— воскликнул граф, беря ее за руку и подводя к жене,— вот, посмотри на все это... и на нее! Прими все из ее рук, прими меня из ее рук! Она сняла с моей шеи оковы, она повелевала ветрам, она услуживала мне, ходила за мной, она заработала меня!.. Чем я обязан ей? Вот она!.. Награди ее!»

Фернандо положил руки на стол и, рыдая, опустил на них голову.

Верная жена обняла ее и воскликнула, воскликнула, обливаясь слезами: «Возьми все, что я могу тебе дать! Возьми половину того, кто безраздельно твой... Возьми его безраздельно! Оставь его безраздельно мне! Пусть он принадлежит каждой из нас и ни одна ничего не отнимает у другой... И мы обе — твои!» — воскликнула она, обнимая его, припадая к его ногам. Обе они взяли его руки, обе обняли его. И на небесах господь бог возрадовался, увидя такую любовь; его святой наместник на земле благословил ее. А их любовь и согласие принесли счастье их единому дому, их единому ложу и их единой гробнице.

Ф е р н а н д о. Боже праведный, в тягостные минуты ты ниспосылаешь нам своих ангелов, даруй же нам силу быть достойными твоих небесных посланцев!.. Моя жена!..

Снова опускает голову на стол.

Ц е ц и л и я (*открывает дверь в будуар и зовет*). Стелла! Стелла (*бросаясь ей на шею*). Боже мой, боже мой!

Фернандо вскакивает, собираясь бежать.

Ц е ц и л и я (*удерживает его*). Стелла! Возьми половину того, кто безраздельно твой,— ты спасла его, спасла от себя самого, ты вернула его мне!

Фернандо. Стелла! *(Склоняется к ней.)*

Стелла. Я не могу постичь!

Цецилия. Зато ты чувствуешь!

Стелла *(обнимая его)*. Мне можно?..

Цецилия. Ты благодарна мне, беглянка, что я вернула тебя?

Стелла *(обнимая ее)*. О, ты!.. Ты...

Фернандо *(обнимая обеих)*. Мои, мои!

Стелла *(прильнув к нему, берет его руку)*. Я твоя!

Цецилия *(обнимая его, берет его руку)*. Мы твои!

КЛАУДИНА ДЕ ВИЛЛА БЕЛЛА

Пьеса с пением

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Гонсало де Вилла Белла.	Дон Себастиан де Ро- веро — друг семьи.
Донья Клаудина — его дочь.	Дон Педро де Кабель- веккио — приезжий.
Сибилла	Кругантино.
и	Баско.
Камилла	Бродяги.

Музыка возвещает суматоху, стечение народа на великолепном празднестве.

На сцене разукрашенный сад. Шествие приближается под бравурный марш.

Впереди идут маленькие дети с венками и корзинами цветов; за ними следуют девушки и юноши с плодами; затем старики с разными подношениями. Сибилла и Камила несут драгоценности и роскошные наряды. Затем идут оба старика — дон Гонсало и дон Себастиан. Немедленно вслед за ними появляется донья Клаудина, которую четверо юношей несут на кресле, украшенном цветами. Четверо других юношей, из которых первый справа — дон Педро, поддерживают свисающие венки.

Во время шествия все поют.

Хор

Сладостный,
Радостный,
День золотой!
Клаудина с нами!

Ты нас ласкаешь
Своими лучами,
Сладостный,
Радостный,
День золотой.

Шествие разделяется на две части. Носильщики в середине,
Участники процессии приносят подарки.

Р е б е н о к

Глянь на детишек,
Славных мальчишек!
Дружно пришли мы
К нашей любимой,
Будем венками
Тебя украшать.

Х о р

Ты соизволишь ли,
Дар наш принять?

Д е в у ш к а

Стары и млады
Веселы, рады,
Каждый хлопочет,
Каждый здесь хочет
Дар принести свой,
Хоть самый простой.

Х о р

Сладостный,
Радостный,
День золотой!

П е д р о
(подавая ей букет)

Вот о привете
Молят и эти
Дольние розы.
Долго их слезы,
Росные слезы
Будут блистать.

Х о р

Дар соизволишь ли,
Дар ты принять?

Г о н с а л о

(указывая на наряды и драгоценности)

Пышны и ярки

Эти подарки.

(К остальным.)

Все подойдите,

Все разделите

Пир наш веселый,

Хоть и простой!

Х о р

Сладостный,

Радостный,

День золотой!

Носильщики ставят кресло на землю. Клаудина встает.

К л а у д и н а

Слов я не трачу.

Видите — плачу.

Сердце безмолвной

Радости полно.

Щедро почтили

Меня вы опять!

Х о р

Дар наш должна ныне,

Дар ты принять.

К л а у д и н а

(обнимая отца)

Жизнь тебе я

Дам, не робей!

(К остальным.)

Всех без изъятья

Рада б обнять я!

(Смущенно обращается к Педро.)

Рада б...

Она умолкает. Музыка делает паузу. Она хочет скрыть свое замешательство, садится в кресло, которое поднимают носильщики. Хор вступает.

Х о р

Сладостный,
Радостный,
День золотой!
Клаудина с нами!
Ты нас ласкаешь
Своими лучами.
Сладостный,
Радостный,
День золотой!

Остаются Гонсало и Себастиан.

Г о н с а л о

Бастиан, милый Бастиан, не сетуй на меня! Взгляни на девушку, и ты не будешь сетовать на меня за то, что я превратил ее в предмет преклонения. Всякие празднества по всякому поводу кажутся мне недостаточными, чтоб проявить мои сокровенные чувства к ней. Как горячо благодарю я судьбу, которая, лишив меня мужского потомства, пресекиши древний славный род де Вилла Белла, все же дала мне такую дочь. Да, ее достоинства радуют меня больше, нежели надежда на бесконечное потомство!

С е б а с т и а н

Нет, говорю тебе, Гонсало, меня сердечно радует это маленькое торжество. Ибо хоть я и не любитель церемоний, но я и не враг празднеств. Торжественное шествие разряженных людей, стечение народа; ликуют, звонят в колокола; ликуют и стреляют вперемежку: сердце при этом всегда умиляется, и я не сетую на людей за то, что они думают этим почтить святых и даже возвеличить господа.

Г о н с а л о

А мне все мнится, что я не довольно делаю для Клаудины. Как могу я в достаточной мере выразить, что она царица над всеми моими владениями, над всеми моими людьми, надо мной самим... Разве я не должен дать ей почувствовать те качества, которые отличают ее от прочих людей, раз она этого сама не чувствует и как будто не имеет ни малейшего понятия, что ей нет равных в мире? Это спокойствие духа, это внутреннее достоинство, это участие к судьбам других,

эта чувствительность ко всему прекрасному и доброму... Не говори, что я отец: я только гляжусь в нее, как в зеркало... Знаешь! Все мои домочадцы, все, что ее окружает, даже завистливые племянницы, и те перед ней склоняются.

С е б а с т и а н

Разве у меня нет глаз и сердца? Правда, я смотрю на нее не как отец, не как любовник, и все же я понимаю, какая это благодать — быть отцом или поклонником такой девушки. Заметил ли ты, что все торжество, все сегодняшнее великолепие больше смущали ее, нежели радовали? Во всю свою жизнь не видал я более трогательной картины смирения, чем она, во всех своих украшениях. Но и еще был при этом кой-кто, кому уединенная дубрава была бы более по сердцу, чьим чувствам журчание вод и шелест листьев, говорили бы больше, чем трубы и веселое пенье.

Г о н с а л о

Кого ты имеешь в виду?

С е б а с т и а н

Педро!

Г о н с а л о

Педро?

С е б а с т и а н

Разве это тебя удивляет? Педро, который с тех пор, как впервые увидел Клаудину, отбился от рук, Педро, которого ты, вероятно, раз сто ловил на том, как он озирается по сторонам, потирает руки, мнет шляпу...

Г о н с а л о

Ну, и что же...

С е б а с т и а н

Итак, ты должен считать, как и я, что это — партия для твоей дочери... Чему ты улыбаешься?

Г о н с а л о

Всегда-то мы, старики, кого-нибудь сватаем!

С е б а с т и а н

Я ношусь с этой мыслью и наяву и во сне. Впрочем, всему свое время. Ты прав, что закрываешь один глаз, а другим смотришь.

Г о н с а л о

Когда я так поглядываю на них, я вспоминаю цветущие дни моей юности, и мне становится хорошо на душе.

С е б а с т и а н

Я тоже думаю, что они себя недурно чувствуют за этим занятием. Лишь бы только Педро не забывал при этом о нашем главном деле!

Г о н с а л о

Ему еще не удалось ничего разведать о брате?

С е б а с т и а н

Ему-то? Тоже нашелся разведчик! Он так влюблен, что если ты спросишь его, который час, то он не знает, в каком кармане у него часы. Ей-богу, не выбивайся я из сил и не хлопочи, мы бы с места не сдвинулись.

Г о н с а л о

Между нами, Бастиан. Ты что-нибудь разузнал?

С е б а с т и а н

Только не говори никому. Если приметы не лгут, то я изловил птичку, за которой мы так страстно гоняемся. Здесь неподалеку он живет весело и припеваючи. Сегодня утром я намекнул об этом Педро, так, полусловами. «Но не будем портить праздника», — сказал я. «Ах, Клаудина!» — вздохнул бедняга из глубины сердца, точно хотел вымолвить: «К черту брата, приди в мои объятия!»

Г о н с а л о

Я наблюдал за девочкой, я заметил зарождающуюся страсть в ее душе: это — такое прелестное зрелище, от которого просто молодеешь!

С е б а с т и а н

Ах, если бы мы уже осуществили свой замысел, который имеет такое значение для всего дома Кастельвеккио и от которого зависит отчасти и судьба Педро! Я так часто говорю ему: сеньор, будьте влюблены. Кто вам мешает? Будьте подле Клаудины. Кто вам препятствует? Только не забывайте совсем вашего долга перед самим собой, перед вашим семейством и перед светом. Ты думаешь, помогает?

Г о н с а л о

Как лекарство, не правда ли? Успокойся, Бастиан, не так же ли поступали и мы со своими наставниками?

С е б а с т и а н

Нет, друг мой, я не то имел в виду. Неужели мы понапрасну совершили столь далекий путь из Мадрида сюда? Неужели мы вернемся домой посрамленные? И кто, как не я, должен нести вину за это? Я увещаю его как порядочный человек. Как! Допустить, чтоб его брат одичал в распутстве, таскался по всей стране с игроками и бездельниками, обманывал больше девушек, чем иному на глаза попадалось, и затевал ссору чаще, чем пьяница облегчает пузырь!

Г о н с а л о

Безрассудный, непостижимый малый!

С е б а с т и а н

Ты бы на него посмотрел, как он подрастал: это было прелестно! Дня не проходило, чтоб он не смешил нас своими веселыми проказами; а мы, старые дураки, смеялись над тем, что впоследствии должно было послужить нам к величайшему огорчению. Отец не устал слушать рассказы о его шалостях, о его ребяческих геройствах. Вечно он возился с собаками; ни одно окошко соседа, ни один голубь не были от него в безопасности; как кошка, лазал он по деревьям и по крышам. Однажды он свалился. Ему было восемь лет. Этого я никогда не забуду: он прошиб себе здоровую дырку в голове, но спокойно направился к утиному прудку во дворе, обмылся и вернулся в дом, держась рукой за лоб. Тут он заявил с весело смеющимся лицом: «Папа! Папа! Я пробил себе дырку в голове!» — точно хотел отрапортовать о какой-то удаче, выпавшей ему на долю.

Гонсало

Мне обидно за благородную смелость, за веселый характер этого мальчика!

Себастиан

Так оно пошло и в дальнейшем: чем старше, тем необузданнее. Вместо того чтобы бросить глупости, вместо того чтобы утихомириться, вместо того чтобы приложить свои силы для славы своего рода и себе на пользу, он стал выкидывать бессмысленные проказы одну за другой, обманывал и обольщал всех девушек и, наконец, совсем сбежал из дому; по слухам, он связался с самым дурным обществом, и я не понимаю, как он только это выносит, так как все еще сохранил в основе благородство и величие души.

Гонсало

Желаю тебе успеха, Бастиан! Верни его семье.

Себастиан

Этого недостаточно! Мы не позволим, чтоб он безнаказанно нас дурачил. Поймай я его только за шиворот, я уже сыщу для него местечко в монастыре или в какой-нибудь крепости, и пусть Педро пользуется всеми правами первенца. Король уже дал понять свою точку зрения на это. Если только правда, что мой красавец находится в этой местности, то будь я не я, если не изловлю его еще сегодня в честь праздника. Мы не можем взять на себя вины за это перед богом и людьми: старик отец перевернулся бы в гробу!

Гонсало

Отлично сказано, Бастиан! Ты все тот же старый, верный Бастиан.

Себастиан

И именно поэтому... Между нами... присмотри-ка слегка за дочкой!

Гонсало

Что ты хочешь этим сказать?

Себастиан

Дьявол — шельма, а Педро и любовь тоже не дремлют.

Г о н с а л о

Все тот же старый Бастиан! Прости мне: ты не умеешь делать различий. Ведь эта девушка, забота моей души, цель восемнадцатилетнего воспитания, самое чуткое, деликатное женское существо, дрожит перед малейшей мыслью, — да что там перед мыслью! — перед малейшим намеком на чувство, которое было бы ее недостойно.

С е б а с т и а н

Именно поэтому!

Г о н с а л о

Отвечаю всем своим достоинством, своей головой!

С е б а с т и а н

А вот она сама идет вверх по аллее. Она ускользнула от толпы, она одна. Взгляни на ее поступь, взгляни, как она повесила головку! Уйдем, уйдем с ее пути, было бы грехом испугнуть нашим холодным присутствием приятные мечты, которые сопутствуют ей на прогулке!

К л а у д и н а

(с букетом, поднесенным ей Педро)

Всех даров и приношений,
Всех веселых поздравлений
Вы, цветы, дороже мне.
Поделуи и приветы,
Платья, ткани, самоцветы
Сердце радуют вполне.
Но даров и приношений
Вы, цветы, дороже мне!

Милое сердце, я бы вдвое тебя любила, если б ты не билось все время так сильно. Успокойся, прошу тебя, успокойся!

Издали показывается П е д р о.

Педро? И он тоже? Ах, а я еще должна скрывать, что волнуясь!

П е д р о
(входит)

Сударыня!

К л а у д и н а

Сударь!

Короткое молчание.

Педро
(быстро направляясь к ней)

Я счастливейший человек под солнцем!

Клаудина
(отступая).

Что с вами?

Педро

Ах, как хорошо, как хорошо! Я точно на небе среди ангелов! Вы почтили мои бедные цветы, вы дали им приют у своего сердца.

Клаудина

Меньшего и сделать было нельзя. Они увянут до вечера, а каждый подарок сегодня доставил мне сердечную радость.

Педро

Каждый?

Клаудина

Когда вы уезжаете?

Педро

Лошади уже оседланы. Себастиан хочет во что бы то ни стало, чтоб я его сопровождал, он думает, что мой брат здесь поблизости, и надеется поймать его еще сегодня.

Клаудина

Брат причиняет вам много огорчений.

Педро

Он составил счастье моей жизни. Без него я бы вас никогда не увидал. Без него...

Клаудина

А как вас встретят, Педро, с какою радостью, когда вы его поймаете, когда вы любовью и примером наставите его на истинный путь, когда вы вернете его семье!

Педро

Ни слова об этом, ради бога! Я сам себя не понимаю, я не знаю, где я, я едва вижу, куда ступаю. Обратно домой, обратно! Прочь от вас, сударыня!

Клаудина

Король, который вас любит и который, как говорят, отличный государь, двор, который готовит вам пышный прием...

Педро

Разве это жизнь? Правда, прежде было мне не так уж противно посвящать свои дни делам отечества, я мог проводить вечера и ночи в толпе, которая жужжит вокруг монарха, как комары вокруг огня. Теперь это было бы для меня адом! Не знаю, куда девалось мое трудолюбие, мое усердие! Мне противно написать письмо, мне, который один мог завалить работой двух-трех секретарей. Я брожу туда и сюда в снах и мечтах, а сердце так счастливо, так счастливо!

Клаудина

Да, Педро, чем ближе мы к природе, тем ближе мы чувствуем себя к божеству, и сердце наше через край переполнено невыразимой радостью.

Педро

Ах, этим утром, когда я срывал цветы вдоль ручья, который струится за лесом, и утренние туманы благоухали вокруг меня, и вершина гор там, напротив, предвещала появление солнца, я воскликнул ему навстречу: «Вот день! Это ее день!..» Клаудина! Я безумец, коли осмеливаюсь высказывать то, что чувствую!

Клаудина

Ах, Педро, я не знаю ничего лучшего для своей души, полнее этой теплой полноты, чем великолепие природы вокруг нас!

Педро

О, чья душа могла бы не почувствовать, как благодаря этой светлой благодати, этим небесным очарованиям все, все становится прекрасней, великолепней! Кто не предпочел бы укрыться здесь в тихой хижине, чтоб только быть свидетелем всего этого!

К л а у д и н а

Полная противоположность вашему брату, которого я все-таки хотела бы увидеть. Что за удивительный человек, который бросает положение, богатство, друзей и губит свои лучшие дни в безумных выходках, в фантастических приключениях!

П е д р о

Несчастный! Я ужасаюсь его закоснелости! Как он не понимает, что бродячая, легкомысленная жизнь ложится проклятием на грешника, и сам изгоняет себя из человеческого общества. Это непостижимо! И боже,— с дрожью говорю я об этом! — сколько я видел плачущих девушек, соблазненных им и брошенных! Это особенно побудило нас посягнуть на его свободу. Мне хотелось погибнуть вместе с этими бедными созданиями! Каково-то ему будет, когда он, со временем исцелившись от своего ослепления, с дрожью увидит, что он осквернил святая святых в человеке, что он так постыдно попра л любовь и верность?

К л а у д и н а

Любовь и верность! Вы верите в это, Педро?

П е д р о

А вы можете шутить, можете спрашивать об этом?

К л а у д и н а

Кто же верен?

Лицемерен

Каждый ныне человек!

П е д р о

Лицемерен

И неверен

Лишь порочный человек.

К л а у д и н а

Но скажи, как можно верных

От дурных и лицемерных

Отличить? По взгляду лишь?

Педро

Смотрит, стонет лицемерный,
Правда, так же, как и верный,
Все ж их скоро различишь.

Клаудина

Увы, обман силен,
Играет с нами он.

Педро

Но только тот блажен,
Кто не знавал измен.

Клаудина

Любовь для вас
Игра подчас!

Педро

Не знай измен
И будь блажен!

При окончании дуэта раздаются голоса Камиллы и Сибиллы;
они поют, приближаясь.

Обе

От звезд, сияющих вдали,
До самых глубоких недр земли
Милей не сыщешь никого
Любимого моего.

(Входят.)

Камилла

У нас в краю он всех стройней,
Он всех храбрей, он всех честней,
Просить умеет он, в ответ
Ему никак не скажешь: нет!

Сибилла

Добрый вечер! Какая встреча! Allons — хором!

Все четверо

От звезд, сияющих вдали,
До самых глубоких недр земли
Милей не сыщешь никого
Любимого моего.

С и б и л л а

Да, для меня он всех милей
И герцогов и королей,
Я не отдам его!

В с е ч е т в е р о

От звезд, сияющих вдали,
До самых глубоких недр земли
Милей не сыщешь никого
Любимого моего!

К л а у д и н а

Вы не видели моего отца? Ах, я должна пойти к нему. Как началось празднество, так мы с ним наедине и поговорить не успели. Благодарю и вас, милочки, за то, что вы помогли прославить день, когда увидело свет существо, которое... Одним словом, вы меня знаете! Прощайте, Педро!

П е д р о

Разрешите мне проводить вас?

К л а у д и н а

Останьтесь, прошу вас, останьтесь!

П е д р о

Нам по пути. Себастиан ждет меня. Лошади оседланы.

С и б и л л а

Идите же. Он давно о вас спрашивает.

Уходят.
Сибилла и Камилла.

С и б и л л а

Так и лопнула бы от злости! «Останьтесь! Останьтесь!» Думаю — она сказала это нам в насмешку. Она возгордилась, потому что он бежит за ней, как собачонка. «Останьтесь! Останьтесь!» Просто из себя выхожу. А оп! Губы распустил, точно школьник! Обезьяна!

К а м и л л а

Она бог знает что о себе воображает, потому что у нее кругленькое личико и вздернутый носик и потому что она может расплакаться над всякой травкой и муравкой.

С и б и л л а

И потому что нас сегодня опять впрягли в триумфальную колесницу. Я была в такой ярости...

К а м и л л а

Мы тоже не лыком шиты, а этот Педро мне даже и не нравится. Скучный, мечтательный малый. Правда он недурно сложен.

С и б и л л а

И был даже очень учтив, пока эта дура не сбила его с толку! По-моему, он вообще хотел познакомиться с этим домом и настропалил Себастиана, чтоб тот его представил. Когда я повстречалась с ним впервые в Саланке у губернатора, он был галантен, любезен, учтив. Помню еще, как Себастиан дразнил меня им. Теперь Педро стал невыносим.

К а м и л л а

Просто невозможен! Но я сегодня подцепила рыбку! Только ты меня не выдашь?

С и б и л л а

Я думала, ты знаешь, что на меня можно положиться, и я наверняка знаю, что ты pomoжешь мне отомстить Педро и его нежной Дульцинее.

К а м и л л а

Послушай: по соседству остановился один кавалер. Просто сказать не могу, но это цвет всех кавалеров! Должно быть, богат и знатен: весь его вид говорит за это. Мальчик — оближи пальчик.

С и б и л л а

Как его зовут? Где он?

К а м и л л а

Он скрывает свое звание и имя. Люди зовут его доном Кругантино. Пусть зовется как хочет, но подобного ему нет на свете.

С и б и л л а

Ты его, наверно, позавчера на ярмарке подцепила?

К а м и л л а

Тс!..

С и б и л л а

Еще кой-что, Камила! Ты знаешь, сегодня вечером должен уехать дон Педро, и они будут желать друг другу покойной ночи долгими вздохами и взглядами, точно им предстоит расстаться навеки, за столом будет тихо, и ужин быстро кончится, а как только отец начнет клевать носом в кресле, так моя Клаудиночка упорхнет и прокрадется в сад, чтоб спеть свою песенку луне. Только клянусь, Камила, это не луне: за этим что-то скрывается!

К а м и л л а

Ты думаешь?

С и б и л л а

Дурочка! Знаешь ты там позади террасу с железной решеткой? Плох был бы тот любовник, что не захотел бы стрелой перелететь через нее, чтобы осушить слезы своей престлнице, которые исторгла у нее целомудренная луна.

К а м и л л а

И то сказать, она терпеть не может, чтобы ее туда сопровождали.

С и б и л л а

А я в таких случаях всегда притворяюсь сонной, чтоб вселить в нее уверенность. Но теперь дело должно выйти наружу. Педро скоро уезжает. Тут что-то скрывается. И ужин велено подать очень рано! Нет, это неспроста!

К а м и л л а

А что, если б нам выследить их?

С и б и л л а

Нет, это не дело. И показалось бы неблагоприятным. Нет, мы расскажем это старику, ну, а тот взбесится, очень уж он дорожит дочкой и своей честью. Пусть сам их и выслеживает.

К а м и л л а

Только примемся за дело умно, чтоб не выглядело, точно...

С и б и л л а

Впервые, что ли, мы натравливаем людей друг на друга?
Пойдем, прежде чем все сели за стол! Пойдем!

Обе уходят.

КОМНАТА В ПЛОХОЙ СЕЛЬСКОЙ КОРЧМЕ

Т р о е б р о д я г стоят вокруг стола и играют в кости. К р у г а н т и н о со шпагой на боку; в руках лютия с голубым бантом. Он настраивает лютию, расхаживая взад и вперед, и затем поет.

К р у г а н т и н о

С девчонками смеяться,
С мужчинами сражаться!
Нет денег, есть кредит!
Весь мир у ног лежит!
Мои вечерние напевы
Не раз пленяли сердце девы.
Прижавшись яростно к стене,
Грозил ревнивец шпагой мне.
Блеск, пламя вдруг,
Двух лезвий стук.
Клинг! Клинг! Кланг! Кланг!
Дик! Дик! Дак! Дак!
Крик! Крак!
С девчонками смеяться,
С мужчинами сражаться!
Нет денег, есть кредит!
Весь мир у ног лежит!

П е р в ы й б р о д я г а

Иди же сюда, Кругантино. Промечи разок!

К р у г а н т и н о

Не до этого.

Второй бродяга

Он опять сегодня ни на что не пригоден.

Кругантино

Слуга покорный! Если б я хотел быть на что-нибудь пригоден, я отправился бы в порядочное общество, а не возился бы с таким сбродом, как вы.

Первый бродяга

Оставь его в покое — он сегодня не в своей тарелке.

Третий бродяга

Бьюсь об заклад, что он выжидает часа свидания. Куда сегодня? К Альмерии?

Кругантино

Ты угадал.

Второй бродяга

Нет, этот роман, наверно, кончился. Он длится уже три недели.

Первый бродяга

Пари, что угадал! К Камилле, которая на последней ярмарке насквозь прострелила ему печеньку своими черными глазами.

Кругантино

Я бы тебе посоветовал пойти со мной и посмотреть, ты бы тогда знал наверняка.

Первый бродяга

Много чести! Нос бы ей поменьше. А так она недурна, если бы не... Боюсь только...

Кругантино

Сдается мне, что ты начинаешь привередничать.

Второй бродяга

Не хочу больше играть.

Третий бродяга

И я тоже.

Второй бродяга

Не стоит играть со своими. Только деньги из кармана в карман перекачиваешь, и больше ни черта.

Кругантино

В особенности когда и денег-то нет.

Второй бродяга

Если бы ты остался, ты бы тоже потешился с нами.

Кругантино

Что вы затеваете?

Второй бродяга

Пастор получил сегодня молодого оленя в подарок. Он висит там сзади в кухонной кладовке. Его-то мы и стибрим.

Третий бродяга

А рога посадим на болванку для парика; болванка с парадным париком стоит в углу. Положитесь на меня! Я чуть не свалил ее намеренно, когда мы с кухаркою удалились на консультацию в каморку.

Второй бродяга

Ты влезешь внутрь и подашь мне оттуда оленя. Мы отхватим рога и вернем их тебе.

Третий бродяга

Остальное — моя забота! Рога великолепно подойдут к парику. И тут же записочка: «Новоявленный Моисей».

Все

Браво! Браво!

Первый бродяга

Не видал ли кто Баско?

Кругантино

Минуточку терпения! Он скоро будет здесь.

Второй бродяга

Не думаю. Он зол на меня: я вчера немножко над ним подтрунил.

К р у г а н т и н о

Зол на тебя? И не воображай! Баско не такой парень, чтобы злопамятствовать. Он бы дал тебе в рожу и протянул бы тебе шрам поперек носа, тем бы все и кончилось.

Снаружи раздаются трели соловья.

П е р в ы й б р о д я г а

Это он! Слышите? Это он!

Б а с к о

Добрый вечер.

К р у г а н т и н о

Ты пришел как раз вовремя. Сильвио думает, что ты зол на него.

Б а с к о

Чего только этот человек себе не вообразит! Кругантино, на два слова...

П е р в ы й б р о д я г а

Не стесняйтесь. Мы очищаем место.

Б а с к о

Учишься хорошим манерам, старый козел? Держу пари,— ты уже чувствуешь во всем теле, что тебя черт скоро схватит, вот и присмирел!

Б р о д я г и

Желаем успеха в экспедиции! Разопьем бутылочку на счастье.

Есть деньги — мы живем,
Нет денег — не помрем!
Хейза! Хейза! Нам все кипочем!

К р у г а н т и н о

За которую, конечно, опять придется платить мне... Ах, Баско, жизнь среди этих парий становится невыносима! Скука. Вечно одно и то же. Не будь наших проделок... Какие вести ты принес, Баско? Какие вести из Вилла Беллы?

Б а с к о

Много, очень много вестей.

К р у г а н т и н о

Есть ли для меня надежда приблизиться к Клаудине?
Ангел, сущий ангел!

Б а с к о

Камиллочка, милая Камиллочка сделала мне знак. Она шепнула: «Поклон благородному Кругантино».

К р у г а н т и н о

Пошли ее к черту! Рассказывай про Клаудину.

Б а с к о

Сударь! Мы или наш гений, или все мы вместе — совершеннейшие ослы.

К р у г а н т и н о

Что случилось?

Б а с к о

Я обычно шатаюсь по целым дням и рею, как хищная птица, а теперь должен полдня валяться здесь без всякого толку.

К р у г а н т и н о

В чем дело?

Б а с к о

Представьте, в Вилла Белле... Я бы охотно глаза себе выцарапал... В Вилла Белле... Во дворе у Гонсало я очутился рядом с Клаудиной, ну, как отсюда до стола... И кто бы это предвидел...

К р у г а н т и н о

Проклятье! Как это произошло?

Б а с к о

Сегодня день рождения Клаудины. Ее отец, который любит ее до безумья, затеял празднество. Было устроено шествие, ее носили с триумфом...

К р у г а н т и н о

Ты это видел?

Б а с к о

Я опоздал. Но во дворе под большими липами были накрыты столы для всего села. Стар и млад. Все разряжены! Пир горой: бочки с пивом, огромные горшки с кашей. И гул и толкотня! Тут и я подоспел.

К р у г а н т и н о

И не сбегал за мной?

Б а с к о

Не успел я оглянуться, как господа исчезли.

К р у г а н т и н о

Ее ты видел?

Б а с к о

Глупец, я даже рассказать тебе не могу, как она была хороша. И притом в некотором смущении.

К р у г а н т и н о

К чему ты все это плетешь?

Б а с к о

Терпение! Терпение! Я кое-что разведal. Она имеет обыкновение прогуливаться одна по саду каждую ночь, в особенности при чудном лунном свете. Ты знаешь каштаны, что растут перед садом по дороге в Саланку?

К р у г а н т и н о

Учи ученого! Туда выходит терраса и железная калитка. Иду туда, иду сейчас же, чтобы быть там прежде, чем взойдет луна. За мной, Баско!

Б а с к о

Еще кой-что! Берегись! Сбир Серпилло, который приходится мне другом, сказал по секрету: о тебе расспрашивают, тебя выслеживают.

К р у г а н т и н о

Ерунда! За мной ничего нет.

Б а с к о

Если только дело не идет о чем-нибудь таком, что ты считаешь давно поконченным.

К р у г а н т и н о

Слишком глупо!

Б а с к о

Наши земляки не скоро прощают.

К р у г а н т и н о

Не боюсь. А в Вилла Беллу я должен пойти. Ну же, раз-работаем план баталии: я прячусь в аллее, как ее заслышу — так сейчас же туда, через решетку и в сад. А ты взберись на каштановое дерево. Если кто идет, свисти соловьем.

Б а с к о

Хорошо, хорошо, хотя совсем не по сезону...

К р у г а н т и н о

И не забудь маски. А затем, как я тебе сказал: свисти, заливайся и не заботься ни о чем, пока я тебя не позову. Я сам вывернусь. Из двоих один всегда лишний в таком деле. Идем! Надеюсь, Баско, я тебя сегодня ночью ни от чего не отвлекаю?

Б а с к о

Отыграюсь днем.

К р у г а н т и н о

Ты тоже имеешь кого-нибудь на примете?

Б а с к о
(удаляясь)

**У блондинки и брюнетки
Вызвал я ревнивый бой.
Ах, у брюнетки слезы редки,
Редки улыбки у другой.**

Лунный свет.

**Терраса в саду Вилла Беллы; перед нею решетчатая калитка, к которой ведут две лестницы. Внизу ряд каштановых деревьев.
К л а у д и н а** наверху. **К р у г а н т и н о** внизу под деревьями.

К л а у д и н а

**При луне в тиши глубокой
Ночь святая! Одиноко**

Бьется сердце, ласки ждет,
Ах, кто зов его поймет?

К р у г а н т и н о

При луне в тиши глубокой
Бродишь ты не одиноко.
Иль не слышишь ты в тиши
Вздохов любящей души?

К л а у д и н а

(приближаясь к двери)

Что за голос? Я теряюсь.

К р у г а н т и н о

(надевает маску и медленно поднимается по лестнице)

Я к тебе прийти решаюсь.

К л а у д и н а

(у садовой калитки)

Кто, кто, кто пришел?

К р у г а н т и н о

(поднимаясь)

Я, я, я пришел!

К л а у д и н а

Кто?

К р у г а н т и н о

Я!

К л а у д и н а

(за калиткой)

Имя как тебе?

К р у г а н т и н о

Я знаком тебе!

К л а у д и н а

Но открой мне свой лик!

К р у г а н т и н о

Подскажет сердце вмиг!

К л а у д и н а
Прочь! Я в тревоге!

К р у г а н т и н о
Жду на пороге!

О б а
Небо! Долго ль мне страдать?
Дай хоть раз тебя обнять!

Клаудина удаляется.

К р у г а н т и н о

Решетка! Ничего не значит! Клаудина слушала меня так долго. Поймать бы ее только! *(Влезает на решетку; когда он уже почти наверху, раздается трель соловья.)* Черт бы побрал соловья! *(Спрыгивает.)* Действительно, кто-то идет! Чтоб тебе в пекло! *(Спускается вниз и прячется за деревья; соловей изредка посвистывает.)*

П е д р о

Сердце неудержимо влечет меня сюда. Там, наверху, она нередко прогуливается, погруженная в безмятежное ощущение собственного бытия. Божественное место! Все вокруг тебя напоено любовным чувством! Соловьи все еще поют, точно здесь царит вечная весна. А кругом во всех кустах лето уже заставило их умолкнуть. Милый соловей! Друг моего сердца!

Соловьи, вы все не спите
Песни-жалобы твердите,
Как и грудь моя в ночи.
Для меня теперь настали
Дни любви, но их печали,
Словно радость, горячи!

К р у г а н т и н о
(все время обнаруживая нетерпение; говорит в сторону)
Надо его убрать, он никогда не кончит.

П е д р о

Стой!.. Кто здесь?

Кругантино медленно выходит вперед.
(Громким голосом.) Кто здесь?

К р у г а н т и н о
(обнажает шпагу).

Острые шпаги!

П е д р о
(обнажает шпагу)

Только-то?

Дерутся, П е д р о ранен в правую руку, которая у него опускается; он хватается шпагу левой рукой.

К р у г а н т и н о

Довольно! Вы ранены.

П е д р о
(подставляя шпагу)

Вам нужна моя жизнь или кошелек? Говорите! Кошелек можете взять, но за жизнь мою вы еще дорого заплатите.

К р у г а н т и н о

Ни то, ни другое. (В сторону.) Его голос меня растрогал. **(Громко.)** Я не разбойник и не убийца.

П е д р о

Зачем же вы на меня напали?

К р у г а н т и н о

Не будем говорить об этом! Вы истекаете кровью! Примите наши услуги. (Вынимает носовой платок.) Соловей! Соловей!

П е д р о

Что это значит?

К р у г а н т и н о

Не бойтесь. Ничего!

Б а с к о

В чем дело?

К р у г а н т и н о

Позаботься о раненом.

Педро

Взор мой туманится!

Баско

(оказывая ему помощь)

Чертовски хлещет для такой царапины!

Кругантино

(шагая взад и вперед)

Осел! Тысячекратный осел! *(Ударяет себя по лбу.)*

Баско

Вы не дон Педро ли будете?

Педро

Отведи меня куда-нибудь, где бы я мог прилечь и где бы мне перевязали рану.

Кругантино

Педро! Возлюбленный Клаудины! Отведи его в Сароссу, Баско, в нашу харчевню! Положи его ко мне на постель, Баско!

Баско

Ну, ну, мужайтесь, сударь! Идемте!

Уходят.

Кругантино

Ну-с, что же это такое? Черт бы побрал этакие шутки! Бедный Педро! Послушай, шпага! Ты у меня будешь лежать смирно! Я оставлю тебя дома, я брошу тебя в воду!.. И надо же было ему как раз крикнуть: «Кто здесь?» Да еще таким повелительным тоном: «Кто здесь?» Терпеть не могу повелительного тона!.. И благодаря этому все провалилось, упущен отличнейший случай! Что бы мне раньше перескочить через решетку и оставить этого амогого и соловья распевать дуэты вдвоем! Вечно человек теряет находчивость, когда она ему больше всего нужна! А ну-ка, авось?.. *(Направляется к лестнице.)* Дурацкое «авось»! Она давно вернулась в дом и по уши зарылась в постель. Что это? Прислушаемся-ка!

Наверху появляется Гонсало с двумя слугами.

Гонсало

Куда она девалась? Пусть один останется со мной. А вы там общитесь сад! Да глядите в оба, как бы это в конце концов не оказалось просто враками сплетников!

Кругантино
(прислушиваясь)

Опять что-то новенькое!

Гонсало

Как будто кто-то прячется внизу за каштаном?

Слуга

И мне так кажется.

Гонсало

Поймали птичку? Подожди, Педро, подожди! *(Отпирает решетку и выходит на лестницу.)* Кто там внизу? Эй, кто там?

Кругантино
(надевая маску)

Из огня да в полымя!

Гонсало

Кто там?

Кругантино

Друг!

Гонсало

Черт бы побрал такого друга, который шатается по ночам вокруг дома, дает повод к сплетням и благодарит таким образом за нашу любовь и дружбу.

Кругантино
(хватается за шпагу и сейчас же отнимает руку)

Нет, лежи смирно! Что все это значит? Наверно, это отец.

Гонсало

Нет, сударь, это низко с вашей стороны, низко, говорю я вам!

К р у г а н т и н о

Это уж слишком! *(Сбрасывает маску.)* Хозяин ли вы замка Вилла Белла или нет, ваше поведение непристойно!

Г о н с а л о

Так вы не Педро?

К р у г а н т и н о

Кто бы я ни был, вы меня оскорбили, и я требую удовлетворения.

Г о н с а л о
(обнажает шпагу)

Охотно! Сколь ни досадно мне это приключение.

К р у г а н т и н о
(обнажает шпагу наполовину, но сейчас же вкладывает ее обратно в ножны)

Довольно, сударь, довольно! Я уже удовлетворен тем, что человек вашего возраста, известный своей храбростью, положением и достоинством, обратил на меня острие своей шпаги. Этим можно было бы загладить и более тяжкие оскорбления.

Г о н с а л о

Вы меня устыдили.

К р у г а н т и н о

По-видимому, вы приняли меня за другого.

Г о н с а л о

И оскорбил вас, а может быть, своей подозрительностью неповинно оскорбил и того, другого.

К р у г а н т и н о

Вы назвали его Педро. Это не тот ли приятный молодой приезжий?

Г о н с а л о

Который прибыл сюда из Кастильи.

К р у г а н т и н о

Именно! Вы думали, что он бродит здесь вокруг?

Г о н с а л о

Я думал... Впрочем, довольно, сударь! Вы никого не видели?

К р у г а н т и н о

Никого. Любя одиночество, я гулял здесь взад и вперед и предавался тихим размышлениям, когда вам угодно было меня прервать.

Г о н с а л о

Ни слова больше об этом! Я благодарю случай и свою горячность за то, что они доставили мне знакомство с таким храбрым человеком. Разрешите узнать, где вы изволили остановиться?

К р у г а н т и н о

Недалеко отсюда, в Сароссе.

Г о н с а л о

Еще не поздно, чтобы зайти в дом и чокнуться за продолжение знакомства.

К р у г а н т и н о

Будь даже полночь, но раз вы разрешаете... Такое угощение достойно паломничества.

Г о н с а л о

Вы очень любезны. Во всяком случае, лошадь, чтоб вернуться домой, к вашим услугам.

К р у г а н т и н о

Вы слишком милостивы.

Г о н с а л о

Прошу вас, войдите.

К р у г а н т и н о

Следую за вами. *(Поднимается по лестнице.)*

Гонсало запирает калитку. Оба удаляются.

КОМНАТА В ЗАМКЕ

С и б и л л а, К а м и л л а

С и б и л л а

Что там могло произойти?

К а м и л л а

Не понимаю.

С и б и л л а

Клаудина только что вернулась, когда старик со слугами
выскользнул через боковую дверь.

К а м и л л а

Теперь нам достанется.

С и б и л л а

Не мы же рассказали.

К л а у д и н а
(входит)

Где отец?

С и б и л л а

Добрый вечер, кузиночка! Вы сегодня рано вернулись, а
ночь такая чудная.

К л а у д и н а

Мне нездоровится, ко сну клонит. Где отец? Я хотела по-
желать ему покойной ночи.

К а м и л л а

Я слышу его в саду.

Гонсало. Кругантино.

Гонсало

Еще гость, деточки, несмотря на позднюю пору.

К р у г а н т и н о

Я надеюсь, что мое неожиданное счастье не будет вам в
тягость.

К а м и л л а
(по секрету Сибилле)

Милочка, это — Кругантино! Он сам!

С и б и л л а
Молодчик хоть куда!

Г о н с а л о

Моя дочь.

Кругантино почтительно кланяется.

А это мои племянницы. Милые племянницы, стакан вина и ломтик хлеба! Дайте ломтик хлеба, а то мне вино не по вкусу.

Сибилла и Камилла уходят; последняя украдкой обменивается взглядом с Кругантино.

Клаудиночка, ты сегодня рано вернулась из сада?

К л а у д и н а

Ночь сегодня прохладная, и что-то нездоровится. Разрешите мне удалиться?

Г о н с а л о

Побудь немножко, еще немножко! Я же говорил, что это лгуны и сплетники.

К л а у д и н а

Что вы хотите этим сказать, отец?

Г о н с а л о

Ничего, дитя мое, разве только, что ты — мое милое, мое единственное дитя, была им и всегда будешь.

До сих пор Кругантино стоял без движения, то глядя на Клаудину глубоким, выразительным взглядом, то опуская глаза, когда она на него смотрела. Смущение Клаудины растет.

Вы с лютней?

К р у г а н т и н о

Подруга моего одиночества и моих чувствований.

К л а у д и н а
(в сторону)

Его голос, его лютня! Не он ли это был? Сердце подсказало мне, что то не был Педро, нет, не он!

Гонсало

Любимый строй Клаудины,

Кругантино
Вы позволите? (Ударяет по струнам.)

Клаудина

Приятный строй!

Кругантино
(украдкой)

Неужели вы не узнали этого строя и этого сердца?

Клаудина

Сударь!

Сибилла и Камилла, слуги с вином и стаканами, Гонсало хлопочет вокруг стола,

Кругантино
(украдкой)

Неужели вы не узнаете, что перед вами... что перед вами — о, боги! — тот счастливый смертный, который за несколько мгновений до этого...

Клаудина

Прошу вас!

Кругантино

Для меня есть только одно на свете: или ваша любовь, или смерть!

Сибилла и Камилла следят за ней.

Гонсало

Стаканчик! О чем вы беседуете?

Кругантино

О песнях. Сударыня весьма сведуща в поэзии,

Гонсало

А теперь спойте нам что-нибудь под лютню. Молодой человек, у которого есть голос и лютня, повсюду пробьет себе дорогу.

К р у г а н т и н о

Если только сумею угодить...

Г о н с а л о

Пожалуйста, без церемоний.

К р у г а н т и н о

(обращаясь главным образом к Клаудине)

Скажешь ли мне,
О дорогая,
Скажешь, зачем
Нежный душою
Грустен и нем,
Полон тоскою,
Вечно мечтает
И ожидает
Счастья лишь в дальней,
Чуждой стране?
О дорогая,
Скажешь ли мне?

Г о н с а л о

(шутя Клаудине)

«Скажешь ли мне?» Это в твой огород, Клаудиночка. Песни всегда были ее слабым местом. В этом она разделяет мои чувства: чем свободнее, чем правдивей, чем искренней рвется такая песенка из души, тем она мне милее. Садитесь, сударь, садитесь!.. Еще стаканчик!.. Да, в мое время все еще было иначе. Тогда крестьянину жилось хорошо, песня у него сама из нутра вырывалась и людям сердце радовала, и господин не стеснялся и тоже подпевал, если она ему нравилась. Самое близкое к природе — самое лучшее!

К р у г а н т и н о

Отлично сказано!

Г о н с а л о

А где же природа, если не в нашем крестьянине? Он ест, пьет, работает, спит и любит в простоте, и наплевать ему на все финтифлюшки, которыми все это маскируют в городе и при дворе.

К р у г а н т и н о

Продолжайте, ради бога! Я не устану слушать такие речи из уст человека вашего звания.

Г о н с а л о

А песни? Тут были старинные песни, любовные песни, баллады об убийствах, баллады о привидениях, каждая на свой лад, и такие задушевные, в особенности те, что о привидениях. Я еще помню кой-какие. Но в наше время за них только на смех поднимут.

К р у г а н т и н о

Не в такой мере, как вы думаете. Теперь опять в моде петь и сочинять такие песни.

Г о н с а л о

Не может быть!

К р у г а н т и н о

Всякие романсы, баллады, уличные песенки сейчас старательно разыскивают, даже со всех языков переводят. Наши прекраснодумы усердствуют в этом друг перед другом.

Г о н с а л о

Хоть раз они затеяли нечто разумное: даже не верится, чтоб они опять вернулись к природе. Сначала они все гребешочком причешут, затем прическу локонами завьют, а после все локоны спутают и думают, что они чудес натворили.

К р у г а н т и н о

Ну, а сейчас наоборот!

Г о н с а л о

До чего только ни доживешь! Вы, вероятно, знаете наизусть много красивых песен?

К р у г а н т и н о

Без числа.

Г о н с а л о

Хотя бы еще одну, прошу вас! Я хорошо настроен. Все мы, я думаю, хорошо настроены. Мы отлично провели время, и дух наш приподнят.

К р у г а н т и н о

Сейчас. (*Настраивает.*)

Г о н с а л о

Садитесь, дети мои!

Они располагаются вокруг стола. Кругантино сбоку, Клаудина позади стола, Гонсало против Кругантино, Камилла становится между Клаудиной и Кругантино, а Сибилла позади Гонсало.

К р у г а н т и н о

Потушите свечу, а другую отставьте подальше!

Г о н с а л о

Отлично! Отлично! Так будет . . . таинственнее.

К р у г а н т и н о

Раз жил да был юнец лихой,
С французами сражался,
Вернувшись, с девушкой одной
Он часто обнимался.
Ласкал ее, был нежен с ней,
Ее невестой звал своей
И наконец покинул!

Когда к бедняжке весть пришла,
Она ума лишилась,
Она кляла, звала, ждала
И с жизнью распростилась.
Когда ж настал ее конец,
Был страхом вдруг объят юнец,
В седло скорей вскочил он...

Г о н с а л о

Кто идет? Черт возьми, кто идет? Испортить человеку такое жуткое, приятное ощущение! Лучше пощечину стерпеть. А, Себастиан!

Себастиан, слуга с канделябрами.

С е б а с т и а н

Добрый вечер!

Г о н с а л о

Откуда?

С е б а с т и а н

Я только пожелаю вам покойной ночи. Ищу повсюду дона Педро и не могу найти.

К р у г а н т и н о
(в сторону)

Еще бы!

К л а у д и н а

Давно ли он вас покинул?

С е б а с т и а н

Давно. Вообще сегодня ночью все у меня преподло складывается.

Г о н с а л о

Ничего не удалось? Запей неудачу. У нас сегодня новый гость, несмотря на позднее время.

С е б а с т и а н
(глядя на Кругантино и принимая стакан, говорит в сторону)

Точь-в-точь, как тот, кого я ищу. Строен, жгучие глаза и лютия...

Г о н с а л о

Где ты ночуешь сегодня? Остайся здесь!

С е б а с т и а н

Нет, я должен найти Педро, хотя бы мне пришлось искать его до утра. Откуда, сударь, изволили прибыть?

К р у г а н т и н о

Из Сароссы.

С е б а с т и а н
(любезно)

Ваше имя?

К р у г а н т и н о

Меня зовут Кругантино. (В сторону.) Старый осел!

С е б а с т и а н
(равнодушно бормочет в стакан)

Так? (Отворачивается, говорит в сторону с довольным видом.) Попался, птенчик, попался! Ну, Педро, будь теперь, где хочешь, сначала я этого должен прибрать в надежное место. (Громко.) Прощайте!

Г о н с а л о

Еще стаканчик!

С е б а с т и а н

Благодарю. Сеньоры и сеньориты, ваш покорный слуга.

Г о н с а л о

Сибилла, проводи его.

С е б а с т и а н

Оставьте церемонии. (Уходит.)

К р у г а н т и н о

Старый друг дома?

Г о н с а л о

Который опять навестил нас после долгого отсутствия. Немножко прямолинеен, но славный человек. Ну, а теперь продолжайте вашу песенку, продолжайте! Я уже вижу, как его злобный дух дрожит перед господом, как он, клятвопреступник, неистовствует и мечется на коне по свету.

К р у г а н т и н о

Именно, именно.

Когда ж настал ее конец,
Был страхом вдруг объят юнец,
В седло скорей вскочил он.
Коню вонзил он шпоры в бок
И мчался без дороги.
Вперед и вдоль и поперек!
Но всюду был в тревоге.
Скакал семь дней и семь ночей.
Гревели грома все грозней,
Бурля, неслись потоки!

При вспышке молний видит дом
Он странный и суровый.
И вот укрыться вздумал в нем
Он от дождя ночного.
Пока бродил, впотьмах искал,
Разверзся пол, и он упал
На сто аршин под землю.

Придя в себя, он увидал
Три огонька средь мрака.
К ним тотчас же ползти он стал,
Блуждали те, однако,
Являлись здесь, являлись там.
Он полз им вслед по ступеням
Из погреба пустого.

С л у г а появляется у входа. Сибилла оглядывается; слуга ей делает знак; она, чтобы не мешать, подходит к нему на цыпочках. Гонсало, который все же это заметил, сердится и топает ногой. Кругантино продолжает.

И вот пред ним высокий зал,
Гостей толпа большая.
Кивать вдруг каждый череп стал,
На праздник приглашая.

Сибилла тихо подходит сзади к сидящей Клаудине и шепчет ей на ухо. Гонсало — в ярости, Кругантино поет.

Его невеста там была
Вся в белом. Молча отвела
Она свой взор...

К л а у д и н а
(с криком)

Педро! *(Падает навзничь и лишается чувств. Все вскакивают.)*

Г о н с а л о

На помощь! Что случилось? На помощь!

Ее поят вином.

В чем дело? В чем дело?

С и б и л л а

Педро ранен, опасно ранен!

Гонсало

Педро? Помогите ей! Дитя мое, мой ангел! Педро! Кто сказал?

Сибилла

Сюда примчался слуга Себастиана, он ищет своего господина.

Гонсало

Где Бастиан? Она не шевелится!

Сибилла

Почем я знаю!

Гонсало

Вина! Вина, Сибилла! Вина, Камилла! Дочка, дочка!

Кругантино
(растроганно, в сторону)

А ты, несчастный! Это — твоя работа, твое безрассудство! Какой ангел!

Гонсало

Вина!

Сибилла
(на ней лица нет)

Сударь!

Гонсало

Вина!

Сибилла

Сударь!

Гонсало

Ты с ума спятила?

Себастиан. Стража.

Себастиан

Сюда! Схватить его!

Кругантино

Меня?

С е б а с т и а н

Тебя! Сдавайся!

Г о н с а л о

Что это значит?

К р у г а н т и н о

(опрокидывает стул и забегает за стол и за кресло, в котором сидит Клаудина, вынимает из кармана два пистолета)

Прочь от меня! Я не хотел бы никому причинить вреда!

Себастиан направляется к нему.

Чтоб вы не думали, что они не заряжены! *(Стреляет в потолок.)*

Себастиан отступает.

(Одной рукой обнажает шпагу, в другой держит пистолет.)
Это тому, кто последует за мной! *(Перескакивает через стул и, размахивая шпагой, пробивается сквозь стражу.)*

С е б а с т и а н

(к стоящим снаружи)

Держите! Держите! За ним! Allons! За ним! *(Убегает.)*

К л а у д и н а

(которая пришла в себя от выстрела, дико озирается)

Умер! Умер! Ты слышал? Они его застрелили. *(Вскакивая.)* Застрелили! *(Плача.)* Отец! И вы это позволили? Куда они его дели? Куда они ушли? Где я? Педро! *(Снова падает в кресло.)*

Г о н с а л о

Дитя мое, дитя мое! *(К Камилле и Сибилле.)* Чего вы стоите? Чего смотрите? Сибилла, вот тебе ключ, принеси сверху бальзам. Камилла, скорее в погреб за крепким вином. Клаудина, дитя мое!

Клаудина с трудом приподнимается, протягивает безмолвно руку отцу и снова опускается в кресло. Гонсало в замешательстве то подходит к ней, то отходит.

С е б а с т и а н

(возвращаясь)

Он прорвался, как бешеный дьявол! Но ты нас не отводишь! Гонсало, прошу тебя...

Г о н с а л о

О, дочь моя!

С е б а с т и а н

Это испуг. Она придет в себя. Позволь мне взять твоих слуг, твоих лошадей. Я хочу погнаться за ним.

Г о н с а л о

Делай, что хочешь.

К л а у д и н а

Себастиан!

С е б а с т и а н

До свиданья, сударыня.

К л а у д и н а

Что Педро? Он умер?

С е б а с т и а н

Она взволнована. Ухаживайте за ней, я должен уйти.
(Уходит.)

Г о н с а л о
(подходя к ее креслу)

Успокойся, ангел.

К л а у д и н а

Он ушел. И не сказал: умер ли он, жив ли? Ах, колени, мои бедные колени! У меня разорвется сердце.

Входит С и б и л л а.

С и б и л л а

Вот бальзам.

К л а у д и н а

Ты сказала: опасно ранен? В Сароссе?

Г о н с а л о

Кто?

С и б и л л а

Педро.

Г о н с а л о

Как?

С и б и л л а

В себя не могу прийти от шума и суматохи. Святой боже! Тут врывается слуга Бастиана, ищет своего господина и, не найдя его, кидает мимоходом: «Педро опасно ранен, в Сароссе, в харчевне!» И был таков! Сейчас же после него — Себастиан со стражей, чтоб схватить нашего гостя, который отстреливается и пробивает себе дорогу. И кузиночка в обмороке. У меня в глазах темнеет. *(Садится.)* Мне дурно.

Входит Камилла с вином.

Г о н с а л о

Дай сюда! Выпей глоток, Клаудина. Дай стакан Сибилле. Ты тоже выглядишь, как привидение.

К а м и л л а

У меня зубы стучат, как в лихорадке. Всю жизнь я буду чувствовать этот страх в своем теле.

Г о н с а л о

Выпей стаканчик! Натри себе виски бальзамом. Натри и Сибилле.

К а м и л л а
(садится)

Я не выдержу.

К л а у д и н а

Отец! Педро опасно ранен! Себастиан не хотел меня выслушать!

Г о н с а л о

Никто не сообщил ему об этом.

К а м и л л а

В этом шуме, в этом страхе!

К л а у д и н а

Быть может, без всякой помощи.

Г о н с а л о

Все это не так страшно, как ты себе представляешь. Укол в руку, царапинка. Что это значит для мужчины? Успокойся, милое дитя! Я пошлю кого-нибудь в Сароссу.

К а м и л л а

Все ваши люди и лошади ушли с Себастианом.

Г о н с а л о

Проклятье!

К л а у д и н а

Кого-нибудь из соседнего села.

К а м и л л а

Кто же ночью отправится через реку? Паром стоит на том берегу. Вы же слышите, что никого нет.

Г о н с а л о

Потерпи до утра, милочка! А теперь иди спать.

К л а у д и н а

Позвольте мне побыть здесь еще несколько минут, пока кровь не успокоится. Я не смогу сейчас заснуть. Но у вас глаза слипаются! Позаботьтесь о своем здоровье.

Г о н с а л о

Не думай обо мне.

К л а у д и н а

Этим вы бы меня успокоили!

Г о н с а л о

Ладно! Но вы, племянницы, побудьте с ней. Прошу вас, не покидайте ее. Завтра спозаранку ты получишь вести о Педро. Разбудите меня, племянницы, поутру. Покойной ночи. Милая девочка, ложись поскорее. Камилла, посвети мне. Покойной ночи. *(Уходит с Камиллой.)*

Клаудина, Сибилла.

С и б и л л а
(после некоторого молчания)

У меня голова разрывается. Ноги точно на дыбе растянули. После такого дня — такая ночь!

К л а у д и н а

Я не могу допустить, чтобы вы бодрствовали, кузиночка.

С и б и л л а

А ваш отец?

К л а у д и н а

Ничего! Он не узнает. Ступайте наверх, хоть на постель прилягте, хоть не раздеваясь, и то отдых. Вы обе проснетесь раньше отца, а затем... обо мне не беспокойтесь!

Входит **К а м и л л а**.

С и б и л л а

Кузиночка говорит, чтобы мы шли спать.

К а м и л л а

Милая кузиночка! Да вознаградит тебя господь! У меня нет больше сил.

С и б и л л а

Сперва мы проводим тебя в спальню.

К л а у д и н а

Не надо. Ведь это рядом. Я хочу сначала успокоиться.

С и б и л л а и К а м и л л а

В таком случае покойной ночи!

К л а у д и н а

Покойной ночи.

Сибилла и Камилла уходят.

Избавилась ли я от вас наконец? Могу ли дать выход буре моего сердца? Педро! Педро! Как я чувствую сейчас, что люблю тебя! О, как она душит, как клокочет, эта скрытая, эта мне самой до сих пор неизвестная страсть!.. Где ты? И что ты для меня?.. Умер Педро!.. Нет, ранен!.. Без помощи!.. Ранен? К тебе... К тебе!.. Мой белый конь! Ты, который верно носил меня на соколиной охоте, что бы я дала за

тебя сейчас! Ах, голова! Ах, сердце!.. Тут нет никакой смелости... это очень просто!.. (*Находит на столе ключи от сада.*) Ключи? Некое божество посылает мне их!.. В маленькую калитку, по террасе вниз, через полчаса я в Сароссе! Харчевня?.. Я найду ее! А это платье? Ночь?.. А разве у нас не остался гардероб кузена? Разве его синий камзол не сидит на мне, как литой? Ха-ха! И его шпага! Любовь поведет меня, с любовью не страшно. А на дороге?.. Нет, не решусь! Совсем одна! А если проснутся кузины и отец?.. А ты, Педро, лежишь в крови! Твое последнее дыхание призывает Клаудину!.. Иду... иду. Чувствуешь, как моя душа долетела до тебя? Хочу припасть к твоему ложу, Педро, оплакивать тебя, кручиниться! Только бы увидеть тебя, почувствовать, что пульс еще бьется в твоей руке, и чтобы слабое пожатие сказало мне: «Он еще жив, он еще любит тебя!..» Неужели нет никого, кто бы его перевязал? Кто бы остановил кровь?

Сердце,— ах! —
Довольно биться!
Иль томиться?
Иль бежать?
Иль решиться
Зову внять?
Сердце,— ах!
Хочу решиться
Не томиться,
Зову внять.

ПОД УТРО, ПЕРЕД ХАРЧЕВНЕЙ В САРОССЕ

К р у г а н т и н о
(*со шпагой под мышкой*)

Неужели Баско был прав? Неужели за мной гонятся? Куда он только мог деваться? Они скакали и бежали мимо меня. Ха-ха, я знаю кусты лучше вас, и хороших ищеек у вас нет, да и самые лучшие нас не укусят! (*Стучит в дверь харчевни.*)

Входит мальчик.

М а л ь ч и к

Ваша милость

К р у г а н т и н о

Баско вернулся домой?

М а л ь ч и к

Да, ваша милость, с каким-то раненым, он лежит в вашей комнате. Сам он сейчас же ушел и приказал мне прислушиваться, если гость позвонит. А вам он велел сказать, что пошел в Мирмоло. Такого места я что-то не знаю, думаю, он пошутил,

К р у г а н т и н о

Хорошо! Ступай в дом и не зевай.

Мальчик уходит.

Мирмоло! Наш пароль для Вилла Беллы! Баско! В Вилла Беллу! А, понимаю! Себастиан! Кто этот Себастиан? Что он имеет против меня? Ну, это все разъяснится, это все придется расхлебывать. Вот если бы только лютню свою там не оставил! За такую подлую штуку ты стоишь, чтоб любой мерзавец надавал тебе пощечин! Свою лютню! Я готов взбеситься. Что сказать о человеке, который попал вместе с другом в потасовку, сам пробился, а друга бросил? Фу, срам такому человеку, срам! Такая лютня стоила десяти друзей. Твоя подруга, твоя спутница, твоя любовница! Которая к тому же пережила всех твоих возлюбленных! Что, если б я вернулся назад? Ведь ищейки ушли оттуда! Отлично! Никто не заподозрит, что я там! Отлично! Я знаю лазейку! Вот это была бы штука! В том смятении, в котором находится дом... Ах, бедная Клаудина! Похоже на то, что приключение рискованное. Все же, allons! Сначала выручим лютню, а там видно будет. *(Направляется по одной стороне улицы.)*

К л а у д и н а появляется в мужском костюме на другой стороне.

К л а у д и н а

Пришла! Боги, это — Саросса! А вот харчевня! У меня ноги подкашиваются, больше не могу. *(Садится на скамью против харчевни.)*

К р у г а н т и н о

Вот так явление! Что нужно здесь ночью этому расфранченному мальчику? Приключение за приключением! Посмотрим, в чем дело.

К л а у д и н а

Горе! Здесь кто-то есть!

К р у г а н т и н о

Сударь!

К л а у д и н а

Я погибла!

К р у г а н т и н о

Не бойтесь! Вы имеете дело с честным, порядочным человеком. Чем могу служить?

К л а у д и н а

Прошу вас! Охотно верю вам, но, пожалуйста, оставьте меня!

К р у г а н т и н о

Что за голос? (*Берет ее за руку.*) Небо, что за рука?

К л а у д и н а

Оставьте меня!

К р у г а н т и н о

Клаудина!

К л а у д и н а

(*вскакивая*)

А, сеньор! Гостеприимством моего отца... заклинаю вас! Силы небесные!

К р у г а н т и н о

Милая, снова
Тебя нахожу я!

К л а у д и н а

Небо! О, небо!
От страха дрожу я!

К р у г а н т и н о

Ты ли не в силах
Свой страх унять?

К л а у д и н а

Боги, мне помощь
Молю послать!

К р у г а н т и н о
(обнимая ее)

Так мила! В ночи! Одна!

К л а у д и н а
(отталкивая его)

Нет, уйти я должна!

К р у г а н т и н о

Ты ль посмела?

Ты ль решила

Дом покинуть

И явила

Предо мной свой милый взор?

Я надеюсь!

К л а у д и н а

О, позор!

О б а

Я надеюсь!

О, позор!

П е д р о
(в окне, прислушивается)

Голос Клаудины!

Не мог я ошибиться!

К р у г а н т и н о
(преклоняя колена)

Сжалься, богиня!

К л а у д и н а
(отталкивая его)

Как смел ты решиться?

К р у г а н т и н о

О, вземли ты мне хоть раз,
Здесь никто не слышит нас.

К л а у д и н а

**Прочь, не знаешь ты, злодей,
Силу верности моей!**

К р у г а н т и н о
(набрасываясь на нее)

**Не добиться
Любви твоей!**

К л а у д и н а
(обнажая шпагу)

**Будем биться!
Ну, скорей!**

К р у г а н т и н о
(хватая и увлекая ее)

**О, дивный пыл!
О, будь моею!**

К л а у д и н а
(вырываясь от него)

**Нет больше сил!
Ко мне! Скорее!**

П е д р о
(исчезает в окне и выбегает)

Она! Она!

К л а у д и н а
(которую Кругантино хочет внести в харчевню)

Скорей! Скорей!

П е д р о
(появляется в дверях со шпагою в руке)

Стой! Стой!

К л а у д и н а

Педро!

П е д р о
Клаудина!

Оба

Счастье нам!

Кругантино

(опускает Клаудину, но продолжает придерживать ее за руку, вынимает шпагу и, отступая, держит острие шпаги против ее груди)

Не спешите!

Назад! Эй, ты там!

Оба

Боги!

Кругантино

Умерь отвагу!

Не то покончу с ней!

Педро

Ты свою шпагу

Скрести с моей!

Кругантино

Назад! Назад!

Оба

Боги!

Кругантино

Иль зря грозил

Я шпагою своею?

Педро

Жестокий пыл!

О, сжался ты над нею!

Кругантино

Умерь отвагу!

Педро

Спрячь свою шпагу!

К р у г а н т и н о

Сейчас покончу с ней.

П е д р о

Внемли мольбе моей.

К р у г а н т и н о

Назад! Назад!

О б а

Боги!

Б а с к о

(в отдалении)

Что там за танец,

Что за веселье?

Иль сотня пьяниц

Орет с похмелья?

К р у г а н т и н о

(услыхав его голос)

Баско!

Б а с к о

(отвечает, передразнивая его, и восполняет ритм соловьиной трелью)

Тараско!

Таррарарарам!

К р у г а н т и н о

Раненый этот

Мешает нам!

П е д р о

(угрожая Баско)

Прочь! Эй, ни шагу!

К р у г а н т и н о

(увлекая Клаудину)

В бреду бедняга!

Б а с к о
(выбивая шпагу из рук Педро)

Allons, поспите!

К л а у д и н а
(наильно увлекаемая Кругантино)

Люди, спасите!

Вступает оркестр.
Во время игры оркестра Кругантино уже почти успел утащить Клаудину, но Педро неожиданно кидается на Баско, опрокидывает его наземь и, перепрыгнув через него, бросается на Кругантино, который вновь приставляет шпагу к груди Клаудины. Они стоят.
Музыка делает паузу,

С т р а ж а
(в отдалении)

Сюда! Сюда!
Что-то случилось,

Д р у г о й
Сволочь ночная!
Ишь расходилась!

К р у г а н т и н о
(оставляет Клаудину и вместе с Баско устремляется на стражу)

Баско! За шпагу!

С т р а ж а
(нападая)

Стой и ни шагу!

П е д р о
(хватая Клаудину)

Бежим скорее!

К л а у д и н а
(падая ему на руки)

Ах, я слабею...

С т р а ж а
(удерживая Педро и Клаудину)

Стойте!

П е д р о и К л а у д и н а

Увы!

С т р а ж а
(обезоруживает Кругантино и Баско)

Сдайся!

К р у г а н т и н о и Б а с к о

Позор!

Вступает оркестр.

С т р а ж а
(уводит всех)

Все вслед за мной!

П е д р о и К л а у д и н а

Ах! Ах!

С т р а ж а
Ты пойман, вор!

К р у г а н т и н о и Б а с к о

Позор! Позор!

Тесная тюрьма.

П е д р о и К л а у д и н а. Она стоит коленоупреклоненная, в отчаянии опираясь головою и руками о выступ стены.

П е д р о

**Напрасно,
О, не мучь напрасно,
Милая, не мучь себя.**

К л а у д и н а
(оборачиваясь)

**Какою
Полна тоскою,
Полна тоскою грудь моя!**

Педро

Напрасно,
О, не мучь напрасно,
Милая, не мучь себя.

Клаудина

(выпрямляясь, но все еще стоя на коленях)

Боги, вам хочу молиться.
Тяжко так мне здесь томиться,
Что не мил мне мир и день!

Педро

Близ тебя могу ль томиться?
Стала мне дворцом темница!
Ясным днем ночная тень.

Он хочет ее поднять, но она вскакивает и вырывается от него.

Клаудина

Враг мой ужасный!
Смерти я жажду!

Педро

О, я несчастный!
Небо, я стражду!

Клаудина

Ты б в огорченье
Умер, отец!

Педро

Скоро ль мученью
Будет конец?

Себастьян. Тюремщик.

Тюремщик

Посмотрите, не тот ли это, который вам нужен? А то у
меня напротив еще есть парочка!

С е б а с т и а н

Педро!

П е д р о
(обнимая его)

Милый друг!

С е б а с т и а н

Что это значит? А кто твой товарищ?

К л а у д и н а

Земля, поглоти меня!

С е б а с т и а н

Это наваждение! Клаудина?

К л а у д и н а

Горе мне!

П е д р о

Чистейший из ангелов!

С е б а с т и а н

Ты так бледна! Клаудина, ты ли это? Клаудина...

К л а у д и н а

Предоставьте меня моему несчастью! Я не хочу больше видеть дневного света, я не хочу видеть никого из вас.

С е б а с т и а н

Одно только слово, Педро, одно разумное слово! Как вы сюда попали? У меня в голове мутится.

П е д р о

У меня был маленький поединок, я был ранен в руку, и меня отвели в Сароссу. Дело шло под утро. Я лежал в харчевне на постели и дремал, тут я услышал голос Клаудины, услышал, что она зовет на помощь, бросился вниз и застал ее отбивающейся от какого-то головореза, я хотел ее освободить, и тут нас обоих заперли.

С е б а с т и а н

Ну, а ты, милочка?

К л а у д и н а

Не спрашивайте меня!

С е б а с т и а н

Ты узнала про несчастье с Педро, и твое доброе сердечко...

П е д р о

Пощади ее! Ее сердце в ужасном смятении.

С е б а с т и а н

Я не тебя искал, я искал твоего брата, которого преследовал всю ночь, а теперь мне сказали, что его заперли здесь.

П е д р о

Здесь? Какая мысль пронзила мою душу!

С е б а с т и а н

Наверно, это ошибка.

П е д р о

Тот, кто меня ранил, кто покушался на Клаудину, это тот же человек.

С е б а с т и а н

Посмотрим. (*Зовет.*) Тюремщик!

Т ю р е м щ и к

Ваша милость!

С е б а с т и а н

Ты говорил еще о двух других. Веди их сюда!

Т ю р е м щ и к

Сейчас, сеньор!'

П е д р о

Ах, если б это был он!

С е б а с т и а н

Он ранил тебя, ты говоришь?

П е д р о

Ранил и напугал этого ангела! Ах, если б это был мой брат!

К л а у д и н а

Мы простим его. Ах, Педро, если б не... если б я могла чувствовать что-нибудь, кроме своего горя!..

С е б а с т и а н

Успокойся, франтик! Дело сильно запуталось! Немножко терпения!

Прежние. **Т ю р е м щ и к.** **К р у г а н т и н о.** **Б а с к о.** Приносят стул для Клаудины.

Т ю р е м щ и к

Сеньор, вот достойная пара.

С е б а с т и а н

Сеньор Кругантино, вот где мы с вами опять встречаемся. Недавно я видел вас в другом месте.

К р у г а н т и н о

Без издевательства! Не вашей храбрости я обязан тому, что я здесь.

С е б а с т и а н

Так? Тем не менее считаю за большую честь, что вижу здесь сеньора Кругантино. Позвольте узнать, это ваше единственное имя?

К р у г а н т и н о

На это я вам отвечу, когда вы будете моим судьей, и то, если мне это заблагорассудится.

С е б а с т и а н

Ладно! А вас, говорят, зовут Баско?

Б а с к о

На сей раз так к услугам вашей милости.

С е б а с т и а н

Товарищ сего благородного рыцаря?

К р у г а н т и н о

А! Старый болтун!

С е б а с т и а н

Это вы мне говорите?

К р у г а н т и н о

Я — узник. Суньте вашу щепетильность в карман. (*К Педро.*) Перед вами, сударь, я виноват. Сначала я ранил вас ни с того ни с сего, затем я стал причиной вашего ареста. Простите меня!

П е д р о

Охотно, охотно! Я готов тысячу раз простить тебя, раз тебя прощает этот ангел, которого ты напугал. Прощаю тебя, так как искупить этого ты никогда не сможешь.

К р у г а н т и н о

Не увеличивайте моей вины, мне придется нести ее, как бы тяжела она ни была. Но признайтесь: разве человек, который не привык пасовать перед приключениями, должен выпустить так дешево из рук красавицу, желанную, любимую красавицу, если она одна-одинешенька доверилась ночью защите небес?

К л а у д и н а

Как он меня унизил! Он прав. О, любовь, любовь!

П е д р о

Я счастливейший смертный под солнцем!

С е б а с т и а н

А вы думаете, что от всего этого можно так легко отделаться, точно мужик нос рукавом утер! У вас же должна быть совесть.

К р у г а н т и н о

Сперва судья, теперь духовник.

С е б а с т и а н

А если б от меня зависело, то не прочь сделаться и врачом, чтоб слегка вскрыть вам жилу, так только, любопытства ради, чтоб взглянуть, как выглядит благородная кровь.

К р у г а н т и н о

Благородная кровь, сударь? Благородная кровь? Ваш ястребиный нос, правда, говорит о древнем роде, но и моя кровь не устыдится вашей. Благородная кровь?

С е б а с т и а н

Язык бы вырвать тому, кто оскорбит род Кагельбеккио!

К р у г а н т и н о

Кагельбеккио! Меня предали!

С е б а с т и а н

Как надо поступить с тобой? С тобой, который так обесчестил этот благородный дом?

К р у г а н т и н о

Ко всем чертям!

С е б а с т и а н

Или ты не узнаешь Себастиана де Роверо? Или ты больше не Алонсо, который сидел у меня на коленях, который был надеждой отца, надеждой рода, или ты меня не узнаешь?

К р у г а н т и н о

Себастиан?

С е б а с т и а н

Он самый! Тебе бы лучше прежде сквозь землю провалиться, чем услышать, что ты за чудовище!

К р у г а н т и н о

Будьте великодушны! Я ведь человек.

С е б а с т и а н

Оставим прошлое, несчастный! Смотри, что перед тобой! Разве ты не ранил этого благородного юношу, не увлек его возлюбленной, его невесты, из рук отца, который никогда не простит ей этого шага? А теперь ты вверг их в эту темницу как соучастников твоего злодеяния! Его, самого лучшего, самого смелого, самого доброго... твоего брата!

К р у г а н т и н о

Брата?

П е д р о
(бросаясь ему на шею)

Брат! Мой брат!

С е б а с т и а н

Педро де Кастельвеккио!

К р у г а н т и н о

Оставьте меня, прошу вас! Оставьте меня! Сердце мое умеет чувствовать, и то, что волнует вас, трогает и меня. Мой брат! Ужасная мысль, прочь от меня! Я хочу только думать о том, что ты у меня есть, что ты мой брат. Ты здесь, Педро? Мой брат здесь?

С е б а с т и а н

Отчасти и ради тебя! Когда мы приблизительно набрали на твой след и он узнал, что я принимаю меры к твоей поимке, он покинул со мной Мадрид!

П е д р о

Я боялся его суровости. Себастиан добр, пока его не выведут из себя.

К р у г а н т и н о

Значит, вы отправились ловить меня? Что вам было нужно от меня? И зачем я вам теперь понадобился? Вы хотите запереть меня в башню, чтоб уберечь мир от незначительной неприятности, а мою семью от воображаемого стыда? Берите меня! Но что вы наделали? Разве вы мне ничем не обязаны?

С е б а с т и а н .

Ведите себя лучше!

К р у г а н т и н о

С вашего разрешения, сударь, в этом вы ничего не смыслите! Что значит вести себя? Понимаете ли вы потребности такого юного сердца, как мое? Молодой, беспутной головы? Где у вас подходящая для меня арена жизни? Ваше мещанское общество мне невыносимо! Захоти я трудиться, я буду рабом, захоти веселиться, я буду рабом. Разве тому, кто хоть чего-нибудь стоит, не лучше уйти на все четыре стороны? Простите! Я неохотно выслушиваю чужие мнения, простите поэтому, что я сообщаю вам свои. Зато я готов с вами согласиться, что кто однажды пустился в блуждания, тот не знает больше ни цели, ни грани. Наше сердце... ах! наше сердце не знает границ, пока у него хватает сил!

П е д р о

Милый, брат, разве тебе тесно в кругу нашей любви?

К р у г а н т и н о

Прошу, оставь меня! Впервые слышу от тебя такие слова и...

П е д р о

Будем братьями!

К р у г а н т и н о

Я твой пленник.

П е д р о

Я этого не допущу!

К р у г а н т и н о

Хорошо. Но предоставьте меня самому себе. Если я когда-либо смогу жить вам на радость, то только если вы будете обязаны мне этой радостью.

П е д р о

Не узнаю больше в этих благородных, нежных чувствах того чудовища, которое грозило пролить кровь Клаудины.

К р у г а н т и н о
(*улыбаясь*)

Пролить кровь Клаудины? Ты мог бы проткнуть меня шпагой, прежде чем я посмел бы тронуть хоть один волос на голове этого ангела.

С е б а с т и а н

Обними меня, благородный юноша! Узнаю теперь в говореزه кровь Кастельвеккио.

П е д р о

И все же ты ее пугал?..

К р у г а н т и н о

Да, потому, что я знаю, что вас, влюбленных, можно связать и простой ниткой.

С е б а с т и а н

Милый мальчик!

К р у г а н т и н о

А разве вы не знаете, что все достойные мужи были в молодости милыми мальчиками и даже кой-чем похуже.

С е б а с т и а н

Верно!

К р у г а н т и н о

И даже вы сами.

Прошлое забыто!
Я вам ныне брат!

К л а у д и н а
(*слабым голосом*)

Жизнь измени ты,
Будешь нам как брат.

П е д р о

Прошлое забыто!
Ты мне ныне брат!

К р у г а н т и н о

Я вам ныне брат!

К л а у д и н а

Будешь нам как брат!

П е д р о

Ты мне ныне брат!

} Все трое.

С е б а с т и а н

Ну, а теперь allons, вон из этой прокопченной дыры. Клаудина, девочка, где ты? Бедное дитя! Сколько радостей и горя ты испытала! Ты должна отдохнуть, должна обрести покой, должна... обрести все. Идем! Мы, наверно, раздобудем здесь портшез. Вперед! В Вилла Беллу!

К л а у д и н а

Никогда, ни за что! В монастырь, Бастиан, или я умру здесь! Предстать перед взором отца! Увидеть дневной свет!
(Хочет встать и падает.)

С е б а с т и а н

Успокойся, девочка! Ты совсем расстроена. Вперед, господа! Позаботьтесь о портшезе. Мы должны идти.

Входит Гонсало.

Г о н с а л о

Где вы?.. Где Бастиан?.. Бастиан!..

К л а у д и н а

Отец! (Падает в обморок.)

Г о н с а л о

Голос дочери?.. Педро! Бастиан! Как? Где? (Бросаясь к дочери.) Клаудина! Дочь!

С е б а с т и а н

Эй, врача! Уйдем скорее!

К р у г а н т и н о

Боги, я умру сейчас! }

П е д р о

Сил не чувствую в себе я!

Г о н с а л о

Не во сне ль я вижу вас?

С е б а с т и а н и К р у г а н т и н о
(оттаскивая Гонсало от Педро и Клаудины)

Прочь скорей!

П е д р о и Г о н с а л о
(отталкивая Себастиана и Кругантино)

Прочь! Не смей!

С е б а с т и а н
Вы же ранены, смотрите!

П е д р о
Смерть, рази! Она мертва!

Г о н с а л о
О, пощады вы не ждите!

К р у г а н т и н о
Боги, я дышу едва!

С е б а с т и а н и К р у г а н т и н о
(как прежде)

Прочь скорей!

П е д р о и Г о н с а л о
(как прежде)

Прочь, не смей!

П е д р о
Небо, как ты муки множишь,
Горе, я дышу едва!

Гонсало

Нет, ты умереть не можешь.
Нет, о дочь, ты не мертва!

Себастьян
Горе! Я дышу едва!

Кругантино
Горе! Я дышу едва!

Педро
Смерть, рази! Она мертва!

Гонсало
Нет, о дочь, ты не мертва!

} Все четверо.

Себастьян
Она приподнимается.

Кругантино
Она жива.

Педро и Гонсало
Клаудина!

Клаудина
(в оцепенении смотрит на отца и на Педро)
Отец! Педро!

Гонсало
Дочь моя!

Себастьян
Пощади ее!

Клаудина
Педро! Отец!

Гонсало
О, не покидай нас! Живи! Живи! Ради меня! Ради этого
благородного юноши!

Педро бросается к ее ногам.

С е б а с т и а н

Пощади ее! Пощади ее! Она твоя,

П е д р о

Отец!

Г о н с а л о

Она твоя!

Х о р

Гром, в небе не греми!

Море, волну уйми!

Вместо ненастья

Свет в высоте!

Вечное счастье

Юной чете!

ЭГМОНТ

Трагедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Маргарита Пармская,
дочь Карла Пятого, прави-
тельница Нидерландов.

Граф Эгмонт, принц Гавр-
ский.

Вильгельм Оранский.

Герцог Альба.

Фердинанд, его внебрачный
сын.

Макиавелли, секретарь
правительницы.

Рихард, личный секретарь
Эгмонта.

Сильва } военные на службе
Гомес } Альбы.

Клэрхен, возлюбленная Эг-
монта.

Ее мать.

Бракенбург, молодой бюр-
гер.

Зоост, лавочник }
Иеттер, портной } брюссельские
Плотник } граждане.

Мыловар

Бойк, солдат из войска Эг-
монта.

Ройсум, инвалид, тугой на
ухо.

Фансен, писец.

Народ, свита, стража и
т. п.

Место действия — Брюссель.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Состязание в стрельбе. Солдаты и бюргеры с арбалетами.
Иеттер, брюссельский бюргер, портной, выступает вперед и на-
тягивает тетиву. Зоост, брюссельский бюргер, лавочник.

Зоост. А ну стреляй, пора уж кончать! Три черных кру-
га, куда вам до меня! В нынешнем году я буду мастером.

Иеттер. Мастером, да еще и королем вдобавок. Никто

у вас этой чести не оспаривает. Только что за выпивку придется вам заплатить вдвойне, как положено, а значит и за свое уменье.

Б о й к, голландец, солдат из войска Эгмонта.

Б о й к. Иеттер, я хочу перекупить у вас этот выстрел, выигрыш, конечно, пополам, угощение за мой счет: я здесь уже давно и обязан расплатиться за гостеприимство. Ежели я промахнусь, все будет, как если бы стреляли вы.

З о о с т. Не стоило бы мне соглашаться. Пожалуй, я в накладе останусь, ну да ладно, будь что будет.

Б о й к (*стреляет*). Итак, ваше шутейшество! Раз, два, три, четыре!

З о о с т. Четыре мишени? Вот это да!

В с е. Ура, королю! Ура! И еще раз ура!

Б о й к. Благодарю, господа. Я и на мастера-то не надеялся! Благодарю за честь,

И е т т е р. Вам себя благодарить надо.

Р о й с ю м, фрисландец, инвалид, тугой на ухо.

Р о й с ю м. Да, доложу я вам!

З о о с т. Что? Что, старик?

Р о й с ю м. Да, доложу я вам! Стреляет не хуже своего начальника, Эгмонта.

Б о й к. Куда мне до него, я так — мелкая сошка. Никто на свете метче Эгмонта не стреляет. И не только, когда ему везет или уж очень охота припала, нет! Прицелится и — прямо в черный кружок. Я его выученик. Грош цена парню, который у такого стрелка служил и ничему не научился. Однако, господа, не забывайте! Король кормит своих людей. Вина! Выпьем за королевский счет!

И е т т е р. У нас заведено, что каждый...

Б о й к. Я человек пришлый, да вдобавок король, что мне ваши законы и обычаи!

И е т т е р. Ты, значит, хуже испанца, он и то их до поры до времени соблюдает.

Р о й с ю м. Что?

З о о с т (*громко*). Бойк сам собирается нас потчевать, а складчины не хочет, не хочет, чтобы король всего лишь вдвойне платил.

Ройсюм. Ну и пусть. К черту все эти правила. Его начальник тоже любит угощать от своих щедрот — пусть, мол, пьют сколько влезет.

Они приносят вино.

Все хором. За здоровье вашего величества!

Иеттер (*Бойку*). Именно вашего...

Бойк. Ну что ж, благодарю вас, коль так положено.

Зоост. Ваше здоровье! Ни один нидерландец от чистого сердца не провозгласит здравицу за испанского короля!

Ройсюм. За кого?

Зоост (*громко*). За Филиппа Второго, короля Испании.

Ройсюм. Да дарует господь долгую жизнь нашему все-милостивейшему королю и повелителю.

Зоост. А его августейшего родителя, Карла Пятого, разве меньше почитали?

Ройсюм. Упокой, господи, его душу! Вот был король так король! Его десница простерлась над божьим миром из конца в конец, всем он был и всем ведал, а встретит тебя и приветствует как сосед соседа, если же ты испугался, он этак ласково с тобой... Ну да поймите меня правильно. Он гулять ходил или верхом ездил, когда ему вздумается, а свиты с ним было — всего ничего. Мы себе глаза выплакали, когда он уступил сыну власть над нами, вот я и говорю, поймите меня правильно. Сыну до его простоты далеко — сын-то поспесивее будет.

Иеттер. Он здесь являлся народу не иначе как в торжественном облачении и при всех королевских регалиях. И, говорят, все больше помалкивал.

Зоост. Такой властитель нам, нидерландцам, не по праву. Нам нужен государь свободный и веселый, как мы сами, пусть бы сам жил и другим жить давал. Какие мы ни есть добродушные дурни, а гнет и презрение — не про нас.

Иеттер. Король, думается мне, был бы помилостивее, будь у него добрые советчики.

Зоост. Нет, нет! Не по душе ему нидерландцы и не по вкусу, он нас не любит, так как же, спрашивается, нам его любить? Почему все у нас привержены графу Эгмонту? Почему его мы чуть ли не на руках носим? Да потому, что он жаждает нам добра, потому, что веселость, широта и благожелательство у него на лице написаны, потому, что нет у Эгмонта ничего, чем бы он не поделился с тем, у кого в этом нужда, да и без особой нужды тоже. Да здравствует граф Эгмонт! Бойк,

тебе положено первому выпить за его здоровье! Так давайте же сдвинем кубки.

Б о й к. За графа Эгмонта!

Р о й с ю м. Победителя при Сен-Кентене!

Б о й к. Героя Гравелингена!

В с е х о р о м. Да здравствует Эгмонт!

Р о й с ю м. Сен-Кентен — это была моя последняя битва. Я насилу выбрался, едва тащил свое оружие. А все-таки еще разок пальнул по французу, а он напоследок подшиб мне правую ногу.

Б о й к. Гравелинген! Други! То-то было дело! Однако победа досталась нам и только нам! Эти чужеземные псы огнем и мечом опустошали Фландрию, но мы им поддали жару. Старые закаленные они были вояки и стояли до последнего, а мы рубили, кололи, жгли, куда рожу у них не перекасило и ряды наконец не разомкнулись. Под Эгмонтом в бою пала лошадь, мы же все бились и врукопашную, и всадник против всадника, и отряд против отряда у самого моря, на широкой песчаной полосе. И вдруг, точно с неба, бах! бах! От устья реки пушечные ядра так и посыпались на французов. Оказалось, английский флот под флагом адмирала Малина проходил здесь откуда-то из-под Дюнкиркена. Конечно, толку от англичан было не больно-то много, подойти они могли разве что на маленьких суденышках, да и то не очень близко, а их ядра попадали и в нас — и все-таки нам это было на руку! Сломали они наших врагов, а мы воспряли духом. Каша тут заварилась отчаянная, что и говорить! Огонь, грохот. Все сметено с лица земли, все сброшено в воду! Француз — не успеет воды хлебнуть и мигом на дно, а мы, голландцы, за ним ныряем. Мы ведь земноводные и в воде что твои лягушки, вот мы и добивали их в реке, стреляли по ним, как по уткам. Кому все-таки удалось выбраться на сушу, тех деревенские бабы топорами да вилами добивали. Куда уж тут деться французскому величеству — запросил пардона. Вот этим-то миром вы обязаны нам, вернее, великому Эгмонту!

В с е х о р о м. Да здравствует, да здравствует великий Эгмонт! Ура!

И е т т е р. Эх, посадили бы его у нас правителем вместо Маргариты Пармской.

З о о с т. Ну, потише! Прошу прощения! Не позволю я вам хулить Маргариту. Теперь я скажу: да здравствует наша всемилостивейшая государыня!

В с е х о р о м. Да здравствует!

З о о с т. Честное слово, достойнейшими женщинами дарит нас этот дом. Да здравствует правительница!

И е т т е р. Она умна и во всем знает меру, — одно плохо — очень уж льнет к попам. Не без ее старанья у нас прибавилось четырнадцать штук новых епископских шапок. На что они нам сдались? Конечно, так удобнее пристраивать на теплое местечко то одного, то другого чужеземца. Прежде настоятелей выбирали наши капитулы. И нам прикажете верить, что это делается во имя религии? Как бы не так! С нас и трех епископов было предостаточно. При них все шло честь по чести. А нынче всякий норовит доказать, будто он невесть как необходим, и тут уж свары не оберешься. А чем больше взбалтывать да встряхивать, тем больше мути.

Пьют.

З о о с т. На то воля короля, правительница тут не воляна ни убавить, ни прибавить.

И е т т е р. Нынче уж и новые псалмы петь не смей. А стишки до того складные и мотив прямо за душу хватает. Похабные песенки — это пожалуйста, сколько угодно. А почему, спрашивается? В псалмах, мол, ереси дополна, толкуют они, и еще бог знает что городят. Я тоже их пел и ничего такого не заметил — все враки.

Б о й к. А почему же, спрашивается, в нашей провинции мы что хотим, то и поем? Да потому, что у нас наместником граф Эгмонт, он в такие дела не суется. В Генте, в Иперне, во всей Фландрии люди что хотят, то поют. (*Громко.*) Да и что может быть невиннее псалмов? Верно я говорю, отец?

Р о й с ю м. Еще бы! Это ведь богослужение, душеполезная песнь.

И е т т е р. А они твердят: не по-ихнему-де эти псалмы написаны, вот и выходит, что их лучше не петь. Слуги инквизиции повсюду снуют, выслеживают да вынюхивают; сколько уж честных людей из-за них голову сложило. Не хватает только, чтобы над нашей совестью измывались. Коли уж нельзя мне делать, что я хочу, дали бы, по крайней мере, думать и петь, что на ум взбредет.

З о о с т. Ничего инквизиция не добьется. Мы не испанцы и совесть свою тиранить не позволим. Дворянству тоже пора подумать, как инквизиции крылышки подрезать.

И е т т е р. Легко сказать. Если эти голубчики вздумают нагрянуть ко мне в дом, а я спокойно сижу за работой, мурлычу себе под нос французский псалом и ровнешенько ничего

не думаю, ни худого, ни хорошего, просто напеваю то, что у меня на языке вертится, — все равно меня объявят еретиком и сволокнут в тюрьму. Или иду я, скажем, по деревне и оста-навливаюсь возле кучки людей, которые слушают нового проповедника, знаешь, одного из тех, что из неметчины прибы-ли. Меня тут же, на месте, объявят мятежником, а там уж, пожалуй, и голова с плеч долой. Доводилось вам слышать кого-нибудь из этих приезжих?

З о о с т. Бравый они народ. Намедни, я слышал, один в поле речь держал перед тысячами и тысячами людей. Скажу прямо — это вам не та латинская бурда, которой нас потчу-ют с кафедры. Этот без обиняков говорил, как нас до сих пор морочили и в темноте держали и как нам правдою просве-титься. И все по Библии, слово в слово.

И е т т е р. Да ведь так оно, верно, и есть. Я уж сам не-мало об этом думал.

Б о й к. Потому и народ за ними по пятам ходит.

З о о с т. А как же, кому не охота услышать новое да еще доброе слово.

И е т т е р. Ну и что? Почему нельзя каждому проповедо-вать на свой лад?

Б о й к. Поживей, ребята! Вы так усердно языки чешете, что забыли о вине и об Оранском.

И е т т е р. Об Оранском забывать не след. Он для нас — каменная стена. Стоит только о нем подумать, и кажется — вот за кем ты укроешься, так что сам черт тебя не достанет. За здоровье Вильгельма Оранского! Ура!

В с е х о р о м. Ура! Ура!

З о о с т. Ну, старик, вымолви и ты словечко!

Р о й с ю м. За бывалых солдат! За всех солдат! Да здрав-ствует война!

Б о й к. Браво, старче! За всех солдат! Да здравствует война!

И е т т е р. Война! Война! Вы сами не понимаете, что кри-чите! Слово это у вас само собой с языка срывается. И не ди-во, но нашему брату от него, ей-богу, так тошно становится, что и не скажешь. Весь год слушать грохот барабанов да раз-говоры, что этот-де отряд наступает оттуда, а тот отсюда, один взял высоту и остановился у мельницы, сколько там народу полегло, а сколько здесь, кто деру дает, а кто вперед продви-гается, да еще, хоть тресни, не поймешь, кто же все-таки вна-кладе, а кто в выигрыше. Или и того лучше: взяли какой-то город, перебили всех мужчин и замучили несчастных женщин

и невинных младенцев. От тоски и страха сердце замирает. Только и думаешь: «Вот придут и с нами то же сделают!»

З о о с т. Потому-то каждый бюргер обязан владеть оружием.

И е т т е р. В первую очередь семейный. И все-таки я предпочитаю слушать о солдатах, нежели смотреть на них собственными глазами.

Б о й к. Это уж, кажется, в мой огород.

И е т т е р. Я не об вас говорю, земляк. Мы только и вздохнули, как разделились с испанцами.

З о о с т. Видать, тебе с ними туго пришлось.

И е т т е р. Придержи язык.

З о о с т. Много, что ли, они навольничали, когда у тебя стояли?

И е т т е р. Молчать, говорят тебе.

З о о с т. Прогнали тебя из кухни, из погреба, из дому, а главное, из постели.

Смеются.

И е т т е р. Ох, дурья твоя башка!

Б о й к. Мир, господа! Неужто солдату пить за мир? Ну, а если вы об нас и слышать не хотите, пейте за собственное свое здоровье, за здоровье мирных бюргеров.

И е т т е р. Что ж, охотно! За безопасность и покой!

З о о с т. За свободу и порядок!

Б о й к. Идет! С удовольствием присоединяемся.

Чокаются и весело повторяют последние слова, но каждый говорит другое и на свой лад, отчего получается нечто вроде канона. Старик прислушивается и наконец вступает в общий хор.

В с е. За безопасность и покой! За свободу и порядок!

ДВОРЕЦ ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ

Маргарита Пармская в охотничьем платье.
Придворные. Пажы. Слуги.

П р а в и т е л ь н и ц а. Отставить охоту, сегодня я на коня не сяду. И позовите ко мне Макиавелли.

Все уходят.

Мысль об этих страшных событиях не дает мне покоя! Ничто меня не радует, ничто не веселит. Никуда мне не деться от этих образов, не уйти от забот. Король скажет — вот они,

плоды твоего мягкосердечия, твоей снисходительности. И все же совесть говорит мне, что в каждое из роковых мгновений я поступала разумно и правильно. Неужто надо было мне порывом гнева раздуть огонь так, чтобы он вспыхнул повсеместно? Я надеялась, что не дам ему распространиться, что он заглухнет сам собою. Да, все, что я говорю себе, все, что я знаю, служит мне оправданием, но как на это посмотрит мой брат? Я не вправе отрицать — наглость чужеземных проповедников росла день ото дня; они глумились над нашей святыней, они пробудили темные чувства черни, заразили ее духом лжи и сумасбродства. Грязные люди затесались в толпу смутьянов, и свершились ужасные деяния, о которых и подумать-то страшно, а я теперь должна сообщать о них испанскому двору подробно и незамедлительно, дабы молва меня не опередила, дабы король не подумал, что от него таят еще более страшное. Как мне одолеть это зло, не знаю, то ли жестокой расправой, то ли милосердием. Мало значим мы, сильные мира сего, в волнах житейского моря. Нам кажется, что мы властвуем над ними, а они возносят и низвергают нас, подхватывают и несут то в одну, то в другую сторону.

Входит Макиавелли.

Письма королю уже готовы?

Макиавелли. Через час вы сможете скрепить их своей подписью.

Правительница. Отчет изложен достаточно подробно?

Макиавелли. Подробно и обстоятельно, во вкусе короля. Я говорю в нем, что все началось с иконоборческого неистовства, вспыхнувшего в окрестностях Сент-Омера. Далее рассказываю: как обезумевшая толпа с дубинками, ломami и топорами, с веревками и веревочными лестницами, под охраной небольшого отряда своих вооруженных приспешников, ворвалась в часовни, в церкви и монастыри, изгнала верующих, взломала монастырские ворота, все перевернула вверх дном, сорвала алтари, разбила статуи святых, попортила иконы, — словом, смела, перебила, разнесла в щепы, растоптала все священное и освященное, что встретилось на ее пути. И еще, как постепенно множилось число этого сброда, и когда жители Иперна распахнули перед ними городские ворота, они с невероятной быстротой разграбили собор и сожгли библиотеку епископа. И дальше: как эта толпа, объятая безумием, двинулась на Менин, Комин, Фервик, Лилль, нигде не

встречая сопротивления и в *единый* миг чуть ли не вся Фландрия была охвачена небывалым мятежом.

П р а в и т е л ь н и ц а. Ах, какая боль пронзает мне сердце, когда все вновь встает передо мной. И вдобавок страх,—ведь зло может расти и расти. Что вы думаете об этом, Макиавелли?

М а к и а в е л л и. Прошу прощенья, ваше высочество, но думы мои безотрадны. Вы всегда были довольны тем, как я служу вам, но редко внимали моим советам. И в шутку частенько говаривали: «Уж очень далеко заходят твои мысли, Макиавелли! Тебе бы историю писать: тот, кто действует, обязан печься о ближайшем будущем». И тем не менее разве я не предсказывал того, что случилось? Не предвидел этого наперед?

П р а в и т е л ь н и ц а. Я тоже многое предвижу, но ничего не могу предотвратить.

М а к и а в е л л и. Скажу кратко: новое вероучение подавить невозможно. Так не трогайте его, отделите прозелитов от исповедующих истинную веру, пусть строят свои церкви, пусть волеются в общегосударственный строй, это их свяжет по рукам и ногам, и вы умиротворите смутьянов. Все иные средства бесполезны, и страна окажется вконец разоренной.

П р а в и т е л ь н и ц а. Ты разве позабыл, с каким возмущением мой брат отверг даже самый вопрос, можно ли терпимо отнестись к новому вероучению? Разве ты не знаешь, что в каждом письме он настойчиво требует от меня всемерной поддержки истинной веры? И даже слышать не желает о том, чтобы спокойствие и единение были восстановлены ценою религиозных уступок? Разве ты забыл, что даже в провинциях он держит шпионов,—нам с тобой они неведомы,—дабы знать, кто склоняется к новой вере. Разве, к вящему нашему удивлению, не назвал он имена тех из наших приближенных, что втайне придерживаются ереси? Разве не требует он от нас беспощадной суровости? А ты говоришь мне о мягкости? Советуешь просить его о снисхождении, о терпимости? Он ведь лишит меня своего доверия и благосклонности.

М а к и а в е л л и. Я знаю, король шлет сюда приказы, дабы поставить вас в известность о своих намерениях. Вам надлежит восстановить спокойствие и мир путем, который только пуще озлобит умы и повсюду неизбежно раздует пламя гражданской войны. Обдумайте свои поступки. Крупнейшие

купцы, дворянство, народ, солдаты — все заражены ересью. Что толку упорствовать, ежели все изменяется вокруг нас? О, если бы добрый гений внушил Филиппу, что королю больше пристало править подданными двух вероисповеданий, чем понуждать их к истреблению друг друга.

П р а в и т е л ь н и ц а. Ни слова больше. Я знаю, что политика лишь редко позволяет нам быть верными не за страх, а за совесть, что она искореняет в наших сердцах доброту, искренность, сговорчивость. В делах мирских, увы, иначе не бывает. Но неужто нам и с господом лукавить, как мы лукавим между собой? Неужто пребывать равнодушными к исконной нашей вере, за которую многие, очень многие сложили головы? Неужто принести ее в жертву неведомо как возникшим сомнительным, противоречивым новшествам?

М а к и а в е л л и. Надеюсь, мои слова не заставят вас плохо думать обо мне.

П р а в и т е л ь н и ц а. Я знаю тебя, знаю твою верность и понимаю, что можно, будучи честным и разумным человеком, не найти кратчайшего пути к спасению своей души. Есть и другие мужи, Макиавелли, которых я и ценю и порицаю.

М а к и а в е л л и. Кто же это?

П р а в и т е л ь н и ц а. Должна признаться, что сегодня Эгмонт расстроил меня до глубины души.

М а к и а в е л л и. Эгмонт? Чем?

П р а в и т е л ь н и ц а. Обычным своим легкомыслием и беспечностью. Страшная весть настигла меня, когда я со всей свитой, Эгмонт тоже сопровождал меня, возвращалась из церкви. Я не сумела скрыть свою боль и стала громко сетовать, а потом, оборотясь к нему, воскликнула: «Что же это творится в вашей провинции! И как вы можете терпеть такое, граф? Король ведь всем сердцем вам верил».

М а к и а в е л л и. И что же он ответил?

П р а в и т е л ь н и ц а. Ответил так, словно речь шла о пустяках, о досадной случайности. «Прежде всего нидерландцы должны быть уверены в незыблемости старых порядков! Остальное приложится».

М а к и а в е л л и. Возможно, в его словах правда возобладала над разумом и благочестием. Да и как может возникнуть и упрочиться доверие, если нидерландцы поняли, что испанцы не столько пекутся об их благе и спасении души, сколько посягают на их имущество? Для них очевидно, что

новые епископы спасли меньше душ, чем захватили богатых приходов, не говоря уж о том, что почти все они чужеземцы. Наместничества пока еще в руках нидерландцев, но испанцы уже точат зубы на этот лакомый кусочек. А ведь любой народ хочет, чтобы им правили его одноплеменники, по его обычаям, а не пришлые люди, которым важно одно — обогатиться, которые все меряют своей мерой, правят не друженственно и безучастно?

П р а в и т е л ь н и ц а. Ты становишься на сторону наших врагов.

М а к и а в е л л и. Сердцем, конечно, нет. Но как бы я хотел и разумом быть на нашей стороне.

П р а в и т е л ь н и ц а. Если таково твое желанье, то я должна уступить им свои права, ибо Эгмонт и Оранский только и мечтают заполучить их. Некогда они были врагами, теперь, объединившись против меня, они неразлучные друзья!

М а к и а в е л л и. Опасный союз!

П р а в и т е л ь н и ц а. Говоря откровенно — я страшусь Оранского и боюсь за Эгмонта. Оранский замышляет недоброе, мысль его заходит слишком далеко, лукавый человек, он словно бы со всем соглашается, никогда не спорит, благоговейно меня выслушивает и с величайшей осмотрительностью преследует собственные цели.

М а к и а в е л л и. Эгмонт же, наоборот, ни на что не оглядываясь, как хозяин, шагает по жизни.

П р а в и т е л ь н и ц а. И высоко держит голову, не помня о том, что и над ним простиерта длань его величества.

М а к и а в е л л и. Взоры всего народа устремлены на него, все сердца ему преданы.

П р а в и т е л ь н и ц а. Никогда он не подал вида, что с него могут потребовать отчета. Вдобавок он носит имя Эгмонт. Ему приятно, когда к нему обращаются «граф Эгмонт», словно он боится позабыть, что его предки были владельческими князьями в Гельдерне. Почему он не называет себя принцем Гаврским, как то ему подобает? Почему? Ужель он хочет вернуть к жизни былые свои права?

М а к и а в е л л и. Я считаю его верным слугою короля.

П р а в и т е л ь н и ц а. Стоит ему захотеть, и сколько пользы он мог бы принести правительству, вместо того чтобы даже во вред себе доставлять нам так много огорчений. Его

пиры, празднества, попойки теснее и надежней сплотили дворянство, чем самые опасные и тайные сборища. От его здравия у гостей голова идет кругом и хмель так никогда и не выветривается. А как он умеет будоражить народ шуточными своими речами и повергать в изумление чернь глупейшими эмблемами на ливреях своей свиты!

Максавелли. Я уверен, что тут никакого умысла нет.

Правительница. Допустим. Но я уже сказала: он вредит нам без пользы для себя. Серьезное он обращает в шутку, а мы, боясь прослыть ленивыми и неповоротливыми, вынуждены шутки принимать всерьез. Одно ведет за собою другое, и то, от чего стараешься убежать, всего быстрее тебя настигает. Эгмонт опаснее любого главаря заговорщиков, и я вряд ли ошибусь, сказав, что при дворе его считают способным на все. Не скрою, он часто, увы, слишком часто, ранит мои чувства.

Максавелли. По-моему, он всегда действует согласно велениям своей совести.

Правительница. У его совести льстивое зеркало. Поведенье же Эгмонта зачастую оскорбительно. Иной раз кажется, что он живет в полнейшем убеждении — он-де господин и только любезно не дает нам этого почувствовать, из учтивости не изгоняет нас из страны, впрочем, рано или поздно и это случится.

Максавелли. Молю вас, не толкуйте так превратно его прямодушие, его способность ко всему относиться с завидной легкостью. Этим вы только повредите ему и себе.

Правительница. Ничего я не толкую, а говорю лишь о неизбежных последствиях, к тому же я знаю Эгмонта. Исконное нидерландское дворянство. «Золотое руно» на груди лишь увеличивают его веру в себя, его отвагу. То и другое может, конечно, его защитить от самодержавного гнева Филиппа. Но вдумайся поглубже — и ты поймешь, что в несчастьях Фландрии виновен он один. Он первый выказал снисхождение к пришлым проповедникам, возможно, не придавал им большого значения, а возможно, в душе порадовался, что нам с ними хлопот будет не обобратиться. Нет, дай сказать! Сейчас мне представился случай сбросить камень с сердца. Я не стану попусту тратить стрелы; я знаю его слабое место, — да, оно есть и у Эгмонта.

Макиавелли. Вы повелели созвать совет? Оранский тоже прибудет на него?

Правительница. Я послала за ним в Антверпен. Хочу перевалить на них хоть толику ответственности, пусть вместе со мной противостоят злу или, не скрываясь, объявят себя мятежниками. Поспешите с письмами и представьте их мне на подпись. И сразу же пошли в Мадрид нашего испытанного Васка, он неутомим и предан, пусть же первый принесет эту весть моему брату лишь бы молва его не опередила. Я сама скажу ему несколько слов, прежде чем он отправится в путь.

Макиавелли. Ваши приказания будут исполнены точно и незамедлительно.

БЮРГЕРСКИЙ ДОМ

К л а р а. М а т ь К л а р ы. Б р а к е н б у р г.

К л а р а. Подержите мне, пожалуйста, пряжу, Бракенбург.

Б р а к е н б у р г. Прошу вас, увольте, Клэрхен.

К л а р а. Что с вами опять? Почему вы не хотите оказать мне маленькую услугу?

Б р а к е н б у р г. Этими нитками вы накрепко привяжете меня к себе, и я уже не вырвусь.

К л а р а. Пустое! Подойдите поближе!

М а т ь (*вяжет, сидя в кресле*). Лучше спойте что-нибудь! Бракенбург так хорошо тебе вторит. Бывало, вы веселые песни пели, а я на вас радовалась.

Б р а к е н б у р г. Бывало!

К л а р а. Хорошо, мы споем.

Б р а к е н б у р г. Как вам угодно.

К л а р а. Только, чур, петъ бойко и живо! Это солдатская песенка, моя любимая.

(Она мотает пряжу и поет вместе с Бракенбургом.)

И флейта играет!

И трубы гремят!

Ведет мой любимый

На битву отряд.

Копье поднимает,

Бойцов созывает.

Как сердце тревожно
Стучит у меня!
О, если б мне саблю,
Ружье и коня!

Скакала б я с милым
Средь голых полей,
По дымным дорогам
Отчизны моей.
Враги отступают,
Мы гоним их вспять.
Нет большего счастья,
Чем воином стать!

Покуда они поют, Бракенбург то и дело взглядывает на Клэрхен. Под конец голос у него срывается, на глазах выступают слезы, он роняет моток и идет к окну. Клэрхен одна заканчивает песню, мать кивает в такт и смотрит на нее укоризненно, потом встает, хочет подойти к Бракенбургу, но не решается и снова садится в кресло.

М а т ь. Что там такое на улице, Бракенбург? Похоже, солдаты идут.

Б р а к е н б у р г. Да, телохранители правительницы.

К л а р а. В этот час? С чего бы? *(Встает и тоже подходит к окну.)* Это не обычный караул, а чуть ли не вся окольная рать. О, Бракенбург, подите, узнайте, что там такое. Наверно, какая-нибудь беда стряслась. Подите, мой милый, я вас очень прошу.

Б р а к е н б у р г. Иду! Иду! И сейчас же ворочусь. *(Уходя, протягивает ей руку, она пожимает ее.)*

М а т ь. Ты опять его отослала!

К л а р а. Меня разбирает любопытство. Не осуждайте меня, матушка, его присутствие причиняет мне боль. Я не знаю, как вести себя с ним. Я перед ним виновата, и совесть гложет меня, он все так близко принимает к сердцу. Но что я могу поделать?

М а т ь. Такой славный, такой преданный юноша.

К л а р а. Вот почему я не в силах оттолкнуть его и неизменно с ним приветлива. Но я поневоле отдергиваю руку, когда его рука бережно и любовно ее касается. Поверьте, я жестоко упрекаю себя за то, что обманываю его, даю ему напрасную надежду. Мне это невыносимо. Хотя, видит бог, моей вины тут нет. Не хочу я, чтобы он питал надежды, но и не могу ввергнуть его в отчаяние.

М а т ь. Плохо ты поступаешь.

К л а р а. Он был мне дорог, в душе я и сейчас хорошо к нему отношусь. Я могла стать его женой, но никогда не была в него влюблена.

М а т ь. Ты всегда была бы с ним счастлива.

К л а р а. Жила бы в достатке, мирком да ладком.

М а т ь. И все ты сама разрушила.

К л а р а. В странное я попала положение. Начну думать, как же это случилось, и ничего в толк не возьму. Но едва увижу Эгмонта, и все мне становится понятно, понятно до последней мелочи. Что он за человек! Все провинции его боготворят, так ужели мне, в его объятиях, не быть счастливейшей на свете?

М а т ь. А дальше-то что будет?

К л а р а. Я задаюсь лишь одним вопросом: любит ли он меня? Любит ли? Да что тут спрашивать!

М а т ь. Матери только и знают, что дрожать за детей. Беда, ох, беда! Чует мое сердце, до добра это нас не доведет. Ты себя сделала несчастной и меня заодно.

К л а р а (*сухо*). Первое время вы ни в чем меня не упрекали.

М а т ь. Я была слишком добра, увы, я всегда слишком добра.

К л а р а. Когда Эгмонт верхом проезжал мимо нас и я бежала к окну, разве вы меня бранили? Вы и сами торопились взглянуть на него. Когда он поднимал глаза, улыбался, кивал мне в знак приветствия, разве вас это огорчало? Разве вы не чувствовали себя польщенной его вниманием к вашей дочери?

М а т ь. Я же еще и виновата.

К л а р а (*взволнованно*). А когда он стал часто ездить по нашей улице и мы поняли, что он ездит ради меня, разве вы тайне не радовались? Разве хоть раз приказали мне отойти, когда я, прильнув к окну, поджидала его?

М а т ь. Не думала я, что все пойдет так далеко.

К л а р а (*прерывистым голосом, с трудом сдерживая слезы*). А когда однажды вечером, закутанный в плащ, он неожиданно-негаданно зашел к нам на огонек — вы хлопотали, чтобы лучше его принять, а я, обомлев от изумления, как прикованная сидела на месте.

М а т ь. Могла ли я подумать, что эта злосчастная любовь так скоро завладеет моей разумницей Клэрхен? А теперь я должна терпеть, что моя дочь...

К л а р а (*разражаясь слезами*). Матушка! Вы этого хотели. Теперь вам угодно стращать меня.

М а т ь (*плача*). Ну, плачь, плачь. Пусть твое горе делает меня еще несчастнее! Мало мне того, что моя дочь — погибшее создание!

К л а р а (*встает, холодно*). Погибшее создание? Возлюбленная Эгмонта погибшее создание? Любая принцесса позавидует бедной Клэрхен, занявшей место в его сердце! О матушка, раньше вы не так говорили. Милая моя матушка, не все ли равно, что думают люди, о чем шепчутся соседки... Эта комната, этот домик — рай с тех пор, как здесь живет любовь Эгмонта.

М а т ь. Да, Эгмонт редкий человек, радостный, приветливый, открытый.

К л а р а. В нем и капли фальши нет. Подумай, мать, ведь он — великий Эгмонт. А когда приходит ко мне, до чего же он добрый, ласковый! Он не помнит ни о своей доблести, ни о своем сане! А как он обо мне печется! Подле меня он только человек, только возлюбленный и друг.

М а т ь. Ты сегодня ждешь его?

К л а р а. Разве вы не заметили, что я то и дело подбегаю к окну? Не заметили, что прислушиваюсь к любому шороху у двери? Знаю, ведь до вечера он не придет, а все равно жду его каждое мгновение. С самого утра жду. О, будь я мальчиком, я всегда была бы при нем — и ко двору бы его сопровождала, и повсюду! А в битве несла бы за ним знамя.

М а т ь. Ты с малолетства была взбалмошной; то носишь как полоумная, то вдруг задумаешься. Хоть пошла бы, приделась.

К л а р а. Хорошо, матушка. Если скука меня одолеет. А знаешь, вчера кучка его солдат проходила мимо нас, они пели песни про него, хвалу ему пели. Я, правда, только его имя расслышала, не слова. Я думала, сердце у меня сейчас выскочит... Хотела их окликнуть, да постеснялась.

М а т ь. Остереглась бы немножко! Смотри все напортишь своей горячностью; ты ведь выдаешь себя с головой. Намедни у двоюродного брата увидела гравюру и что на ней написано, да как закричишь: «Граф Эгмонт!» — я со стыда сгорела.

К л а р а. Попробуй тут, не вскрикни! Вижу: битва при Гравелингене, а на картине, наверху, буква «А», смотрю, что внизу написано, а там стоит: «Граф Эгмонт в тот миг, когда под ним убило коня». У меня мороз по коже пробежал, а потом стал смех разбирать. Эгмонт-то на картинке ростом с гра-

велингенскую башню, что за ним высится, и с английские корабли, они сбоку. Вспомнила я, как девочкой представляла себе битву и графа Эгмонта, когда вы мне рассказывали о нем и еще об разных графах и принцах,— а нынче...

Входит Бракенбург.

Ну, что там такое?

Бракенбург. Толком никто ничего не знает. Говорят, во Фландрии беспорядки. Правительница делает все возможное, чтобы они не перекинулись сюда. В замок стянуты войска, горожане охраняют ворота, народ на улицах так и гудит. Мне надобно скорее идти к старику отцу. *(Делает шаг к двери.)*

Клара. Надеюсь, завтра мы вас увидим. Сейчас я должна немножко приодеться. Придет двоюродный брат, а я уж совсем по-домашнему. Помогите мне, пожалуйста, матушка. А вы, Бракенбург, возьмите книгу и завтра принесите такую же интересную.

Мать. Всего вам хорошего.

Бракенбург *(протягивая руку)*. Дайте мне руку на прощанье.

Клара *(не давая руки)*. Мы же завтра увидимся.

Уходит вместе с матерью.

Бракенбург *(один)*. Я уж совсем было решился уйти навсегда, но она, глазом не моргнув, меня отпустила, и я схожу с ума. Несчастный! Или тебя не трогают судьбы отечества, не трогает возрастающая смута? Испанец или соотечественник — тебе все равно, кто властвует над твоим народом, кто прав и кто виноват! Не таков я был школьником! Задали нам как-то раз сочинение: «Речь Брута о свободе как образец ораторского искусства» — ты и тогда оказался первым, Фриц, а учитель заметил: «Если бы ты еще излагал упорядоченно, а не рубил с плеча...» В то время все во мне кипело, все гнало меня вперед!.. Теперь я готов ползать в ногах у этой девушки! Нет, не могу я ее оставить! А она не может меня полюбить!.. Ах... нет... она... но и бросить... совсем бросить не может... Так и получается — середка на половинку! Больше я не выдержу! Ужели правда то, что мне наемни шепнул один мой друг? Будто по ночам она украдкой впускает мужчину в свой дом. Меня-то она, чуть стемнеет, стыдливо выставляет за дверь. Нет, неправда, это ложь, клевета, позорные наветы! Клэрхен так же невинна и

чиста, как я несчастен. Она отвергла меня, изгнала из своего сердца! И мне — жить дальше? Нет, у меня неостанется сил... Мое отечество истерзано распрей, а я угасаю среди всей этой сумятицы! Нет больше сил. Звук трубы, гром выстрела пронзает меня до мозга костей. Но не зовет схватиться с врагом, рискнуть жизнью за спасенье родины! Ужасное, постыдное состояние! Лучше мне разом покончить с собой. Вчера я бросился в воду, пошел ко дну, но страх, заложенный в человеке природой, возобладал надо мной; я вдруг почувствовал, что плыву, и остался жить — против воли... Если бы я мог забыть пору, когда она любила меня или когда мне казалось, что любит! Зачем счастье насквозь пронзало меня? Как случилось, что надежда, посулив мне рай, отняла у меня всякую радость жизни? А тот первый поцелуй! Единственный! Вот здесь (*кладет руку на стол*) мы сидели вдвоем — она всегда обходилась со мной дружелюбно, по-доброму — а тут словно растаяла — взглянула на меня — все мысли мои спутались — и я ощутил прикосновение ее губ на своих губах... И... и... что же нынче? Умри, злосчастный! Чего ты медлишь? (*Вынимает флакончик из кармана.*) Недаром же я выкрал тебя из аптечки моего брата, целебный яд! Ты мгновенно избавишь меня от пустых мечтаний, от смертной тоски, от холодного пота.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ПЛОЩАДЬ В ВРЮССЕЛЕ

И е т т е р и п л о т н и к встречаются.

П л о т н и к. Разве я все не сказал наперед? Еще на прошлой неделе, когда цех собрался, я говорил: смута теперь начнется несусветная.

И е т т е р. А правда, что во Фландрии они все церкви разграбили?

П л о т н и к. Дочиста. И церкви и часовни. Одни голые стены оставили. Босаячня проклятая! Нашему правому делу как испортили! Надо было нам раньше, честь честью, настаивать перед правительницей на своих правах, и точка. Ежели мы сейчас об них заговорим, ежели сейчас соберемся, сразу пойдут разговоры, что мы-де к бунтовщикам примкнули,

Иеттер. Да, теперь каждый думает: чего тебе первому нос совать? От носа и до шеи недалеко.

Плотник. Страх берет, когда сброд бушевать начинает, им ведь терять нечего. Мы за свои права стоим, а для них наши права — пустая отговорка; они всю страну загубят.

Подходит **Зоост.**

Зоост. Добрый день, судари мои. Что новенького? Правду ли говорят, будто иконоборцы на нашу столицу пошли?

Плотник. Тут им пожить не дадут.

Зоост. Ко мне солдат зашел, табаку купить, я его и повыспросил. Правительница уж какая бравая, умная женщина, а и та растерялась. Плохо, видно, дело, если она за своих стражников прячется. Замок ими битком набит. Поговаривают, будто она собралась бежать из города.

Плотник. Ну уж это напрасно! Ее присутствие — наша защита, да и мы ее сумеем защитить получше, чем эти уса-чи. А коли она сохранит нам наши права и вольности, так мы ее на руках носить будем.

К ним подходит **мыловар.**

Мыловар. Худо дело! Хуже не бывает! Все летит вверх тормашками! Да, теперь надо тихо сидеть, а то, глядишь, бунтовщиками объявят.

Зоост. Скажите на милость, еще предсказатель сыскался.

Мыловар. Я знаю, тут многие сторону кальвинистов держат, епископов чествуют и королю спуска не дают. Но верно-подданный, настоящий католик, тот...

Мало-помалу вокруг них собирается разношерстная публика и прислушивается.

Подходит **Фансен.**

Фансен. Доброго здоровья, господа! Что нового?

Плотник. Не связывайтесь с ним, дрянь он, а не человек.

Иеттер. Он, кажется, писец у доктора Витца?

Плотник. Этот уж много господ переменял. Сначала был писцом, а как хозяева, один за другим, его повыгоняли за мошеннические проделки, стал то ли подпольным адвокатом, то ли нотариусом. Ко всему он еще и пьяница.

Подходит еще **народ.** Стоят, разбившись на кучки,

Фансен. Вот и вы сюда пришли, видать, пошущукаться. Да, разговор-то интересный.

Зоост. И я так полагаю.

Фансен. Будь у кого-нибудь из вас сердце, а у другого еще и голова в придачу, мы бы вмиг разорвали испанские цепи.

Зоост. Хозяин, так говорить не положено. Мы королю присягали.

Фансен. А король нам. Не забудьте.

Иеттер. Его правда. Вы как думаете?

Голоса из толпы. Давайте-ка еще послушаем. Этот человек понимающий! У него котелок здорово варит.

Фансен. Был у меня когда-то старик хозяин. Каких только он не имел пергаментов, грамот прадедовских времен, контрактов и судебных документов, я уж не говорю о самых редкостных книгах. В одной все наше государственное устройство было изложено: как сначала нами, нидерландцами, правили разные князьки и все-то по стародавним обычаям, как наши предки чтили своего князя, если он ими правил по-хорошему, и умели его окоротить, когда он лишнее себе позволит. Тут и сословное собрание сразу же за них вступалось, потому что в каждой провинции, самой мелкой, было свое сословное и земское собрание.

Плотник. Придержи язык! Всем это давно известно. Любой добропорядочный бюргер знает про свое государство, что ему знать положено.

Иеттер. Не мешайте ему говорить, все что-нибудь да узнаем.

Зоост. Правильно.

Многие. Говорите, говорите, не каждый день это услышишь.

Фансен. Вот ведь вы, бюргеры, каковы! Живете — только небо коптите; ремесло к вам перешло от родителей, а значит, и власть пусть вами вертит, как хочет и как умеет. Ни традиция, ни история, ни права власть имущих — все это вас не касается; потому-то испанцы и поймали вас в сети.

Зоост. Такие мысли и на ум не идут, если у тебя, кроме хлеба насущного, ничего нету.

Иеттер. Проклятые! Почему же нам вовремя никто ничего такого не сказал?

Фансен. Я вам сейчас говорю. Испанскому королю счастье привалило, завладел он всеми нашими провинциями, да только нечего ему в них на свой лад хозяйничать, пусть-

правит, как прежде мелкие князья правили, каждый своей провинцией. Понятно вам?

Иеттер. Объясни получше!

Фансен. И без того ясно как день. Разве не должны нас судить по законам нашей провинции? А нынче что получается?

Один из бюргеров. Твоя правда!

Фансен. У брюссельца один закон, у жителя Антверпена или Гента другой. А нынче-то что? Откуда же это, спрашивается, пошло?

Другой бюргер. Ей-богу, так.

Фансен. Если сейчас не спохватитесь, покажут вам, где раки зимуют. Тьфу! Что не сумел ни Карл Смелый, ни Фридрих Воитель, ни Карл Пятый, с тем Филипп управился, да еще бабьими руками.

Зоост. Верно, верно! Прежние князья ведь тоже пытались...

Фансен. А как же! Да только отцы наши не зевали: досадит им князь, они уведут его сына и наследника и спрячут куда-нибудь, а уж если отдадут, то с превеликой для себя выгодой. Вот это люди были! Знали, чего им надо. И знали, как дело делается! Настоящие люди! Потому-то наши права так отчетливо изложены, наши вольности так надежны.

Мыловар. Что вы там толкуете про вольности?

Народ. Про наши вольности, про наши права! Еще об них расскажите.

Фансен. Нам, брабантцам, дано всего больше преимущественных прав, хотя у других провинций они тоже имеются. Я про это в книге читал...

Зоост. Ну валяйте, рассказывайте!

Иеттер. А мы послушаем.

Один из бюргеров. Очень вас прошу!

Фансен. Во-первых, там сказано, что герцог Брабантский должен быть нам добрым и верным государем.

Зоост. Добрым? Так и сказано?

Иеттер. Верным? Ужели правда?

Фансен. Слушайте, что я говорю. Он нам присягал, как и мы ему. Во-вторых, ему не дозволено над нами самодержавствовать ни делом, ни помыслом, ни случаем — никогда.

Иеттер. Здорово! Здорово! Ни делом, ни помыслом.

Зоост. И ни случаем.

Другой. Никогда! Вот самое главное. Не дозволено никому и никогда.

Фансен. Так черным по белому стоит.

Иеттер. Принесите нам эту книгу!

Один из бюргеров. Она нам позарез нужна.

Другие. Книгу! Книгу!

Один из бюргеров. Мы с ней к правительнице пойдем.

Еще один. А вы, господин доктор, станете там речь держать!

Мыловар. Ну и дурачье!

Несколько голосов из толпы. Еще что-нибудь из книги!

Мыловар. Да я ему башку сворочу, если он еще хоть слово вымолвит!

Народ. Только попробуй! Расскажите подробнее о наших правах! Какие у нас еще права имеются?

Фансен. Разные, среди них самые дельные и полезные. А еще в книге стоит: правитель не должен ни улучшать положение духовенства, ни увеличивать его численность без согласия дворянства и сословий. Зарубите это себе на носу! И государственный строй изменять ему тоже не дозволено.

Зоост. Это верно?

Фансен. Я вам указ покажу, он уже лет двести, а то и триста, как вышел.

Бюргер. А мы терпим новых епископов? Дворянство обязано за нас вступить, не то мы им покажем!

Другие бюргеры. И не позволим инквизиции гнуть нас в бараний рог!

Фансен. Сами виноваты!

Народ. У нас есть еще Эгмонт! Есть Оранский! Они нас в обиду не дадут.

Фансен. Ваши братья во Фландрии встали за доброе дело.

Мыловар. Ах ты, собака! *(Бьет его.)*

Другие бюргеры *(возмущенно кричат)*. Ты, верно, испанец?

Один из бюргеров. Как ты смеешь, честного человека...

Другой. Ученого мужа...

Набрасываются на мыловара.

Плотник. Да опомнитесь вы, ради бога!

В драку вмешиваются люди из толпы.

Что ж это такое, друзья!

Мальчишки свистят, бросаются камнями, науськивают собак, зеваки стоят не двигаясь, народ стремительно прибывает, одни спокойно прохаживаются взад и вперед, другие озоруют, орут, кричат:
«Свобода и наши права! Права и свобода!»

Появляется **Эгмонт** со свитой.

Эгмонт. Спокойней! Спокойней! Что здесь происходит? Да уговорите же наконец! Разнять их!

Плотник. Ваша светлость, вы сюда явились, словно ангел небесный! Тише! Вы что, ослепли? Сам граф **Эгмонт**! Хвала графу **Эгмунту**!

Эгмонт. И здесь распря! Что вы затеяли? Брат на брата! Рядом августейшая наша правительница, а на вас удержу нету! Разойдитесь! Возвращайтесь к своим делам! Безделье в будни до добра не доведет! Что здесь случилось?

Волнение мало-помалу стихает, все уже толпятся вокруг **Эгмонта**.

Плотник. Они из-за своих прав передрались.

Эгмонт. Которые сами же и порушат своим озорством. А кто вы есть? Как будто все люди честные.

Плотник. Стараемся по мере сил.

Эгмонт. К какому цеху вы принадлежите?

Плотник. Плотник и цеховой старшина.

Эгмонт. А вы?

Зоост. Мелочный торговец.

Эгмонт. Вы?

Иеттер. Портной.

Эгмонт. Припоминаю, вы шили ливреи для моих слуг. Вас звать **Иеттер**.

Иеттер. Благодарствуйте, что запомнили мое имя.

Эгмонт. Я нескоро забываю тех, кого видел и с кем говорил хоть однажды. Вам же всем мой совет — старайтесь сохранять спокойствие, вы и так на плохом счету. Не гневите больше короля, власть как-никак в его руках. Любой добропорядочный бюргер, который честно и усердно зарабатывает свой хлеб, повсюду имеет столько свободы, сколько ему нужно.

Плотник. Так-то оно так, беда только, что, с позволе-

ния сказать, разные там лодыри, пьянчуги и лентяи от нечего делать склоки затевают, с голодухи насчет своих прав шуруют, врут с три короба доверчивым и любопытным дурачкам да за кружку пива мутят народ, на его же беду. Это их сердцам всего любезнее. Да и то сказать, мы так бережем наши дома да сундуки, что им, конечно, охота подпустить нам красного петуха.

Эгмонт. Вы вправе рассчитывать на поддержку, меры уже приняты, с этим злом надо покончить раз и навсегда. Твердо стойте против иноземной веры и не думайте, будто мятежом можно укрепить свои права. Не выходите из домов и не позволяйте этим горлопанам толпиться на улицах. Разумному человеку многое под силу.

Толпа между тем редет.

Плотник. Благодарствую, ваша милость, благодарствую на добром слове! Все сделаем, что сумеем.

Эгмонт уходит.

Благородный господин! Истинный нидерландец! Ни чуточки нет в нем испанского.

Иеттер. Был бы он у нас правителем, все бы за ним пошли.

Зоост. Как бы не так! На это место король только своих сажает.

Иеттер. Заметил ты его наряд? По последней моде — испанский покрой.

Плотник. Он и собой красавец!

Иеттер. А шея-то лакомый кусочек для палача.

Зоост. Да ты рехнулся! Надо же эдакую чушь по-роть!

Иеттер. Глупо, конечно, что такие мысли в голову лезут. У меня всегда так. Увижу красивую, стройную шею и невольно думаю: с такой хорошо голову рубить. Все эти казни треклятые! День и ночь стоят перед глазами. Плавают, к примеру, парни в реке, смотрю я на их голые спины, и тут же мне вспоминаются десятки таких спин, при мне в ключья изодранных розгами. А встречу какого-нибудь пузана, и мне уж мерещится, как его на кол сажают. Во сне я весь дергаюсь; ни часу покоя не знаешь. Веселье да шутки уж и на ум не идут; одни страшные картины перед глазами.

ДВОРЕЦ ЭГМОНТА

Секретарь за столом, заваленным бумагами.
Встает в тревоге.

Секретарь. Его все нет и нет, я уже битых два часа дожидаюсь с пером в руке и бумагами наготове. А я-то надеялся хоть сегодня уйти, не замешкавшись. Очень уж мне сейчас время дорого! Такое нетерпенье разбирает, что не дай бог! «Приходи точно в назначенный час»,— крикнул он, уходя, а сам куда-то запропастился. Дел-то у меня столько, что я и до полуночи не управлюсь. Он, конечно, на многое смотрит сквозь пальцы. Ей-богу, лучше бы был построже, да отпускал в положенное время. Тогда бы уж я как-нибудь приспособился. Два часа, как он ушел от правительницы, но, поди знай, кто ему на пути повстречался.

Входит Эгмонт.

Эгмонт. Ну, что там у тебя?

Секретарь. Все готово, и три гонца дожидаются вас.

Эгмонт. Ты, видно, считаешь, что я слишком долго отсутствовал: физиономия у тебя недовольная.

Секретарь. Я давно жду ваших приказов. Вот бумаги!

Эгмонт. Донна Эльвира рассердится на меня, узнав, что это я тебя задержал.

Секретарь. Шутить изволите.

Эгмонт. И не думал! Не конфузюсь. У тебя хороший вкус, к тому же я доволен, что ты обзавелся подругой в замке. Что там в письмах?

Секретарь. Всякое, но радостных вестей маловато.

Эгмонт. Хорошо уж и то, что радость мы находим дома и нет у нас надобности дожидаться ее со стороны. Много пришло писем?

Секретарь. Предостаточно. И три гонца ждут вас.

Эгмонт. Начни с самого важного.

Секретарь. Все важное.

Эгмонт. Тогда по порядку, но живо!

Секретарь. Капитан Бреда прислал реляцию о дальнейших событиях в Генде и его окрестностях. Мятеж в общем-то утих.

Эгмонт. Он, надо думать, пишет об отдельных бесчинствах и вспышках ярости?

Секретарь. Да, они еще имеют место.

Эгмонт. Избавь меня от подробностей.

Секретарь. Взяты под стражу еще шестеро — в Фервите они повалили статую Пресвятой девы. Капитан запрашивает, должен ли он их повесить, как вешал других богохульников?

Эгмонт. Устал я от этих казней. Высечь и отпустить восвояси.

Секретарь. Среди них две женщины; их тоже прикажете высечь?

Эгмонт. Пусть сделает им внушение и скажет, чтобы убирались поскорей.

Секретарь. Бринк из роты Бреды собрался жениться. Капитан надеется, что вы ему запретите. Он пишет, у них-де и без того столько женщин, что в случае приказа о выступлении его отряд будет больше смахивать на цыганский табор.

Эгмонт. Ну, Бринк еще куда ни шло! Он парень молодой, ладный и так уж меня просил перед моим отъездом. Но больше я никому разрешения не дам, хоть мне и жаль лишать этих бедолаг главной радости, — им немало терпеть приходится.

Секретарь. Двое из ваших людей, Зетер и Харт, дурно обошлись с девушкой, дочерью трактирщика. Они подстерегли ее, когда она была одна и, конечно, не могла с ними справиться.

Эгмонт. Если она честная девушка, а они совершили насилие, их надо сечь три дня кряду, а если есть у них какое-то имущество, следует часть его отдать девушке на приданое.

Секретарь. Один из чужеземных проповедников тайком пробирался через Комин и был задержан. Он клянется, что шел во Францию. Согласно приказу его следует обезглавить.

Эгмонт. Пусть они, не поднимая шума, доведут его до границы и заверят, что в следующий раз ему это уже с рук не сойдет.

Секретарь. Вот письмо от вашего мытаря. Он пишет, что подати поступают неисправно, на этой неделе он вряд ли сумеет выслать затребованные деньги, мятеж внес путаницу во все дела.

Эгмонт. Деньги должны быть здесь! Как он их добудет — его забота,

Секретарь. Он обещает сделать все возможное и хочет добиться, чтобы Раймонда, который так давно вам должен, взяли под стражу и судом взыскали с него долг.

Эгмонт. Но он ведь обещал расплатиться.

Секретарь. В последний раз он ходатайствовал об отсрочке на две недели.

Эгмонт. Надо дать ему еще две недели, а тогда уж обратиться в суд.

Секретарь. Вы ему мирволите: дело здесь не в отсутствии денег, а в отсутствии охоты. Он образумится, только когда увидит, что с вами шутки плохи. Далее, сборщик податей предлагает не выплатить за полмесяца пособия, милостиво назначенного вами старым, солдатам и вдовам; за это время мы что-нибудь сообразим, а они перебьются.

Эгмонт. Что значит «перебьются»? Им деньги нужнее, чем мне. Пиши, чтобы он об этом и думать забыл.

Секретарь. А откуда прикажете ему взять деньги?

Эгмонт. Пусть поломает себе голову. Я уже в прошлом письме предупреждал его.

Секретарь. Вот он и вносит свои предложения.

Эгмонт. Этим предложениям — грош цена. Надо ему еще подумать и предложить мне что-нибудь более приемлемое. А главное — раздобыть деньги.

Секретарь. Письмо графа Оливы я опять положил на виду. Простите, что напоминаю вам о нем. Но достойный старец прежде других заслуживает подробного ответа. Вы хотели собственноручно написать ему. Он ведь и вправду любит вас, как отец.

Эгмонт. Все времени не выберу. Много есть, что я ненавижу, но всего ненавистнее мне — писать письма. Ты ведь отлично подделываешь мой почерк, напиши ему вместо меня. Я жду Оранского. И уж, конечно, писать не соберусь, а мне хотелось бы его успокоить касательно всех его сомнений.

Секретарь. Скажите мне в общих чертах, что вы хотели бы ему написать, я сочиню ответ и принесу его вам на подпись. И напишу так, что даже суд удостоверит — это ваша рука.

Эгмонт. Дай мне письмо! *(Пробежав его глазами.)* Добрый, славный старик! Но разве ты и в юности отличался такой осмотрительностью? Разве ты никогда не брал штурмом стены? А в битве держался позади, потому что тебе это подсказывало благоразумие? Преданный, заботливый друг!

Он желает мне долгой жизни и счастья и не понимает что тот уже мертв, кто живет лишь затем, чтобы оберегать себя. Напиши ему: пусть не тревожится, я поступаю как должно, но буду начеку. Пусть он употребит мне на пользу уважение, которое снискал себе при дворе, и примет мои завешения в величайшей благодарности.

Секретарь. И это все? Он ждет большего.

Эгмонт. Что еще мне сказать? Хочешь, чтобы было побольше слов — позаботься об этом сам. Все ведь вращается вокруг одной оси: я должен жить не так, как только и могу жить. Я жизнерадостен, ко всему отношусь легко, живу, что называется, во весь опор — это мое счастье, и я не променяю его на безопасность склепа. Вся кровь во мне восстает против испанского образа жизни, не могу я и не хочу равнять свой шаг по новой торжественной мерке испанского двора. Разве я живу затем, чтобы опасливо думать о своей жизни? Неужели мне сегодня отказываться от наслаждения минутой из желания быть уверенным, что наступит завтра, омраченное той же тревогой, теми же страшными мыслями?

Секретарь. Прошу вас, господин мой, не будьте так резки, так суровы с этим прекрасным человеком. Вы же всегда привечаете людей. Скажите мне доброе слово для успокоения вашего благородного друга. Подумайте, как деликатно он печется о вас, как старается ничем вас не задеть.

Эгмонт. И все же он вечно касается одной только струны. Ему с давних пор ведомо, как ненавистны мне эти увещания, они смущают мою душу, а толку от них чуть. Скажи, если бы я был лунатик и разгуливал по верхушке отвесной крыши, возможно ли, чтобы друг, желая меня предостеречь, окликнул меня и тем самым убил? Пусть лучше каждый идет своим путем и остерегается как умеет.

Секретарь. Конечно, страшиться вам не пристало, но тот, кто вас знает и любит...

Эгмонт (*берет письмо*). Опять он припоминает старые сказки, как однажды в веселой компании и под хмельком мы немало накуролесили и наговорили, а потом слухи о нашем поведении и его последствиях распространились по всему королевству. А всего-то и было, что мы велели вышить шутовские колпаки и погремушки на ливреях наших слуг, но вскоре заменили эти дурацкие украшения колчанами со стрелами, что показалось еще более опасным символом тем,

кому угодно толковать обо всем, что не поддается истолкованию. То или иное дурачество приходило нам на ум в веселую минуту, и мы тотчас же его осуществляли; наша вина, что целая компания дворян, каждый с нищенской сумой и с придуманным для себя прозванием, насмешливо и смиренно напоминали королю о его долге,— да, это наша вина, но что с того? Разве карнавальная потеха равнозначна государственной измене? Можно ли обессудить нас за пестрое тряпье, в которое юношеский задор и хмельная фантазия обрядили постылую наготу нашей жизни? Мне думается, не стоит жизнь принимать так уж всерьез. Если утро не будит нас для новых радостей, а вечер не сулит нам новых наслаждений, стоит ли труда одеваться и раздеваться? Разве солнце сегодня светит нам для того, чтобы мы размышляли о вчерашнем дне или угадывали и связывали воедино то, что нельзя ни связать, ни угадать,— судьбы грядущего дня? Нет, не будем предаваться подобным размышлениям, оставим их школярам и царедворцам: им подобает думать и додумываться, притворяться и ползать на брюхе, сколько хватит сил, извлекая из своего притворства хоть малую выгоду. Если что-нибудь из этого сгодится для твоего письма, но так, чтобы оно не разрослось в целую книгу, я буду рад. Славный старец всему придает слишком большое значение. Так друг, долго державший нашу руку, сильнее сжимает ее, прежде чем выпустить из своей.

Секретарь. Простите меня, но у пешехода кружится голова, когда мимо, гроыхая по мостовой, стремительно проносится экипаж.

Эгмонт. Дитя, дитя! Довольно! словно бичуемые незримыми духами времени, мчат солнечные кони легкую колесницу судьбы, и нам остается лишь твердо и мужественно управлять ими, сворачивая то вправо, то влево, чтобы не дать колесам там натолкнуться на камень, здесь сорваться в пропасть. Куда мы несемся, кто знает? Ведь даже мало кто помнит, откуда он пришел.

Секретарь. О господин граф! Господин граф!

Эгмонт. Я вознесен высоко, но могу и должен вознестись еще выше, я преисполнен надежды, отваги, силы. Вершины своего пути я пока не достиг, а достигнув, буду стоять на ней твердо и без боязни. Но коли суждено мне пасть, то разве что удар грома, буря или собственный неосторожный шаг низринут меня в бездну — и там я буду лежать среди тысяч других. Я всегда был готов пролить свою кровь вместе

со славными моими соратниками и ради малого военного успеха. Так неужели мне скупиться, когда речь идет о бесценнейшем достоянии всей жизни — о свободе?

Секретарь. Господин граф! Вы не отдаете себе отчета, какие слова вы произносите! Да хранит вас бог!

Эгмонт. Собери свои бумаги. Принц Оранский уже здесь. Приготовь самые важные письма, чтобы гонцы успели выехать до того, как закроют ворота. С остальным — время терпит. Письмо графу отложи до завтра. Поспеш к Эльвиरे и передай ей мой поклон. Постарайся разузнать, как чувствует себя правительница: говорят, ей нездоровится, но она это скрывает.

Секретарь уходит.

Входит принц Оранский.

Добро пожаловать, принц. Вы чем-то встревожены?

Оранский. Что вы скажете по поводу нашей беседы с правительницей?

Эгмонт. В том, как она приняла нас, я ничего странного не усмотрел. Мне уже не раз доводилось видеть ее такой. По-моему, она не совсем здорова.

Оранский. Разве вы не обратили внимания, что она была более замкнута, чем обычно? Поначалу она, видно, хотела сдержанно одобрить наше поведение во время последнего буйства черни, но затем спохватилась, что ее слова могут быть превратно истолкованы, и перевела разговор на привычную ей тему, — мы, нидерландцы, никогда-де не понимали ее мягкости и дружелюбия, не умели ценить ее, отчего все ее старанья ни к чему не приводили; в конце концов она устанет, и король должен будет решиться на другие меры. Разве вы этого не слышали?

Эгмонт. Кое-что я пропустил мимо ушей, так как думал о другом. Она женщина, дорогой мой принц, а женщины хотят, чтобы все и вся покорно несли их легкое ярмо, хотят, чтобы Геркулес, сбросив с себя львиную шкуру, сел за прялку, воображают, что, если они миролюбивы, то брожение, возникшее в народе, бури, поднятые могущественными соперниками, должны улеться от одного их доброго слова и непримиримые стихии в кротком единодушии склониться к их ногам. То же самое и с правительницей, а так как добиться этого ей невозможно, то она чудит и сердится, сетует на неразумие и неблагодарность и грозит нам страшным будущим — то есть своим отъездом.

Оранский. Вы не верите, что она исполнит эту угрозу?

Эгмонт. Никогда! Сколько раз я уже видел, как она собиралась в путь! Куда ей ехать? Здесь она правительница, королева, неужто она станет влачить убогую жизнь при дворе своего брата или отправится в Италию, чтобы погрязнуть в старых семейных расприх?

Оранский. Вы считаете такое решение невозможным, ибо уже не раз были свидетелем ее колебаний и отступлений. И все же эта мысль стала ей привычной, новый оборот событий может подтолкнуть ее наконец-то осуществить свое давнее намерение. Что, если она уедет и король пришлет нам кого-нибудь другого?

Эгмонт. Ну, что ж, этот другой придет и найдет для себя достаточно дела. Придет с широкими замыслами, проектами, идеями, как навести порядок, все подчинить себе и удержать в подчинении, а столкнется сегодня с одной досадной мелочью, завтра с другой, послезавтра с препятствием уже более серьезным, месяц он потратит на новые проекты, другой — на печальные мысли о неудавшихся затеях, полгода провозится с какой-то одной провинцией. У него тоже время протечет между пальцев, голова закружится, а жизнь, как и раньше, будет идти своим чередом, проплыть по морям курсом, ему указанным, ему, конечно, не удастся, и он возблагодарит господа уже за то, что среди этой бури сумел провести свой корабль в стороне от подводных рифов.

Оранский. А что, если мы посоветуем королю произвести опыт?

Эгмонт. Какой именно?

Оранский. Попробовать, каково будет туловищу без головы.

Эгмонт. Что?

Оранский. Эгмонт, вот уже долгие годы я денно и нощно думаю о том, что здесь происходит; я словно бы склоняюсь над шахматной доской, и каждый ход противника представляется мне важным. Как досужие люди всеми своими помыслами тшятся проникнуть в тайны природы, так я считаю долгом, призванием властелина, вникнуть в убеждения, в намерения всех партий. У меня есть причина опасаться взрыва. Король долго правил согласно определенным принципам, теперь он видит, что толку от них мало. Что ж удивительного, если он попытается идти другим путем?

Эгмонт. Не думаю. Когда ты становишься стар и так много уже испробовано, а в мире порядка все нет, пыл неизбежно остывает.

Оранский. Одного он еще не испробовал.

Эгмонт. Чего же?

Оранский. Сохранить народ, а знать уничтожить.

Эгмонт. Многие издавна боятся такого оборота событий. Напрасные страхи!

Оранский. Когда-то это были страхи, мало-помалу они переросли в подозрения, а ныне — в уверенность.

Эгмонт. Да разве есть у короля слуги преданнее нас?

Оранский. По-своему мы служим ему, но друг другу можем признаться, что умеем разделять его права и наши.

Эгмонт. Кто ж поступает иначе? Мы его вассалы и покорствуем его воле.

Оранский. А если он потребует *большого* и назовет вероломством то, что мы называем: «стоять за свои права»?

Эгмонт. Защитить себя мы сумеем. Пусть созовет рыцарей «Золотого руна», они нас рассудят.

Оранский. А что, если приговор будет вынесен до следствия и кара опередит приговор?

Эгмонт. Филипп не захочет взвалить на себя обвинение в такой несправедливости и совершить поступок, столь опрометчивый даже в глазах его советников.

Оранский. Не исключено, что и они несправедливы и опрометчивы.

Эгмонт. Нет, принц, этого быть не может. Кто осмелится поднять руку на нас? Бросить нас в темницу — попытка безнадежная и бесплодная. Никогда они не отважатся так высоко взметнуть знамя тирании. Даже легчайший вето-рок разнесет подобную весть по всей нашей стране и раздует неслыханный пожар. Да и к чему это приведет? В одиночестве король не может ни судить, ни выносить приговоры; на убийство из-за угла они не решатся. Не посмеют решиться. Грозное единение вмиг сплотило бы народ. Ненависть к самому слову «Испания» вылилась бы в навечное отпадение от нее.

Оранский. Да, но пламя будет бушевать уже над нашими могилами, а кровь врагов станет лишь никому не нужной искупительной жертвой. Все это нам надо обдумать, Эгмонт.

Эгмонт. Что же они предпримут?

Оранский. Альба уже на пути в Нидерланды.

Эгмонт. Не думаю.

Оранский. Я это знаю.

Эгмонт. Правительница ни о чем слушать не хотела.

Оранский. Тем более я убеждаюсь в своей правоте. Она уступит ему место. Его кровожадность мне известна, и войско следует за ним.

Эгмонт. Новые тяготы для провинций, народу круто придется.

Оранский. Сначала они обезвредят главарей.

Эгмонт. Нет, нет!

Оранский. Нам надо уехать каждому в свою провинцию. И там укрепиться. К откровенному насилью он сразу не прибегнет.

Эгмонт. Но ведь нам, вероятно, надлежит приветствовать его, когда он придет?

Оранский. Не будем спешить.

Эгмонт. А если он именем короля потребует нашего присутствия?

Оранский. Найдем отговорку.

Эгмонт. Но если он будет настаивать?

Оранский. Принесем свои извинения.

Эгмонт. А если заупрямится?

Оранский. Тем паче — не явимся.

Эгмонт. Это будет значить: война объявлена, и мы бунтовщики. Принц, не поддавайся соблазнам своего ума; я знаю, страха ты не ведаешь. Но обдумай этот шаг.

Оранский. Я его обдумал.

Эгмонт. Пойми, если ты ошибешься, ты станешь виновником самой кровопролитной войны, бушевавшей в какой-либо стране. Твой отказ — это сигнал для всех провинций разом взяться за оружие; он станет оправданием любой жестокости — станет вождеданным и долгожданным предлогом для Испании. Каких больших, каких долгих усилий стоило нам умиротворить народ, а теперь ты одним мановением руки хочешь ввергнуть его в небывалую смуту. Подумай о городах, о дворянстве, о народе, о торговле и земледелии, о ремеслах! Подумай об опустошении страны, о кровопролитии! Солдат остается спокойным, когда на поле боя падает тот, кто был с ним рядом. Но когда река понесет вниз по течению тела горожан, детей, девушек, а ты, объятый ужасом, будешь стоять на берегу, уже не понимая, за чье дело ты вступился, ибо гибнут те, кого ты хотел защитить, достанет ли у тебя сил тихо промолвить: я защищал себя?

Оранский. Мы не простые люди, Эгмонт. И если нам подобает жертвовать собой ради тысяч, то, значит, подобает и щадить себя ради них.

Эгмонт. Тот, кто себя щадит, сам себе подозрителен.

Оранский. Но тот, кто знает себя, маневрирует увереннее.

Эгмонт. Твои поступки делают неизбежным зло, которого ты страшишься.

Оранский. Идти навстречу неотвратимому злу разумнее и смелее.

Эгмонт. Когда опасность так велика, надо принимать в расчет даже самую малую надежду.

Оранский. Нам уже и ступить некуда, пред нами — бездна.

Эгмонт. Разве милость короля — такая малая полоска земли?

Оранский. Не такая уж малая, но скользкая.

Эгмонт. Клянусь богом, это несправедливо. Я не терплю, когда о нем думают неподобающим образом! Он сын императора Карла и не способен на низкий поступок.

Оранский. Короли низких поступков не совершают.

Эгмонт. Его надо узнать получше.

Оранский. Наше знание и говорит нам — не дожидаться опасной пробы.

Эгмонт. Никакая проба не опасна, если ты ее не страшишься.

Оранский. Ты рассержен, Эгмонт.

Эгмонт. Я все должен видеть собственными глазами.

Оранский. О, если бы на сей раз ты захотел посмотреть моими. Друг мой, твои глаза открыты, и ты уверен, что видишь все. Я ухожу! Жди прибытия Альбы, и господь да хранит тебя! Может быть, мой отказ послужит тебе во спасенье. Может быть, дракон и отвернется от добычи, если ему не удастся сразу проглотить нас обоих. Может быть, он помедлит, чтобы вернее ударить, а ты, прозрев, увидишь, все в правильном свете. Но скорее, скорее! Спасайся, Эгмонт! Спасайся! Прощай! Будь зорок, Эгмонт, пусть ничто не ускользнет от твоего внимания: сколько войска он приведет с собой? Как разместит его в городе, какая власть еще останется правительнице? Будут ли на чеку твои друзья? Подай мне весть о себе... Эгмонт!..

Эгмонт. Чего ты хочешь от меня?

Оранский (*допрагивается до его руки*). Подумай еще раз! Уйдем вместе!

Эгмонт. Как? Ты плачешь, принц Оранский?

Оранский. И мужчине подобает плакать о погибшем.

Эгмонт. Ты считаешь меня погибшим?

Оранский. Да. Пойми, тебе остался недолгий срок. Прощай. (*Уходит.*)

Эгмонт (*один*). Как странно, что мысли другого человека так воздействуют на нас! Мне бы все это и в голову не пришло, а он заразил меня своими опасениями. Прочь! В моей крови это чужеродная капля. Приди мне на помощь, природа, извергни ее! А на то, чтобы разгладить морщины раздумья, у меня есть прекрасное средство!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ДВОРЕЦ ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ

Правительница. Этого надо было ждать. Когда дено и ношно живешь в трудах и заботах, кажется, что делаешь невозможное, а тот, кто издали смотрит на тебя и повелевает, уверен, что требует лишь возможного. О, эти самодержцы! Никогда я не думала, что столь великое волнение охватит меня. Власть прекрасна! И вдруг отречься от нее. Не знаю, как решился на это мой отец; но я последую его примеру.

В глубине сцены появляется **Макиавелли**.

Подойдите ближе, Макиавелли. Письмо брата повергло меня в раздумье.

Макиавелли. Смее ли я спросить, о чем он пишет?

Правительница. Король высказывает столько же братского внимания ко мне, сколько и заботливости о своем государстве. Он превозносит стойкость, усердие и преданность, проявленные мною в попечении о правах его величества в этих землях. Сожалеет, что буйный нрав здешнего народа причиняет мне столько хлопот и огорчений. До глубины души убежденный в моей проникательности, равно как и в разумной последовательности моего поведения, он так мною доволен, что я могла бы сказать: для короля это письмо слишком учтиво, для брата — тем более.

Макиавелли. Его величество не впервые выражает вам свое справедливое удовлетворение.

Правительница. Но впервые так риторично.

Макиавелли. Я не понимаю.

Правительница. Сейчас поймете. Вслед за этим вступлением он говорит, что совсем без войска, без хотя бы небольшой армии, я всегда буду пребывать здесь в жалком положении. Мы поступили неосмотрительно, продолжает он, когда, вняв жалобам населения, отозвали свои войска из провинций, ибо армия, тяжелым бременем ложась на плечи бюргеров, не позволяет им слишком раскошиться.

Макиавелли. Эта мера вызвала бы опасное брожение в умах.

Правительница. Но король полагает, — ты слушаешь меня? — что brave генерал, который знать не знает никаких резонов, живо справится с народом и дворянством, с бюргерами и крестьянами, — посему он и шлет сюда во главе немалого войска — герцога Альбу.

Макиавелли. Альбу?

Правительница. Ты удивлен?

Макиавелли. Вы сказали: шлет. Он, верно, спрашивает: не послать ли?

Правительница. Король не спрашивает. Он посылает.

Макиавелли. Ну, что ж, вам будет служить опытейший полководец.

Правительница. Служить мне? Говори прямее, Макиавелли.

Макиавелли. Я не хочу высказываться прежде вас.

Правительница. А я, ты думаешь, хочу притворяться? Мне больно, очень больно. Лучше бы уж мой брат высказал все, что у него на уме, а не подписал бы казенное послание, состряпанное его статс-секретарем.

Макиавелли. Может быть, следовало бы вникнуть...

Правительница. Я их всех знаю вдоль и поперек. Они любят, чтобы все было вычищено и выметено, а так как сами к этому рук приложить не хотят, то радуются каждому, у кого метла в руке. О, мне чудится, что я вижу короля и его совет вытканными вот на этих шпалерах.

Макиавелли. Так живо вам все представляется?

Правительница. До мельчайшей черточки. Среди них есть и хорошие люди. Честный Родригес, многоопытный

и разумный, он не рвется к почестям, но и ничем не поступает, прямодушный Алонсо, усердный Френеда, неколебимый Лас Варгас и еще несколько, которые примыкают к разумной партии, когда она входит в силу. Но в совете есть еще и меднолобый толедец; у него впалые глаза и пронзительный, огненный взгляд, сквозь зубы он бормочет что-то о доброте женщин, об их торопливой податливости, о том, что женщины, мол, могут усидеть на хорошо обьезженном коне, но сами его обьездить не умеют, и отпускает прочие шуточки, которые мне в свое время не раз приходилось слышать от господ политиков.

Макиавелли. Неплохую вы выбрали палитру для своей картины.

Правительница. Признайтесь, Макиавелли, среди всех оттенков, которые я для нее подбирала, мне так и не удалось подобрать изжелта-бурого и желчно-черного для цвета лица Альбы, цвета, которым он малюет все вокруг себя. Любого он готов обвинить в богохульстве, в оскорблении величества, ибо тут, на основании закона, можно колесовать, сажать на кол, четвертовать и предавать сожжению. Того доброго, что я здесь сделала, издали не видно, именно потому, что оно доброе. Альба готов придрататься к любой озорной выходке, давно всеми забытой, вспомнить о любой вспышке, давно усмиренной, оттого-то у короля перед глазами одни мятежи, восстания, безрассудства. По его мнению, здешние люди только и знают, что пожирать друг друга, тогда как краткие вспышки бесчинств простого народа давно уже позабыты нами. Вот король и проникся жгучей ненавистью к этим несчастным, они впускают ему отвращение, словно звери, чудовища, он думает лишь об огне и мече, вообразив, что только так укрощают людей.

Макиавелли. Вы слишком горячо все это принимаете к сердцу. Как-никак вы — правительница.

Правительница. Да. Альба привезет предписание короля. Я состарилась на государственных делах, а потому знаю, что человека можно оттеснить, словно бы и не отнимая у него власти. Он привезет предписание, неопределенное и каверзное, во все начнет соваться, ибо сила в его руках, если же я стану выказывать недовольство, сошлется на секретное предписание, пожелаю я с ним ознакомиться — начнет вилять, буде я на этом настою — покажет мне бумагу совсем иного содержания, не успокоюсь — сделает вид, что такого разговора между нами и не было. А тем временем

совершит то, чего я так боюсь, а о том, чего я желаю, постарается забыть.

Макиавелли. Я рад был бы поспорить с вами.

Правительница. Все, что я с несказанным терпением, успокоила, он вновь взбудоражит своей твердокаменностью и жестокостью. Дело, которому я служила, развалится у меня на глазах, и я же еще буду отвечать за его вину.

Макиавелли. Надо выждать, ваше высочество.

Правительница. Я достаточно владею собой, чтобы молчать. Пусть приезжает. Я любезно уступлю ему свое место, прежде чем он сгонит меня с него.

Макиавелли. Вы так торопитесь с этим важнейшим шагом?

Правительница. Он мне труднее, чем ты предполагаешь. Для того, кто привык повелевать, кто добился власти и каждый день держит в своих руках тысячи людских судеб, — сойти с престола все равно, что сойти в могилу. Но лучше так, чем уподобиться призраку среди живущих и лишь видом своим отстаивать место, которое уже алчно захвачено другим.

ДОМИК КЛЭРХЕН

Клэрхен, мать.

Мать. Отродясь я не видала, чтобы человек любил так, как Бракенбург; думала, о такой любви только в рыцарских романах пишут.

Клэрхен
(ходит из угла в угол по комнате и едва слышно напевает)

Счастлив лишь тот,
Кем владеет любовь.

Мать. Он догадывается о твоих отношениях с Эгмонтом, но если ты захочешь быть с ним хоть чуть-чуть поласковее, он на тебе женится, вот посмотришь.

Клэрхен
(поет)

Плача,
Ликуя,
Мечтательной быть;

Чашу
Печали
Блаженной испить;
К небу лететь
И низвергнуться вновь...
Счастлив лишь тот,
Кем владеет любовь!

М а т ь. Брось ты свое баюшки-баю.

К л э р х е н. Не браните меня, матушка, это лучшая из песен. Не раз я убаюкивала ею одно взрослое дитя.

М а т ь. Только любовь на уме. Да можно ли все позавывать из-за одного. Ты Бракенбурга не отталкивай, запомни мои слова: он еще сделает тебя счастливой.

К л э р х е н. Он?

М а т ь. Да, он! погоди, настанет время! Вы, дети, вперед смотреть не умеете, а нас, опытных людей, слушать не хотите. Помни, что молодости и самой распрекрасной любви приходит конец. Будет время, когда ты станешь бога благодарить, что хоть кров есть над головой.

К л э р х е н (*вздрагивает, молчит, потом, словно проснувшись*). Матушка, пусть время придет, как приходит смерть. Но думать об этом — страшно! Ежели надо — что ж, будем вести себя как сумеем! Эгмонт — тебя потерять? (*Плачет.*) Нет, это невозможно, нет, нет!

Входит Э г м о н т. На нем плащ рейтара и низко надвинутая шляпа.

Э г м о н т. Клэрхен!

К л э р х е н (*вскрикнув, отшатывается от него*). Эгмонт! (*Обнимает его.*) О, мой дорогой, ненаглядный, любимый! Ты пришел. Ты здесь!

Э г м о н т. Добрый вечер, матушка.

М а т ь. Благослови вас бог, благородный господин! Моя девочка уж тоской изошла, больно долго вас не было, с утра до вечера все только об вас толковала да пела.

Э г м о н т. Ужином меня попотчуете?

М а т ь. Благодарствуйте за честь. Не знаю только, найдется ли что у нас.

К л э р х е н. Ну конечно, найдется! Не тревожьтесь, матушка, я кое-что припасла и приготовила. Только вы меня не выдавайте.

М а т ь. Не очень-то богато.

К л э р х е н. Не спешите! К тому же я думаю: когда он со мной, я и голода не чувствую, наверно, и у него аппетит пропадает, когда я рядом.

Э г м о н т. Ну, это как сказать.

Клэрхен топает ножкой и сердито от него отворачивается.

Что это ты?

К л э р х е н. Вы так холодны сегодня! Ни разу меня не поцеловали. И руки у вас спеленаты плащом, как у младенца. Не подобает воину и возлюбленному ходить со спеленатыми руками.

Э г м о н т. Всему свое время, голубка, всему свое время. Когда солдат стоит в засаде, подстерегая врага, он старается не дышать и крепко держит себя в руках, покуда не придет пора взвести курок. А любящий...

М а т ь. Что ж это вы не садитесь? Прошу вас, устраивайтесь поудобнее. Я побегу на кухню. Клэрхен, как вас увидит, ни о чем уже не думает. И еще прошу, не взыщите за скромный ужин.

Э г м о н т. Ваше радушие — лучшее угощение.

Мать уходит.

К л э р х е н. А что же тогда моя любовь?

Э г м о н т. Все, что хочешь.

К л э р х е н. Сами подыщите для нее сравнение.

Э г м о н т. Итак, прежде всего... *(Сбрасывает плащ, становится виден его ослепительный наряд.)*

К л э р х е н. О, боже!

Э г м о н т. Теперь у меня руки свободны. *(Ласкает ее.)*

К л э р х е н. Не надо! Вы сомнете свой наряд! *(Отстраняется от него.)* Какая роскошь! Я и дотронуться-то до вас боюсь.

Э г м о н т. Ты довольна? Я ведь обещал когда-нибудь прийти к тебе в испанском обличье.

К л э р х е н. Я уже давно вас об этом не прошу, думала, вы не хотите. Ах, и «Золотое руно»!

Э г м о н т. Вот ты его и увидела.

К л э р х е н. Тебе его сам император надел на шею?

Э г м о н т. Да, дитя мое! Эта цепь и этот орден дают тому, кто их носит, наивысшие права. Нет на земле судьи надо мной, кроме гроссмейстера ордена вместе со всем капитулом рыцарей.

К л э р х е н. Да, если бы даже весь мир судил тебя... Какой бархат — загляденье, а позументы! А шитье! Глаза разбегаются.

Э г м о н т. Гляди, пока не наглядисься.

К л э р х е н. И Золотое руно! Вы столько мне про него рассказывали, оно ведь дается в знак великих трудов и подвигов, усердия и отваги. Ему цены нет — как твоей любви, которую я ношу в своем сердце, хотя...

Э г м о н т. Что ты хочешь сказать?

К л э р х е н. Хотя сравнения тут быть не может.

Э г м о н т. Почему же?

К л э р х е н. Мне она досталась не за усердие и отвагу. Я ничем ее не заслужила.

Э г м о н т. В любви все по-другому. Ты заслужила ее тем, что ее не домогалась, — любят обычно тех, кто не гонится за любовью.

К л э р х е н. Ты по себе судишь? И про себя такие гордые речи ведешь, — тебя ведь весь народ любит.

Э г м о н т. Если бы я хоть что-то сделал для него, сумел бы хоть что-то сделать! А так — это их добрая воля меня любить!

К л э р х е н. Ты, наверно, был сегодня у правительницы?

Э г м о н т. Был.

К л э р х е н. Вы с нею добрые друзья?

Э г м о н т. Похоже на то. Мы друг с другом любезны и предупредительны.

К л э р х е н. А в душе?

Э г м о н т. Дурного я ей не желаю. У каждого свои воззрения. Но не в этом дело. Она достойнейшая женщина, знает своих приближенных и могла бы вникнуть в самую суть вещей, если бы не ее подозрительность. Я доставляю ей много забот, в моих поступках она усматривает какие-то тайны, которых и в помине нет.

К л э р х е н. Так уж и нет?

Э г м о н т. Ну, что тебе сказать? Иной раз задние мысли бывают и у меня. Любое вино со временем оставляет осадок в бочках. С принцем Оранским у нее хлопот еще больше, он, что ни день, задает ей новые загадки. О нем идет молва, будто он вечно что-то замышляет, вот она и смотрит на его лоб — о чем, мол, он думает, на его шаги — куда он собирается их направить.

К л э р х е н. Скажи, она притворщица?

Эгмонт. Она правительница, что ж тут спрашивать!

Клэрхен. Простите, я хотела спросить: искренна ли она.

Эгмонт. Точь-в-точь как всякий, кто преследует свои цели.

Клэрхен. Я бы в таком мире пропала. А у нее мужской ум, она совсем другая, чем мы, швейки да стряпухи. Она всех выше — смелая, решительная.

Эгмонт. Когда в стране порядок, а не кутерьма. Сейчас и она малость не в себе.

Клэрхен. Как это?

Эгмонт. У нее усики над губой, и приступы подагры случаются. Словом — амазонка!

Клэрхен. Величественная дама! Я бы побоялась явиться ей на глаза.

Эгмонт. А ты ведь не робкого десятка. И не страх бы удержал тебя, а разве что девичий стыд.

Клэрхен, потупив взор, берет его руку и принимает к нему.

Я понимаю тебя, милая моя девочка! Ты вправе смотреть людям в глаза! *(Целует ее веки.)*

Клэрхен. Позволь мне помолчать! Позволь обнять тебя! Позволь посмотреть тебе прямо в глаза! В них я все прочту — надежду и утешение, радость и горе. *(Вперив в него взор, обнимает его.)* Скажи мне! Скажи! Я никак в толк не возьму! Правда, что ты Эгмонт? Граф Эгмонт? Великий Эгмонт! Это о тебе шумит молва? О тебе пишут газеты? Тебе так преданы наши провинции?

Эгмонт. Нет, Клэрхен, это не я.

Клэрхен. Что ты хочешь сказать?

Эгмонт. Видишь ли, Клэрхен! Погоди, я сяду. *(Садится, она устраивается у его ног на скамеечке, кладет руки ему на колени, не сводя с него глаз.)* Тот Эгмонт угрюмый, чопорный, холодный. Он обязан всегда держать себя в руках, надевать то одну, то другую личину; он запутался в тенетах, измученный, непонятый, хотя люди считают его веселым и жизнерадостным. Эгмонт любим народом, который сам не знает, чего хочет; его чтит и превозносит толпа, которую нельзя обуздать, он окружен друзьями, советам которых не вправе следовать. За ним неотступно наблюдают многие; они стремятся во всем подражать ему, иной раз бесцельно, чаще безуспешно, — о, я не хочу говорить, как тяжело ему

приходится и что у него на сердце. Но есть и другой Эгмонт, Клэрхен, спокойный, прямодушный, счастливый, его любит и знает самое доброе в мире сердце; оно ему открыто, и он с великой любовью и доверием прижимает его к своему. *(Обнимает ее.)* Это твой Эгмонт!

Клэрхен. О, я хочу умереть в этот миг! Большого счастья мне уже не знать на земле.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

УЛИЦА

Иеттер. Плотник.

Иеттер. Эй! Постой! На одно слово, сосед!

Плотник. Иди своей дорогой и не ори.

Иеттер. Одно словечко! Что нового?

Плотник. Ничего, разве только, что нам запрещено говорить о новом.

Иеттер. Как?

Плотник. Подойдите поближе к дому и будьте осторожны. Герцог Альба не успел приехать, как уже издал приказ: если двое или трое встретились на улице и затеяли разговор, объявлять их, без суда и следствия, государственными преступниками.

Иеттер. Беда! Беда!

Плотник. Под страхом пожизненной каторги запрещается обсуждать государственные дела.

Иеттер. А куда подевалась наша свобода?

Плотник. За поношение правительства — смертная казнь.

Иеттер. Злосчастные наши головы!

Плотник. Отцы, матери, дети, родня, друзья и слуги, все без исключения, обязаны доносить, за донос положена награда, — ныне учрежденному чрезвычайному суду о том, что творится в доме.

Иеттер. Пойдем-ка отсюда.

Плотник. Послушные-де не потерпят урона ни в чести своей, ни в животе, ни в имуществе.

Иеттер. Вот милостивцы нашлись! Недаром у меня сердце ныло, когда герцог держал свой въезд в город. И с

той минуты все небо для меня словно траурным флером затянуто и нависло так низко, что я хожу согнувшись, боюсь башку расшибить.

Плотник. А каковы тебе его солдаты показались? Я таких вояк отродясь не видывал!

Иеттер. Тьфу! Сердце замирает, когда они маршируют по нашим улицам. Прямые, точно свечи, взгляд неподвижный, шагают, как на шарнирах. Ежели один такой на часах стоит, а ты мимо идешь, он на тебя уставится, словно глазами просверлить хочет, а вид у этого малого до того мрачный и суровый, что тебе волей-неволей на каждом углу палач мерещится. Не по душе они мне. Вот наша милиция — веселые были ребята, что им заблагорассудится, то и делают, на посту стоят — шляпа набекрень, ноги растопырены, сами жили и другим жить давали, а эти — машины, в которых черта засадили.

Плотник. Когда такой крикнет «стой!» и прицелится, пожалуй, на ногах не устоишь.

Иеттер. Я бы на месте умер.

Плотник. Пойдем-ка домой.

Иеттер. Плохо наше дело. Прощай!

Подходит Зоост.

Зоост. Друзья! Товарищи!

Плотник. Тихо! Нам пора по домам!

Зоост. Слыхали?

Иеттер. Много чего слыхали.

Зоост. Правительница уехала.

Иеттер. Господи, смилуйся над нами!

Плотник. Она-то еще за нас стояла.

Зоост. Взяла да вдруг и уехала втихомолку. Не сумела с герцогом поладить. Дворянству, правда, велела передать, что воротится. Да никто не верит.

Плотник. Господи, прости дворянам, что они и от этого кнута нас не избавили. А могли бы. Пропали теперь наши вольности.

Иеттер. Ради бога, молчи ты о вольностях. Я носом чую, что наутро будут казни: солнце не выходит из-за туч, туман смердит.

Зоост. Оранского тоже как ветром сдуло!

Плотник. Все, значит, нас оставили!

Зоост. Граф Эгмонт еще здесь.

Иеттер. Слава богу! Святители да сподобят его постоять за нас. Он один еще может что-то сделать,

Появляется Фансен.

Фансен. Наконец-то хоть двоих нашел, которые еще не забились в свои норы.

Иеттер. Сделай одолжение, проваливай!

Фансен. Ты не больно-то вежлив.

Плотник. Нынче об вежливости думать некогда. Опять, что ли, спина зачесалась? Наверно, зажить успела?

Фансен. Солдата об ранах не спрашивают. Коли бы я побоев боялся, из меня бы толку не вышло.

Иеттер. Смотри, как бы хуже не было.

Фансен. Сдается мне, что у вас от надвигающейся грозы руки и ноги ослабли.

Плотник. А твои руки и ноги еще наболтаются в воздухе, если ты не утомонишься.

Фансен. Бедные мышки, они мечутся в отчаянии, стоит только хозяину завести нового кота! Ну, кое-что переменится, а мы-то все равно будем жить, как жили, это уж будьте спокойны.

Плотник. Ну и наглый ты пустобрех!

Фансен. Эх ты, заячья душа! Дай уж герцогу порезвиться. У старого кота вид такой, словно он вместо мышек чертей нажрался и никак их не переварит. Оставьте его в покое, пусть ест, пьет и спит, как все люди. Ничего нам не страшно, если правильно смотреть на нынешнее время. Сначала он спешит, туда-сюда бросается, а потом сообразит, что в кладовке, где сало висит, жить-то получше и ночью спать куда приятнее, чем в амбаре мышей подкарауливать. Бросьте вы, я этих наместников знаю!

Плотник. Везет же человеку! Случись мне хоть раз столько всего наболтать, я бы каждую минуту за свою жизнь трясся.

Фансен. Успокойтесь, пожалуйста. О вас, ничтожных червях, сам господь на небе слыхом не слыхал, а уж правитель и подавно.

Иеттер. Вот греховодник!

Фансен. Я знаю таких, кому бы лучше пришлось, если бы у них в жилах текла не геройская, а портновская кровь!

Плотник. Про кого это вы говорить изволите?

Фансен. Хм! Про графа.

Иеттер. Эгмонта? Да ему-то чего бояться?

Фансен. Я голодранец и мог бы целый год жить на то, что он за один вечер проматывает. А ему, между прочим, выгодно было бы уступить мне свой годовой доход, чтобы хоть на четверть часа заполнить мою смекалку.

Иеттер. Вот это придумал! Да у Эгмонта в волосах больше ума, чем у тебя в башке.

Фансен. А ну еще почеси язык! Больше, да не тоньше! Знатные господа всех легче в обман даются! Больно уж он доверчив!

Иеттер. Ох, болтун! Знатный такой господин...

Фансен. В том-то и беда, что не портняжка!

Иеттер. Неумытое рыло!

Фансен. Ему бы хоть на часок вашего куражу набраться, да так, чтобы у него все тело свербило да зудило, покуда он из города не удерет.

Иеттер. Что за несуразные речи. До него, как до звезды небесной, никто не дотянется.

Фансен. А ты падающих звезд не видел, что ли? Раз — и нет ее.

Плотник. Да кто ж на него руку поднимет?

Фансен. Тот, кого вам не остановить. Или вы думаете народ взбунтовать, когда его схватят?

Иеттер. Ох!

Фансен. Может, свои бока за него подставите?

Зоост. Эх!

Фансен (*передразнивает их*). Ох! Эх! Ах! Хоть всю азбуку переберите от удивления! А что есть, то есть! Помогите ему бог!

Иеттер. Вы бесстыдник такой, что страх берет! Ну что может угрожать этому благороднейшему, честнейшему человеку?

Фансен. В выигрыше всегда остается прохвост. На скамье подсудимых он судью одурачит, в судейском кресле — судью сумеет сделать подсудимым. Мне раз довелось переписывать протокол, из которого ясно было, что некий комиссар получил чистоганом весьма высокую благодарность от двора за то, что одного горемыку засудил как мошенника.

Плотник. Опять вранье. Разве можно на суде так дело повернуть, чтобы безвинный виновным оказался?

Фансен. Дурья твоя башка! Если из судебного допроса никакой вины не вытащишь, так можно ее в этот самый

допрос втащить. Сначала судья очень мягко обходится с обвиняемым, а тот, на радостях, что никакой вины за ним не числят, выбалтывает все, о чем разумный человек бы промолчал. Судья его ответы вновь превращает в вопросы и высматривает: не обнаружится ли где маленькое противоречие. Тут он и начинает плести веревку, а если бедолага, смешавшись, признается, что, пожалуй, сказанул лишнее, а там чего-то не договорил или, одному богу известно, почему вдруг утаил какую-то подробность или с перепугу что-то напутал, тогда — пиши пропало! И смею вас заверить: нищенки не так усердно обшаривают помойки в поисках завалявшегося лоскута, как такой умелый изготовитель плутов и жуликов мастерит из мелких, косвенных, перепутанных, перевранных, бог знает откуда выжатых, потайных, явных признанных и отрицаемых улик и обстоятельств соломенное чучело, чтобы в результате своих хитросплетений, повесить его хотя бы in effigie. А тому несчастному остается только бога благодарить, если он сможет со стороны посмотреть, как его вешают.

И е т т е р. Да, язык у тебя здорово мелет.

П л о т н и к. Муха, пожалуй, запутается в эдакой паутине, а оса только посмеется над ней.

Ф а н с е н. Смотря какие пауки ее плели. Долговязый герцог, ни дать ни взять, паук-крестовик. Толстобрюхий паук не такая вредина, а длиннопалый, с узким тельцем, которое не жиреет, сколько бы он ни жрал,— плетет нити тоненькие, да зато куда какие прочные.

И е т т е р. Эгмонт — рыцарь «Золотого руна»; кто посмеет его тронуть? Его и судить могут только равные, только орденский капитул в целом. У тебя язык без костей и совесть нечиста, оттого и несешь такую околесицу.

Ф а н с е н. Я разве ему зла желаю? По мне-то, он хорош. Достоинейший наместник! Двоих моих приятелей, которых другой наверняка бы велел повесить, он отпустил, хотя и приказал вздуть хорошенько. Ну, расходитесь, да поживее. Теперь уж мой черед вам это советовать. Вон патруль идет, и не похоже, чтобы им охота припала так сразу и выпить с нами на брудершафт. Погодим-ка маленько, посмотрим, что будет. У меня есть две племянницы и кум-кабатчик. Если уж они этих молодцов потчуют да не приручат, значит, те и впрямь лютые волки.

КУЛЕНБУРГСКИЙ ДВОРЕЦ.
АПАРТАМЕНТЫ ГЕРЦОГА АЛЬБЫ

Сильва и Гомец встречаются.

Сильва. Приказания герцога выполнены?

Гомец. В точности. Всем дневным патрулям велено в определенное время явиться в назначенные мною пункты: до того часа они, как обычно, патрулируют город для поддержания порядка. Ни один не знает о другом и полагает, что приказ касается только его. Таким образом караулы могут быть расставлены мгновенно и перекроют все подступы к дворцу. Понятно тебе, почему отдан такой приказ?

Сильва. Я привык к слепому повиновению. А кому же и повиноваться, как не герцогу, ведь исход дела всегда доказывает, что приказ был отдан правильно.

Гомец. Хорошо! Хорошо! Не диво, что ты стал замкнут и односложен, как герцог, ты ведь всегда находишься при нем. Мне это чуждо, я привык к менее чопорной итальянской службе. Верность и послушанье — неизменно присущи мне, да только я люблю почесать язык и порассуждать вслух. Вы вечно молчите и не радуетесь жизни. Герцог для меня точно железная башня без дверей, — для того чтобы в нее проникнуть, нужны крылья. На днях я слышал, как он за столом сказал об одном веселом и компанейском человеке: он точно дешевый шинок с вывешенной над дверью бутылкой водки для прельщения бездельников, побирушек и воров.

Сильва. Он и сюда-то привел нас молча.

Гомец. Тут ничего не скажешь. Здорово! Кто своими глазами видел, как он из Италии вел армию сюда, может только диву даваться. Сумел ведь проскользнуть меж друзей и врагов, меж французов, тех, что за короля и гугенотов, меж швейцарцев и союзников, при этом поддерживая строжайшую дисциплину и легко и гладко справляясь с войском, которое считалось столь опасным. Да, там было на что посмотреть и чему поучиться.

Сильва. А здесь! Все тихо, мирно, восстания как не бывало.

Гомец. Ну, здесь поуспокоились еще до нас.

Сильва. И в провинциях много тише стало, — если кто о чем еще и хлопочет, то лишь для того, чтобы удрать. Но герцог, думаю, вскоре и этим все дороги перегородит.

Гомец. Король уж его своей милостью не обойдет.

Сильва. А нам надо позаботиться, чтобы герцог не обошел нас своею. Если король прибудет, он сумеет отблагодарить и герцога, и тех, за кого тот слово замолвит.

Гомец. Ты думаешь, король сюда пожалует?

Сильва. Судя по хлопотам и приготовлениям — это так.

Гомец. Меня они не убеждают.

Сильва. Ты лучше помолчи о своих убеждениях. Если король и не намерен приехать, то он, несомненно, хочет, чтобы здесь верили в его приезд.

Те же и Фердинанд, внебрачный сын Альбы.

Фердинанд. Отец не выходил?

Сильва. Мы ждем его.

Фердинанд. Скоро придут наместники.

Гомец. Еще сегодня?

Фердинанд. Оранский и Эгмонт.

Гомец (*шепотом, Сильве*). Я что-то смекаю.

Сильва. Ну и держи про себя.

Те же и герцог Альба.

Когда он входит, другие отступают в глубь сцены.

Альба. Гомец!

Гомец (*выходит вперед*). Ваша светлость!

Альба. Ты расставил караулы и отдал им приказ?

Гомец. Так точно. Дневные патрули...

Альба. Достаточно. Ты будешь ждать на галерее. Сильва известит тебя, когда придет пора стянуть их и занять все входы во дворец. Остальное ты знаешь.

Гомец. Да, ваша светлость! (*Уходит.*)

Альба. Сильва!

Сильва. Слушаю, ваша светлость!

Альба. Сегодня ты должен проявить все, что я издавна ценю в тебе, — отвагу, решительность и точное выполнение приказов.

Сильва. Премного благодарен. Вы даете мне возможность доказать, что я все тот же.

Альба. Как только наместники войдут ко мне, поспеши взять под стражу личного секретаря Эгмонта. Надеюсь, ты принял должные меры, чтобы изловить всех, на кого я указал?

Сильва. Доверься нам. Судьба настигнет их неотвратимо, беспощадно, как солнечное затмение, в точно высчитанный час.

Альба. Ты приказал неотступно следить за ними?

Сильва. Да. И прежде всего за Эгмонтом. Он единственный, кто с тех пор, как ты прибыл сюда, не изменил своего образа жизни. Целый день — с коня на коня, гости толпятся у него в доме, за столом он радушен и весел, играет в кости, стреляет в цель, а ночью пробирается к своей милой. Другие, наоборот, словно дыхание затаили, сидят в четырех стенах, а когда проходишь мимо, кажется, будто в доме тяжело больной.

Альба. Так спешి же, покуда они не выздоровеют против нашей воли.

Сильва. Я обложил их со всех сторон. По твоему велению мы воздаем им почести и выказываем готовность в любую минуту им служить. Ужас сковал их: они политично и робко нас благодарят, чувствуя что им остался один выход — бежать, но никто не отваживается и шага сделать, они мешкают, не знают, как действовать заодно, а в одиночку бессильны решиться на смелый поступок, тому мешает дух общности. Они так хотят ускользнуть от подозрений и тем самым навлекают их на себя. Я с радостью предвижу осуществление твоего замысла.

Альба. Я радуюсь только свершившемуся, да и то с неохотой, — всегда ведь остаются поводы для тревог и раздумий. Счастье своевольно, ему случается вознести низкое, ничтожное, а хорошо продуманные действия обесчестить пошлым исходом. Оставайся здесь, покуда не придут наместники, и тут же отдай приказ Гомецу занять улицы, а сам поспеши арестовать Эгмонтова секретаря и прочих, указанных в списке. Когда дело будет сделано, придешь сюда и доложишь моему сыну, он передаст мне эту весть на заседании совета.

Сильва. Надеюсь, мне нынче вечером суждено будет предстать перед тобой.

Альба идет к сыну, все время стоявшему на галерее.

Я сам не смею себе признаться, но надежды мои угасают: боюсь, все будет не так, как он задумал. Мне видятся духи; в тихой задумчивости взвешивают они на черных весах судьбы наместников и многих тысяч людей. Медленно колеблется стрелка весов — вверх, вниз; глубоко задумались судьбы,

вот опускается одна чаша, вверх пошла другая — своенравная судьба дохнула на нее, и все решилось. (*Уходит.*)

А л ь б а (*выходит с Фердинандом*). Как тебе понравился город?

Ф е р д и н а н д. Я многого навидался. Проехал на коне, словно от нечего делать, улицу за улицей. Ваши караулы умело расставлены и держат людей в таком страхе, что те и шепотом слова сказать не решаются. Город — как поле, когда вдали уже вспыхивают молнии: ни птицы не видно, ни зверя, разве тех, что в испуге ищут, куда бы спрятаться.

А л ь б а. И ничего больше тебе не встретилось?

Ф е р д и н а н д. Эгмонт с несколькими всадниками проскакал по Рыночной площади, мы с ним поздоровались. Под ним был еще не объезженный конь, прекрасный, я так ему и сказал. «Надо поскорее объезжать лошадей, того и гляди, они нам понадобятся!» — крикнул он и добавил, что сегодня мы еще встретимся, по вашему требованию он прибудет на совет.

А л ь б а. Да, он увидит тебя.

Ф е р д и н а н д. Из рыцарей, которых я здесь узнал, он мне всего более по душе. Мне кажется, мы будем друзьями.

А л ь б а. Ты все еще скор и неосмотрителен, я узнаю в тебе легкомыслие твоей матери, так быстро толкнувшее ее в мои объятия. Сколько раз, прельстившись внешностью ты поспешно вступал в опасные связи.

Ф е р д и н а н д. Я стараюсь покорствовать вашей воле.

А л ь б а. В жилах у тебя течет молодая кровь, и я прощаю тебе пылкое доброжелательство, опрометчивую жизнерадостность. Не забывай только, зачем я послан сюда, и помни, какую роль я тебе предназначаю.

Ф е р д и н а н д. Не щадите меня своими напоминаниями, когда это будет нужно.

А л ь б а (*после паузы*). Сын мой!

Ф е р д и н а н д. Отец!

А л ь б а. Вскоре прибудут наместники, прибудут Оранский и Эгмонт. Не сочти за недоверие, что я лишь сейчас говорю тебе о том, что должно произойти. Отсюда они уже не выйдут.

Ф е р д и н а н д. Что ты замыслил?

А л ь б а. Принято решение взять их под стражу. Ты удивлен? Послушай же, что возложено на тебя; причины ты узнаешь, когда все свершится, — сейчас говорить о них, уже нет времени. С тобой одним я хочу обсудить самое главное,

самое сокровенное. Нерушимые узы связывают нас, ты мне дорог, я люблю тебя и всему, всему хочу тебя научить. Не только привычке повиноваться, но и уменью вникать в самую суть полученного приказа, уменью повелевать и выполнять. Я хочу оставить тебе это великое наследство, а королю — надежнейшего слугу, — отдать тебе лучшее из того, что есть у меня, дабы не стыдно тебе было стать вровень с твоими братьями.

Фердинанд. В каком же я долгу перед тобой за любовь, которую ты даришь одного меня, тогда как вся страна перед тобой трепещет.

Альба. Теперь слушай, что надо делать. Как только наместники войдут во дворец, все входы и выходы будут заняты войсками. Гомецу уже отдан приказ. Сильва поспешит захватить секретаря и наиболее подозрительных из Эгмонтской свиты. Ты расставишь караулы у ворот и во внутренних дворах. Но прежде всего размести верных людей здесь и в соседних покоях, а сам жди на галерее, покуда не вернется Сильва, и принеси мне какую-нибудь ничего не значащую бумагу в знак того, что он справился с возложенным на него поручением. Потом оставайся в сенях, жди, когда Оранский соберется уходить, и следуй за ним, я задержу Эгмонта под предлогом, что мне надо еще поговорить с ним. В конце галереи потребуй у Оранского его шпагу, зови караульных и быстро захвати этого опаснейшего из опасных, а я захвачу Эгмонта.

Фердинанд. Я повинуюсь, отец, — не скрою с горестью в сердце.

Альба. Прощаю тебя: это твой первый великий день.

Входит Сильва.

Сильва. Гонец из Антверпена. Вот письмо от Оранского! Он не придет.

Альба. Так сказал гонец?

Сильва. Нет, мое сердце.

Альба. Твоими устами говорит мой злой гений. (*Прочитав письмо, подает знак обоим, те удаляются на галерею; Альба — один на авансцене.*) Не придет! До последней минуты увливает от объяснений. Он посмел не явиться! Значит, и на сей раз, против ожидания, умный был достаточно умен, чтобы совершить неразумный поступок. Часы идут! Совсем мало осталось пройти стрелке, и великое дело свершится или будет упущено, безвозвратно упущено, ибо ни

скрыть его, ни воротить нельзя. Давно я все взвесил, даже этот случай представил себе и решил, что мне надо будет делать. А теперь, когда пришла пора действовать, меня одолевают все «за» и «против». Есть ли смысл брать остальных, если этот уйдет от меня? Помешкав, я дам ускользнуть и Эгмонту с его приверженцами, которым несть числа, а сегодня, может быть, еще только сегодня, они в моих руках. Так судьба принуждает покориться и тебя, непокоримого! Сколько раздумий! Как тщательно я готовился! Какой грандиозный, прекрасный план! Надежда была так близка к осуществлению. И вдруг в решающий миг я столкнулся с двояким злом. Будущее темно, я словно хочу вытащить свой жребий из урны, но билет еще свернут, и мне неизвестно, что это — выигрыш или пустышка. *(Он напряженно вслушивается, потом подходит к окну.)* Это он! Эгмонт! Легко принес тебя твой конь, не прыгнул, почуяв запах крови, не шарахнулся при виде духа с обнаженным мечом, что стоит у ворот! Спешивайся, Эгмонт! Вот ты одной ногой в могиле, а теперь — уже и обеими. Погладь коня, похлопай его последний раз по холке. Мне выбора не осталось: в ослепление явился Эгмонт сюда, второй раз так просто он мне в руки не дастся! Эй! Вы!

Быстро входят Фердинанд и Сильва.

Поступайте согласно моему приказу, он остается в силе. Я уж как-нибудь задержу здесь Эгмонта, покуда ты не принесешь мне вести от Сильвы. Потом будь поблизости, чтобы судьба не отняла у тебя великой заслуги — собственными руками схватить заклятого врага его величества. *(Сильве.)* Поспеш! *(Фердинанду.)* А ты иди ему навстречу.

Несколько мгновений Альба остается один и молча шагает из угла в угол.

Входит Эгмонт.

Эгмонт. Я явился услышать повеления короля, узнать, какую службу может сослужить ему моя преданность, вечная и неизменная.

Альба. Прежде всего король хочет вашего совета.

Эгмонт. Какого? Оранский тоже прибудет? Я думал заставить его здесь.

Альба. Я очень сожалею, что его нет с нами в этот трудный час. Король желает услышать ваш совет, узнать, что вы думаете касательно умиротворения провинций. Он надеется,

что вы будете деятельно способствовать восстановлению спокойствия и прочного порядка.

Э г м о н т. Вы не хуже меня знаете, что волнения в провинциях почти утихли, и утихли бы совсем, если бы вновь прибывшие войска не посеяли тревогу и страх в сердцах жителей.

А л ь б а. Вы, видимо, намекаете, что лучше бы король не посылал меня сюда на переговоры с вами?

Э г м о н т. Прошу прощения! Не мне судить, следовало королю посылать сюда войска или нет. Я полагаю, что мощное впечатление от присутствия его величества воздействовало бы сильнее. Но войско здесь, а короля нет. Мы, однако, не так неблагодарны и забывчивы, чтобы не помнить, сколь многим мы обязаны правительнице. Да и можно ли не признать, что своими умными и смелыми действиями — когда силой, а когда и осмотрительностью, когда уговорами, а когда и хитростью — она утихомирила взбунтовавшийся народ и, всему свету на удивленье, за какие-то несколько месяцев, принудила его осознать свой долг.

А л ь б а. Не спорю. Страсти улеглись, и каждый, по-видимому, вновь водворен в границы покорства. Но разве не может он по собственному произволу их нарушить? Кто помешает народу вновь затеять смуту? Где та власть, что сумеет его удержать? Кто нам поручится, что они и впредь будут верноподданными? Добрая воля народа — другим залогом мы не располагаем.

Э г м о н т. А разве добрая воля народа не самый лучший, не самый надежный залог? Клянусь богом, королевский престол всего надежнее там, где все стоит за одного и один за всех. Тогда не страшны ни внешние, ни внутренние враги.

А л ь б а. Вы не уговорите меня, что здесь именно так обстоит дело.

Э г м о н т. Если король объявит всеобщую амнистию, он успокоит взволнованные умы, и вскоре мы убедимся, что вместе с доверием возвратились и любовь и преданность.

А л ь б а. И каждый, кто виновен в поношении его величества короля и в богохульстве, будет беззаботно разгуливать на свободе, служа живым примером того, что наитяжайшие преступления остаются безнаказанными.

Э г м о н т. А разве преступления, совершенные по глупости или под пьяную руку, заслуживают не прощенья, а беспощадной кары? Да еще там, где есть надежда, уверенность даже, что зло более не повторится? Разве не спокойнее

правят короли, зная, что современники и потомки будут прославлять их за то, что они сумели презреть, простить, более того, пожалеть тех, кто осмелился оскорбить их сан? Разве не потому королей считают богоравными, что до высоты престола не доходят ни хула, ни кощунство?

А л ь б а. Вот потому-то король и призван вступаться за бога и религию, а мы — за короля. Мы должны мстить за то, что высшая власть отвергает с презрением. Я смотрю на это по-другому — ни один виновный не должен остаться безнаказанным.

Э г м о н т. Ты полагаешь, что всех сумеешь захватить? Мы каждый день слышим, что страх гонит людей с места на место и даже вон из страны. Богачи увезут с собою свое имущество, своих детей и друзей, бедняк отдаст соседнему государству труды своих рук.

А л ь б а. Да, если мы не сумеем этому воспрепятствовать. Потому-то король и требует совета и действий от каждого облеченного властью, суровости от каждого наместника, а не рассказней о том, что имеет и что имело бы место, если все пойдет своим чередом. Смотреть на великое зло, тешить себя надеждой, доверяться времени, нет-нет да и вмешаться в потасовку, как на карнавале, с треском дать кому-нибудь оплеуху, чтобы казалось, будто ты что-то делаешь, тогда как ничего делать тебе не хочется, — разве это не значит навлечь на себя подозрения, не значит, что ты с удовольствием наблюдаешь за мятежом и хоть и не был его зачинщиком, но все же его выпестовал.

Э г м о н т (*готов вспыхнуть, но берет себя в руки и после небольшой паузы твердо говорит*). Не всякое намерение видно с первого взгляда, многие толкуют намерения превратно. Вот слышим же мы со всех сторон: в намерения короля, мол, входит не столько управлять провинциями согласно единым и всем ясным законам, не столько укреплять величие религии и даровать своему народу доподлинный мир, сколько согнуть его в бараний рог, силой отнять у него исконные права, завладеть его богатствами и далее — ограничить достойные дворянские вольности, которые и заставляют дворян верой и правдой служить государю, не щадя живота своего. Религия, говорят нынче, это только роскошный ковер, укрывшись за которым удобнее измышлять любые злодеяния. Народ, коленопреклоненно возносит молитвы вытканым на ковре сакральным символам, а за ним притаился птицелов, выслеживающий добычу.

А л ь б а. И такое я слышу от тебя?

Э г м о н т. Не мои это убеждения, а слова, которые слышишь теперь повсюду, от великих и малых, от умных и дураков. Нидерландцы страшатся двойного ярма, ибо кто поручится за целостность их свобод?

А л ь б а. Свобода! Прекрасное слово для того, кто правильно его понимает. Какой свободы они хотят? И что значит свобода свободнейшего? Поступать как должно — в этом король никому не помеха. Нет! Нет! Они не считают себя свободными, если не могут вредить себе и другим. Лучше, по-моему, отречься от престола, нежели править таким народом. Когда нас теснят внешние враги, о которых ни один обыватель и не вспоминает, ибо он всецело поглощен ежедневными хлопотами, и королю потребуется содействие и защита, у нидерландцев немедленно начнется междоусобица, а тем самым они сыграют на руку врагу. Потому-то и надо их теснить, надо воспитывать, как детей, как детей, направлять к благим целям. Поверь мне, народ не стареет, не набирается ума, он навеки остается ребенком.

Э г м о н т. А как редко становится разумным король! И не лучше ли для многих и верить себя многим, нежели одному, и даже не одному, а нескольким избранным, этим одним, то есть народу, который старится на глазах у своего повелителя. Видно, только этому народу и даровано право набираться ума.

А л ь б а. Может быть, именно потому, что он не предоставлен самому себе.

Э г м о н т. И потому никто не хочет быть предоставленным себе. Поступайте как знаете — я на твой вопрос ответил и повторяю: ничего не выйдет, не может выйти! Я знаю своих соотечественников. Это люди, достойные ступить по земле господней, каждый сам себе маленький король, твердый, предприимчивый, способный, верный и всей душою преданный обычаям старины. Заслужить доверие этих людей трудно, но сохранить легко! Они упорные и стойкие! Гнуть их можно, согнуть нельзя.

А л ь б а (*за это время он несколько раз оглядывался*). Ты взялся бы повторить все это перед лицом короля?

Э г м о н т. Худо, если бы я струсил перед ним! И тем лучше было бы для короля, для его народа, если бы он внушил мне смелость и доверие высказаться еще куда полнее.

А л ь б а. Все, что полезно, я могу выслушать вместо него.

Эгмонт. Я бы сказал ему: пастух легко справляется с целым стадом овец, вол покорно тащит за собою плуг, но если тебе предстоит объезжать благородного коня, то сначала изучи его норы и помни: неразумно требовать от него неразумного. Вот нидерландцы и хотят сохранить свои старые порядки, хотят, чтобы ими правили соотечественники, ибо заранее знают, чего от них ждать, и верят в их бескорыстие и попечение о судьбах народа.

Альба. А разве правителю не дано изменять стародавние порядки и разве это не лучшая из его привилегий? Что неизменно в земной юдоли? Неужли государственный строй? Разве с течением времени не изменяются все условия и обстоятельства, и не потому ли устаревший государственный порядок и порождает тысячи зол, что он уже более не соответствует положению вещей? Мне думается, многие ратуют за старинные привилегии потому, что они становятся прибежищем, пробравшись в каковое умный и сильный может действовать во вред народу, во вред целому.

Эгмонт. Эти произвольные изменения, это неограниченное вмешательство верховной власти уже предвещает, что один будет делать все, что запрещается тысячам. Он лишь для себя хочет свободы, хочет удовлетворять любое свое желание, без помехи осуществлять любой свой замысел. И даже если мы полностью ему доверимся, доброму, мудрому королю, разве может он поручиться за своих преемников? Поручиться, что ни один из них не станет самоуправствовать? Кто же спасет нас от произвола, когда король пришлет сюда своих слуг, своих приближенных, которые, ничего не зная о нашей стране и ее нуждах, начнут бесцеремонно хозяйничать в ней и, не встретив сопротивления, решат, что избавлены от всякой ответственности?

Альба (*снова оглядывается*). Ничего нет удивительного, что король хочет править по собственному усмотрению и предпочитает отдавать приказы тем, кто лучше других понимает, стремится понять и во что бы то ни стало выполнить его волю.

Эгмонт. И столь же не удивительно желание граждан, чтобы в их стране правил тот, кто родился и вырос вместе с ними, кто усвоил те же понятия о праве и несправии, словом, тот, в ком они видят брата.

Альба. Тем не менее дворянство в свое время произвело не слишком справедливый раздел с этими пресловутыми братьями.

Эгмонт. С тех пор прошли века, и ни малейшей зависти это уже ни в ком не вызывает. Но если, безо всякой нужды, сюда будут присланы новые люди, которые пожелают вторично обогатиться за счет народа и народ окажется отدانым на произвол беспощадной, наглой, неудержимой корысти — начнется брожение, которое вряд ли уляжется само собой.

Альба. Ты говоришь мне то, чего я не должен был бы слушать. Я тоже чужой здесь.

Эгмонт. Раз я это тебе говорю, значит, разумею не тебя.

Альба. Все равно такое слушать мне не пристало. Король послал меня в надежде, что здешнее дворянство окажет мне поддержку. Король волен настаивать на исполнении своей воли. Он долго размышлял и, наконец, ему открылось, что пойдет на пользу народу. Так дальше продолжаться не может. Намерение его величества: кое в чем ограничить вас для вашей же пользы, а если потребуется, то и навязать вам ваше же собственное благо, пожертвовать, наконец, смутянами, дабы остальные граждане обрели покой и могли наслаждаться радостью мудрого правления. Таково решение короля, и мне приказано сообщить его дворянству. Именем короля я требую совета, как это сделать, что делать он уже решил.

Эгмонт. Увы, твои слова подтверждают, что страх народа обоснован, всеобщий страх! Итак, король решился на то, на что не следовало бы решаться ни одному властителю, — подорвать мощь своего народа, его дух, чувство собственного достоинства, унижить его, изничтожить — для того, чтобы удобнее было им управлять. Он хочет сгноить глубоко заложенное ядро его своеобразия, дабы этот народ осчастливить. Хочет втоптать в землю, дабы из него проросло нечто совсем другое. О, если он замыслил доброе дело, то на какой же путь его толкнули советчики! Народ не восстанет против короля, а лишь препятствует ему идти по неверному пути, хотя он уже успел сделать первые роковые шаги.

Альба. Твой образ мыслей таков, что мы, по-видимому, ни до чего не договоримся. Ты уничижительно думаешь о короле, с презрением о его советчиках, сомневаешься в том, что все это давно продумано, проверено, взвешено. Я не получал поручения вновь пересматривать все «за» и «против». Я требую повиновения от народа — а от вас, первейших,

благороднейших его представителей, совета и действий, которые станут порукой этого безусловного долга.

Э г м о н т. Потребуй, чтобы мы сложили головы, и это будет исполнено мгновенно. Согнуть голову под ярмо или склонить ее под топор для благородной души — все едино. Напрасно я так много говорил, ничего от моих слов не изменилось.

Входит **Ф е р д и н а н д.**

Ф е р д и н а н д. Прошу простить, что я осмелился прервать вашу беседу. Вот письмо, его податель просит незамедлительного ответа.

А л ь б а. Дозвольте мне ознакомиться с письмом.

Отходит в сторону.

Ф е р д и н а н д (*Эгмонту*). Великолепного коня привели сейчас ваши люди.

Э г м о н т. Да, конь недурен. Он у меня уже давно, и я собираюсь его сменить. Если он вам по праву, о цене, я думаю, мы сговоримся.

Ф е р д и н а н д. Хорошо, надо будет потолковать.

Альба подает знак сыну, тот отходит в глубину сцены.

Э г м о н т. Разрешите откланяться! Отпустите меня, честное слово, не знаю, что я мог бы еще сказать.

А л ь б а. Счастливый случай помешал тебе до конца раскрыть свои замыслы. Ты неосторожно выболтал, что у тебя на сердце, обвинил себя беспощаднее, чем самый яростный твой ненавистник.

Э г м о н т. Этот упрек меня не трогает, — зная себя, я знаю, как я предан королю: больше, чем многие, что на королевской службе служат самим себе. Я неохотно оставляю этот спор неразрешенным и надеюсь, что служение государю и благо родины вскоре объединят нас. Возможно, повторный разговор и присутствие других наместников, сегодня не прибывших сюда, в счастливую минуту сделают возможным то, что сейчас представляется нам невозможным. С этой надеждой в сердце я ухожу.

А л ь б а (*одновременно подавая знак сыну*). Стой, Эгмонт! Шпагу!

Средняя дверь открывается, видна галерея, занятая стражей, которая стоит не двигаясь.

Эгмонт (*после недоуменного молчания*). Так вот что ты задумал. Вот зачем вызвал меня. (*Хватается за шпагу, словно намереваясь защищаться.*) Но я не безоружен!

Альба. Это приказ короля, ты мой пленник.

С обеих сторон к Эгмонту подступают вооруженные стражники.

Эгмонт (*помолчав*). Короля? Оранский! О, принц Оранский! (*Отдает шпагу Альбе.*) Возьми ее! Она чаще отстаивала дело короля, чем прикрывала эту грудь.

Уходит в среднюю дверь, стражники, находившиеся в зале, следуют за ним, сын Альбы также. Альба стоит неподвижно. Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

УЛИЦА. СУМЕРКИ

Клэрхен. Бракенбург. Горожане.

Бракенбург. Родная моя, ради бога! Что ты затеяла?

Клэрхен. Идем, Бракенбург! Ты не знаешь людей, я уверена, мы его освободим. Ни с чем ведь не сравнишь их любовь к нему. Каждый, клянусь тебе, горит желанием его спасти, уберечь от опасности его драгоценную жизнь и вернуть свободу свободнейшему. Идем! Надо только, чтобы чей-то голос созвал их. Они хорошо помнят, чем ему обязаны! И знают, что гибель от них отводит только его могучая рука. Ради него и ради себя они должны все поставить на карту. А мы, какова наша ставка? Разве что жизнь, но если его не станет, кому она нужна?

Бракенбург. Несчастная! Ты не видишь, что неодолимая сила сковала нас железными цепями.

Клэрхен. Я убеждена, что она одолима. Но не будем пустословить. Вон идут люди, пожилые, степенные, честные люди! Послушайте, друзья, соседи, послушайте меня! Скажите, что с Эгмонтом?

Плотник. Что надо этой девочке? Заставьте ее замолчать.

Клэрхен. Подойдите поближе, мы должны говорить шепотом, покуда не будем все заодно, покуда не наберемся силы. Нам и мгновения терять нельзя! Наглая тирания, посмевавшая бросить его в темницу, уже заносит над ним

кинжал! Друзья мои! Сумерки с каждой минутой сгущаются, и мне все страшней и страшней. Я боюсь этой ночи. Идемте! Побежим в разные стороны, от дома к дому сзывать горожан! Каждый возьмет старое свое оружие. На рынке мы снова встретимся, и наш поток всех увлечет за собой. Враг поймет, что он окружен, затоплен, а значит, и подавлен. Да и может ли устоять перед нами кучка прислужников. Он вернется, он будет среди нас, свободный, он будет благодарить нас, хотя мы его неоплатные должники. Он, может быть, увидит, — конечно же, увидит, — утреннюю зарю на свободном небе.

Плотник. Что с тобою, девочка?

Кларкен. Неужто вы меня не поняли? Я говорю о графе! Об Эгмонте я говорю.

Иеттер. Не называй этого имени! Оно несет с собою смерть.

Кларкен. Его имени не называть! Имени Эгмонта? Кто же не произносит его всегда и везде? Где только оно не начертано? Я часто читала его, буква за буквой, на звездном небосводе. Не называть? Что это значит? Друзья! Дорогие мои соседи, вы бредите, очнитесь! Не смотрите на меня так пристально, с удивлением! Почему вы пугливо озираетесь по сторонам? Я ведь призываю вас к тому, чего желает каждый. Разве мой голос — не голос вашего сердца? Кто в эту страшную ночь, прежде чем забыться тяжелым сном, не преклонил колена, моля господа о его спасении? Спросите друг друга! Спросите сами себя! Кто не повторит за мной: свободу Эгмонту — или смерть!

Иеттер. Господи, помилуй, беды не миновать!

Кларкен. Постойте! Не бегите при одном имени Эгмонта, вспомните, как вы, протискиваясь сквозь толпу, встречали его ликующими криками! Когда молва возвещала его приближение: «Эгмонт скоро будет здесь! Эгмонт возвращается из Гента!» — жители улиц, по которым он проезжал со своею свитой, почитали себя счастливыми. Заслышав топот коней, вы бросали работу, бежали к окнам, и при виде его на ваши озабоченные лица падал отсвет радости и надежды. Стоя у дверей своих домов, вы высоко вскидывали детей, говорили им: смотри, вот Эгмонт, великий из великих! Смотри на него! Со временем он подарит вам лучшую жизнь, чем та, которою живут ваши бедные отцы. Так не допускайте же, чтобы дети спросили вас: куда он девался? Где та жизнь, что вы нам сулили? — Ах, мы только попусту тратим слова! Мы предаем его!

З о о с т. Стыдитесь, Бракенбург! Уведите ее! Она себя погубит.

Б р а к е н б у р г. Клэрхен, милая! Нам надо идти, что скажет матушка? Может быть...

К л э р х е н. Ты думаешь, я ребенок или безумная? Что «может быть»? — От этой страшной уверенности ты меня никакой надеждой не избавишь. Услышите мои слова, я знаю, вы их услышите, вижу, как вы потрясены, вы сами себя не помните! Забудьте на миг об опасности, хоть один только раз загляните в прошлое, совсем недавнее прошлое. И еще подумайте о будущем. Разве вы сможете жить, если его не станет? С его дыханьем отлетит последнее дуновение свободы. Чем был он для вас? Для кого подвергал себя неминуемой опасности? Он истекал кровью и залечивал свои раны лишь ради вас. А теперь его великая душа, вместившая вас всех, стеснена тюремными стенами, призраки коварного убийства витают вокруг нее. Он, верно, думает о вас, на вас надеется, он, привыкший только дарить, только осуществлять.

П л о т н и к. Пойдем-ка, кум.

К л э р х е н. Пусть нет у меня ваших крепких рук, нет вашей силы, зато у меня есть то, чего недостает вам всем: мужество и презрение к опасности. Если бы я могла вдохнуть в вас жизнь и огонь, отогреть вас на своей груди! Идемте! Я пойду с вами! Как знамя реет над отрядом отважных воинов и ведет их в бой, так мой дух будет пламенеть над вами! А любовь и мужество соединят разрозненный растерянный народ в грозное неодолимое воинство.

И е т т е р. Да уведи ты эту несчастную девочку...

Горожане уходят.

Б р а к е н б у р г. Клэрхен! Разве ты не видишь, где мы сейчас?

К л э р х е н. Где? Под открытым небом. О, каким же великолепным казался мне его свод, когда под ним проходил он, благороднейший из людей. А они, чтобы посмотреть на него, теснились у этих вот окон, один возле другого, голова к голове, толпились у дверей и кланялись, когда он с коня смотрел на них — жалких трусов. Я любила их за то, что они перед ним преклонялись. Будь он тираном, я бы поняла, что сейчас они от него отвернулись. Но они его любили! Ломали шапки перед ним, а теперь не имеют сил взяться за меч! А мы, Бракенбург? Мы их браним! Но мои руки, так часто державшие его в объятиях, что делают они для него?

Хитрость города берет. Ты знаешь все входы и выходы в старом замке. Нет на свете невозможного, придумай что-нибудь.

Бракенбург. Если бы мы пошли домой...

Клархен. Хорошо!

Бракенбург. Вон там на углу стража Альбы. Неужели голос разума так и не дойдет до твоего сердца? Или ты считаешь меня трусом? Не веришь, что я готов умереть за тебя? Оба мы с тобой безумны, я не меньше, чем ты. Разве ты не понимаешь, что задумала невозможное? Опомнись! Ты вне себя.

Клархен. Вне себя? Как гадко ты говоришь, Бракенбург, это вы вне себя. Когда вы прославляли героя, называли его своим другом, опорой и надеждой, когда, завидев его, кричали «виват», я пряталась в своем уголке и, чуть приоткрыв окно, слушала, но сердце мое билось сильнее, чем ваши сердца. И сейчас оно бьется сильнее! Пришла беда, и вы прячетесь, вы отреклись от него, вы не хотите понять, что вас ждет гибель, если погибнет он.

Бракенбург. Пойдем домой.

Клархен. Домой?

Бракенбург. Молю тебя, опомнись! Оглядишься вокруг! На эти улицы ты выходила только по воскресным дням, строго и чинно ты шла в церковь и сердилась, когда я, проговорив слова приветствия, осмеливался к тебе присоединиться. А теперь ты стоишь здесь, ссываешь людей на глазах у всех. Опомнись, моя родная! Ничему это не поможет.

Клархен. Домой идти? Да, я опомнилась. Идем, Бракенбург, идем домой! А знаешь ли ты, где мой дом? (*Уходят.*)

ТЮРЬМА, ОСВЕЩЕННАЯ ЛАМПОЙ, В ГЛУБИНЕ КОЙКА

Эгмонт (*один*). Старый друг! Всегда верный мне сон, ужели и ты бежишь меня, как прочие друзья? Прежде ты услужливо нисходил на мою вольную голову и, точно миртовый венок любви, освежал мои виски. В шуме походов, на буйных волнах житейского моря я покоился в твоих объятиях, дыша тихо и ровно, как младенец. Когда ветер свистел в ветвях и листьях, со скрипом раскачивал сучья и кроны, в глубинах моего сердца царил покой. Что же сейчас сотрясает его? Что колеблет мой твердый и верный разум? Знаю, топор убийцы уже подобрался к моему корневищу. Еще я

стою прямо, но внутренняя дрожь пробирает меня. Да, коварные силы уже подкапывают высокий крепкий ствол, и, прежде чем засохнет кора, с треском рухнет вершина, круша все кругом.

Но почему ты, легко, словно мыльные пузыри, стряхивавший с себя тягчайшие заботы, сейчас не в силах отогнать видения, что мечутся в твоей душе? С каких пор ты страшишься смерти, ведь с ее многоликими образами ты сжился, как и с другими картинами привычной земной жизни? Нет, не смерть — этот скорый на руку враг, с которым готово сразиться крепкое, смелое сердце, страшит меня, а тюрьма — прообраз могилы, равно отвратительный и герою и трусу. Мне нестерпимо было и в мягких креслах, когда вельможи на заседании государственного совета в нескончаемых разговорах обсуждали дела, решить которые можно было не мешкая. Даже там мрачные стены и своды залы угнетали меня. При первой возможности я спешил прочь; дыша наконец полной грудью, вскакивал на коня и мчался туда, куда нам положено стремиться, в поле, где вместе с паром исходит из земли вся благодать природы и с неба овевают нас все благословения звезд. Там, наподобие рожденного землею исполина, мы становимся сильнее и выше от ее материнского прикосновенья, ибо в жилах своих чувствуем все человечество, все его вождения. Там в душе молодого охотника разгорается страсть — побеждать, продвигаться вперед, наступать, пускать в ход кулаки, владеть и покорять. Там солдат быстро утверждается в своем мнимо исконном праве на весь мир и без удержу, губительно, как градобитие, проносится по лугам, полям и лесам, не ведая границ, прочерченных рукой человеческой.

Но увь, это только мёрлок, только сон о счастье, который так долго владел мною. Куда же завела тебя предательская судьба? Ужели она отказала тебе в быстрой смерти под лучами солнца, смерти, которой ты никогда не страшился, чтобы мерзким запахом плесени дать тебе почувствовать близость могилы? Как гнусно дыханье этих камней. Жизнь уже замирает во мне, и лечь на койку мне не легче, чем в могилу.

О, тоска, тоска! Ты хочешь прежде времени убить меня! Отойди! С каких пор Эгмонт один, совсем один в этом мире? Не счастье сделало меня бессильным, а сомнение. Справедливость короля, — а ты всю жизнь верил в нее, — дружба правительницы, едва ли не любовь (в этом ты вправе себе

признаться), неужли все погасло, как сиянье потешных огней в ночи и ты остался совсем один на темной тропе? Оранский во главе моих друзей, наверно, попытается прийти мне на выручку. А народ, сплотившись в грозную силу, разве не сделает попытки отомстить, освободив своего старого друга?

О стены, сомкнувшиеся вокруг меня, не преграждайте пути столь многим сердцам, что спешат ко мне на помощь, и пусть живительная отвага, которую некогда сообщал им мой взгляд, из их сердец вернется в мое сердце. Тысячи спешат ко мне, они идут, они держат мою сторону. Их молитва возносится к богу, они молят о чуде. И если ангел не слетит с небес, чтобы спасти меня, я знаю, они возмутся за мечи и копья. Врата распахнулись; упали решетки, стены рухнули под их натиском, и Эгмонт радостно спешит навстречу свободе грядущего дня. Сколько знакомых лиц среди тех, что встречают меня ликующими криками. Ах, Клэрхен, будь ты мужчиной, ты первая вошла бы ко мне и я возблагодарил бы тебя за то, за что так трудно благодарить короля,— за свободу.

ДОМИК КЛЭРХЕН

К л э р х е н входит с лампой и стаканом воды, ставит его на стол, идет к окну.

К л э р х е н. Бракенбург? Это вы? Нет, слышалось, никого! Никого! Поставлю лампу на окошко, пусть видит, что я еще не легла, что еще жду его. Он обещал мне все разузнать. Что разузнать? Ужасная весть! Эгмонт осужден! Ни один суд не вправе его судить! А они осудили! Король это сделал? Или герцог? А правительницы и след простыл! Оранский медлит, и вместе с ним все его друзья! Это тот мир, о нерешительности, ненадежности которого я столько слышала, но ничего не знала,— неужли он и вправду таков? У кого же достало злобы возненавидеть лучшего человека на земле? И могущества столь быстро низвергнуть всеми признанного героя? Но это так — увы, так! О Эгмонт, а я-то считала, что ни бог, ни человек тебе не страшны, что везде ты укрыт, как в моих объятиях! Что я рядом с тобой? Но ты называл меня своей, и всю жизнь я отдала тебе. А сейчас? Тщетно я протягиваю руки к петле, которую на тебя накинута. Ты беспомощен, а я свободна! Вот ключ от моей двери. Я вольна выходить

и возвращаться, но ничем не могу служить тебе! Свяжите меня, иначе я с ума сойду, бросьте в самую глубокую яму, чтобы мне биться головой о склизкие стены, скулить в тоске по свободе, мечтать о том, как я бы спасла его, не будь на мне цепей. Но я свободна! И в этой свободе — весь ужас моего бессилия. В сознании и в полной памяти, я пальцем не могу пошевелить для его спасенья. Даже малая частица тебя, твоя Клэрхен, в плену. Разлученная с тобой, она в предсмертных судорогах теряет последние силы. Кто-то крадетсЯ, покашливает... Бракенбург... да, это он!.. Несчастный добрый человек, твоя участь всегда одна: любимая и ночью отопрет тебе дверь, но ах, для какого злосчастного свиданья.

Входит Бракенбург.

Ты так бледен, так робок, Бракенбург! Что там, скажи!

Бракенбург. Окольными опасными путями я пробирался к тебе. На улицах стоят войска, мне пришлось красться переулками, проходными дворами.

Клэрхен. Как это, объясни!

Бракенбург (*опускаясь на стул*). Ах, Клара, я плачу! Не любил я его. Богач, он сманил у бедняка последнюю овечку на свое тучное пастбище. Но я никогда его не проклинал, бог создал меня преданным и кротким. Вся жизнь моя в страданиях протекала, и умереть хотел я каждый день.

Клэрхен. Забудь об этом, Бракенбург, забудь о себе. Скажи мне о нем! Правда, правда, что он осужден?

Бракенбург. Да, мне это точно известно.

Клэрхен. Но жив еще?

Бракенбург. Да, еще жив.

Клэрхен. Как можешь ты ручаться? Тирания ночью убьет великого, тайно от народа прольется его кровь. Тревожным сном спят одурманенные люди и грезят о его спасенье, грезят, что сбылась их слабосильная мечта, — а тем временем дух его, негодуя на наше бездействие, покидает мир. Нет больше Эгмонта. Не лги мне и себе тоже.

Бракенбург. Нет, точно, он жив! И, о горе, испанец готовит народу, который он намерен растоптать, страшное зрелище, оно навеки сокрушит все сердца, что еще алчут свободы.

Клэрхен. Продолжай! Спокойно объяви и мне мой смертный приговор! Все ближе и ближе поля блаженства, на меня уже веет оттуда мирным ветерком утешенья. Говори!

Бракенбург. По множеству караулов, по обрывкам разговоров, то там, то сям до меня доносившихся, я понял, что на Рыночной площади тайно готовится нечто ужасное. Задворками я пробрался к дому двоюродного брата; из чердачного оконца мне удалось бросить взгляд на площадь. Там полыхали факелы, освещая испанских солдат, расставленных широким кругом. Изо всех сил напрягая зрение, я рассмотрел впотьмах черный помост, большой, высокий,— мороз пробежал у меня по коже. Вокруг сновали люди, затягивая черным сукном местами еще белевшие доски. Под конец, я отчетливо это видел, они и лестницу застелили черным. Казалось, там будет совершенно чудовищное жертвоприношение. В стороне на помосте водрузили белое распятие; в ночи оно блестело, как серебро. Я все смотрел, смотрел, и страшная уверенность росла во мне. То тут, то там еще вспыхивали факелы, но вскоре и они погасли. Мерзостное порождение ночи вернулось в материнское лоно.

Клархен. Молчи, Бракенбург! Молчи! Дай ночному покрову укрыть и мою душу. Исчезли призраки, а ты, благородная тьма, накинь свой плащ на землю, что уже вскипает изнутри. Не снести ей больше позорного бремени, она разверзнется и поглотит проклятый помост. Господь ниспошлет одного из ангелов своих, чтобы стал он свидетелем его ярости. От святого его прикосновения падут затворы и цепи, тихое сияние прольется на моего друга, и ангел сквозь ночь ласково и кротко поведет его к свободе. Тропа, по которой я иду ему навстречу,— не приметно пролегает в этой тьме.

Бракенбург (*удерживая ее*). Дитя мое, куда ты? На что ты решилась?

Клархен. Тихе, милый, чтобы никто не проснулся, чтобы мы сами себя не разбудили! Знаком тебе этот флакончик, Бракенбург? Я отняла его у тебя, когда ты частенько грозился прежде времени уйти из жизни... а теперь, мой друг...

Бракенбург. Во имя всего святого!..

Клархен. Тебе меня не остановить. Мой жребий — смерть! Позволь мне умереть легкой быстрой смертью, которую ты приуготовил себе. Дай руку! В миг, когда передо мной открываются врата темного мира, откуда нет возврата, я хочу сказать тебе этим рукопожатием: как я тебя любила, как жалела! Мой брат умер в младенчестве, тебя я выбрала,

чтобы ты заменил мне его. Но сердце твое возмутилось, и ты стал мучить себя и меня, все жарче домогаясь того, что не тебе предназначалось. Прости меня и прощай. Позволь мне назвать тебя братом! Это имя вмещает в себя множество других имен. С чистым сердцем прими от уходящей последний нежный цветок — прими мой поцелуй,— смерть все соединяет, Бракенбург, соединит и нас.

Бракенбург. Мы умрем вместе! Поделись, поделись со мною ядом! Его довольно, чтобы погасить две жизни.

Клархен. Останься! Ты должен, ты можешь жить. Поддержи мою мать, без тебя она зачахнет в бедности. Будь ей тем, чем я быть уже не могу, живите вместе, плачьте обо мне. Плачьте о родине и о том, кто один мог еще уберечь ее. Нашему поколению этого горя не избыть, даже неистовая месть не утишит его. Живите, бедные вы люди, проживайте сужденное вам время, которое и временем-то не назовешь. Скоро, скоро мир остановится, замрет его круговращенье, моему пульсу осталось биться лишь несколько минут! Прощай!

Бракенбург. Живи с нами, живи для нас, как мы живем для тебя. Вместе с собой ты убиваешь и нас, живи, молю, живи и стражди. Мы неотступно будем подле тебя, и вечно бдительная наша любовь станет утешать тебя в своих живых объятиях. Останься с нами! Останься нашей! Я не смею сказать моей.

Клархен. Молчи, Бракенбург, ты не ведаешь, чего ты коснулся. Там, где тебе брезжит надежда, я вижу только отчаяние.

Бракенбург. Дели надежду с живыми! Остановись на краю пропасти, загляни в нее, но оглянись и на нас.

Клархен. Я все оставила позади, не призывай меня к новой борьбе.

Бракенбург. Ты как в дурмане, окутанная мраком, ты рвешься к темной бездне. Но не все еще померкло кругом, еще придет день...

Клархен. Горе! Горе тебе, как жестоко срываешь ты пелену с моих глаз. Да, день забрезжит! Забрезжит, сколько бы он ни прятался за туманами! Боязливо подходит к окну горожанин; черное пятно оставила ночь, он смотрит, и роковой помост так страшно растет на свету. В новых муках обращает поруганный сын божий молящий взор к отцу — вседержителю. Солнце не решается взойти, не хочет обозначить

час, когда он должен умереть. Вяло тащатся стрелки по своему пути, и час бьет за часом. Молчите! Не надо бить! Но пора пришла! Утро гонит меня в могилу.

Отходит в сторону и, сделав вид, что смотрит в окно, исподтишка выпивает яд.

Б р а к е н б у р г. Клара! Клара!

К л э р х е н (*идет к столу и пьет воду*). Вот все, что осталось! Я не маю тебя за собой. Поступи, как сочтешь нужным. Прощай. Погаси эту лампу тихо, но не медли, я лягу отдохнуть. Постарайся выйти неслышно и дверь не забудь закрыть. Тихонько! Не разбуди мою мать! Иди, спасайся. Спасайся, слышишь! Не то люди подумают, что ты убил меня. (*Уходит.*)

Б р а к е н б у р г. И в этот последний час она простилась со мной, как всегда прощалась. О, если б ведал кто, как любящее сердце настрадалось. Она ушла, и я стою один. И смерть и жизнь равно мне ненавистны. Смерть в одиночестве... О любящие, плачьте! Нет, нет судьбы печальнее моей. Она со мной не делит капли яда и отсылает прочь, прочь от себя. Не манит за собой, а снова гонит в жизнь. О Эгмонт, тебе выпал счастливый жребий. Она тебе предшествует! Венок победный из рук ее — он твой. Она тебе все небеса дарует! А мне за вами следовать? Опять стоять в сторонке? Чтобы огонь неугасимой зависти и ревности сжигал меня и там? Нет места для меня здесь, на земле. И ад и рай несут мне те же муки! Лишь разрушения грозная десница была бы мне желанна, горемыке! (*Уходит.*)

Некоторое время декорации прежние. Начинается музыка, сопровождающая смерть Клэрхен. Лампа, которую Бракенбург забыл потушить, еще несколько раз вспыхивает и гаснет. Теперь сцена превращается в тюрьму.

ТЮРЬМА

Э г м о н т спит на тюремной койке. Слышно звяканье ключей, дверь открывается, входят слуги с факелами, за ними — **Ф е р д и н а н д**, сын Альбы, и **С и л ь в а** в сопровождении вооруженной стражи. Эгмонт мгновенно просыпается.

Э г м о н т. Кто вы, так грубо прервавшие мой сон? Что возвещают мне ваши наглые, трусливые взгляды? К чему этот устрашающий церемониал? Какой кошмар вы хотите выдать за действительность еще дремлющей душе?

Сильва. Герцог послал нас возвестить тебе приговор.

Эгмонт. Ты и палача захватил с собой, чтобы привести его в исполнение?

Сильва. Выслушай и ты узнаешь, что тебя ждет.

Эгмонт. Ночь — лучшего времени вы выбрать не могли для вашего позорного деяния! В ночи задумано, в ночи и свершено! Так проще скрыть поступок дерзкий и незаконный! А ну, выходи, не бойся, ты, что прячешь меч под плащом, — вот моя голова, свободнейшая из всех, которые тирания отсекала от туловища.

Сильва. Ты ошибаешься. Свое решение праведные судьи не станут укрывать от света дня.

Эгмонт. Итак, наглость превзошла все пределы возможного.

Сильва (*берет у близстоящего стражника приговор, развертывает свиток и читает*). «Именем короля и в силу порученной нам его величеством власти судить любого из подданных его величества, к каковому бы сословию он ни принадлежал, не исключая рыцарей «Золотого руна», мы...»

Эгмонт. А король вправе препоручать свою власть?

Сильва. «Мы, по предварительном тщательном и законном расследовании, признали тебя, Генриха графа Эгмонта, принца Гаврского, повинным в государственной измене и вынесли приговор: вывести тебя, чуть займется день, из тюрьмы на Рыночную площадь и там, перед лицом народа и в назидание всем изменникам, лишить тебя жизни путем отсечения головы. Дано в Брюсселе...»

Число и день Сильва читает так невнятно, что Эгмонт не может их разобрать.

«Фердинанд, герцог Альба, председатель Суда Двенадцати».

Теперь твоя участь тебе известна. Времени у тебя мало, чтобы примириться с нею; отдай распоряжения касательно устройства твоих домашних дел и попрощайся с близкими.

Сильва и сопровождающие его уходят. Фердинанд остается.

Горят еще только два факела, тускло освещая сцену.

Эгмонт (*погруженный в свои думы, некоторое время стоит недвижно, не оглянувшись на уходящего Сильву. Он уверен, что остался один, но, подняв взор, видит сына Альбы*). Ты здесь? Хочешь своим присутствием приумножить мое изумление, мой ужас? Или стремишься принести отцу желанную весть, что я впал в недостойное мужчины отчаяние? Иди! Скажи ему, скажи, что ни меня, ни человечество

ему обогатиться не удастся. Скажи ему, неистовому честолюбцу, что сначала люди будут шептаться за его спиной, потом заговорят все громче и громче, а когда он сойдет с вершины, тысячи голосов станут кричать ему: не благо государства, не честь короля, не спокойствие провинций привели тебя к нам. Для себя он придумал эту войну, ибо война всегда на руку воину, для себя поднял эту страшную смуту, чтобы стать нужным королю. Я пал жертвой его подлой ненависти, его мелочной зависти. Я это знаю и говорю, ибо умирающий, смертельно раненный, имеет право говорить и такое. Суетный тщеславный человек, он всегда завидовал мне и давно уже обдумывал и прикидывал, как убрать меня с дороги. Еще в юности, когда мы играли в кости и кучки золота от него непрестанно переключивались ко мне, он становился угрюм и мрачен, притворялся спокойным, но злоба душила его, не столько из-за проигрыша, сколько из-за моего везенья. Помнится мне также его горящий взгляд и предательская бледность, когда на празднике, перед тысячами зрителей, мы состязались в стрельбе. Он вызвал меня, испанцы и нидерландцы толпились вокруг, ставили каждый на своего, желали победы — каждый своему. Я взял верх над ним, его пуля пролетела мимо, моя попала в цель, победный крик нидерландцев потряс воздух. Теперь его пуля поразит меня. Скажи ему, что я вижу его насквозь, и добавь, что человечество презирает победные отличия, которых мелкая душонка добивается кознями и ложью. А ты, если сыну возможно презреть обычаи отца, привыкни к стыду, ибо тебе довелось стыдиться того, кого бы ты от всей души хотел почитать.

Фердинанд. Я слушаю тебя, не перебивая! Твои упреки точно удары палицы по шлему, меня всего сотрясает, хотя я при оружии. Ты попадаешь в меня, но не ранишь: чувствую я только боль, она разрывает мое сердце. Увы мне! Вот, значит, для чего я возмужал, вот на какое зрелище я послан!

Эгмонт. Ты предаешься сетованиям? Что трогает, что мучает тебя? Запоздалое раскаяние, что ты участвовал в постыдном заговоре? Ты молод и хорош собою. И ты был всегда доверчив и приветлив со мной; покуда я на тебя смотрел, я примирялся с твоим отцом. Но так же лицемерно и подло, еще подлее его, ты заманил меня в сети. Ты хуже отца. Тот, кто доверяется ему, знает, что идет навстречу опасности, — но кто чует опасность, доверяясь тебе? Уходи! Уходи! Я не хочу, чтобы ты крал у меня последние мгновения! Уходи, я

должен собраться с мыслями, но прежде забыть о жизни и о тебе!

Фердинанд. Что мне сказать? Я стою здесь, смотрю на тебя, и тебя не вижу, и не знаю даже, существую ли я. Просить прощенья? Заверять тебя, что я поздно, в последнюю минуту, узнал о намерениях отца, что я действовал не по своей воле, а как слепое орудие в его руках? Что пользы от того, какое мнение сложилось у тебя обо мне? Ты погиб, а я, несчастный, стою здесь, чтобы это подтвердить, чтобы оплакивать тебя.

Эгмонт. Какое странное признание, какое неожиданное утешенье на пути к могиле. Ты, сын моего главного и, пожалуй, единственного врага, ты плачешь обо мне, ты не из числа моих убийц? Скажи, ответь, за кого я должен считать тебя?

Фердинанд. Жестокосердый отец! Ты весь в этом приказе! Ты знаешь мое сердце, мои убеждения, ты не раз попрекал меня, называя их наследием моей кроткой матери. Желая сделать меня себе подобным, ты послал меня к нему. Видеть этого человека на краю разверстой могилы, тобою обреченного смерти, ты заставил меня, дабы я, испытав нестерпимую боль, стал глух к судьбам любого, бесчувственным ко всему, что бы ни происходило.

Эгмонт. Я ничего не понимаю! Возьми себя в руки! Говори как подобает мужчине.

Фердинанд. О, я хотел бы быть женщиной! Пусть бы меня спрашивали: что трогает тебя? что волнует? Назови мне зло еще страшнее и нестерпимее, сделай свидетелем поступка еще более низкого — я поблагодарю тебя и скажу: все это ничто.

Эгмонт. Ты вне себя. Где ты витаешь?

Фердинанд. Дай мне неистовством избыть свои страданья, дай излить свою душу! Я не хочу казаться стойким, когда все рушится во мне. Тебя, тебя я вижу здесь! Ужасно! Ты меня не понимаешь. Да и надо ли тебе понимать меня? Эгмонт! Эгмонт! *(Обнимает его.)*

Эгмонт. Открой мне тайну.

Фердинанд. Здесь нету тайны.

Эгмонт. Почему ты так близко принимаешь к сердцу судьбу чужого человека?

Фердинанд. Нет, не чужого! Ты мне не чужой. Еще в детстве твое имя, как звезда, светило мне с небес. Как часто я слышал о тебе, о тебе расспрашивал. Мальчику грезится юноша, юноше — зрелый муж. Ты всегда шел впереди меня,

всегда я смотрел на тебя без зависти и поспешал за тобой — вперед, вперед! И, наконец, мне явилась возможность тебя увидеть, я увидел, и сердце мое устремилось к тебе. К тебе меня влекло, и, увидав тебя, я вновь избрал тебя из всех. Во мне забрезжила надежда навсегда с тобой остаться, жить подле тебя, тебя постигнуть, и все обернулось пустой мечтою, я увидел тебя здесь!

Э г м о н т. Друг мой, если тебя это успокоит, знай, что с первого же мгновения моя душа для тебя открылась. Но слушай, пора нам поговорить спокойно. Скажи: твой отец всерьез и непреклонно решил убить меня?

Ф е р д и н а н д. Да, это так.

Э г м о н т. Его приговор не уловка с целью запугать меня, покарать нависшей опасностью и страхом, унижить, а потом вновь вознести, именем короля объявив мне помилованье?

Ф е р д и н а н д. Нет, увы, нет! Поначалу и я тешил себя такою надеждой, но даже тогда мое сердце наполнилось страхом и болью — увидеть тебя в заточении. Теперь от правды не уйдешь, это сбылось. Нет, я потерял власть над собой. Кто мне поможет, кто даст совет, как избегнуть неизбежного?

Э г м о н т. Так слушай же! Если сердце тебе повелевает спасти меня, если тебе ненавистна сила, что держит меня в оковах, так спаси! Дорого каждое мгновенье. Ты сын всевластного и сам имеешь власть. Нам надо бежать! Я знаю все дороги, ты — все возможности. Лишь эти стены да немногие мили отделяют меня от друзей. Сними с меня оковы, мы доскачем до них, и ты останешься с нами. Король со временем, несомненно, поблагодарит тебя за мое спасенье. Сейчас он ошеломлен, а может быть, ему ничего не известно. Твой отец действовал самовольно, и королю останется только принять случившееся, даже если оно и повергнет его в ужас. Ты задумался? О, найди для меня путь к свободе! Говори! Укрепи надежду еще живой души.

Ф е р д и н а н д. Не надо! Замолчи! Каждое твое слово только множит мое отчаяние. Не может тут быть ни выхода, ни решения, ни побега. Вот что мучит меня, когтями впивается в мое сердце. Я сам помогал плести эту сеть, я знаю, как крепко стянуты ее узлы, и отваге и хитрости здесь заказаны все пути, а я скован так же, как ты, как все другие. Разве стал бы я убиваться, если бы не испытал все, что только можно было? Я валялся у него в ногах, упрашивал,

молил. Он послал меня сюда, чтобы в этот миг лишить последней радости жизни.

Эгмонт. Итак, нет спасенья?

Фердинанд. Нет.

Эгмонт (*топая ногой*). Нет спасенья!.. Сладостная жизнь! Прекрасная, радостная привычка жить и действовать. И мне расстаться с тобой? Холодно расстаться? Не в шуме битвы, не под звон оружия, не среди суматохи и грохота ты говоришь мне мимолетное «прости», ты не торопишься, ты длишь мгновение перед разлукой. Я должен коснуться твоей руки, еще раз посмотреть тебе в глаза, живо почувствовать твою прелесть, почувствовать, чего ты стоишь, а потом оторваться от тебя и сказать: уходи.

Фердинанд. А мне стоять при этом, смотреть, не имея сил ничего остановить, ничему воспрепятствовать! У кого достанет голоса для крика такой скорби! Чье сердце не истечет кровью от отчаяния!

Эгмонт. Успокойся!

Фердинанд. Это ты умеешь владеть собой, ты можешь жертвовать жизнью и, твердо ступая, как герой, идти об руку с неизбежностью. А что я? Как я должен поступать? Ты одержишь победу и над собой и над нами, ты выступишь, я переживу и тебя и себя. На пиру жизни погас мой светильник, в смятенье битвы я обронил свое знамя. Пустое, сумбурное, тоскливое будущее ждет меня.

Эгмонт. Мой юный друг, диковинная судьба дала мне обрести тебя и тут же потерять. Ты за меня испытываешь смертную муку, страдаешь за меня — всмотришься в меня, нет, ты меня не утратишь. Если моя жизнь была для тебя зеркалом, в котором ты охотно видел себя, пусть будет им и моя смерть. Люди бывают вместе, не только когда видят друг друга, далекие и умершие тоже живут с нами. Для тебя я буду жив, а для себя уже довольно прожил. Всякий день был для меня исполнен радости, всякий день я спешил выполнить долг, на который мне указывала совесть. Жизнь моя кончается, как раньше, много раньше могла кончиться в песках Гравелингена. Больше я не буду жить, но я жил. Живи и ты, мой друг, радостно, охотно и не страшись смерти.

Фердинанд. Ты должен был и мог сохранить свою жизнь для нас. Ты сам убил себя. Я часто слышал, что говорили о тебе мудрые мужи, и враждебные тебе и благожелательные. Они подолгу спорили, каков ты, но в одном неизменно приходили к согласию — он идет опасной дорогой.

Как часто я хотел найти возможность тебя предостеречь!
Но разве у тебя не было друзей?

Эгмонт. Меня не раз предостерегали.

Фердинанд. Теперь, когда я, пункт за пунктом, прочитал в обвинительном заключении вопросы, заданные тебе, и твои ответы, мне стало ясно: простить тебя можно, снять с тебя вину — нельзя.

Эгмонт. Не стоит даром тратить слова. Человек думает, что сам творит свою жизнь, что им руководит собственная воля, а на деле сокровенные силы, в нем заложенные, неудержимо ведут его навстречу его судьбе. Но не будем об этом думать, я легко отделяюсь от подобных мыслей. Труднее отрешиться от тревоги за свою страну, но и о ней найдется кому позаботиться. Если бы моя кровь пролилась за многих, если бы принесла мир моему народу, я был бы счастлив. Увы, этого не будет. Но человеку не подобает мудрствовать, когда ему уже не дано действовать. Хватит у тебя силы сдерживать гибельный лютый нрав отца — сдержи его. Но кому это посильно? — Прощай.

Фердинанд. Не могу я уйти от тебя!

Эгмонт. Отдаю под твое покровительство моих слуг. Они хорошие люди — пусть не развеет их по свету, пусть несчастье минует их! Что с Рихардом, моим секретарем?

Фердинанд. Он опередил тебя. Они объявили его государственным изменником и обезглавили.

Эгмонт. Бедняга! Еще одно, и тогда прощай, я устал. Чтобы ни волновало наш дух, природа под конец все равно берет свое. Ребенок, и обвитый змеей, засыпает живительным сном, а усталый путник в последний раз ложится отдохнуть перед воротами смерти, словно ему предстоит долгая дорога. Еще одно... Я знаю девушку, не презирай ее за то, что она была моей. Если ты позаботишься о ней, я умру спокойно. Ты благородный человек, женщина, доверившаяся тебе, — укрыта от зла. Скажи, а жив еще мой старый Адольф? И на свободе ли он?

Фердинанд. Тот бодрый старик, что на коне всегда сопровождал вас?

Эгмонт. Да, он.

Фердинанд. Он жив и на свободе.

Эгмонт. Адольф знает ее дом, пусть отведет тебя к ней, а ты обеспечишь его старость за то, что он укажет тебе путь к этому сокровищу. Прощай!

Фердинанд. Не могу я уйти!

Эгмонт (*оттесняет его к двери*). Прощай!

Фердинанд. Дозволь мне еще побыть с тобой.

Эгмонт. Друг, без долгих проводов.

Провожает Фердинанда до двери и вырывается из его объятий.
Тот торопливо уходит, как пьяный.

(*Один.*) Черная душа! Не думал ты оказать мне благодеяние, прислав сюда сына. Он освободил меня от тревог и мучений, боязни и предсмертной тоски. А сейчас природа настойчиво и ласково требует с меня обычной дани. Все прошло, все решено, и то, что в эту последнюю ночь бередило мне сердце и заставляло ворочаться на ложе, теперь необоримо усыпляет мои чувства. (*Садится на койку.*)

Музыка.

Благодатный сон! Ты нисходишь, как само счастье, непрощенный, не вымоленный, неожиданный. Развязываешь узлы суровых дум, смешиваешь воедино образы радости и боли, неостановимым кругом течет внутренняя гармония, и, окутанные сладостным бездумьем, мы уходим все дальше, все дальше и перестаем быть.

Эгмонт засыпает, музыка сопровождает его сон. Стена за его ложем словно бы разверзается, и возникает сияющее виденье. Среди льющегося прозрачно-ясного света Свобода в небесном одеянье покоится на облаке. Лицо ее — лицо Клэрхен; когда она склоняется над спящим героем, оно печально: она оплакивает его. Вскоре, овладев собою, она ободряющим жестом, показывает ему на пучок стрел, а также на жезл и шляпу. Она призывает Эгмонта к радости и, дав ему понять, что смерть его принесет свободу провинциям, хочет увенчать его, как победителя, лавровым венком. В миг, когда с венком в руках она приблизилась к нему, Эгмонт поворачивается и теперь лежит на спине, лицом к ней. Венок, который она держит, как бы парит над его головой. Вдали слышится военная музыка, бьют барабаны, свистят рожки; с первым еще тихим ее звуком виденье исчезает. Музыка становится громче. Эгмонт просыпается. Тюрьма слабо освещена лучами утренней зари. Первое его движение — он прикасается к голове, потом встает и озирается, не отнимая руки от чела.

Венок исчез! Прекрасное виденье, тебя спугнул свет дня. Да, то были они, две сладостные утехи моего сердца. Божественная свобода приняла обличье моей возлюбленной, милая девушка облеклась в небесное одеянье подруги. В суровый миг они явились мне слившимися в единое виденье, скорее грозное, чем прельстительное. Окровавленными ногами она приблизилась ко мне, на развевающихся складках ее одежды алела кровь. То была моя кровь и кровь многих благород-

ных мужей. Недаром пролилась она. Шагай по ней! О, храбрый мой народ! Богиня победы летит впереди! Как море, что твои плотины сокрушает, круши и ты тиранов злобных крепость! Топите их, гоните вон с несправедливо захваченной земли!

Бой барабанов приближается.

Чу! Слышишь! Как часто эти звуки призывали меня на поле битвы и побед. Как бодро ступали мои соратники по стезе опасной доблести! Теперь и я выхожу из темницы навстречу почетной смерти. Я умираю за свободу. Для нее я жил, за нее боролся и ей в страданиях я приношу себя в жертву. Глубину сцены занимают испанские солдаты с алебардами.

Ну, выводите их всех! Смыкайте ряды, мне вы не страшны. Я привык стоять с копьём в руке лицом к копьям, со всех сторон окруженный грозной смертью и с удвоенной силой, с удвоенной страстью чувствовать жизнь.

Барабаны.

Враг обступает нас со всех сторон! Мечи блестят, друзья мои, смелей! Ведь дома жены, старцы, дети! *(Показывает на стражников.)* А этих принуждает их владыка, не сердце их влечет. За родину идите в бой! За благо высшее сражайтесь, за свободу. В чем вам пример я ныне подаю.

Барабаны. Когда он идет к двери, навстречу стражникам, занавес падает, вступает музыка и завершает пьесу победной симфонией.

ВЕЛИКИЙ КОФТА

Комедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Каноник.

Граф.

Кавалер.

Маркиз.

Маркиза.

Ее племянница.

Полковник швейцарской
гвардии.

Сен-Жан, слуга каноника.

Ла-Флер, слуга маркиза.

Джек, мальчик, паж маркизы.

Кавалеры и дамы.

Юноши.

Дети.

Камеристка.

Шесть швейцарцев.

Слуги.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

ОСВЕЩЕННАЯ ЗАЛА

В глубине сцены за столом ужинают человек двенадцать — пятнадцать. Первый справа — каноник, далее маркиза, за маркизой — пестрый ряд гостей. Последним слева сидит кавалер. Слуги обносят гостей десертом и удаляются. Каноник встает из-за стола и в задумчивости ходит по авансцене. Общество, судя по всему, беседует о нем. Продолжавшаяся до этого мгновения увертюра смолкает, и начинается диалог.

Маркиза. Ну куда это годится — быть таким невнимательным? Бежать круга близких, омрачать друзьям радость непринужденного общения? Ужели вы полагаете, что

мы способны шутить и веселиться, когда наш хозяин ушел от стола, так гостеприимно для нас накрытого? Весь вечер вы присутствовали здесь лишь телесно. Однако мы надеялись под конец трапезы, теперь, когда слуги вышли, увидеть вас веселым и откровенным, а вы меж тем встаете, спешите прочь и задумчиво прохаживаетесь на другом конце залы, словно поблизости нет ничего, что могло бы привлечь вас, занять ваши мысли.

К а н о н и к. Вы спрашиваете, почему я так невнимателен? Ах, маркиза, положение мое вам известно — не диво, если я теряю рассудок. Возможно ли, чтобы человеческий ум и человеческое сердце были так осаждаемы со всех сторон? Какие силы надо иметь, чтобы выдержать подобную осаду! Вы знаете, что выводит меня из равновесия, и, однако ж, спрашиваете.

М а р к и з а. Сказать по совести, до конца не знаю. Помоему, все складывается для вас как нельзя лучше.

К а н о н и к. Но эта неопределенность?! Это ожидание...

М а р к и з а. ...можно вынести еще несколько дней. Разве граф, великий наш учитель и наставник, не обещал всех нас, а особливо вас, глубже посвятить в свои тайны? Разве он не обещал утолить всех нас обуревающую страсть к тайным учениям, для каждого в меру его потребности? И разве можем мы усомниться в том, что он сдержит слово?

К а н о н и к. Да, он обещал. Но не запретил ли он одновременно всяческие сборища, как, например, сегодняшнее, которое мы дерзнули устроить у него за спиной? Не предписал ли он пост, воздержанность, уединение, строгую сосредоточенность и тихое созерцание тех истин, кои уже успел преподать нам? У меня же достало легкомыслия тайно собрать в этом садовом павильоне веселое общество и предаваться радости в ту самую ночь, когда мне надлежало готовиться к великому и святому явлению. Собственная совесть страшит меня, пусть даже он ничего не узнает. А стоит мне подумать, что его духи, без сомнения, все ему откроют, что, быть может, он уже мчится сюда, чтобы захватить нас врасплох!.. Кто устоит перед гневом его?.. Я готов провалиться со стыда... В любую минуту... мне чудится, я слышу его, слышу цокот копыт, стук колес... *(Бросается к дверям.)*

М а р к и з а *(про себя)*. О граф, ты непревзойденный плут! Искуснейший обманщик! Я не спускаю с тебя глаз и

каждодневно чему-нибудь у тебя учусь. Как он ловко обращает себе на пользу страсть этого молодого человека и раздувает ее! Как он сумел поработить его душу и стать его неограниченным повелителем! Посмотрим, посмотрим, удастся ли нам наша афера!

К а н о н и к возвращается.

Не тревожьтесь, графу известно многое, но он не всеведущ, а потому и не узнает о нашем празднике. Вот уже две недели я не видела вас, не видела наших общих друзей; две недели я томила в убогом деревенском доме, принесла в жертву скуке множество часов с единственной целью быть подле нашей обожаемой принцессы, иногда украдкой прислужить ей и при случае замолвить словечко за любящего ее друга. Сегодня я воротилась в город; с вашей стороны было очень любезно на половине моего пути, в этом очаровательном загородном доме, приготовить торжественный ужин, выехать мне навстречу и собрать для свидания со мной лучших моих друзей. Поистине вы достойны тех добрых вестей, которые я везу вам. Вы душевный, заботливый друг. Вы счастливы и будете счастливы, желаю только, чтобы вы умели насладиться своим счастьем.

К а н о н и к. Хочу надеяться. Очень хочу.

М а р к и з а. Пойдемте же, сядем за стол. Графа нет, он намерен в одиночестве держать сорокадневный пост и тем подготовить себя к великому свершению. О нашей встрече он не узнает, как не узнает и о нашей великой тайне. (*С сомнением.*) Проведай кто раньше времени, что принцесса дарует прощение, что владетельный князь, стараниями возлюбленной дочери, готов сменить гнев на милость — и происки недоброжелателей с легкостью обрушат прекрасное здание! Принцесса, наслышанная о вашем отношении к графу, самым настоятельным образом потребовала скрыть от этого человека, который внушает ей страх, наш грандиозный замысел.

К а н о н и к. Я всецело покоряюсь вашей воле, я выполняю и сию тягостную заповедь, хоть и убежден, что страх принцессы напрасен. Этот великий человек скорее помог бы нам, нежели повредил. Для него все сословия равны. Соединить два любящих сердца — вот занятие, особо любезное его сердцу. «Мои ученики, — твердит он, — суть короли, достойные любого мыслимого счастья». А тут вдруг его духи

донесут ему, вдруг он узнает, что в тот миг, когда он готов явить нам сокровища своей мудрости, сердца наши сжимает недоверие к нему.

Маркиза. Могу лишь повторить, что принцесса настоятельно этого требует.

Каноник. Будь по-вашему. Я готов повиноваться ей даже ценой собственной жизни.

Маркиза. А сохранить нашу тайну мы сможем без труда, ибо ни один человек и отдаленно не догадывается о благосклонности к вам принцессы.

Каноник. О да, всякий почитает меня в опале, навеки удаленным от двора. Взгляды встречных полны жалости, почти презрения. Я держусь лишь великим усилием, лишь уважением друзей, лишь поддержкой кой-кого из недовольных. Небо, сделай так, чтобы мои надежды не обманули меня, чтобы твое обещание исполнилось.

Маркиза. Мое обещание? Не говорите больше о моем обещании. Доселе оно было моим, но сегодня, в ту минуту, как я вручила вам известное письмо, разве я не подарила вам вместе с ним прекраснейшие заверения?

Каноник. О, я уже тысячекратно осыпал поцелуями этот листок. *(Достает письмо из кармана.)* Я готов еще тысячу раз целовать его. Губы мои не расстанутся с ним, покуда они, эти жадные, пыльные губы, не смогут прильнуть к ее прекрасной руке, руке, которая наполняет меня беспредельным восторгом, ибо сулит мне вечное блаженство.

Маркиза. А затем, когда с нашей тайны упадет завеса, когда вы предстанете перед людскими взорами в полном блеске прежнего,— нет, еще большего,— счастья, рядом с государем, который вновь признал вас, рядом с принцессой, которая никогда вас не отвергала,— о, как ослепит это новое сверкающее счастье глаза зависти и с какой радостью я увижу вас на том месте, которое вам и подобает.

Каноник. А с какой признательностью я сумею вознаградить своего друга, ту, которой я всем обязан.

Маркиза. Полноте, друг мой. Кто, узнав вас, не проникнется к вам живейшей симпатией, не пожелает служить вам, даже жертвуя собой?

Каноник. Чу! Что я слышу?! Подъезжает карета.

Маркиза. Не тревожьтесь, она проедет мимо. Двери заперты, ставни закрыты, окна я велела завесить самым тща-

тельным образом, чтобы никто не увидел снаружи и полосы света. Никому и в голову не придет, что у нас праздничное застолье.

К а н о н и к. Но какой шум, какой грохот!

С л у г а (входит). Подъехала карета, в дверь колотят так, словно хотят ее выломать. Я слышу голос графа, он бранится, он требует, чтобы его впустили.

М а р к и з а. А двери на запоре? Тогда не открывайте! Оставайтесь на местах, не отвечайте. Он пошумит, пошумит, да и уедет.

К а н о н и к. Вы забываете, с кем мы имеем дело. Откройте ему! Сопротивление ни к чему не приведет.

С л у г и (вбегая). Граф! Граф!

М а р к и з а. А как он вошел?

С л у г а. Двери сами перед ним распахнулись, обе створки!

К а н о н и к. Куда мне скрыться?

Ж е н щ и н ы. Кто нас спасет?

К а в а л е р. Спокойствие, спокойствие!

Ж е н щ и н ы. Он идет! Он идет!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Г р а ф (в дверях, говорит кому-то через плечо). Ассаратон! Пантассаратон! Служебные духи, оставайтесь у дверей, чтобы никто не ускользнул. Никто не должен переступить этот порог, коль скоро он не отмечен мною.

Ж е н щ и н ы. О, горе нам!

М у ж ч и н ы. Что же будет!

Г р а ф. Уриель, по правую руку от меня, Итруриель, по левую руку, приблизьтесь. Накажите слушников, которым я на сей раз не намерен спускать.

Ж е н щ и н ы. Где мне укрыться!

К а н о н и к. Все погибло!

Г р а ф. Уриель!

Пауза, граф как бы выслушивает ответ.

Молодцом! «Я здесь» — вот твоя обычная присказка, усердный дух! Уриель, хватай этих женщин!

Девушки издают пронзительный крик.

Уведи их далеко за леса, за моря, усади их на перекрестке, ибо не внемлют, пока не восчувствуют. Ну, за дело!

Женщины. Ай! Ой! Он схватил меня! Великий мастер, смилуйся!

Маркиза. Господин граф!

Женщины. На коленях молим о прощении.

Граф. Уриель, ты просишь за них? Должен ли я смягчиться?

Женщины. Проси за нас, Уриель!

Маркиза. Ну можно ли нагонять такой страх на этих бедняжек?

Граф. Как? Как? На колени, мадам, на колени! Не предо мной, а пред теми невидимыми силами, что стоят подле меня, на колени. Сможете ли вы предстать перед этими посланцами с открытым лицом и чистым сердцем?

Первая девушка. Ты что-нибудь видишь?

Другая девушка. Какую-то тень вплотную к нему.

Граф. Итак, что же творится в вашем сердце?

Маркиза. Великий мастер, пощади хотя бы слабый пол!

Граф. Я тронут, но не смягчен. Иттуриель, хватай этих мужчин, веди их в самые глубокие из моих подвалов!

Каноник. О, мой повелитель и мастер!

Кавалер. Ни слова более! Ваши духи нас не устршат! Найдется и клинок, готовый поразить вас. Не воображайте, будто нам недостает силы и отваги, чтобы защитить самих себя и этих женщин.

Граф. Безрассудный юнец! Обнажи свою шпагу, обнажи ее! Рази, рази эту открытую, незащищенную грудь. Рази, и да явится знамение тебе и всем остальным! Тройная броня, броня правдолюбия, мудрости и волшебной силы защитит эту грудь! Коли же, а потом смиренно подбери обломки шпаги, упавшие к моим ногам.

Мужчины. Какое величие!

Женщины. Какая мощь!

Мужчины. Какой голос!

Женщины. Какой человек!

Кавалер. Что же мне делать?

Каноник. Что будет, что будет?

Маркиза. Что мне говорить?

Г р а ф. Встаньте! Я готов помиловать неразумных! Я не намерен отвергать своих заблудших детей, но без наказания я их не оставлю. (*Мужчинам.*) Изыдите!

Те отходят в глубину сцены.

(*Женщинам.*) А вы овладейте собой и сосредоточьтесь! (*Как бы продолжая доверительную беседу с духами.*) Уриель! Итруриель! Ступайте к вашим братьям! (*Женщинам.*) А теперь я желал бы проверить, сохранились ли у вас в памяти мои наставления. Каковы суть главные добродетели женщины?

П е р в а я д е в у ш к а. Терпение и послушание.

Г р а ф. Каков их символ?

В т о р а я д е в у ш к а. Луна.

Г р а ф (*маркизе*). Почему?

М а р к и з а. Она напоминает женщинам, что у них нет собственного света и что своим заемным блеском они обязаны мужчине.

Г р а ф. Хорошо, так и запомните. А теперь, когда вы поедете домой и увидите по левую руку на ясном небе луну в первой четверти, скажите одна другой: «Смотри, как она изящна! Какой мягкий свет! Какая стройность! Какая добропорядочность! Истинный облик прелестной расцветающей девушки!» Если же вам доведется затем увидеть полнолуние, наставляйте друг друга, произнося следующие слова: «Как дивно сияет облик счастливой хозяйки дома! Она обращает свое лицо к супругу; она вливает блеск его лучей и отражает их с нежностью и любовью». Хорошенько усвойте это, истолкуйте эту картину в меру своих сил; не прерывайте нить своих рассуждений, доколе это в вашей власти. Изошряйте свой ум, возвысьте свой дух, ибо лишь тогда вы будете достойны лицезреть Великого Кофту. А теперь ступайте. Не нарушайте ни одну из моих заповедей, и да сохранит вас небо от ущербного света, от мрачного вдовьего удела! Вы немедленно отправитесь в город, и лишь строгое покаяние поможет вам снискать прощение и ускорить прибытие Великого Кофты. Будьте счастливы.

М а р к и з а (*в сторону*). Проклятый хитрец! Выдумщик, лжец, обманщик! Я это знаю, я в этом убеждена, и, однако же, он производит впечатление даже на меня.

Женщины, поклонившись, уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т е ж е, но без дам.

Г р а ф. А теперь, кавалер, и вы, остальные, приблизьтесь! Я вас простил, я вижу ваше смущение, а потому мое великодушие перепоручает исправление вашему собственному сердцу.

К а в а л е р. Мы сознаем твою отеческую милость, мастер.

Г р а ф. Однако если вы и впредь будете преступать мои заповеди, если вы не приложите все усилия, чтобы исправить уже содеянную ошибку, оставьте всякую надежду узреть лик Великого Кофты, надежду прильнуть пересохшими губами к источнику мудрости. Теперь я хотел бы проверить, как вы усвоили истины, которые я преподал вам. Когда надлежит ученику предаваться размышлениям?

К а в а л е р. Ночной порою.

Г р а ф. Почему?

П е р в ы й у ч е н и к. Дабы он тем нагляднее постиг, что блуждает во тьме.

Г р а ф. Какие ночи ему следует предпочитать?

В т о р о й у ч е н и к. Те, когда небо ясно и звезды сверкают.

Г р а ф. Почему?

К а в а л е р. Дабы он осознал, что многие тысячи ночных светил еще не способны разогнать тьму, дабы тем сильнее стала его потребность в едином, все озаряющем солнце.

Г р а ф. На какую звезду он прежде всего должен обращать свой взор?

П е р в ы й у ч е н и к. На Полярную.

Г р а ф. Что он при этом должен представлять себе?

В т о р о й у ч е н и к. Любовь к ближнему своему.

Г р а ф. Как зовется другой полюс?

П е р в ы й у ч е н и к. Любовь к мудрости.

Г р а ф. Проходит ли ось через эти два полюса?

К а в а л е р. Разумеется, иначе они не могли бы стать полюсами. Ось эта проходит через наше сердце, коль скоро мы — истинные ученики мудрости, а вселенная вращается вокруг нас.

Г р а ф. Изреки мне мудрость первой степени.

К а в а л е р. То, чего ты ждешь от людей, делай для них.

Г р а ф. Истолкуй мне эту мудрость.

К а в а л е р. Она ясна и не нуждается в толковании.

Г р а ф. Хорошо. А теперь ступайте в сад и устремите взор на Полярную звезду.

К а в а л е р. Небо затянуто тучами, великий наставник, лишь изредка кое-где блеснет звездочка.

Г р а ф. Тем лучше! Тогда оплакивайте свое непослушание, свое легкомыслие, свое безрассудство, они и есть те облака, которые закрывают от вас небесные светила.

К а в а л е р. Стало холодно, подул сердитый ветер, а мы легко одеты.

Г р а ф. Прочь! Все прочь! Достойно ли ученика мудрости страдать от холода? С превеликой охотой вы должны сбрасывать одежды, и горячая страсть вашего сердца, тяга к тайным учениям расплавит льды и снега! Уходите! Уходите все!

Кавалер и остальные уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Г р а ф. К а н о н и к.

Г р а ф. А теперь пожалуйста сюда, каноник! Пожалуйте! Вам предстоит строгий суд. От вас я этого не ожидал. Ученик, которому я протягивал руку охотнее, чем остальным, которого я, не жалея сил, возвышал до себя, которому открыл уже тайны второй степени, — этот ученик не выдержал ничтожного испытания! Ни угрозы мастера, ни надежда лицезреть Великого Кофту не побудили его отсрочить попойку хотя бы на несколько ночей. Позор. Достойно ли это мужчины? Мудро ли? Наставления величайшего из смертных! Поддержка духов! Открытие всех тайн природы! Вечная юность! Неубывающее здоровье, неисчерпаемая сила, неувядаемая красота! И ты, стремящийся, обрести эти величайшие сокровища мира, не мог отказаться от одной пирушки!

К а н о н и к (*опускаясь на колени*). Ты не однажды видел меня у своих ног, и вот я снова припадаю к ним. Прости меня! Не лишай твоей благосклонности. Соблазны — приманки — возможность — искушение. Никогда более ты не увидишь меня непослушным! Повелевай! Дай любое поручение!

Г р а ф. Как я могу гневаться на тебя, о мой любимец! Как я могу оттолкнуть тебя, о избранник судьбы! Встань, прильни к моей груди, от которой ты не сможешь оторваться даже силой.

К а н о н и к. Как ты восхищаешь меня! Но смею ли я в тот миг, когда мне надлежит каяться и сокрушаться, смею ли я — в знак примирения — просить тебя о милости?

Г р а ф. Говори, мой дорогой!

К а н о н и к. Не оставляй меня и дальше в неведении, пролей более яркий свет на того чудесного человека, коего ты именуешь Великим Кофтой, коего ты намерен нам показать и от кого ты столь многого для нас ожидаешь. Скажи мне: кто он? Где он? Близко ли? Увижу ли я его? Может ли он признать меня достойным? Может ли принять меня? Откроет ли он мне те учения, которых так страстно алчет мое сердце?

Г р а ф. Спокойней, спокойней, сын мой! Ежели я не сразу открываю тебе все, то лишь потому, что пекусь о твоём благе. Пробудить твоё любопытство, развить твой ум, наполнить живым содержанием твою ученость — вот чего я желаю, вот чем я хотел бы тебе порадовать. Слушать и заучивать может любое дитя; мои же ученики должны замечать и советовать. Когда я изрек «Кофта», тебя ничто не осенило?

К а н о н и к. Кофта! Кофта! Если только я смею открыться тебе, если я могу говорить с тобой, не стыдись! Мое воображение немедленно покинуло этот холодный край и устремилось под тот жаркий небосвод, где солнце и поныне лелеет своим теплом несказанные тайны. Я вдруг увидел Египет, и священный сумрак обступил меня; я запутался меж пирамид, обелисков, могучих сфинксов, иероглифов, и трепет охватил меня. Тут я увидел Великого Кофту, он шествовал в окружении учеников, прикованных незримыми цепями к его мудрым устам.

Г р а ф. На сей раз твоё воображение тебя не обмануло. Да, этот великий, этот блистательный, и — я могу сказать — этот бессмертный старец и есть тот, о котором я говорил вам, которого вы сможете однажды узреть. Вот уже много столетий он странствует по этой земле, сохраняя вечную юность. Индия и Египет его любимейшие пристанища. Нагим входит он в ливийские пустыни и бесстрашно исследует тайны природы. При виде его повелительно простертой длани отступает голодный лев; заслышав его брань, спасается бегством коварный тигр, дабы руки мудреца без помех отыскивали целебные коренья и нащупывали камни, коих тайная сила делает их более драгоценными, нежели золото и алмазы.

К а н о н и к. И сего великолепного старца мы сподобимся увидеть? Подай мне хотя бы знак, как это может свершиться?

Г р а ф. О ты, непроницаемый! Какие знаки могу я подать тебе, если глаза твои закрыты?

К а н о н и к. Хотя бы слово!

Г р а ф. Довольно! Я никогда не говорю собеседнику того, что он хочет узнать.

К а н о н и к. Я сгораю от страстного нетерпения, особенно с той поры, как ты посвятил меня в тайны второй степени. Ах, если бы ты мог немедленно даровать мне и третью!

Г р а ф. Этому не бывать.

К а н о н и к. Почему?

Г р а ф. Потому что не знаю, усвоил ли ты как должно учение второй степени и будешь ли следовать ему.

К а н о н и к. Испытай меня тотчас.

Г р а ф. Теперь не время.

К а н о н и к. Не время?

Г р а ф. Выходит, ты уже запомнил, что ученики второй степени предаются созерцанию при свете дня, а более всего по утрам.

К а н о н и к. Тогда пусть это свершится завтра в урочный час.

Г р а ф. Пусть так! Но не забудь о покаянии. Ступай в сад к остальным! Однако тебе будет даровано большое преимущество перед ними. Поворотись к ним спиной. Смотри на юг. Оттуда, из полуденных стран, явится Великий Кофта, эту тайну я поверяю тебе одному. Открой ему все желания твоего сердца, можешь понизить голос до шепота — он услышит тебя.

К а н о н и к. Повинуюсь с радостью. (*Целует руку графу и удаляется.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Г р а ф. С е н - Ж а н.

С е н - Ж а н (*входит крадучись*). Ну, как, здорово я сделал свое дело?

Г р а ф. Ты исполнил свой долг.

С е н - Ж а н. Не открылись ли двери, словно их распахнули духи? Мои дружки разбежались со страху, так что никто ничего не заметил.

Г р а ф. Вот и славно! Я бы и без тебя управился, но это потребовало бы лишних хлопот. Изредка я прибегаю к низким средствам, чтобы не утруждать всякий раз благородных духов. (*Открывая кошелек.*) Вот тебе за труды. Только не вздумай дерзко промотать мои деньги — это философское золото. В нем — благодать! Кто держит его в кармане, у того карман никогда не опустеет.

С е н - Ж а н. Вот как! Тогда я его сберегу.

Г р а ф. Разумно, а если добавишь сюда два-три золотых, жди чудес.

С е н - Ж а н. Вы, никак, сами делали это золото, господин граф?

Г р а ф. Я другим и не расплачиваюсь.

С е н - Ж а н. Вот счастливый человек!

Г р а ф. А все потому, что я делаю счастливыми других.

С е н - Ж а н. Я предан вам душой и телом.

Г р а ф. Ты об этом не пожалеешь. А теперь иди, да помалкивай, чтобы другие не проведали о золотом источнике. В скором времени ты получишь место, о котором просил.

Слуга уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Г р а ф.

Г р а ф. По счастью, я нахожу здесь богатую трапезу, изысканный десерт, отменные вина. Каноник не поскупился. Ну что ж, потешу свой желудок, пока люди пребывают в убеждении, будто я предаюсь сорокадневному посту. Кстати, я еще и потому кажусь им полубогом, что умею скрывать от них свои потребности.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Д О М М А Р К И З А

М а р к и з, немного спустя Л а - Ф л е р.

М а р к и з (*в чрезвычайно элегантном фраке перед зеркалом*). Происхождение, титул, репутация — что все это противу денег! Сколь многим я обязан дерзкой предприимчивости жены моей, которая так щедро меня одаряет. Сколь

изменился мой облик теперь, когда я впервые одет, как принадлежит человеку моего звания. Нет сил дожидаться того часа, когда я покажусь на люди. *(Звонит.)*

Ла-Флер. Что прикажете, мой господин?

Маркиз. Подай мне ларец.

Ла-Флер. Он еще ни разу не казался мне таким тяжелым.

Маркиз *(открывая ларец)*. Ну, как по-твоему, красивы эти двое часов, что я купил вчера?

Ла-Флер. Очень даже красивы.

Маркиз. А эта табакерка?

Ла-Флер. Изящна и роскошна.

Маркиз. А перстень?

Ла-Флер. И перстень тоже ваш?

Маркиз. А эти пряжки? И стальные пуговицы? Ладно, уложи все обратно. Как по-твоему, ведь правда, я одет изысканно и благородно?

Ла-Флер. Да, уж теперь на прогулке вы будете понаряднее других.

Маркиз. Ах, как мне это приятно! Вечно таскать по бедности мундир, вечно теряться в толпе, не привлекая ничьего внимания! Да, по мне, лучше умереть, чем дальше так жить. А племянница уже проснулась?

Ла-Флер. Навряд ли. По крайней мере, она еще не просила подать завтрак. Сдается мне, она снова заснула, когда поутру вы крадучись вышли от нее.

Маркиз. Цыц, бесстыдник!

Ла-Флер. Нам-то друг друга чего стесняться?

Маркиз. А вдруг ты ляпнешь что-нибудь эдакое при моей жене?

Ла-Флер. Вы разве не знаете, что я умею держать язык за зубами?

Маркиз. Покамест у маркизы едва ли есть причина сердиться. Племяннику она считает ребенком, они три года, как не виделись. Боюсь, однако, что, когда она взглянет в этого ребенка попристальной...

Ла-Флер. Ничего, это еще полбеды, не будь она знакома со старым колдуном. Вот кого я боюсь. Удивительный человек. Он знает все: духи ему обо всем доносят. Ведь как было в доме у каноника? Чародей открыл важную тайну, а, говорят, камердинер проболтался.

Маркиз. Сколько мне известно, он не лучший друг моей жены.

Ла-Флер. Ах, он входит во все, а когда он спрашивает своих духов, от него уже ничто не укроется.

Маркиз. Стало быть, все, что толкуют о нем, правда?

Ла-Флер. Никто не сомневается. Взять хотя бы те чудеса, о которых я наверняка знаю.

Маркиз. А все-таки странно... Взгляни, кажется, подъехала карета.

Ла-Флер уходит.

А что, если моя жена проводит о моей связи с очаровательной племянницей! Впрочем, все зависит от первой минуты. Когда моя жена занята осуществлением своих планов, когда я служу ей орудием, разве не позволяет она мне делать все, что я захочу?.. А вот и она.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Маркиз. Маркиза.

Маркиза. Я вернулась раньше, нежели предполагала.

Маркиз. Очень рад наконец-то видеть тебя.

Маркиза. Почему же ты не выехал мне навстречу? Каноник тебя приглашал.

Маркиз. Прости меня. Именно вчера у меня было так много дел. Ты ведь писала, что мне должно подготовиться к поездке.

Маркиза. Впрочем, ты не много потерял. Каноник был несносен, беседа не клеилась, а под конец нас и вовсе застиг граф и всех разогнал. Но иногда фокусы этого человека приходится терпеть.

Маркиз (*улыбаясь*). А как протекают твои переговоры? (*Насмешливо.*) Удалось ли тебе втереться в доверие при дворе?

Маркиза. Ах да, мы и впрямь давно не виделись. Тебя не было, когда я уезжала. Сразу, едва владетельный князь и принцесса переехали в загородную резиденцию, я сняла поблизости деревенский домик и жила себе там потихоньку, а наш каноник тем временем воображал, будто я ежедневно вижусь с принцессой. Я посылала к нему гонцов, я получала от него письма, надежды его возросли до невероятности. Ибо трудно даже помыслить, до чего несчастен этот человек с тех пор, как по собственной глупости был удален от

двора, и до чего легковверен, стоит хоть самую малость по-
льстить его надеждам. Я сумела его убедить, хотя мне даже
не пришлось пускать в ход все свое искусство.

Маркиз. Но ведь долго твоя сказка не продержится.

Маркиза. А это уж не твоя печаль. Он сейчас, можно
сказать, наверху блаженства. Нынче ночью, когда он при-
нимал меня в своем загородном доме, я передала ему письмо
от принцессы...

Маркиз. Принцессы?

Маркиза. Написанное мною. Письмо состояло лишь
из общих выражений, с тем чтобы остальное досказала на
словах подательница сего.

Маркиз. А дальше?

Маркиза. Я возвестила ему благосклонность принцес-
сы, я заверила его, что принцесса замолвит за него слово
перед отцом и, без сомнения, поможет ему вновь обрести
благосклонность государя.

Маркиз. Ну хорошо! А тебе в том какая корысть?

Маркиза. Для начала вот эта малость, которую мы
сейчас с тобой разделим пополам. *(Достает кошелек.)*

Маркиз. Чудо, а не женщина!

Маркиза. Это я получила от каноника, чтобы при-
влечь на свою сторону челядь принцессы. Можешь сам от-
считать себе свою долю.

Маркиз подходит к столу и начинает отсчитывать, не вслуши-
ваясь более в слова жены.

Но, как я уже сказала, это лишь малость!.. Вот если моя за-
тея увенчается успехом, мы обеспеченные люди до конца
своих дней. У придворных ювелиров давно уже залежалось
драгоценное ожерелье, которое они продали бы с превеликой
радостью; а у каноника такой неограниченный кредит, что
они охотно сбудут ему ожерелье, если он гарантирует им
уплату в рассрочку. Я же...

Маркиз *(подняв на нее глаза)*. Какая рассрочка? Ка-
кая уплата?

Маркиза. Ты что, совсем не слушаешь? Ты с головой
ушел в подсчеты.

Маркиз. Вот тебе твоя половина. А свою я употреблю
наилучшим образом. Взгляни, как я прифрантился. *(Пози-
рует перед ней, затем снова подходит к зеркалу.)*

Маркиза *(про себя)*. О мелкий, тщеславный человек!

Маркиз *(оборачиваясь)*. Ты о чем?

Маркиза. Ты слушал бы меня куда внимательнее, если бы мог понять, о каких важных делах я толкую. Я хочу одним ударом обеспечить счастье всей нашей жизни — не больше и не меньше.

Маркиз. А как?

Маркиза. Вспомни, доводилось ли тебе слышать о драгоценном ожерелье, которое сработали придворные ювелиры в надежде, что государь захочет сделать подарок своей дочери?

Маркиз. Еще бы не доводилось! Да я не далее как на этой неделе видел его у них, когда покупал свой перстень. Оно неземной красоты. Поистине не знаешь, чем более восторгаться, то ли размерами камней, то ли их равновеликостью и чистотой воды, то ли их числом, то ли вкусом, с каким они подобраны. Просто глаз не оторвешь. Мой перстень рядом с ними совсем поблек; я ушел в самом мрачном расположении и несколько дней не мог думать ни о чем другом.

Маркиза. Вот это ожерелье и должно стать нашим!

Маркиз. Это ожерелье? Нашим? Ты меня пугаешь! Какая безумная мысль!

Маркиза. Не воображаешь ли ты, что мои амбиции не заходят дальше покупки для тебя часов, перстней и стальных пуговиц? Я привыкла убого жить, но не убого мыслить. Мы слишком долго жили в обстоятельствах, недостойных нашего звания, унижительных для памяти моих великих предков; теперь, когда представляется такая возможность, я не желаю из мелкодущия упускать ее.

Маркиз. Но, ради бога, в чем состоит твой план? И как его осуществить?

Маркиза. Слушай же: каноника я сумею убедить, будто принцесса желает приобрести это ожерелье, причем мне даже не придется особенно лгать: известно, что ожерелье ей очень нравится и она была бы рада его иметь. Далее я скажу ему следующее: принцесса желает купить ожерелье и просит его только дать свое имя для поручительства, другими словами, просит, чтобы он заключил сделку с ювелирами, определил сроки платежей и, если понадобится, сделал первый взнос. Она, мол, никоим образом не намерена вводить его в убыток и усмотрит в этой услуге залог его верности и преданности.

Маркиз. Как он должен быть ослеплен, чтобы пойти на такой риск!

Маркиза. Он уверен, что ничем не рискует. А я уже вручила ему листок, в котором, как он полагает, принцесса дает необходимые гарантии.

Маркиз. Дорогая жена, это становится опасным!

Маркиза. Стыдись! Со мной тебе бояться нечего. Я проявила сугубую осторожность и в выборе выражений и в поднеси. Не тревожься! А если даже все откроется, кому не известно, что я принадлежу к боковой ветви княжеской фамилии? Ты только выслушай! Кононик сейчас до безумия счастлив оказанным ему доверием. В нем он усматривает некий знак возвращенной милости, и его живейшее желание — чтобы сделка состоялась и чтобы ожерелье было уже в руках принцессы.

Маркиз. И это ожерелье ты намерена присвоить?

Маркиза. Разумеется! Ты только приготовься к отъезду. Едва сокровище окажется в наших руках, мы тотчас его используем. Сперва мы его разломим, и ты уедешь в Англию, где для начала с умом продашь или выменяешь камни помельче; я приеду следом, как только соображения безопасности не позволят мне долее здесь оставаться; но до того я успею так повести и так запутать дело, что в ответе окажется один каноник.

Маркиз. Предприятие серьезное, но скажи мне, ужели ты не боишься осуществлять такой план на глазах у графа, великого чудотворца?

Маркиза. Жулик он великий, а не чудотворец! Его чудотворство заключается в его уме и наглости. Он чувствует, что я его раскусила. Но друг перед другом мы ведем себя как положено, мы понимаем друг друга без слов и помогаем друг другу без уговора.

Маркиз. А духи, ему сопутствующие?

Маркиза. Кривлянье!

Маркиз. Чудеса, которые он творит?

Маркиза. Вранье!

Маркиз. Многие их видели...

Маркиза. Слепцы!

Маркиз. Многие верят...

Маркиза. Простофили!

Маркиз. Не упрощаешь ли ты? Весь свет в этом убежден!

Маркиза. Свет глуп.

Маркиз. Чудесные исцеления...

Маркиза. Шарлатанство!

Маркиз. Несметные богатства, которыми он обладает...

Маркиза. Добыты, надо полагать, тем же способом, каким мы намерены добыть ожерелье.

Маркиз. Итак, ты считаешь, что он знает не больше, чем обычный человек?

Маркиза. Здесь надо различать — если только сумеешь. Он отнюдь не заурядный плут. Он столь же предприимчив и всесилен, сколь и умен, столь же бесстыден, сколь и осторожен, он рассуждает столь же разумно, сколь и безрасудно; чистейшая правда и бесстыднейшая ложь с одинаковой легкостью выходят из его уст. А когда он начинает превозносить себя, невозможно понять, дурачит он слушателей или сам охвачен безумием... И половины достало бы с лихвой, чтобы сбивать людей с толку.

Джек (*появляется вприпрыжку*). Ваша племянница спрашивает, можно ли ей войти поздороваться. А она у вас прехорошенькая.

Маркиз а. Тебе нравится? Ну, позови ее.

Джек выходит.

Я как раз собиралась спросить тебя, как ты управился, благополучно ли ты доставил ее в город, какая она стала? Можно ли надеяться, что она найдет здесь свое счастье?

Маркиз. Она красива, приветлива, очень мила и более образованна, чем я мог ожидать от девицы, выросшей в деревне.

Маркиза. Мать у нее была неглупая женщина, да и в хорошем обществе у них там недостатка не было. А вот и она.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и племянница.

Племянница а. Как я счастлива снова видеть вас, дорогая тетушка!

Маркиза а. От всей души — добро пожаловать, дорогая племянница!

Маркиз а. Доброе утро, племянница! Как вам спалось?

Племянница а (*сконфуженно*). Хорошо.

Маркиза. Она стала совсем взрослая за то время, что мы не виделись.

Племянница. С тех пор прошло три года.

Маркиз. Взрослая, красивая, приветливая. Сбылось все, что сулило нам ее отрочество.

Маркиза (мужу). А тебя не поразило ее сходство с принцессой?

Маркиз. Самую малость. Фигура, рост, стать, пожалуй, слегка схожи, но такие черты лица присущи лишь ей, и навряд ли она пожелает меняться ими с принцессой.

Маркиза. Вы недавно потеряли любящую мать.

Племянница. Которую я надеюсь обрести в вас.

Маркиза. Брат ваш уехал в колонии.

Племянница. От всей души желаю ему обрести там свое счастье.

Маркиз. А брата заменяю я.

Маркиза (мужу). Опасная роль, маркиз.

Маркиз. Ничего, я не из трусливых.

Джек. Кавалер! Такой же неприветливый, как и раньше.

Маркиза. Будем рады его видеть,

Джек уходит.

(Племяннице.) Сейчас вы познакомитесь с весьма любезным господином.

Маркиз. Полагаю, ей уже не раз доводилось видеть подобных господ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и кавалер.

Маркиза. Сдается мне, вы спали не больше, чем я.

Кавалер. Верно. На сей раз граф подверг наше терпение суровому испытанию, особенно — мое. Он заставил нас битый час простоять в саду, затем приказал нам садиться в карету и ехать домой, сам же отправился за каноником.

Маркиза. Итак, все мы снова здесь, в городе.

Кавалер. А эта дама и есть та самая племянница, о приезде которой вы нас предвещали?

Маркиза. Та самая.

Кавалер. Прошу вас, представьте меня.

Маркиза. Это кавалер Гревиль, мой достойный друг.

П л е м я н н и ц а. Рада сделать столь приятное знакомство.

К а в а л е р (*пристально глядя на нее*). Ваша тетушка отнюдь не преувеличивала. Не сомневаюсь, вы станете лучшим украшением нашего тесного круга.

П л е м я н н и ц а. Я уже заметила, что в большом свете поневоле привыкаешь к лестным речам. Я сознаю свое ничтожество и растеряна до глубины души; еще совсем недавно подобные комплименты повергли бы меня в крайнее смущение.

К а в а л е р. Как хорошо она говорит.

М а р к и з а (*сидясь*). Ну, не предсказывала ли я вам, что это знакомство может оказаться для вас опасным?

К а в а л е р (*подсаживаясь к ней*). Вы шутите, маркиза!

Маркиз знаками просит племянницу, поправить ему кокарду, затем розетку на трости, она повинуетея и садится за столик напротив маркизы. Маркиз продолжает стоять рядом.

М а р к и з а. В каком расположении духа вы оставили каноника?

К а в а л е р. Он был раздосадован и смущен, но я на него не в обиде. Граф застиг нас врасплох, осмелюсь сказать, он явился весьма некстати для всех нас.

М а р к и з а. А вы хотели с оружием в руках противоборствовать духам?

К а в а л е р. Поверьте слову, высокомерие графа давно уже кажется мне несносным; я не раз осадил бы его, если бы его звание, его возраст, его опыт и прочие великие доблести не внушали мне столь же великого почтения в еще большей мере, чем его доброта ко мне. Не скрою, он часто будит во мне подозрение, представляется мне лжецом и обманщиком, но уже минуту спустя обаяние его личности снова сковывает меня и примиряет с ним.

М а р к и з а. Кто из нас не мог бы сказать того же?

К а в а л е р. Стало быть, и вы?

М а р к и з а. Стало быть, и я.

К а в а л е р. А его чудеса? Его духи?

М а р к и з а. Мы располагаем столь вескими и бесспорными доказательствами его сверхъестественной силы, что я с готовностью усмиряю свой разум, когда поведение графа вызывает протест в моем сердце.

К а в а л е р. Я в том же положении, пусть даже мое недоверие превосходит ваше. Но скоро все должно решиться,

не позже, чем сегодня, иначе я не представляю себе, как он вывернется. Нынче утром, разрешив нам покинуть сад,— должен признаться, мы беспрекословно выполняли его наказ, никто не дерзнул ступить и шагу,— он наконец явился и воскликнул: «Будьте благословенны, о вы, послушно принявшие карающую руку отца вашего. За это вам причитается высочайшая награда. Я заглянул в глубину ваших сердец. Я счел вас достойными, и вам будет дано сегодня же узреть Великого Кофту!»

Маркиза. Сегодня же?

Кавалер. Он так обещал.

Маркиза. А не говорил ли он, где и как намерен его показать?

Кавалер. В доме каноника, в египетской ложе, где он посвящал нас. Нынче вечером.

Маркиза. Ничего не понимаю. Разве Великий Кофта уже здесь?

Кавалер. Уму непостижимо!

Маркиза. Не знаком ли с ним каноник, хоть и отрицал это до сих пор?

Кавалер. Не знаю, что и думать, но как бы все это ни кончилось, я исполнен твердой решимости разоблачить обманщика при первой же возможности.

Маркиза. На правах друга я никак не могу приветствовать ваш героический замысел,— уж не полагаете ли вы, что это будет так просто?

Кавалер. Скажите на милость, какие чудеса он совершил у нас на глазах? Ежели он намерен и впредь морочить нас своим Великим Кофтой, ежели в конечном счете все сведется к надувательству и под видом родоначальника своего искусства он подсунет нам какого-нибудь проходимца, ему подобного,— как легко будет открыть глаза канонику и остальным ученикам!

Маркиза. Напрасно вы так думаете, кавалер! Люди во все времена предпочитали сумерки ясному дню, а ведь именно в сумерках являются призраки. Подумайте далее о той опасности, которой вы себя подвергнете, оскорбив этого человека внезапным, чересчур поспешным поступком. Я по-прежнему почитаю графа как существо сверхъестественное. А его великодушие, его щедрость, его расположение к вам! Не он ли ввел вас в дом каноника? Не он ли всеми возможными способами доказывает вам свою благосклонность? Не с его ли помощью вы надеетесь сделать карьеру, о чем вы,

будучи третьим сыном в семье, и мечтать не смели... Однако вы рассеянны. Может быть, я заблуждаюсь? Или в самом деле ваши глаза больше заняты моей племянницей, нежели ваш ум — моими словами?

К а в а л е р. Извините мое любопытство. Новое всегда привлекает.

М а р к и з а. Особенно если это новое столь привлекательно.

М а р к и з (*до того вполголоса беседовавший с племянницей*). Вы рассеянны, и взгляды ваши направлены в другую сторону.

П л е м я н н и ц а. Я разглядывала тетушку. Она совсем не изменилась с того времени, как я ее видела.

М а р к и з. Зато тем заметнее изменились вы с того времени, как пришел кавалер.

П л е м я н н и ц а. За эти несколько минут?

М а р к и з. О, женщины! Женщины!

П л е м я н н и ц а. Успокойтесь, маркиз. Чем вы обеспокоены?

М а р к и з а. Мы с вами нынче утром предпримем небольшую прогулку. Вы согласны, дорогая племянница?

П л е м я н н и ц а. Как вам будет угодно.

К а в а л е р. Нельзя ли и мне сопровождать вас?

М а р к и з а. На сей раз нет, вам это покажется слишком скучным. Мы будем ездить по магазинам, нам многое нужно купить, чтобы у этой очаровательной особы не было недостатка в нарядах. А вечером мы все встретимся в египетской ложе у каноника.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т е ж е, Д ж е к и г р а ф.

Д ж е к. Граф...

Г р а ф (*входит вслед за Джеком*). ...не привык, чтобы о нем докладывали. Для него нет закрытых дверей, он неожиданно-негаданно вступает во все покои. И даже будь его приход нежелательным, словно удар грома, он, подобно благодатной грозе, не уйдет, не одарив всё и вся изобилием и счастьем.

Джек, который во время этой речи стоял неподвижно и глядел на графа, покачав головой, уходит.

(Садится, не снимает шляпы, — как во время предшествующей речи, так и во время всех последующих, и лишь приподнимает ее затем, чтобы приветствовать кого-нибудь.) Ах, я снова застаю вас здесь, кавалер? Подите прочь и предайтесь размышлениям, а нынче вечером в урочный час мы встретимся с вами у каноника.

К а в а л е р. Повинуюсь. Примите мой поклон. (Уходит.)

П л е м я н н и ц а. Кто этот господин?

М а р к и з. Граф Ростро, самый великий и удивительный из всех смертных.

Г р а ф. Ах маркиза, маркиза! Не будь я так снисходителен, что случилось бы с вами?

М а р к и з а. Не пойму вас, господин граф.

Г р а ф. Не будь я так снисходителен и в то же время так могуч! До чего ж вы легкомысленный народ! Сколько раз вы коленопреклоненно умоляли меня глубже посвятить вас в тайны! Не вы ли клялись мне безропотно подвергнуться всем испытаниям, если в награду я покажу вам Великого Кофту, если позволю вам видеть, более того, осязать его власть над духами? А как вы сдержали слово?

М а р к и з а. Не надо упреков, любезный граф. Вы и без того достаточно нас покарали.

Г р а ф. На сей раз вам удалось меня смягчить. (После некоторого раздумья.) Я вижу, здесь надо подойти к делу с другой стороны и посредством особого посвящения, посредством сильнейшего применения моей чудодейственной силы за считанные мгновенья очистить и подготовить вас, чтобы вы могли предстать перед чудодеем. Операция эта в случае неуспеха может оказаться опасной для всех нас. Мне больше по душе, когда мои ученики сами себя готовят, чтобы я мог спокойно вводить их в мир духов уже преобразженными.

М а р к и з а. Не томите нас долгим ожиданием. Осчастливьте нас сегодня же — если возможно. По мне, лучше подвергнуться величайшей опасности, которая длится одно мгновенье, нежели дать суровый обет, который много месяцев подряд будет лишать меня покоя и днем и ночью.

Г р а ф. Для себя вы хотите как полегче, полегче и удобнее, а о том не думаете, сколь трудной будет моя работа.

Маркиза. Трудной? Для вас? Вот уж не думала, что вам тоже бывает трудно.

Граф. Трудно! Мучительно! Опасно! Не воображаете ли вы, что общение с духами — забавный пустячок? Им не прикажешь, как вы приказываете мужчинам, — одним взглядом, одним пожатием руки. Вы и не думаете о том, что духи оказывают сопротивление, что они причиняют бездну хлопот, что они хотели бы совладать со мной, что они подкарауливают каждую мою ошибку, чтобы перехитрить меня. Уже дважды в жизни я рисковал быть побежденным, затем я и ношу это оружие (*достает из кармана пистолет*), чтобы отнять у себя жизнь, когда почувствую, что они меня одолевают.

Племянница (*маркизу*). Какой человек! У меня колени дрожат от страха! Я еще никогда не слышала таких речей! Даже и помыслить не могла ни о чем подобном.

Маркиз. Узнай вы замыслы и могущество этого человека, ваше удивление стало бы безграничным.

Племянница. Он пугает! Я его боюсь!

Граф тем временем сидит неподвижно и смотрит прямо перед собой застывшим взором.

Маркиза. Граф, где же вы?! Вас словно бы нет здесь! Послушайте, граф! (*Хватает его за плечи и встряхивает.*) В чем дело? Он недвижим! Граф послушайте же!

Маркиз (*подходя ближе*). Вы разбираетесь в драгоценностях, сколько, по-вашему, стоит этот перстень?.. Глаза у него открыты, но он ничего не видит.

Маркиза (*не выпуская руки графа*). Тверда, как дерево, словно жизнь покинула это тело!

Племянница. Не лишился ли он чувств? Он говорил так пылко! Не дать ли ему нюхательной соли?

Маркиз. Да нет, он сидит прямо и отнюдь не похож на больного.

Маркиза. Тише! Он вздрогнул!

Маркиз и племянница отходят от графа.

Граф (*вскакивая, голосом громким и взволнованным*). Здесь! Стой! Придержи лошадей! Я выйду!

Маркиза. Граф! Где вы?

Граф (*глубоко переводя дух*). Видите, что иной раз бывает со мной. (*После паузы.*) Вот наглядный пример.

(Пауза.) Вам я, пожалуй, могу довериться. Над другом моим, проживающим в Америке, вдруг нависла страшная опасность. Он произнес заклинание, которое я открыл ему, и я уже не мог противиться. Душа моя была исторгнута из тела и поспешила в те края. В немногих словах он объяснил мне свою беду, я немедленно дал ему совет, после чего мой дух снова вернулся в свою земную оболочку, которая оставалась здесь бездыханной массой. (Пауза.) Но самое удивительное во всей этой истории, что такое состояние разрешается всегда одинаково: мне чудится, будто я еду с необычайной скоростью, вижу свое жилище и окликаю почтальона, который намерен промчаться мимо. Не кричал ли я чего-нибудь в этом роде?

Маркиза. Да, и крайне нас этим напугали! Преудивительно и престранно! (Тихо.) Каков наглед!

Граф. Вы представить себе не можете, до чего я утомлен. Все суставы словно разбиты. Мне нужны долгие часы, чтобы снова прийти в себя. Но вы об этом и не подозреваете, вы убеждены, будто все это делается легко и просто с помощью волшебной палочки.

Маркиз. Удивительный, достойный всяческого преклонения человек! (Тихо.) Какой бессовестный враль!

Племянница (подходя поближе). Я так испугалась, господин граф.

Граф. Доброе, неиспорченное дитя. (К маркизе.) Ваша племянница?

Маркиза. Да, господин граф. Она недавно потеряла мать, она выросла в деревне, а в город приехала всего три дня назад.

Граф (пристально глядя на племянницу). Значит, Уриель не солгал мне.

Маркиза. Уриель рассказывал вам о моей племяннице?

Граф. Не совсем, он лишь предварил меня.

Племянница (тихо, маркизу). Боже мой, он знает все, он нас выдаст.

Маркиз (тихо). Успокойтесь, послушаем, что будет дальше.

Граф. Все эти дни, обдумывая важное действие, которое должно свершиться сегодня, я пребывал в смущении. Едва вашему взору явится Великий Кофта, он поглядит по сторонам и спросит: «Где непорочная? Где голубица?» И я должен буду представить ему непорочную деву. Я ломал

голову, где мне ее сыскать, как ввести ее в наш круг. Тут Уриель улыбнулся и сказал мне: «Не тревожься, ты найдешь ее, не ища. Когда ты вернешься из далекого путешествия, перед тобой будет стоять прекрасная, непорочная голубица». Сбылось все, как я даже и мечтать не смел. Я возвращаюсь из Америки и вижу перед собой это невинное дитя.

Маркиз (*тихо*). На сей раз Уриель попал пальцем в небо.

Племянница. Я трепещу, я содрогаюсь!

Маркиз (*тихо*). А вы дослушайте.

Маркиза. Великому Кофте нужна непорочная дева? И Великий Кофта придет с Востока? Вот уж не думаю...

Граф (*маркизе*). А вы отгоняйте все чуждые, все легковесные помыслы! (*Племяннице, ласково и нежно.*) Подойдите поближе, дитя мое!.. Вот так!.. Именно так вы и предстанете перед Великим Кофтой. Его зоркие глаза испытают вас, он подведет вас к ослепительно сияющему кристаллу. В нем вы узрите духов, им призванных, и насладитесь счастьем, коего тщетно ищут другие, вы сможете поучать своих друзей и одновременно занять высокое место в обществе, вас принявшем, самая молодая, но зато и самая чистая из них... Готов побиться об заклад, маркиза, что это дитя увидит картины, способные осчастливить каноника. Ну как, держим пари?

Маркиза. Пари? С вами, который все знает?

Племянница (*пытавшаяся до этой минуты скрыть свое смущение*). Пощадите меня, господин граф! Умоляю, пощадите меня!

Граф. Не смущайтесь, милое дитя! Невинности нечего страшиться.

Племянница (*в чрезвычайном волнении*). Я не могу встречаться с духами! Я умру!

Граф (*льстиво*). Наберитесь смелости, дорогая. Самый ваш страх и ваше смирение красят вас, доказывая, что вы достойны предстать перед нашими Мастерами. Маркиза! Успокойте ее.

Маркиза шепотом разговаривает с племянницей.

Маркиз. Может, и мне дозволено будет стать свидетелем чуда?

Граф. Едва ли. Вы еще меньше подготовлены, нежели

эти женщины. Вы ведь все время уклонялись от наших собраний.

Маркиз. Прошу меня простить, я был слишком занят.

Граф. Нарядами,— право, лучше бы оставить эти заботы женщинам.

Маркиз. Вы слишком строги ко мне.

Граф. Не настолько строг, чтобы отвергнуть того, кто еще внушает надежду. Приходите же, приходите! А теперь давайте погуляем с четверть часика вдвоем. Я должен по меньшей мере проэкзаменовать и подготовить вас. А вам обоим желаю счастья! До свиданья.

Племянница (*удерживая графа*). Умоляю, заклинаю вас!

Граф. Повторяю, дитя мое, поверьте моему слову, что вам не предстоит ничего ужасного, что бессмертные покажутся вам добрыми и ласковыми. Маркиза! Расскажите ей вкратце о наших собраниях, наставьте это нежное существо. Наш друг, каноник, наверняка спросит Великого Кофту о том, что больше всего занимает его сердце; я убежден, что видение укрепит его надежды. Он достоин радостных известий, достоин быть счастливым; подумайте, голубка моя, как высоко он будет вас ценить, когда духи через ваше посредство возвестят ему его счастье. Прощайте же. Идемте, маркиз.

Племянница (*поспешая вслед за ним*). Господин граф! Господин граф!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Маркиза. Племянница.

Племянница, видя, что граф ушел вместе с маркизом, остается на заднем плане в позе глубокого отчаяния.

Маркиза (*на авансцене, про себя*). Я поняла твои намеки, я благодарна тебе, граф, за то, что ты числишь меня среди своих. Ты не расквесишь, если подыграешь мне... Он давно уже проведал, что я заманиваю каноника надеждой расположить к нему сердце принцессы. О моем главном замысле он, разумеется, и не подозревает, он думает, будто все сводится к мелкому мошенничеству. Итак, он намерен мне подыгрывать, поскольку сам во мне нуждается, он подает

мне мысль через посредство племянницы внушить канонику все, что мне понадобится, а я, со своей стороны, не смогу это сделать, не укрепив веру каноника в духов. Браво, граф! Умные должны понимать друг друга, чтобы подчинять себе легковых и неразумных. *(Оборачиваясь.)* Дорогая племянница! Чем вы там заняты?

Племянница. Я погибла! *(Неверными шагами приближается к маркизе и останавливается на полпути.)*

Маркиза. Дорогая моя, успокойтесь!

Племянница. Я не могу... Я не увижу духов!

Маркиза. Доброе мое дитя, об этом позабочусь я. Я помогу вам советом, я вас поддержу.

Племянница. Нет для меня совета, нет поддержки! Спасите меня, спасите несчастную от публичного поношения! Чародей отвергнет меня, я не увижу духов! Я буду опозорена перед людьми!

Маркиза *(про себя)*. Что бы это могло значить?

Племянница. На коленях прошу вас! Умоляю! Спасите меня! Я во всем признаюсь! Ах, тетушка! Ах, дорогая тетушка! Если только я еще смею так вас называть! Перед вами не невинная девушка! Не прсирайте, не отвергайте меня!

Маркиза *(про себя)*. Весьма неожиданно! *(Племяннице.)* Встаньте, дитя мое!

Племянница. Не смею, даже если б и могла. Ноги не держат меня! Мне отрадно лежать перед вами в прахе! Только так я смею сказать: может быть, мой поступок простителен? Моя молодость! Моя неопытность! Мое положение! Моя доверчивость...

Маркиза. Под надзором матери я полагала вас в большей безопасности, чем за монастырской стеной. Встаньте! *(Поднимает племянницу.)*

Племянница. Ах! Могу ли я сказать, могу ли признаться?

Маркиза. Ну?

Племянница. Лишь после смерти моей матушки блаженство и покой покинули меня.

Маркиза. Как? *(В сторону.)* Возможно ли это? *(Громко.)* Продолжайте!

Племянница. О, вы меня возненавидите! Вы меня отвергнете! О, несчастный день, когда ваша доброта сгубила меня!

Маркиза. Объяснитесь!

П л е м я н н и ц а. О, боже! Как тяжело во всеуслышание сказать о том, что в некий злосчастный миг показалось тебе столь обольстительно сладким! Простите меня за то, что я сочла его неотразимым! О, как он был неотразим! Первый мужчина, который страстно сжал мою руку, заглянул мне в глаза и поклялся, что любит меня. И в какое время? В те дни, когда после величайшей потери сердце мое, дотоле стесненное невыразимой тоской, нашло наконец облегчение в горячих слезах и смягчилось, смягчилось вполне. Когда сквозь пелену горя я видела вокруг себя лишь беду и несчастье, каким ангелом показался мне он, человек, которого я привыкла почитать с детства, каким показался утешителем! Он крепко прижал меня к своей груди... я забыла, что он никогда не сможет быть моим... что он принадлежит вам... Слово сказано... Вы отворачиваете от меня свое лицо? Вы вправе ненавидеть меня, я это заслужила! Оттолкните меня, дайте мне умереть! *(Падает в кресло.)*

М а р к и з а *(про себя)*. Ее соблазнили — и кто же?.. мой муж! И то и другое меня изумляет, и то и другое мне нехвати!.. Но возьмем себя в руки! Прочь мелочные соображения! Куда важнее вопрос: нельзя ли обратить во благо и это обстоятельство?.. Разумеется, можно! Она будет тем послушнее, она будет слепо повиноваться моей воле... да и перед мужем моим это открытие дает мне новые преимущества... А когда я стремлюсь к своей цели, все остальное безразлично... *(Громко.)* Ступайте, племянница, придите в себя! Вы славное, милое дитя! Я все прощаю! Ступайте, накиньте вуаль, мы сейчас выезжаем, вам необходимо рассеяться.

П л е м я н н и ц а *(встает и бросается на грудь маркизе)*. Дорогая, добрейшая тетушка! Как вы устыдили меня!

М а р к и з а. Во мне вы обретете подругу и наперсницу, только не говорите моему мужу о наших отношениях, чтобы напрасно не повергать его в смущение.

П л е м я н н и ц а. Какое великодушие!

М а р к и з а. Вы будете искусно его избегать, а я вам помогу в этом.

П л е м я н н и ц а. Всецело предаю себя в ваши руки.

М а р к и з а. Ну, а что до духов, я вам открою удивительные тайны, и тогда это ужасное общество покажется вам презабавным. А теперь ступайте. Ступайте!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

ЖИЛИЩЕ КАНОНИКА

В глубине сдвены камин, по обе стороны которого два портрета во весь рост, на одном — пожилой господин, на другом — молодая дама.

К а н о н и к (*держа в руках бумаги*). Ужели я смею, о несравненная принцесса, вновь с надеждой и радостью приблизиться к твоему прекрасному изображению! Ужели тоске, с которой я поднимаю к тебе взор, суждено наконец прочитывать на твоих устах слова утешения?.. Меня все еще томит неизвестность. Я вижу перед собой твои дивные черты, я (*указывая на бумагу*) узнаю твою руку, я угадываю твои намерения, но покамест это не более как обычная вежливость, эти листы все еще не содержат ни слова о том, к чему я стремлюсь душой... Глупец! Чего ты требуешь? Не довольно ли уже того, что она написала? Написала тебе так много! Да разве одна только подпись ее не служит для тебя доказательством счастливой перемены в ее намерениях?.. Перемены ли? Нет, она не менялась. Она смолчала, когда меня изгнали, она притворилась — для моей же пользы. Теперь она вознаграждает меня десятикратным доверием, а вскоре найдет и случай снова возвысить меня... Она желает иметь драгоценное ожерелье, поручает приобрести для нее это сокровище без ведома отца, она дает мне письменные, гарантии. Платежи в рассрочку заставят ее поддерживать со мной постоянную связь, и я с готовностью уплачу первый взнос, чтобы тем крепче привязать ее к себе... Да, ты будешь... ты будешь... смею ли я выговорить эти слова, глядя на твой портрет?.. Ты будешь моей! Какие слова!.. Какая мысль!.. Блаженство переполняет мое сердце! Этот портрет, словно оживает, словно улыбнулся мне и приветливо кивнул... И вот уже разглаживаются мрачные складки, бороздившие чело монарха. Он благосклонно взирает на меня, как в те незабываемые дни, когда он неожиданно пожаловал мне эти бесценные полотна. А она!.. Сойди ко мне, богиня, сойди! Или возвысь меня до себя, если не хочешь, чтобы я умер на месте.

К а н о н и к. С л у г а, затем — придворные ювелиры.

С л у г а. Ваша милость вызывали к себе ювелиров. Они дожидаются.

К а н о н и к. Проси. (*Ювелирам.*) Ну, как вы нашли текст контракта, который я вам препроводил?

Ю в е л и р. Мы хотели бы сделать некоторые оговорки касательно суммы.

К а н о н и к. Я полагал цену достаточно высокой. Ведь найти покупателя на такое украшение нелегко. Сдается мне, это ожерелье уже год пролежало у вас.

Ю в е л и р. Увы!.. И еще... вы уж не посетуйте на нас, милостивый государь...

К а н о н и к. Ну, что еще?

Ю в е л и р. Коль скоро мы довольствуемся предложенной суммой и согласны получать ее по частям в установленные сроки, вам, быть может, не покажутся дерзостью опасения, которые мы испытываем, передавая вам столь драгоценный предмет за одно лишь письменное ручательство. Не сочтите за недоверие, но обеспечение в столь важной сделке...

К а н о н и к. Я не в претензии, что вы опасаетесь без оговорок доверить мне такую значительную сумму. Но я уже говорил вам, что покупаю ожерелье не для себя, а по поручению одной дамы, которая и без меня имела бы у вас неограниченный кредит.

Ю в е л и р. Мы всецело полагаемся на ваши слова, но желали бы видеть хотя бы одну строчку, написанную рукой нашей всемилостивейшей клиентки.

К а н о н и к. А я уже говорил вам, что об этом не может быть и речи, и вторично рекомендую вам хранить тайну. Довольно и того, что я становлюсь вашим должником. Но дабы вы не подумали, будто я проявил чрезмерную поспешность и не умею блюсти ни своих, ни ваших интересов, вот, читайте! (*Он передает им лист бумаги и, пока они читают, говорит про себя.*) Правда, маркиза самым настоятельным образом требовала, чтобы я никому не показывал это письмо и сохранял его лишь для собственной безопасности... Но как быть, если эти люди, в свою очередь, дорожат собственной безопасностью, если они желают узнать, кто поручился

передо мной и перед ними за столь высокую сумму... (Громко.) Ну, что вы теперь скажете, господа?

Ювелир (*возвращая письмо*). Просим прощения и не сомневаемся более ни секунды... Мы и без этого передали бы вам ожерелье. Вот оно. Не угодно ли вам будет подписать контракт?

Каноник. О да! (*Подписывает и вручает им подписанный лист в обмен на шкатулку с украшением.*) Прощайте, господа. Сроки уплаты будут соблюдаться с величайшей точностью, а впредь нам с вами придется вести и другие дела.

Ювелиры удаляются, низко кланяясь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Каноник, затем слуга, за ним Джек.

Каноник (*разглядывая ожерелье*). Великолепие! Какое великолепие! Ты достойно той стройной, белой шеи, которую вскоре обнимешь, достойно той небесной груди, которой коснешься. Спешి же к ней, блистательное украшение, пусть она хоть на миг улыбнется и ласково вспомнит о человеке, рискнувшем очень и очень многим, чтобы доставить ей эту радость. Иди, засвидетельствуй, что я готов для нее на все. (*Разглядывает ожерелье.*) Будь я королем, ты явилось бы к ней неожиданным подарком, чтобы вскоре померкнуть в свете новых, еще более драгоценных даров. Ах, как меня тяготит, как унижает, что на сей раз я могу выступать лишь в роли посредника!

Слуга (*с письмом*). Посланный от маркизы.

Каноник. Пусть подождет.

Слуга уходит.

(*Читает.*) «Если ожерелье в ваших руках, немедленно вручите его подателю сего письма. Представилась отличная возможность переслать его; в город приехала камеристка, я отсылаю божественной разные украшения и заодно приложу к ним ожерелье. Награда за эту маленькую услугу ожидает вас не далее как сегодня ночью. Через четверть часа я буду у вас: Что только не предстоит нам сегодня! Узреть лик Великого Кофты и лик ангела! До свиданья, дражайший избранник. Сожгите этот листок». Верить ли мне своим

глазам? Не далее как сегодня ночью! Поспешай, поспешай, будь предтечей счастливейшего из смертных! *(Набрасывает несколько строк и запечатывает ларец с ожерельем.)* Возможно ли, чтобы столько событий вместились в этот день? Уже ли один-единственный вечер может вознаградить меня за месяцы тоски, нетерпения и страданий! Приблизься, страстно ожидаемый миг счастья! Введите меня, о духи, в святилище тайных учений; введи меня, о любовь, в твое святилище! *(Звонит.)*

Входит слуга.

Кто пришел от маркизы?

Слуга. Ее Джек.

Каноник. Зови его.

Слуга уходит.

Мне не найти покоя, покуда я не узнаю, что сокровище у нее в руках.

Джек *(входя)*. Что прикажете, ваша милость?

Каноник. Доставь этот пакет своей госпоже. Торопись, но держи его крепко, чтобы не потерять.

Джек. Доставлю его так же верно, как собственную голову.

Каноник. Ты ветреный малый!

Джек. Не в делах.

Каноник. Так ступай же!

Джек. Ваша милость! Всем известно, как вы балуете рассыльных.

Каноник. Понимаю. *(Дает мальчику деньги.)* Вот тебе и постарайся разумно их употребить.

Джек. Я их сразу истрочу, чтобы не потерять. Покорнейше благодарю. *(Понизив голос, почти про себя, но так, чтобы каноник мог его слышать.)* Какая щедрость! Ему пристало быть владетельным князем. *(Уходит, не переставая шаловливо кланяться.)*

Каноник. Поспешай! Поспешай же! До чего удачно, что я так быстро могу выполнить это поручение! Лишь необходимость скрывать все от графа печалит меня. Но такова настоятельная воля принцессы. О вы, добрые духи, столь мне благоприятствующие, оставайтесь и впредь на моей стороне и еще ненадолго скройте эту историю от вашего повелителя.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К а н о н и к, к а в а л е р, с л у г а.

С е н - Ж а н. Кавалер!

К а н о н и к. Три кресла.

Сен-Жан расставляет кресла.

К а в а л е р. А вот и я. Я едва дождался этого мгновения. Я уже давно прогуливаюсь взад и вперед по променаду, наконец час пробил, и я лечу сюда.

К а н о н и к. Милости прошу!

К а в а л е р. На крыльце я встретил графа, он любезно заговорил со мной, приветливым, непривычным для меня тоном. Он скоро будет.

К а н о н и к. Не прошел ли он в ложу?

К а в а л е р. Так мне показалось.

К а н о н и к. Граф готовится к торжественным свершениям — сперва принять вас во вторую степень, затем возвести меня в третью и представить нас Великому Коффе.

К а в а л е р. Да, он смотрел на меня, как отец и благодетель. Этот взгляд пробудил во мне надежды. О, сколь прекрасно сияние доброты на лице всемогущего!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т е ж е и г р а ф.

Г р а ф (*снял и тотчас же снова надел шляпу*). Приветствую вас, братья второй степени!

К а н о н и к. Благодарим тебя.

К а в а л е р. Ты и меня так называешь?

Г р а ф. Раз я так тебя приветствую, значит, ты таков и есть. (*Садится в среднее кресло.*) Покройте головы.

К а н о н и к. Как прикажешь. (*Надевает шляпу.*)

Г р а ф. Я не приказываю. Вы пользуетесь своим правом, я только напоминаю вам о нем.

К а в а л е р (*надевая шляпу, в сторону*). Какая ласка! Какая забота! Я сгораю от желания приобщиться к тайнам второй степени.

Г р а ф. Садитесь, мои друзья, садитесь, мои помощники!

К а н о н и к. Помощникам надлежит стоять перед мастером, дабы, подобно служебным духам, немедленно исполнять его приказания.

Г р а ф. Хорошо сказано! И, однако ж, они сидят в его присутствии, ибо они для него более советники, нежели слуги.

Оба садятся.

(Кавалеру.) Как величают мужей второй степени?

К а в а л е р. Если меня не обманул слух: помощники.

Г р а ф. Почему им любо носить это имя?

К а в а л е р. Быть может, потому, что мастер считает их достаточно деятельными и просвещенными, чтобы споспешествовать его намерениям и осуществлять его замыслы.

Г р а ф. Какое понятие ты имеешь о конечных целях второй степени?

К а в а л е р. Не могу помыслить иного, кроме применения на практике того, чему научила нас первая степень. Ученику издали показывают, что надо делать, помощнику же дают в руки средства, с помощью которых он может достигнуть цели.

Г р а ф. Какую цель открывают ученикам?

К а в а л е р. Обрести собственное благо через благо своего ближнего.

Г р а ф. Чего ожидает начинающий помощник?

К а в а л е р. Что мастер укажет ему средства для достижения общего блага.

Г р а ф. Объяснись подробнее.

К а в а л е р. Тебе ведомо лучше, чем мне, что́ я должен сказать. В каждое доброе сердце заложено от природы благородное чувство, препятствующее ему быть счастливым в одиночку и понуждающее его искать свое счастье в благе других людей. Это прекрасное чувство ты сумел возбудить, укрепить, оживить в учениках первой степени... Но необходимо еще вселить в нас тягу к добру! В нашем сердце, которое сызмальства привыкло находить свое счастье лишь в общении с ближним своим, которое с такой готовностью отдается ему и, лишь жертвуя собой, познает самое высокое, самое чистое наслаждение, житейские бури,— увы и ах! — убивают сладчайшие мечты. То, что мы могли бы дать, никому не нужно, а когда мы стремимся действовать, никто не желает нам помочь, мы ищем, тратим силы и вскоре остаемся в одиночестве.

Г р а ф (помолчав). Продолжай, сын мой.

К а в а л е р. И что еще печальней, остаемся жалкими и забытыми. Кто опишет страдания непризнанного, всеми отвергнутого, человеколюбивого сердца? Кто выразит долгие,

нескончаемые муки человека, рожденного для благотельного участия, лишь нехотя расстающегося со своими надеждами и чаяниями, но принужденного под конец навек от них отречься. Благо ему, ежели он сумеет по меньшей мере отыскать жену или друга, на коих единственно и расточит дары, уготованные всему роду человеческому; если сможет благотельствовать — детям и зверям!

Г р а ф. Вы еще не все сказали, продолжайте.

К а в а л е р. Это прекрасное чувство вы заново оживляете в своих учениках. Вы пробуждаете в них надежду, что препятствия, воздвигнутые перед нравственным человеком, преодолимы, что возможно не только постичь себя, но и совершенствоваться, что возможно не только признать права человека, но и содействовать их осуществлению и, трудясь на благо других, обрести и единственную прекрасную награду для себя...

Г р а ф (*канонику, ерзающему в своем кресле*). Что вы можете присовокупить к речам нашего кавалера?

К а н о н и к (*улыбаясь*). Что их произнесли уста ученика, а не соратника.

К а в а л е р. Почему?

К а н о н и к. От ученика нельзя требовать, его должно наставлять.

К а в а л е р. Как так?

К а н о н и к. Назови мне девиз первой степени.

К а в а л е р. То, чего ты ждешь от людей, делай сам для них.

К а н о н и к. Выслушай же девиз второй степени: то, чего ты ждешь от людей, не делай сам для них.

К а в а л е р (*вскакивая*). Не делай? Да вы смеетесь надо мной! Разве пристало благородному и разумному человеку так говорить?

Г р а ф. Сядь и выслушай. (*Канонику.*) Где центр земли, вокруг коего все должно вращаться?

К а н о н и к. В нашем сердце.

Г р а ф. Что есть наш высший закон?

К а н о н и к. Наша собственная выгода.

Г р а ф. Чему учит нас вторая степень?

К а н о н и к. Быть мудрыми и умными.

Г р а ф. Кого счесть самым мудрым?

К а н о н и к. Того, кто не знает и не ищет иного, кроме встретившегося ему.

Г р а ф. Кого счесть самым умным?

К а н о н и к. Того, кто во всем встретившемся находит собственную выгоду.

К а в а л е р (*снова вскочив с места*). Нет, увольте меня! Мне невозможно, невыносимо слушать подобные речи.

К а н о н и к (*усмехнувшись*). Со мной было почти так же. (*Графу.*) Его несдержанность прощательна. (*Кавалеру.*) Успокойтесь же, вы еще сами над собой посмеетесь и простите нам улыбку, которая бесит вас в эту минуту. Многие льстят себя надеждой, что с полей юношеской мечтательности, по которым мастер водит своих учеников за ручку, они перейдут по золотому мосту в дивное царство фей. Конечно же, им неприятно, когда их вместо того грубо возвращают в действительный мир, с которым они мнили расстаться навек.

К а в а л е р. Господа! Позвольте мне уйти, дабы оправиться от изумления.

К а н о н и к. Ступайте же, ступайте и как следует взгляните в мир, взгляните в собственное сердце. Воля ваша, скорбите о глупце, не забудьте только извлечь выгоду из глупости. Вглядитесь, ведь каждый стремится получить от ближнего как можно больше, а вернуть как можно меньше. Каждый предпочитает приказывать, нежели повиноваться, быть носимым, нежели носить. Каждый требует уважения и почестей полной мерой, а возвращает их куда как скупно. Все люди — эгоисты, и лишь ученик, лишь глупец может мечтать о том, чтобы изменить их. Лишь тот, кто не постиг самого себя, станет отрицать, что в его собственном сердце все обстоит точно так же.

К а в а л е р. Куда я попал!

К а н о н и к. Этот ход вещей мастер до конца откроет вам на второй ступени. Он покажет вам, что нельзя ничего требовать от людей, не одурачив их и не польстив их своеправию; что, возжелав просветить глупцов, пробудить сомнамбул и вернуть заблудших на путь истинный, наживешь себе непримиримых врагов; что все замечательные люди были не более как шарлатанами, но у них достало ума построить свою репутацию и свой доход на человеческих слабостях.

К а в а л е р. Какой ужас! Какой ужас!

Г р а ф. Ну хватит! Теперь пусть думает сам, только одно слово, прежде чем расстаться. Как именуют первую степень?

К а н о н и к. Ученичеством,

Г р а ф. Почему?

К а н о н и к. Чтобы ученики думали, будто и впрямь чему-то учатся.

Г р а ф. Как именуют вторую степень?

К а н о н и к. Испытанием.

Г р а ф. А по какой причине?

К а н о н и к. Ибо в ней испытывают ум человека и видят, на что он годится.

Г р а ф. Превосходно! (*Шепотом, канонику.*) Оставьте нас одних, я попытаюсь смягчить этого упряма.

К а н о н и к. Надеюсь, ты склонил слух к моим мольбам и возведешь меня в третью степень.

Г р а ф. Я не смею опережать Великого Кофту. Дождись его явления, и все твои мечты сбудутся в кратчайший срок.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Г р а ф. К а в а л е р.

Г р а ф. Молодой человек!

К а в а л е р (*неподвижно стоявший в глубокой задумчивости*). Прощайте, господин граф!

Г р а ф. Куда же вы? Я вас не отпущу.

К а в а л е р. Не удерживайте меня! Я не позволю себя удерживать!

Г р а ф. Оставайтесь!

К а в а л е р. Не более, чем потребуется, чтобы поблагодарить вас за все добро, которое вы мне сделали, за все знакомства, которые вы мне доставили, за добрые намерения, в которых вы меня заверяли. А теперь счастливо оставаться, счастливо — ибо я не хотел бы ответить неблагодарностью своему благодетелю. Счастливо оставаться! Позвольте только добавить: ваших благодеяний я не стыжусь, ибо полагал, что обязан ими великому и достойному человеку.

Г р а ф. Дальше, дальше! Скажите все, что у вас наболело, иначе вы не двинетесь с места.

К а в а л е р. Вы этого желаете? Вы приказываете? Будь по-вашему. О граф! За какие-нибудь четверть часа вы растоптали мое счастье, мои надежды. Ужели вы так мало меня знали, так дурно обо мне думали?

Г р а ф. В чем же я так сильно обманул? В вашем лице я познакомился с молодым человеком, который желает добиться счастья, который старательно и даже рьяно ищет

почестей и богатства, ищет тем старательнее, чем меньше оснований для больших надежд дает ему его положение.

К а в а л е р. Пусть так! Но не показал ли я себя человеком, чье сердце презирает низменные, пошлые средства? Я ожидал наилучших рекомендаций от своей честности, своего законопослушания, своей верности, от всех тех свойств, которые украшают благородного человека, украшают солдата. А теперь?

Г р а ф. А теперь вас пугает лисья шкура, которой вы должны прикрыть свою львиную гриву.

К а в а л е р. Можете шутить, я буду говорить серьезно, в последний раз серьезно говорить с человеком, которого считал своим другом. Да, признаюсь вам, ваше поведение уже давно было мне подозрительно. И тайные учения, на подступах к которым меня окутал мрак, более густой, чем в обычном мире, и магические силы, существование которых мы принимали на веру, и близость с духами, и ненужные церемонии — все это не сулило добра; однако величие ваших намерений, с которыми мне многожды приходилось сталкиваться, полное отсутствие своекорыстия, ваша участливость, ваша обязательность, ваша щедрость, свидетельствовали, напротив, о благородных глубинах достойного сердца. Я не отрывал взгляда от ваших уст, я впитывал ваши наставления вплоть до этой минуты, разрушившей все мои надежды. Прощайте! Если мне уготовано стать мелким и презренным мошенником, если мне уготовано плыть по течению и во вред другим добиваться кратковременных и жалких выгод для себя, то к чему такие приготовления, такие церемонии, унижающие и устыжающие меня. Я вас покидаю. А со мной будь что будет.

Г р а ф. Кавалер! Взгляните на меня!

К а в а л е р. Что вам еще угодно?

Г р а ф. Смотрите, что делаю я, и делайте то же. (*Снимает шляпу.*)

К а в а л е р. А без церемоний мы не можем расстаться?

Г р а ф. Простая вежливость повелевает вам сделать то же.

К а в а л е р (*снимая шляпу*). Ну хорошо, итак, честь имею.

Г р а ф (*отбрасывая шляпу*). А теперь, о кавалер?

К а в а л е р. Что все это значит?

Г р а ф. Я требую, чтобы вы повторяли мои действия.

К а в а л е р (*отбрасывая шляпу*). Ладно, сделаю в последний раз нечто бессмысленное и непонятное.

Граф. Вовсе не такое бессмысленное, как ты о том полагаешь. (*С распростертыми объятиями подходит к кавалеру.*) Посмотри мне в глаза, о мой избранник! Приди в мои объятия, прижмись к моей груди, о благородный мастер!

Кавалер. Что это значит? Пустите меня!

Граф. Никогда, если только я не вздумаю отпустить тебя раньше, чем устану радоваться тебе, о мой превосходный друг.

Кавалер. Объяснитесь, вы совсем меня сбили с толку.

Граф. Ты помнишь, как называл каноник вторую степень?

Кавалер. Сдается мне, он называл ее испытанием.

Граф. Верно, и ты его выдержал.

Кавалер. Объяснитесь!

Граф. Сперва дай мне выразить в этих объятиях мою живейшую радость.

Кавалер. Умолкаю.

Граф. Как редко мне доводилось ею наслаждаться! Я желаю вам счастья, вам и себе.

Кавалер. Не заставляй меня долее томиться неизвестностью.

Граф. Ты выдержал редчайшее испытание, ты сам возвел себя в сан мастера, ты завоевал достоинства третьей степени в трудном бою!

Кавалер. Меня по-прежнему одолевают сомнения и терзает неизвестность.

Граф. Я желал бы, чтобы твой разум объяснил тебе содеянное твоим сердцем, для этого потребно лишь небольшое усилие. На что ты уповал, будучи учеником первой степени?

Кавалер. Стать лучше, чем я есть, и с вашей помощью действительно применить то добро, которое откроется мне.

Граф. А что ты узнал, услышав из уст каноника основы второй степени?

Кавалер. К ужасу своему, я узнал, что доселе вы только притворялись и дурачили учеников; что тех, кого вы нарекли своими помощниками, вы намерены обратить в проданных ловкачей, сделать их законченными эгоистами, вырвать из их груди те трепетные чувства дружбы, любви, верности, те возвышенные притязания, которые единственно делают наше сердце неуязвимым, и — я не боюсь этих слов — превратить их в низких, совсем низких, скверных, совсем

скверных людей. Ты знаешь, с каким ужасом я отверг подобное возвышение. Больше мне сказать нечего: я своих воззрений не меняю и — отпусти меня!

Г р а ф. Вот почему я прижимаю тебя к своему сердцу, снимаю перед тобой шляпу и приветствую в твоём лице мастера. Ты выдержал испытание, ты показал себя тем, кого я иду. Все, услышанное тобой из уст каноника, все, что этот несчастный, вкуче с множеством других — увы! — принимает за истину, было не более как испытанием, не более как проверкой. Когда великие, высочайшие, бескорыстные мастера желают вести далее ученика, подающего надежды, они сперва подвергают его испытаниям, из которых самое надежное — раскрыть перед учеником мнимые выгоды своекорыстия. Кто клонет на эту приманку, тот делает шаг назад, пребывая в твердом убеждении, что сделал шаг вперед. Мы предоставляем ему долгое время действовать в духе своих убеждений, и как же он бывает счастлив, когда мы, малопомалу, окольными путями, выводим его к свету.

К а в а л е р. Не знаю, что и сказать. Ужели каноник полагает, что постулаты, которые он с откровенным удовольствием преподносил мне, суть истинные, суть настоящие?

Г р а ф. Конечно, этот несчастный так и полагает.

К а в а л е р. И ты, его задушевный друг, не вырвешь беднягу из тьмы заблуждений?

Г р а ф. Я этим и занимаюсь. Но задача моя куда тяжелей, чем ты думаешь. Самомнение не слишком умного эгоиста возносит его над человечеством. Пребывая в убеждении, будто стоит выше всех остальных, он проявляет чрезмерную снисходительность к себе и тем дает людям возможность смотреть на него свысока, властвовать над ним.

К а в а л е р. Вам не следует успокаиваться, покуда вы не откроете ему глаза.

Г р а ф. Чтобы ты осознал, сколь тяжела моя задача, ты должен помочь мне наставить его на путь истины.

К а в а л е р (*помолчав*). Значит, правда, что я в тебе не ошибся? Что чем больше я тебя узнаю, тем более высоким, достойным и непостижимым ты предстаешь передо мной? Благодарность моя безгранична, радость моя умолкает в этом объяснии.

Г р а ф. А теперь ступай, сын мой. В соседнем покое приготовлены одежды, кои дозволено носить лишь пред Великим Кофтой. Будь все, кто нынче предстанет перед ним, столь же чисты, как ты, он и сам испытал бы великую радость от

своего появления здесь. Ты увидишь великие чудеса, ты скоро постигнешь их, более того, научишься сам их творить. Ступай, удивляйся и молчи.

К а в а л е р. Я всецело, я навеки твой.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Г р а ф (*один*). Вот и этот прибран к рукам надлежащим образом. Удочку и сети надо закидывать сообразно с размером рыбы, которую хочешь поймать, а буде это кит, в него бросают гарпун. Про мышей припасены мышеловки, про лис — капканы, про волков — ямы, а львов отпугивают факелами. Этого молодого льва я укротил с помощью одного-единственного факела и теперь могу позволить себе ход мастера, дабы укрепить всеобщее ко мне уважение. Декорации готовы, маркиза меня поняла, все будет прекрасно.

С л у г а (*в длинном, белом парадном одеянии*). Все готово, господин граф. Каноник, кавалер, дамы все уже одеты. Вам угодно облачаться здесь? Прикажете принести ваше платье?

Г р а ф. Нет, я иду. Ступай за мной и делай свое дело.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

ПЕРЕДНЯЯ И ВХОД В ЕГИПЕТСКУЮ ЛОЖУ

Звучит музыка.

Шестеро детей входят парами в длинных белых одеждах, с распущенными волосами, на голове — венки из роз, в руках — кадила.

За ними появляются шестеро юношей тоже в белых, но коротких одеждах и тоже с венками на голове, у каждого — по два факела, скрещенных на груди. Они чинно движутся по сцене и становятся по обе ее стороны.

Х о р д е т е й

Храм уже открыт народу,
Залы, склепы — все открыто,
Воздух ладаном напитан,
Что колонны овекает,

Хор юношей

Дети, нежные побег,
Пусть в преддверье ожидают.
Мудрецы, друзья, коллеги
Пусть к святыне поспешают.

Звучит музыка.

Братья по ложе парами — женщина и мужчина — выходят из-за противоположных кулис. Пары сходятся, раскланиваются и останавливаются у дверей ложи.

Хор детей и юношей

Мы густой одеты тьмою.
Как мы жалки, поглядите.
Пред святой стоим горою.
Духи, духи, нас впустите!

Хор за сценой

Лишь серьезность здесь пристойна.
Тьму безумья разгоните.
Чтобы Кофта спал спокойно,
Тихо, тихо подходите.

Двери распахиваются. Братья входят в ложу, двери снова затворяются, и тут подходит еще одна пара. Вся церемония и пение повторяются. Случайно или намеренно каноник и племянница входят вместе и рука об руку следуют в храмину. Они закрывают шествие. Музыка затихает до пианиссимо, дети уходят за кулисы, юноши опускаются на колени по обе стороны сцены.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Поднимается занавес, на сцене зала с египетскими картинами и убранством. Посреди залы глубокое кресло, в кресле, откинувшись, сидит некто в одеждах из золотой парчи, лицо его закрыто белым покрывалом. По правую руку от него стоит на коленях каноник, по левую — кавалер, впереди, возле каноника, — маркиза, возле кавалера — маркиз, далее племянница. Музыка постепенно смолкает.

Каноник. О возвышенный, бессмертный старец! Ты позволяешь недостойным припасть к твоим ногам, молить тебя о благоволении и помощи. Ты спишь или, правильнее, кажешься спящим, ибо нам ведомо, что, даже пребывая в покое, ты исполнен внимания, деятелен и печешься о благе человечества. Поддай нам знак, дабы мы убедились, что ты нам внимашь, что ты нам благоприютствуешь.

Звучит музыка, всего несколько тактов. Человек под покрывалом поднимает правую руку.

Кавалер. Ты зришь перед собой людей, которые, вдохновясь обещанием достойнейшего из твоих учеников, с полным доверием приближаются к тебе в надежде, что ты исполнишь их желания. Правда, эти желания крайне различны, но даже наисложнейшее становится простым перед твоим всепроникающим взглядом, перед твоей всеобъемлющей властью. Услышишь ли ты нас, пусть даже все мы равно этого недостойны?

Музыка, как прежде. Человек под покрывалом выпрямляется.

Маркиза. Прости нам чисто женское нетерпение, дай узреть твой лик; вот уже много месяцев мы изнываем по тебе.

Музыка, как прежде. Человек под покрывалом встает и застывает неподвижно.

Маркиз. Дозволь нам приблизиться к тебе, облобызать край твоей одежды. Желания, которые столь долго дремали в наших сердцах, теперь пробудились и стали мучительными.

Музыка, как прежде. Человек под покрывалом медленно сходит по ступеням.

Племянница (*тихо*). Я вся дрожу.

Каноник. Не скрывай от нас более сияния твоего лица.

Все. Великий Кофта, мы просим!

Музыка, несколько быстрых тактов. Покрывало спадает.

Все (*одновременно поднявшись с колен и сделав шаг вперед*). Граф!

Юноши встают.

Граф (*выходя вперед*). Да, граф! Человек, доселе известный вам под именем, которым называет его мир в настоящее время. О вы, слепые! Жестокосердые! Скоро год, как я живу подле вас, просвещаю ваше невежество, оживляю ваш застывший ум, толкую о Великом Кофте, делаю недвусмысленные намеки, а вас так и не осеняет истина, что вы ежечасно зрите перед собой того, кого ищете, что сокровища, которых алчет ваша душа, вы каждодневно черпаете из его рук, что у вас больше причин приносить благодарность, нежели домогаться милости.

Однако я сострадателен к ограниченному человеческому уму, я снисхожу к вашей слабости. Зрите же меня во всей славе моей, пусть меня узнают глаза ваши, коль скоро сердце ваше меня не признало! И ежели власть, которую я возымел над вашими умами, ослабила вашу веру, уверуйте в чудеса, которые я совершу вне вас, но в вашем присутствии.

К а н о н и к *(в сторону)*. Я удивлен!

К а в а л е р *(в сторону)*. Я поражен!

М а р к и з а *(в сторону)*. Его наглость превосходит все мои ожидания!

М а р к и з *(в сторону)*. Любопытно, к чему он клонит.

Г р а ф. Вы ошеломлены? Вы опускаете взор? Не смеете хотя бы украдкой взглянуть на меня? Обратите же свое лицо ко мне, посмотрите мне в глаза радостно и доверчиво, отбросьте страх и воспряньте духом!.. Воистину, вы зрите перед собой человека, который не менее стар, чем египетские жрецы, не менее возвышен, чем индийские брамины, который возмужал в общении с великими мира сего, вот уже много столетий вызывающими людские восторги; человека, который стоит выше всех титулов и званий, пренебрегает земными благами, в тиши творит добро, приписываемое молвой то одной, то другой причине; который состоит в тайном, раскинувшемся по всему миру содружестве мужей, в большей или меньшей мере схожих друг с другом, редко привлекающих внимание своей личностью, но тем чаще — своими делами.

К а н о н и к. Возможно ли, чтобы существовало множество тебе подобных?

Г р а ф *(указывая вверх)*. Все находит свое подобие, кроме одного Единственного!

К а в а л е р. Какая возвышенная мысль!

М а р к и з а *(в сторону)*. Какой ловкач! Приплести к своему обману самое святое!

Г р а ф. Вот взгляните: над этой головой не властно ни палящее солнце, ни колючий снег. Этой невооруженной простертой дланью я останавливал в пустынях Ливии рыкающего, голодного льва, этим голосом, который сейчас вещает вам, я грозил ему, покуда он не улегся у моих ног. Он признал меня, своего владыку, и я мог потом посылать его на охоту, — не для себя, ибо я не потребляю кровавой пищи, да и вообще почти не испытываю нужды в земной пище, но для моих учеников, для народа, который часто собирался в

пустыне вокруг меня. Этого льва я оставил в Александрии, возвратившись, я найду в нем верного спутника.

К а н о н и к. А другие мастера из твоего общества наделены столь же великими способностями?

Г р а ф. Дары распределяются по-разному, ни одному из нас не дано сказать: я самый великий из всех.

К а в а л е р. А круг сих великих замкнут, или можно быть принятым в него?

Г р а ф. Можно очень многим, удастся очень немногим. Слишком велики препятствия.

К а н о н и к. Если твое явление не сделает нас более несчастными, чем мы были ранее, дай нам хотя бы знак, куда следует направить свое внимание, свои помыслы.

Г р а ф. Таково мое намерение. После всех испытаний, вами выдержанных, будет справедливо, если я проведу вас на шаг вперед и дам в ваши руки подобие магнитной стрелки, которая укажет, куда вам следует направить свой путь. Внемлите!

К а н о н и к. Я весь обратился в слух!

К а в а л е р. Мое внимание достигло предела!

М а р к и з (*в сторону*). Прелюбопытно.

М а р к и з а (*в сторону*). Что он еще собирается выкинуть?

Г р а ф. Коль скоро человек не удовлетворен силами, данными ему природой, чаает лучшего, жаждет более высокого; коль скоро он стремится ступень за ступенью приобрести несокрушимое здоровье, долгую жизнь, неисчерпаемое богатство, благосклонность людей, послушание зверей и даже власть над стихиями и духами,— он не может обойтись без глубокого знания сил природы. Вот к ним-то я и приоткрою дверь. Величайшие тайны, силы и энергии покоятся сокрыто — *in verbis, herbis et lapidibus*.

В с е. Как, как?

Г р а ф. В словах, травах и камнях.

Пауза.

М а р к и з а (*про себя*). В камнях? Если он про те, что лежат у меня в кармане, он совершенно прав.

М а р к и з. В травах? Принято говорить, что еще не выросла та трава, которой дано увеличить отмеренный нам жизненный срок, однако вам такая трава, без сомнения, известна, ибо вы не только прожили долгую жизнь, но и сохранили всю свою силу, свой внешний облик.

Граф. Бессмертие — удел не всякого.

Каноник. В словах? Здесь мне видится главное, о мой высокий наставник! Без сомнения, вам ведом язык, ведома письменность, с помощью которых обозначают совсем иные предметы, нежели те, которые единственно и можно выразить жалкими звуками нашего языка. Без сомнения, тебе ведомы и тайные знаки, посредством коих Соломон заклинал духов.

Граф. Ведомы все, все они, и удивительнейшие знаки, которые кому-либо доводилось видеть, и слова, которые едва ли посмеют вымолвить уста человеческие.

Кавалер. О, выучи нас твоему языку, буква за буквой.

Граф. Прежде всего вам надлежит усвоить, что истина не в устах и не в слогах, ими произносимых, а в сердце, которое направляет эти слова к устам. Вам предстоит узнать, какой могучей властью над духами обладает невинная душа.

Племянница (*про себя*). О, боже! Сейчас он вызовет меня. Я трепещу, я содрогаюсь! Я дурно сыграю свою роль! Мне бы хотелось быть сейчас далеко-далеко отсюда и никогда не видеть этого человека.

Граф. Приблизься, прекрасное, непорочное дитя, без страха и тревоги, приблизься, исполненная кроткой радости, ибо ты предназначена для счастья, о котором столь многие тщется мечтать.

Каноник. Что-то будет?

Кавалер. Что вы задумали?

Граф. Ждите и примечайте!

Музыка. Граф подает знак, и из пола вырастает треножник, на котором укреплена освещенная сфера. Граф подзывает племянницу и накидывает на нее покрывало, которым прежде был укутан сам, но так, чтобы не закрыть ее лица. Она становится позади треножника. В ходе этой пантомимы граф меняет надменный вид на ласковый и учтивый, можно сказать — подобоострастный по отношению к племяннице. Дети с кадилльницами приближаются к треножнику. Граф стоит ближе всех к племяннице, остальные группируются по собственному усмотрению. Юноши выстраиваются на авансцене. Племянница с величайшим вниманием смотрит на сферу, собравшиеся — на нее. Она пытается произнести какие-то слова, потом снова глядит на сферу, вдруг удивленно откидывается, как бы увидев что-то неожиданное, и застывает в этой позе.

Музыка смолкает.

Что ты видишь, возлюбленная дочь? Не пугайся, сосредоточься! Мы все с тобой, дитя мое!

Кавалер. Что она могла увидеть? Что она скажет?
Каноник. Тише, она хочет говорить.

Племянница произносит несколько слов, но очень тихо, так что разобрать их невозможно.

Граф. Громче, дитя мое, громче, чтобы мы все тебя поняли!

Племянница. Я вижу свечи, ярко горящие свечи в великолепном покое. Теперь я различаю китайские ковры, позолоченную резьбу, люстру. Множество огней слепит меня.

Граф. Принорови свой взгляд к этим огням, смотри пристально, что ты теперь видишь? Есть ли кто в этом покое?

Племянница. Здесь... не торопите меня... здесь в мерцающем пламени свечей... я вижу даму, сидящую у стола; она пишет, она читает.

Каноник. Скажи, ты можешь ее узнать? Как она выглядит? Кто она? Не умалчивай ни о чем!

Племянница. Я не могу разглядеть ее лицо, вся фигура расплывается перед моими глазами, словно зыбкое отражение в воде.

Маркиза (*про себя*). Милочка моя! Как прекрасно она затвердила свой урок!

Маркиз (*про себя*). Достойное восхищения притворство! Великая природа, для тебя поистине нет невозможного!

Племянница. Сейчас, сейчас! Я могу отчетливо разглядеть ее платье; небесной синевы ткань, усыпанная серебряными звездами, ниспадает с ее кресла.

Каноник (*маркизе*). Я вполне, я совершенно счастлив! Это возлюбленная принцесса! Мне рассказывали о ее платье, синем с серебряными мушками, которые глазам этого ребенка показались звездами. Слушайте!

Племянница. Что я вижу! Великий мастер, благородный Кофта, отпусти меня! Я вижу нечто страшное!

Граф. Успокойся и продолжай: что ты видишь?

Племянница. Я вижу двух духов за креслом, они наперебой что-то нашептывают этой даме.

Граф. Уродливы они?

Племянница. Совсем нет, но я содрогаюсь от ужаса.

Граф (*канонику*). Духи ходатайствуют перед ней за одного друга. Узнаешь ли ты эту даму? Известен ли тебе этот друг?

Каноник (*целуя ему руку*). Благодарность моя да пребудет с тобой вовеки.

Племянница. Она встревожена, шепот духов мешает ей читать, мешает ей писать, она в нетерпении встает, духи исчезли. (*Отворачивается.*) Оставьте меня на минуту.

Граф. Спокойнее, дочь моя. Знала бы ты, под каким высоким покровительством ты пребываешь. (*Поддерживает ее.*)

Кавалер (*про себя*). Как она мила! Как привлекательна в своей непорочности! Еще ни одна девушка не казалась мне столь трогательной! Еще ни к одной я не испытывал такого расположения. Как я тревожусь за милое дитя! Шутка ли — каноник, тетушка — это небесное создание и не подозревает, в какой опасности находится! Как охотно я предупредил бы ее, спас бы, даже пожертвовав собой!

Граф. Возьми себя в руки, моя голубка, взглядишь, я убежден, ты еще многое сможешь нам открыть.

Племянница (*глядя на сферу*). Она подходит к камину, смотрится в зеркало! Ой!

Граф. Что с тобой?

Племянница. Ой!

Граф. В чем дело?

Племянница. Ах, я вижу в зеркале каноника.

Каноник. Какое блаженство! Мастер!.. Я... как мне благодарить тебя! Ты все, все для меня сделал!

Племянница. Она вглядывается, улыбнулась, каноник исчез, она видит свое отражение.

Кавалер. Какая волшебная сила, какой дар!

Племянница (*с радостным, проникновенным выражением*). Вот оно!.. Теперь я вижу все вполне отчетливо! Я вижу ослепительную красоту, милое лицо. Ах, как ему пристала печаль, разлитая в его чертах!

Каноник (*державший до того руки графа и осыпавший их поцелуями*). Невыразимо, несказанно осчастливил ты своего раба!

Племянница. Она встревожена, комната начинает стеснять ее, она спешит к стеклянной двери, хочет выйти. Ах! Ах!

Граф. Приободрись! Еще мгновенье! Взгляни еще раз!
Племянница (*растерянно*). Духи стоят рядом с ней, они открывают двери, за дверями — тьма.

Маркиза (*канонику*). Она спешит тебе навстречу!

Каноник. Возможно ли!

Маркиза. Узнаешь сам.

Племянница. Ах! (*Падает без чувств.*)

Кавалер. О, боже! Помогите ей! Пощадите ее! Непростительно, что вы не отпустили ее раньше.

Маркиза. Вот нюхательная соль.

Главные действующие лица толпятся вокруг племянницы, юноши отступают с авансцены вглубь, дети робко следуют за ними. Все вместе представляют собой беспорядочную, но красивую группу.

Граф. Доверьте ее мне! Лишь небесный бальзам вернет ей силы!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

КОМНАТА ПЛЕМЯННИЦЫ

Племянница. Горничная.

Племянница (*одевается, горничная помогает ей, затем проходит в гардеробную, возвращается с узлом в руках и идет через сцену*). Что ты несешь? Что в этом узле?

Горничная. Платье, которые вы наказали отнести к портному.

Племянница. Хорошо. И чтоб завтра или послезавтра оно было готово.

Горничная уходит.

Вот я и одета, как велела тетушка... Зачем ей снова понадобился этот маскарад? Если задуматься обо всем, виденном сегодня, мне есть чего страшиться. Едва я оправилась после той ужасной сцены, меня заставляют переодеваться, а если внимательно поглядеть в зеркало, я очень похожа на принцессу, как сама ее описала. Каноник любит принцессу, и я, может статься, должна ее изображать?! В какие руки я попала?! Чего мне ждать теперь? Как ужасно злоупотреби-

ла тетушка доверием, которым я слишком поспешно ее одарила. Горе мне! Я не вижу подле себя никого, к кому могла бы обратиться. Намерения маркиза теперь ясны мне. Он тщеславный, наглый, легкомысленный человек, который уже вверг меня в несчастье и не воспрепятствует моей гибели, лишь бы избавиться от меня. Не менее опасен и каноник... Граф просто обманщик. Ах, лишь кавалер кажется мне человеком, к которому я могу обратиться. Его внешность, его поведение, его взгляды с первой минуты сказали мне, что это достойный, надежный и деятельный юноша; если не ошибаюсь, я ему тоже не совсем безразлична. Но увы! Обманутый этим наглым притворством, этой сценой с духами, он счел меня существом, достойным величайшего почтения. В чем признаться ему? Что доверить?.. Будь что будет, рискну! Мне нечего терять! Всего лишь несколько часов — а я уже на грани отчаяния!.. Как бы все ни обернулось, я напишу ему. Я увижу его, я откроюсь ему; благородный юноша может осудить меня — но не оттолкнуть. Он найдет для меня убежище! Любой монастырь, любой пансион явится для меня желанным приютом. *(Пишет и читает вслух.)*

«Несчастливая девушка, которая нуждается в вашей помощи и о которой вы не должны думать хуже из-за того, что она доверяет вам, просит вас завтра утром уделить ей четверть часа. Будьте поблизости, я дам знать, когда останусь одна. Печальное положение, в котором я нахожусь, толкает меня на этот двусмысленный шаг».

Пожалуй, так!.. А маленький Джек для меня самый надежный гонец. *(Подходит к двери и зовет.)* Джек!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

П л е м я н н и ц а. Д ж е к.

П л е м я н н и ц а. Малыш! Ты знаешь, где живет кавалер Гревиль?

Д ж е к. Я не раз у него бывал.

П л е м я н н и ц а. Не возьмешься ли ты сей же час отнести ему эту записочку? Но чтоб никто не знал!

Д ж е к. Охотно! А что я за это получу?

П л е м я н н и ц а *(передавая ему деньги)*. Шесть ливров!

Д ж е к *(несколько раз повернувшись на одной ноге)*.
У меня выросли крылья!

П л е м я н н и ц а *(передавая ему записку)*. Вот она!

Д ж е к. Я скоро отработаю эти деньги. Возможно, он где-то поблизости. В это время он любит ходить в кофейню на углу.

П л е м я н н и ц а. Хорошо бы. Но смотри, осторожно.

Д ж е к. Давайте, давайте. На меня можно положиться.

П л е м я н н и ц а. Ну и плут же ты!

Д ж е к. Я могу пригодиться, ваша тетушка это знает.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

П л е м я н н и ц а *(одна)*. До чего наглый мальчишка! И как вышколен! Такая же участь была уготована мне, и, не прояви моя тетушка излишней торопливости, она шаг за шагом погубила бы меня. По счастью, я это поняла и чувствую в себе достаточно сил для собственного спасения. Дух матери моей, помоги мне! Ошибка вырвала меня из безразличного состояния, в котором я пребывала между пороком и добродетелью. Пусть же эта ошибка станет первым моим шагом на стезе добродетели!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

П л е м я н н и ц а. М а р к и з а.

М а р к и з а. А ну-ка, покажитесь, племянница, как вы себе нравитесь в новом платье?

П л е м я н н и ц а. Меньше, чем нравилась бы, будь оно моим.

М а р к и з а. Ничего, ничего, это не беда! Вам все идет!

П л е м я н н и ц а. В том числе и обман, как вы сегодня могли убедиться!

М а р к и з а. К чему такие слова! *(Что-то поправляет в ее наряде.)* Так! Здесь должно плотней облегать, а вот эта складка должна драпироваться пышней. Скоро прибудет карета, и мы сегодня же поедем за город.

П л е м я н н и ц а. Сегодня?

М а р к и з а. Да, и сегодня же вам придется сыграть еще одну роль.

П л е м я н н и ц а. Еще одну? Вы не знаете жалости, тетушка. Мне первая стоила так много труда, что вы могли бы избавить меня от второй.

М а р к и з а. Именно потому, дитя мое. Еще одну, а потом третью, а потом четвертую, и это уже не будет стоить вам никакого труда.

П л е м я н н и ц а. Боюсь, я и вполовину не так способна, тетушка, как вы полагаете.

М а р к и з а. А вы попробуйте. Нынче ночью вам придется сыграть очень незначительную роль.

П л е м я н н и ц а. В таком роскошном платье?

М а р к и з а. Я хочу сказать, незначительную по содержанию. Вам придется изображать возлюбленную почти без речей.

П л е м я н н и ц а. Не могу понять.

М а р к и з а. Я отвезу вас в один сад, отведу в беседку, дам розу и оставлю на некоторое время. К вам приблизится юноша, он упадет к вашим ногам и начнет просить у вас прощенья. Вы невнятно пробормочете «сударь» или что вздумаете; он снова начнет молить вас о прощении. Тогда вы тихо промолвите: «Встаньте»,— а он попросит у вас руку в знак примирения. Вы протянете ему руку, и он осыплет ее тысячей поцелуев. «Встаньте же! — скажете вы снова.— Удалитесь, нас могут застать вдвоем!» Он проявит нерешительность, но вы подниметесь, повторите еще настойчивей «удалитесь» и сунете ему в руку свою розу. Он захочет вас удержать. «Кто-то идет»,— шепнете вы и опрометью броситесь из беседки. На прощанье он захочет поцеловать вас, вы отстраните его, пожмете ему руку, скажете нежным голосом: «Мы еще увидимся»,— и убежите.

П л е м я н н и ц а. Дорогая тетушка, вы не сердитесь на меня, но задача эта тяжелая и опасная. Кто этот юноша? Кого я должна изображать? А ночь и вся обстановка разве не сделают его более дерзким? Как вы можете подвергать меня такой опасности?

М а р к и з а. Ты в полной безопасности, дитя мое. Я буду рядом и не стану мешкать, когда услышу последние слова. Я подойду и тем спугну его.

П л е м я н н и ц а. Как же мне хорошо сыграть свою роль, когда я не знаю, кого должна изображать?

М а р к и з а. Держитесь аристократично, говорите тихо, остальное доделает ночь.

П л е м я н н и ц а. Ах, как мне ненавистно это синее платье, эти серебряные мушки!

М а р к и з а. Ну, ладно. Раз уж вы все равно подозреваете, раз все равно догадываетесь... Вам предстоит изображать принцессу, а вашим кавалером будет каноник.

П л е м я н н и ц а. Дорогая тетушка, как вы можете вовлекать несчастную одинокую девушку в такую странную затею? Я не улавливаю связи, не понимаю, какую пользу это может принести вам, но подумайте, что это вовсе не шутка. Какое суровое наказание грозит тому, кто попытается подделать руку князя, его подпись, кто дерзнет отчеканить портрет своего государя на неблагородном металле? Я же, ничтожная, должна умышленно выдавать себя за священную особу принцессы, должна, приняв ее осанку и надев заемное платье, воспроизвести облик ее высочества и попутно своим поведением бросить тень на высокую нравственность, которой славится наша августейшая повелительница? Я сама себя браню, меня должно покарать и осудить. Сжальтесь надо мной, ибо вы не спасете меня, если я предстану перед судом. Неужели вы хотите сделать меня преступницей, потому что я призналась вам в своей вине?

М а р к и з а. Тут уж ничего не изменишь.

П л е м я н н и ц а (*умоляюще*). Тетушка!

М а р к и з а (*повелительно*). Племянница! Как только подъедет карета, вам дадут знать. Набросьте тогда свой плащ и следуйте за мной.

П л е м я н н и ц а. Но я хотела бы...

М а р к и з а. Вы знаете, что вам надлежит делать, а изменить здесь уже ничего нельзя.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

П л е м я н н и ц а, позднее **Д ж е к.**

П л е м я н н и ц а. Значит, не напрасно я негодовала. Будет то, чего я опасалась. Она хочет тем или иным путем отдать меня в руки каноника, а маркиз, быть может, действует заодно с ней. От таких людей всего можно ждать, тем правильней было мое решение обратиться к кавалеру. Как себя вести сегодня, я знаю, а завтра, если я только в нем не обманулась...

Д ж е к (*в дверях*). Она ушла?

П л е м я н н и ц а. Войди же!

Д ж е к. Было б сказано, будет сделано.

П л е м я н н и ц а. Что ты мне принес?

Д ж е к. Вот записочку! (*Передает ей записку и подпрыгивает.*) И вдобавок шесть ливров от кавалера за труды. Считайте меня и впредь своим курьером.

П л е м я н н и ц а. Где ты его нашел?

Д ж е к. В кофейне напротив, как я и говорил.

П л е м я н н и ц а. Он тебе что-нибудь сказал?

Д ж е к. Он спросил, дома ли вы и одна ли. Пойду посмотрю, что там делается, по-моему, моя госпожа уезжает.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

П л е м я н н и ц а, позднее к а в а л е р.

П л е м я н н и ц а (*читая записку*). «Я умею оценить ваше доверие и бесконечно ему рад. Я уже сожалел о вас про себя. Через несколько минут я буду у вас...» Боже, что это значит? «Я не могу унять свое нетерпение до завтрашнего утра. Некоторое время я проживал в вашем доме и по случайности до сих пор сохранил ключ от парадной двери. Я пройду в вашу гардеробную, не тревожьтесь, меня никто не увидит, и положитесь во всех отношениях на мою скромность». Я в ужасном смущении! Он увидит меня в этом платье! Что я ему скажу?

К а в а л е р (*выходя из гардеробной*). Простите меня за поспешность. Но как мог бы я иначе спокойно спать этой ночью?

П л е м я н н и ц а. Сударь...

К а в а л е р (*пристально глядя на нее*). Как вы изменились! Какое платье! Какой странный наряд. Как прикажете это понимать?

П л е м я н н и ц а. О сударь! Я не ждала вас так скоро. Удалитесь, поспешите, тетушка уже ждет меня. А вот завтра утром...

К а в а л е р. Завтра утром вы готовы мне довериться, а сегодня нет?

П л е м я н н и ц а. Я слышу, кто-то идет. Сейчас меня позовут.

К а в а л е р. Я уйду. Скажите только, что должен означать этот наряд?

П л е м я н н и ц а. О, боже!

К а в а л е р. Чего стоит ваше доверие, если вы скрываете от меня такую малость?

П л е м я н н и ц а. Я питаю к вам все мыслимое на земле доверие, но... но это не моя тайна, а платье...

К а в а л е р. Ваше платье кажется мне весьма странным. В этом платье несколько раз появлялась принцесса, не далее как сегодня духи показали вам ее в том же платье, а теперь я застаю вас...

П л е м я н н и ц а. Не меня вините за этот маскарад.

К а в а л е р. Какие ужасные подозрения...

П л е м я н н и ц а. Они справедливы.

К а в а л е р. Сцена с духами?

П р и н ц е с с а. Обман.

К а в а л е р. Видения?

П л е м я н н и ц а. Выдумка.

К а в а л е р. О я, несчастный! О, лучше бы вы ничего не сказали! Лучше бы вы оставили меня в сладком заблуждении! Вы разрушили прекраснейшую мечту моей жизни.

П л е м я н н и ц а. Я пригласила вас не затем, чтобы сделать вам приятное, а затем, чтобы молить вас как благородного человека о помощи и спасении. Спешите же, удалитесь! Завтра утром мы увидимся снова. Не презирайте несчастное существо, которое смотрит на вас, как на ангела-хранителя.

К а в а л е р. Я погиб! Я сокрушен! Знай вы, чего лишаете меня в это мгновение, вы содрогнулись бы и не стали просить меня о сострадании. Я больше не знаю сострадания. Вы отняли у меня веру в себя и в других, веру в добродетель, в душевную чистоту, во все великое и достойное любви. Мне больше ничто не мило, а вы требуете от меня милосердия. Моей доверчивостью постыдно злоупотребили, а вы желаете, чтобы я доверял вам?! Вам, дважды, трижды притворщице? Какая удача, что я пришел сегодня же вечером и не оставил вам времени приготовиться, надеть маску, с помощью которой вы надеялись обмануть меня!

П л е м я н н и ц а. Я так несчастна! Спешите! Удалитесь! Сюда идут!

К а в а л е р. Я ухожу, чтобы никогда больше не видеть вас!

П л е м я н н и ц а . М а р к и з .

М а р к и з (*заглядывая в дверь*). Вы одна? Несколько слов...

П л е м я н н и ц а (*пока маркиз выглядывает из дверей, торопливо рассматривает себя в зеркале*). У меня заплаканное, растерянное лицо! Что я скажу?

М а р к и з (*обнимая ее и прижимая к себе*). Милое, прелестное создание!

П л е м я н н и ц а . Маркиз! Ради бога!

М а р к и з . Не бойтесь, мы одни!

П л е м я н н и ц а (*высвобождаясь из его рук*). Меня ждет маркиза. (*В сторону.*) Ах, если б кавалер был еще здесь!

М а р к и з . Что с вами? У вас такой испуганный вид.

П л е м я н н и ц а . О, боже! Требования тетушки...

М а р к и з . Мне жаль тебя, милое дитя, но я намерен тебя спасти.

П л е м я н н и ц а . Вы ведь знаете, нынче ночью я должна сыграть роль принцессы! Это ужасно! Идемте же! (*Все это время она со страхом поглядывает на дверь гардеробной.*)

М а р к и з . Не уходите! Не уходите! Я ведь затем и пришел! Постарайтесь хорошо сыграть свою роль и ни о чем не тревожьтесь.

П л е м я н н и ц а . Ну так идемте.

М а р к и з . Нет, нет, я хотел вам сказать...

П л е м я н н и ц а . Успеется завтра.

М а р к и з . Отнюдь! Сдается мне, вы меньше боитесь предстоящего вам дела, чем надо бы.

П л е м я н н и ц а (*как и раньше*). Я в полной растерянности.

М а р к и з . Нынче же ночью вам предстоит еще одно удивительное приключение, о котором вы даже и не догадываетесь.

П л е м я н н и ц а . Какое же? Вы меня пугаете.

М а р к и з . А такое, что вы уедете вместе со мной.

П л е м я н н и ц а . С вами?

М а р к и з . Вы, кажется, говорите это с неудовольствием?

П л е м я н н и ц а. Я не знаю, что мне говорить.

М а р к и з. Ну так я вам растолкую. Маскарад, для которого вас нарядили, не простая шутка. Моя жена попросила каноника от имени принцессы оказать ей важную услугу, вам же надлежит выразить благодарность принцессы обманутому канонику.

П л е м я н н и ц а *(как и раньше, в смущении)*. Я должна дать ему розу.

М а р к и з. Вполне достойная награда за такую услугу. Ибо слепая страсть подвигла нашего каноника не на что иное, как на покупку прекрасного ожерелья у придворных ювелиров.

П л е м я н н и ц а. Ожерелья?

М а р к и з. Ну да, того самого, которым мы вчера любовались, когда покупали этот перстень.

П л е м я н н и ц а. Быть того не может!

М а р к и з. Настолько может, что часть этого ожерелья уже лежит у меня в кармане.

П л е м я н н и ц а. У вас? Что это значит?.. Нас могут подслушать...

М а р к и з. Тогда подойдите ближе. *(Становится возле двери в гардеробную.)* Да, дитя мое. Канонику оно не принадлежало и пятнадцати минут, после чего очутилось в руках у моей жены, чтобы она могла сегодня же вечером передать его принцессе. Ах, как счастлива была она в этот миг, да и я не меньше! Безжалостно разломала она на куски дивную работу; я искренне огорчился, увидев это драгоценное украшение в столь жалком виде, и лишь премиленький пакетик, который жена дала мне с собой на дорогу, несколько утешил меня. В кармане у меня по меньшей мере на сто тысяч ливров брильянтов. Я сегодня же уеду в Англию, обращу все в наличность и накуплю вдоволь серебряной утвари и прочих драгоценностей.

П л е м я н н и ц а *(старавшаяся до этих слов скрыть величайшее смущение)*. Какая рискованная затея!

М а р к и з. Наше дело теперь не тревожиться, а дерзать.

П л е м я н н и ц а. Желаю вам счастья!

М а р к и з. О нет, счастье принесешь мне ты! Ты должна быть и будешь моей спутницей!

П л е м я н н и ц а. Вы намерены подвергнуть меня такой опасности?

М а р к и з. Опасность для тебя будет куда больше,

ежели ты останешься. У моей жены хватит дерзости играть спектакль, пока только играется. До первого платежа и даже позднее того она в относительной безопасности. А тебя я просто не могу здесь оставить на такой срок.

П л е м я н н и ц а. Но подумайте...

М а р к и з. Не знаю, как понять твоё поведение. Может ли быть, чтобы ты уже отвратила от меня своё сердце?.. Нет, не может! Ты хоть и смущена, но постоянна. И не ослепляйся мнимым богатством каноника; мы сейчас богаче, чем он, которому очень скоро предстоит оказаться в весьма затруднительных обстоятельствах. Я все точно рассчитал. Уж так и быть, сыграй этой ночью роль принцессы... По настоянию жены я должен сопровождать вас, после чего немедленно проследовать дальше. С этой целью я поеду в отдельной карете. Как только дело будет сделано, я в двух словах объявлю маркизе, что ты едешь со мной. Можешь слегка посопротивляться, я увезу тебя силой, а поднимать шум она не рискнет, чтобы не провалить всю затею. Но ты не слушаешь меня, что с тобой?

П л е м я н н и ц а. Простите меня... ваше предложение... я растерянна... я умолкаю. Подумайте сами, в каком положении мы оставляем тетюшку!

М а р к и з. Ничего, она не пропадет, она женщина умная. Она смогла довести дело почти до конца. И мы не нарушим ее планов! Ну и довольно о ней. Я не хочу, я не могу лишиться тебя, и ежели ты когда-нибудь сомневалась в моей любви, можешь теперь убедиться, как она велика. Я не оставляю тебя здесь, где столько ловушек, столько опасностей. Безумная страсть каноника к принцессе не удержит его от прочих интрижек. Пройдет немного дней, и ты станешь его повелительницей — под покрывалом и послушной любовницей — без того. Идем! Я так решил и от своего решения не откажусь. *(Обнимает ее.)* Ты моя, и я не уступлю тебя никому на свете. Жена мне никогда не мешала, а если она сумеет подобру-поздорову убраться отсюда с камнями, она на радостях простит нас... Да что с тобой, тебе нехорошо?

П л е м я н н и ц а. Мой жребий свершился. Ведите меня, куда вам угодно.

М а р к и з. Не тревожься, все идет как надо. Под благовидным предлогом я велел твоей камеристке уложить самое необходимое. Пройдет всего лишь несколько дней, и мы оденемся с головы до ног еще лучше, чем прежде. Так стоит

ли брать с собой старые тряпки? (*Уводит племянницу, та с безутешным видом следует за ним, бросив последний взгляд на дверь гардеробной.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

К а в а л е р (*выходя из гардеробной*). Что мне довелось услышать, в какую пучину предательства и подлости я заглянул! О, я никогда не уважал этих людей, с которыми принужден был жить! Частенько они вызывали у меня подозрение, но, вздумай кто обвинить их в столь гнусных действиях, я бы первый заступился за них перед кем угодно. Теперь-то я понял, прекрасная совратительница, почему ты не желала меня видеть ранее, чем завтра утром. Без сомнения, она знала, что маркиз уезжает нынче ночью, но не думала, что он принудит ее ехать вместе с ним. Она наверняка полагала, будто страсть его к ней угасла, как и ее страсть к нему. О, чудовище! Изображать такую невинность! Слово ангел божий, стояла она среди нас, и казалось, сама чистота глаголет ее устами, тогда как на деле она, наскучив одним любовником, приступала к поискам нового и поверх волшебной сферы косилась на одуроченных мужчин, видевших в ней небесное создание. Как разобраться в том, что я сейчас услышал? Как поступить? Граф и маркиза затеяли чудовищную интригу и, чтобы осуществить свой план, готовы даже употребить во зло имя нашей несравненной повелительницы, более того — готовы использовать ее облик для гнусного фарса. Раньше или позже вся история откроется и придет к заслуженному концу, но владетельному князю и принцессе она должна быть в высшей степени неприятна. Значит, мешкать нельзя... Должен ли я открыть глаза обманутому канонику? Его покамест можно спасти. Ожерелье разъято на куски, но маркиз еще здесь, их можно задержать, отнять у них камни, заклеить обманщиков и без шума изгнать из пределов страны... Хорошо, пойду к нему... Хотя нет! Сделать это ради холодного и себялюбивого хлыща? О да, он поблагодарит меня и за избавление его от страшной опасности пообещает свою протекцию, посулит хорошую должность, едва только снова попадет в милость. Этот опыт его ничему не научит, первый же ловкач снова обведет его вокруг пальца, он будет всю жизнь следовать своим страстям безрассудно, бестолково, безответственно,

будет лишь терпеть меня в своем доме как прихлебателя, будет признавать, что многоим мне обязан, я же буду тщетно ждать от него реальной поддержки, ибо ему, несмотря на очень и очень недурной доход, вечно не хватает наличных денег. (*В раздумье прохаживается по сцене.*) Глупый, ограниченный человек! Неужели ты не понимаешь, что для тебя открывается здесь путь к счастью, о котором ты так давно мечтаешь. Каноник с полным правом высмеял тебя сегодня, как наивного ученика, а граф с не меньшим правом злоупотребил твоей доверчивостью. Ты заслужил подобный урок, ибо даже после него не сделался умней... Они и не подозревали, что просвещают тебя на свою же голову... Хорошо, так и сделаем! Бегу к министру. Он как раз в загородной резиденции, куда обманщики съедутся, будто в западню. Они не достойны снисхождения. Воздать им по заслугам, воспрепятствовать им затевать разные аферы впредь — значит оказать благодеяние роду человеческому. Поспешу: минута решает все. Если захватить их на месте, тогда все будет доказано. Брильянты, что лежат у маркиза в кармане, могут свидетельствовать против него. Монархья воля — обойтись с виновниками по усмотрению, мне ж наградой будут не одни пустые посулы. Я вижу, как разгорается заря моего счастья с приходом дня. Нельзя мешкать ни мгновенья! Вперед! Вперед!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

НОЧЬ

Загородный парк. По правую руку от актеров — беседка.
Граф. Ла-Флер.

Ла-Флер. Никого пока не слышно. Во всем саду ни живой души. Я озадачен. Не обманул же меня мой слух.

Граф (*с напускной многозначительностью*). Да, твой слух не обманул тебя.

Ла-Флер. А коли вы сами все знаете, тем лучше, значит, вы можете быть уверены, что я всегда говорю правду. Об эту пору мои господа хотели здесь собраться. Что

они задумали, я не знаю. Они уехали в карете четверней и остановятся возле маленькой калитки. Я потому и попросил вас выйти с другой стороны. Сдается мне, каноник тоже сюда зван.

Граф *(тем же тоном)*. Подожди. *(Прижимает к уху мизинец.)* Это кольцо говорит мне, что в твоих словах есть доля правды.

Ла-Флер. Доля?

Граф. Да. Что означает: настолько, насколько эта правда известна тебе самому. Я не всеведущ, но мое кольцо всегда открывает мне, лгут люди или заблуждаются.

Ла-Флер. Если бы я решился вам посоветовать... да вы ведь и сами знаете, как лучше.

Граф. Все равно продолжай, хочу проверить, на самом ли деле ты посоветуешь мне, как лучше.

Ла-Флер. Я вот как думал: чтобы нам тихонечко пройти по этой темной аллее и на ходу прислушиваться, не услышим ли мы чьих шагов или шепота.

Граф. Верно рассудил. Ступай вперед да погляди, свободна ли дорога.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Граф *(один)*. Не могу понять, но, судя по обстоятельствам дела, как о них докладывает этот человек, все болес чем вероятно. Маркиза зазвала сюда каноника. Мыслимо ли, чтобы ей оказалось по силам расположить принцессу? То, что я всегда считал дурацкой затеей, обманом и мошенничеством?.. Ну, уж если ей это оказалось по силам, тогда для людей нет ничего непосильного. *(Уходит за левую кулису в глубине сцены.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кавалер. Полковник швейцарской гвардии. Шестеро швейцарцев выходят слева из-за передней кулисы.

Полковник *(выходит последним, в сторону сцены)*. Оставайтесь здесь в засаде и, что бы ни стряслось, не двигайтесь с места, покуда не затрубят рога. Когда рога смолкнут, выходите и арестуйте всех, кого найдете в саду. *(Швейцарцам, стоящим на сцене.)* Итак, вы ждете этого же

сигнала. Четверо спрячутся у главного входа, выпускайте всякого, не выпускайте никого.

Швейцарец. Войти пусть входят, а выход закрыт.

Полковник. А кто захочет выйти, того хватать.

Швейцарец. Уж мы им покажем.

Полковник. А когда рога смолкнут, приведете ко мне всех, кого задержали. Но двое пусть останутся у ворот.

Швейцарец. Слушаюсь, господин полковник. Я и мой дружок доставим вам пленных, а Михель и Дузле останутся у ворот, чтобы еще кто не ускользнул.

Полковник. Ну, ступайте, ребяташки, ступайте. Все как следует быть.

Четверо швейцарцев уходят.

А вы двое отступите шагов на десять, в кусты, остальное вам известно.

Швейцарец. Хорошо.

Полковник. Итак, кавалер, посты вроде бы расставлены. Едва ли от нас кто ускользнет. Если вас интересует мое мнение, я полагаю, что на этом месте нас ждет наилучший улов.

Кавалер. Почему, господин полковник?

Полковник. Поскольку речь идет о любовной интриге, они наверняка выберут это местечко. В остальном парке аллеи слишком прямые, лужайки слишком светлые, а этот кустарник и эти беседки достаточно густы для всяких любовных затей.

Кавалер. Я не успокоюсь, пока все не кончится.

Полковник. При таких обстоятельствах настоящий солдат как раз и должен воспрянуть духом.

Кавалер. Как солдат я предпочел бы стоять на опасном посту. Вы не посетуйте на меня, но я тревожусь за участь этих людей, пусть даже они того не стоят, и мое намерение вполне похвально.

Полковник. Не тревожьтесь! Я имею приказ самого князя и его министра покончить дело как можно скорей. На меня вполне полагаются. И князь, бесспорно, прав. Ибо если пойдут толки, если история привлечет внимание, люди могут подумать всякое, им не закажешь, а обделать дело без лишнего шума всегда лучше. И тем больше становится ваша заслуга, дорогой юноша, которая никак не должна остаться без награды. Но, сдается мне, я что-то слышу. Давайте-ка отойдем в сторонку.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Маркиз. Маркиза. Племянница.

Маркиза (*маркизу, который как раз вышел на сцену*). Оставайтесь все время здесь, в кустах, и не шумите. Я скоро к вам присоединюсь.

Маркиз отступает в тень.

Вот, милое дитя, та беседка, а вот и роза, остальное вам известно.

Племянница. О тетушка, дорогая тетушка, не покидайте меня, обойдитесь со мной человечно, подумайте, что я делаю ради вас, на что решаюсь вам в угоду.

Маркиза. Мы с вами, дитя мое! Только смелей! Опасности для вас нет ни малейшей, через пять минут все останется позади. (*Тоже уходит.*)

Племянница (*одна*). О, боже, пусть даже глубокая ночь скроет мой грех, что мне в том? День благословит каждое доброе дело, свершившееся в ночной тиши, и обратит к преступнику мрачный, ужасный лик.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Племянница. Каноник.

Племянница садится в беседку и держит розу в руках.

Каноник (*появляется с противоположной стороны из глубины сцены*). Глубокая тишина предвещает мне близкое счастье. Ни звука не слышу я в этих садах, которые милостью нашего государя предоставлены в пользование гуляющим и в хорошие вечера обычно служат прибежищем то одинокому, несчастному любовнику, то радостной и счастливой парочке. О, благодарю тебя, небесный светоч, за то, что ты сегодня оделся в легкое покрывало! И ты радуешь меня, порывистый ветер, и ты, мрачное дождевое облако, спугнувшее беспечные компании, что зачастую праздно слоняются по аллеям, заполняют беседки громким смехом и, не получая сами большой радости, отравляют другим сладчайшие минуты. О вы, прекрасные деревья, мне кажется, вы много подросли за те несколько лет, что я был разлучен с вами прискорбным для меня изгнанием. Я снова вижу вас, вижу, исполненный прекрасных надежд, и грезы, некогда

посещавшие меня в тени вашей молодой листвы, теперь сбываются. Я счастливейший из смертных.

Маркиза (*неслышно подойдя к нему*). Это вы, каноник? Приблизьтесь же, приблизьтесь к своему счастью! Видите, там, в беседке?

Каноник. О, я поистине наверху блаженства!

Маркиза отступает в тень.

(*Входит в беседку и бросается к ногам племянницы.*) О, достойная величайшего поклонения смертная, о, первая из женщин! Позвольте мне безмолвно замереть у ваших ног, позвольте прикоснуться к этой руке, излив в едином вздохе свою признательность, свою жизнь.

Племянница. Но, сударь...

Каноник. Не отвержайте уста, божественная, довольно и вашего присутствия. Пусть вы потом снова скроетесь от меня, я годами смогу наслаждаться этим счастливым мгновением. Мир полон вашими совершенствами, ваша красота, ум, добродетель восторгают всех людей. Вы подобны божеству, к нему не приближаются с иной целью, кроме преклонения, кроме просьб о невозможном. Вот и я, моя повелительница...

Племянница. О, встаньте же, сударь...

Каноник. Не прерывайте меня. Вот и я здесь, но не с тем, чтобы просить, а чтобы поблагодарить, поблагодарить за то необыкновенное чудо, которым вы спасли мне жизнь.

Племянница (*поднимаясь*). Довольно!

Каноник (*на коленях, удерживает ее*). Да, да, довольно слов, их слишком много! Простите меня! Даже боги прощают, когда мы слишком многословно просим их, хотя им давно ведомы и наши потребности, и наши желания. Простите мои слова! Но когда бедный человек хочет отдать все, чем обладает, ему не найти ничего лучше слов. Вы много даете людям, о августейшая повелительница; нет дня, не отмеченного вашими благодеяниями, но в этот счастливейший миг я дерзаю сказать, что почитаю себя единственным, кто в такой мере знает вашу благосклонность и кто может сказать себе: ее прощение возносит тебя на высоту, заведомо большую, чем та пропасть, в которую ты когда-либо мог низвергнуться. Она возвращает тебе свою благосклонность способом, который навсегда послужит залогом ее намерений, она делает твое счастье, укрепляет, увековечивает его, и все это — в одно мгновенье.

Племянница (*делает шаг вперед, вынуждая тем самым каноника подняться с колен*). Удалитесь, сюда идут! Мы еще увидимся.

Пока он поднимался, она протянула ему руку и, уходя, оставила розу у него в руках.

Каноник. Да, теперь я поспешу, я удалюсь, я укрошу бурное желание, которое толкает меня на величайшую дерзость. (*Он бросается к ней, но тут же вновь отступает.*) Нет, не опасайтесь, я уйду, дозвоьте мне только договорить, ибо от одного вашего знака зависит вся моя дальнейшая жизнь. Я сознаю все, поскольку достаточно владею собой, чтобы некоторым образом пойти наперекор этой счастливой минуте. Можете навеки отвратить от меня свой лик, если вы намерены отнять у меня надежду когда-нибудь найти успокоение в этих объятиях после всех заслуженных и незаслуженных страданий. Скажите хоть слово! (*Хватает ее за руку.*)

Племянница (*пожимая его руки*). Обещаю все, все, только оставьте меня.

Каноник (*прижавшись лицом к ее рукам*). Вы делаете меня счастливейшим из смертных, распоряжайтесь мной безраздельно.

Вдали трубят два рога, и звуки их сливаются в весьма благозвучную каденцию. Каноник между тем стоит, прильнув лицом к рукам племянницы.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, маркиза, маркиз, затем полковник швейцарской гвардии и его швейцарцы.

Маркиза (*вторгаясь между обоими*). Поспешайте, друг мой, удалитесь, мне почудился шорох, вы ни минуты не можете чувствовать себя в безопасности, в замке могут хватиться принцессы, поспешайте, мы должны уйти.

Каноник (*с трудом отрываясь*). Я должен, я готов уйти. Прощайте, не заставляйте меня томиться целую вечность. (*Осторожно уходит налево в глубину сцены.*)

Маркиза. А вы, племянница, следуйте за мной. Счастливого пути, маркиз, и как следует сделайте свое дело, а свою жену — и свою приятельницу — вы увидите в самом непродолжительном времени. Обнимите его на прощание, племянница.

Маркиз (*обнимает племянницу и перетягивает ее на свою сторону*). Сюда, прелестное дитя, ступайте за мной, вас ждет моя карета.

Племянница (*в нерешительности*). Боже, к чему это приведет?!

Маркиза (*хватая племянницу за руку*). Маркиз! Что это значит? Вы сошли с ума?

Маркиз. Не поднимайте шума. Она принадлежит мне. Оставьте мне это создание, в которое я безмерно влюблен, а я, со своей стороны, обещаю вам надлежащим образом выполнить ваше поручение. Я поеду в Англию, сделаю ваши дела, мы вас там дождемся и встретим честь по чести, но только оставьте мне ее.

Маркиза. Это невозможно! Следуйте за мной, племянница. Как вы находите наглость моего мужа? Отвечайте же! Или вы с ним заодно?

Племянница (*нерешительно*). Тетушка!..

Маркиз (*увлекая ее за собой*). Да признайтесь же ей, и нечего притворяться! Все уговорено! Идемте! И не сопротивляйтесь! Не то я подниму шум, а в минуту отчаяния я способен выдать нас всех.

Маркиза. Ужасно! Ужасно! Я погибла.

Рога внезапно смолкают, завершив бойкую и живую мелодию.

Полковник (*возвращаясь с каноником в сопровождении двух швейцарцев*). Сюда, сударь мой, сюда.

Каноник. Как вы смеете? Здесь дозволено бывать всем и каждому.

Полковник. Каждому гуляющему, не каждому преступнику. Вам не уйти, лучше сдайтесь добровольно.

Каноник. Уж не думаете ли вы, что я безоружен? (*Сует руку в карман и достает оттуда пистолет.*)

Полковник. Спрячьте свой пистолет. Можете выстрелить в меня, но из сада вам все равно не выйти. Все выходы перекрыты. Покоритесь своей участи, которую вы сами же по неразумию себе уготовили.

Маркиза (*которая между тем внимательно прислушивалась к происходящему*). Какой новый и неожиданный оборот! Давайте, перейдем на другую сторону. Если мы не будем заодно, мы все погибнем.

Маркиза, маркиз, племянница хотят перейти на ту сторону, откуда пришли, но дорогу им заступают два швейцарца.

Мы пропали!

Маркиз. Нас предали!

Племянница. Я погибла!

Каноник (*оказавшийся в эти минуты подле племянницы*). О, боже!

Полковник. Никому не двигаться с места! Вы все мои пленники.

Каноник (*указывая на племянницу*). Она тоже?

Полковник. Само собой.

Каноник. Несчастье мое так велико, что я не в силах охватить его умом.

Полковник. Не так велико, как ваше неблаго-разумие.

Каноник. Я снесу любой упрек, снесу любую кару оскорбленной справедливости. Я последую за вами, заточите меня в темницу, если таковы полученные вами указания, но отнеситесь с должным почтением к этому неземному существу. Скройте, что видели, отпирайтесь, лгите, тем вы лучше послужите государю, нежели прискорбной, ужасной правдой, что его дочь, его единственная, его любимая дочь...

Полковник. Я знаю свои обязанности и вижу здесь только моих пленников, я знаю только приказы и буду их выполнять.

Маркиз. Куда же?!

Маркиз. И зачем я сюда пришел!

Племянница. Страхи мои были не напрасны!

Каноник. Ужели я — несчастнейший среди людей?! Что здесь творится? Мыслимо ли это? Как может государь поднять руку на самое дорогое, что у него есть? Моя повелительница! Друзья мои! Это я вверг вас в пучину бедствий! Почему мне было суждено родиться на свет? Почему так полюбить? Почему я не внял много раз посетившей меня мысли расточить свою нежность, свое честолюбие под другим небом, на другие предметы? Почему я не бежал? Почему, ах, почему меня неизменно влекло обратно? Я готов упрекать вас, готов бранить себя, проклясть, и, однако, задумываясь в этот миг над своей участью, я не могу пожелать, чтобы все сложилось иначе, ибо по-прежнему почитаю себя счастливецem даже в несчастье.

Полковник. Кончайте, сударь, настало время выслушать меня.

Каноник. Я готов, но сперва освободите нашу повелительницу. Возможно ли ей стоять здесь, в ночной росе, и

выслушивать приговор страдальцу, в коем она принимает участие? Нет, нет, ей будет дозволено вернуться в свои покои, ей не след оставаться долее под взглядами ландскнехтов, которые радуются ее унижению. Спешите, о, спешите же, моя госпожа, кто посмеет этому воспротивиться? А человек, что схватил меня, и великаны, что наставили на меня свои алебарды, все суть ваши слуги. Ступайте, будьте счастливы. Кто посмеет остановить вас? Не забудьте только о том человеке, который после долгих ожиданий мог упасть к вашим ногам, мог признаться, что вы ему дороже всего на свете. Взгляните еще раз на его страдания, его скорбь, а затем предоставьте его жестокой, ополчившейся против него судьбе.

Бросается к ногам племянницы, та льнет к маркизе. Маркиз стоит рядом с выражением растерянности; все вместе они образуют в правой части сцены красивую группу, которая немыслима без обоих швейцарцев. Полковник и еще два швейцарца стоят слева.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и граф.

Граф (*которого два швейцарца подталкивают тупым концом алебарды*). Говорю вам, вы до конца своих дней будете раскаиваться в этой грубости! Так встретить меня! Величайшего из смертных! Да знаете ли вы, что я граф Ростро, *di Rostro impudente*¹, почтенный и всюду почитаемый чужеземец, мастер всех тайных наук, повелитель духов...

Швейцарцы. Вот и растолковал бы все это полковнику, полковник у нас понимает чужеземные речи, а ежели кто будет упираться, мы тому с двух сторон пощекочем ребра и покажем дорогу, как нам было велено.

Граф. О люди, люди, ужели вы начисто лишены разума?

Швейцарец. Разум есть у нашего начальника. Сказано, идти прямо, напрямиком, вон там он и стоит, наш полковник.

¹ Наглая морда (*итал.*).

Граф (*повелительно*). Не смейте касаться меня!

Каноник (*заслышав голос графа, приходит в себя и вздрагивает*). Да, я ожидал тебя, Великий Кофта, достойнейший мастер, благороднейший среди смертных. Ты допустил своего сына до такого падения, чтобы совершить чудо, снова его поднять! Мы все в неоплатном долгу перед тобой. Мне незачем признаваться тебе, что на это приключение я отважился без твоего ведома. Ты знаешь, что произошло, ты знаешь, как несчастливо все завершилось, иначе ты не пришел бы. Этим своим явлением, о Великий Кофта, ты соединишь больше благородных душ, чем, быть может, тебе довелось видеть за все время твоих долгих странствий по земле. Вот стоит твой друг, всего лишь несколько минут назад — счастливейший, теперь же — несчастнейший из людей. Вот дама, достойная величайшего счастья. Вот друзья, которые с живейшим участием пытались сделать все возможное и невозможное. Случилось невероятное. Мы здесь все вместе и все вместе наказаны за свое недоверие к тебе. Ежели бы ты сам нас здесь собрал, твоя мудрость и твоя мощь направили бы обстоятельства... (*Задумавшись на мгновение, продолжает решительно.*) Нет, не стану ничего говорить, ничего желать: сложись все, как уговорено, у тебя не было бы случая предстать во всем блеске своем, подобно deus ex machina, благостному божеству, спуститься к нам и положить конец нашей беде. (*С доверчивой улыбкой приближается к графу.*) Как же вы решили, друг мой? Видите, наши стражи уже словно окаменели, стоит вам сказать лишь слово, и они погрузятся в сон и забудут все, что произошло, а мы между тем счастливо уйдем восвояси. О, не медлите, мой друг, прижмите меня к своей груди, простите меня и спасите!

Граф (*обнимая его, с величественным видом*). Я прощаю тебе. (*Полковнику.*) Мы немедля уедем отсюда.

Полковник (*посмеиваясь*). Как же, как же!

Каноник. Какое чудо!

Маркиза (*маркизу*). Как это понимать? Может, он и впрямь нас спасет?

Маркиз. Я начинаю верить, что он настоящий колдун.

Полковник. Довольно с меня ваших речей, я теперь слишком хорошо знаю, как с кем обойтись. (*Лицом к кулисе.*) Выходите, молодой человек, вы и без того слишком надолго оставили меня в одиночестве.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же. Кавалер.

Кавалер. Я здесь, чтобы пристыдить бесчестных и пожалеть глупцов.

Все (*за исключением полковника*). Что это значит? Кавалер! Какой ужас! Не может быть!

Кавалер. Да, я здесь, чтобы свидетельствовать против вас.

Племянница. Я, я одна во всем виновата.

Каноник. Что это значит? Я с ума сойду.

Полковник. Ах, так вы знаете этого человека? Вполне понятно всё, кроме одного: как этот человек ухитрился остаться порядочным в таком обществе. Он следил за вашими плутнями, он дал знать о них государю, мне же поручено расследовать и покарать. (*Канонику.*) Для начала, чтобы вы поняли, куда вас заманили, кто вас заманивал и сколь гнусно вы обмануты, узнайте, какой призрак нынче вечером посмел осквернить образ нашей принцессы. (*Снимает покрывало с лица племянницы.*)

Каноник узнает ее и жестами выражает свой ужас.

Кавалер. Какова принцесса, таковы и духи. Вот кому вы доверяли.

Каноник. Я и вам доверял, а вы, как вижу, погубили меня.

Кавалер. Эти ничтожества воспользовались вашей слабостью и подстрекнули вас к наказуемым деяниям. Чего вы теперь ждете?

Каноник. Господин полковник...

Полковник. Успокойтесь! И для начала узнайте, сколь благородны мысли нашего повелителя, который и на сей раз готов проявить снисходительность, карая ваше легкомыслие и вашу дерзость. Да что я говорю: карать! Нет, он скорее готов вторично попытаться исправить вас, если возможно, сделать достойным великих предков, от коих вы происходите. Ваше удаление от двора, продолжавшееся два года, не пошло вам на пользу. Объявляю вам, что вы свободны, но с одним условием: не позже, чем через неделю, вы покинете пределы страны под предлогом задуманного большого путешествия. С вашим дядюшкой, которого князь очень жалует и которому доверяет, все будет обговорено и улажено. Сейчас вы можете беспрепятственно вернуться

домой в своей карете, но прежде узнайте, в какую рискованную сделку вы ввязались.

К а н о н и к. Что мне довелось услышать! Что пережить!

П о л к о в н и к (маркизу). Для начала выньте драгоценности, которые лежат у вас в кармане.

М а р к и з. Какие драгоценности? Знать ничего не знаю.

Ш в е й ц а р е ц. Он тут чего-то выбросил в кусты. Упало неподалеку.

Ищут в кустах и находят ларец, который передают полковнику.

П о л к о в н и к. Больше не отпирайтесь. Нам все известно. *(Маркизе.)* А где остальные камни? Признавайтесь. Домой вы больше не вернетесь, да и дома у вас в настоящую минуту все опечатано. Постарайтесь заслужить ту снисходительность, каковую намерены проявить по отношению к вам.

М а р к и з а. Вот они. *(Вынимая шкатулку.)* Не таким путем я мечтала от них избавиться.

П о л к о в н и к (канонику). Камни вновь передадут придворным ювелирам взамен на ваше долговое обязательство. Вы же, со своей стороны, вернете поддельное письмо принцессы. Больше я вас не задерживаю. Можете идти.

К а н о н и к. Да, я уйду. Вы заставили меня устыдиться, но не думайте, будто я унижен. По праву рождения я могу притязать на первые должности в государстве, этих преимуществ никто у меня не отнимет, а того меньше дано людям вырвать из моего сердца страсть, которую я испытываю к своей повелительнице. Передайте ей, каким счастьем подарил меня сей обман, передайте ей, что все унижения ничто по сравнению с прискорбной необходимостью еще больше от нее удалиться, жить в стране, где я даже мельком не смогу увидеть, как она проезжает мимо, но ни ее образ, ни надежда не покинут моего сердца, покуда я жив. Скажите это ей. Вас, остальных, я презираю. Вы копошились вокруг моей страсти, как жуки вокруг цветущего дерева, вы могли уничтожить листья и превратить меня среди лета в нагой сухостой, но ветви и корни вы не смогли повредить. А теперь летите туда, где вы найдете новую поживу. *(Уходит.)*

П о л к о в н и к. Прочие же под надежной охраной и без шума будут препровождены в крепость на границе, пока следствие не удостоверится, что их плутни не возымели иных последствий. Если это будет установлено, их без шума

вышлют за пределы страны и тем самым избавятся от этих мошенников. Здесь четверо, ровно на одну карету. Возьмите их, доведите до главного входа, где стоит карета, и сдайте их на руки драгунам.

П л е м я н н и ц а. Если несчастной девушке после сурового приговора будет дозволено просить о милости, выслушайте меня. Я готова подвергнуться любому наказанию, только отъедините меня от этих людей, которые приходится мне родственниками, называли себя моими друзьями и ввергли меня в пучину несчастья. Содержите меня под стражей, изгоните меня, но сжальтесь, сжальтесь, заточите меня в монастырь!

К а в а л е р. Что я слышу!

П о л к о в н и к. Вы всерьез?

П л е м я н н и ц а. О, если бы этот человек поверил в мою искренность, с нами не случилось бы такой беды. Да, кавалер, вы поступили недостойно! Благодаря неосторожности, благодаря случаю вы проводали тайну. Будь вы тем, за кого я вас принимала, вы не воспользовались бы своим открытием, ибо могли поставить в известность каноника, вернуть ожерелье и спасти девушку, погибшую теперь безвозвратно. Я понимаю, вас наградят за подобную услугу, наше горе станет тем капиталом, который принесет вам большие проценты. Я не требую, чтобы в предвидении монарших милостей и доходных мест, которые вскоре будут вам предоставлены, вы думали о слезах бедной девушки, чья доверчивость позволила вам подслушивать. Но теперь, когда вы стали важной персоной при дворе, употребите свое влияние, чтобы содействовать тому, о чем я вас просила, когда вы еще ничего не имели, или, по крайней мере, ничем не отличались, кроме взглядов, вызывавших мое уважение. Уговорите этого сурового и достойного человека отделить меня от этого общества, чтобы моя юность в чужой стране не подверглась еще большим унижениям, нежели те, которые я, увы,—уже испытала в родной. (*Полковнику.*) Прошу, заклиная вас, сударь, если у вас есть дочь, от которой вы ждете радости, пошлите меня куда угодно, но только одну. Содержите меня под стражей, но не высылайте меня с ними!

П о л к о в н и к. Она меня трогает.

К а в а л е р. Вы просите всерьез?

П л е м я н н и ц а. О, если бы вы раньше в это поверили!

П о л к о в н и к. Я могу исполнить вашу просьбу. При этом я ни в чем не отступлю от своей инструкции.

П л е м я н н и ц а. Да, вы неукоснительно следуете инструкции, если цель — как мне думается — состоит в том, чтобы без шума положить конец преступным аферам. Не изгоняйте меня, не ссылайте в чужую страну, ибо это лишь пробудит праздное любопытство. Люди будут рассказывать и пересказывать мою историю, будут спрашивать: «Как она выглядит, эта таинственная девушка? Говорят, она должна походить на принцессу, иначе комедия с переодеванием не была бы придумана и разыграна. Где она? Хорошо бы ее увидеть, хорошо бы познакомиться». О кавалер, будь я такова, какой вы сочли меня, это происшествие было бы мне только на руку, чтобы без дорогих нарядов сделать свою карьеру в этом мире.

П о л к о в н и к. Пора кончать! Тех троих отведите в карету, офицер, которому вы их препоручите, знает, что делать дальше.

М а р к и з (*шепотом, маркизе*). Речь идет только об изгнании. Давай покоримся, чтобы не усугублять зло.

М а р к и з а. Ярость и досада кипят в моем сердце; лишь страх перед большими неприятностями мешает мне дать им выход.

П о л к о в н и к. А теперь прочь!

М а р к и з а. Вспомните, господин офицер, напомните также владельцу князю, чья кровь течет в моих жилах, что мы с ним в родстве, и что, унижая меня, он попирает собственную честь.

П о л к о в н и к. Лучше вы бы сами об этом помнили! Ступайте! Это далеко еще не доказанное родство уже было учтено — для вашей пользы.

Г р а ф. Сударь, вы смешиваете с этим сбродом человека, который привык, чтобы его повсюду принимали с почестями.

П о л к о в н и к. Повинуйтесь.

Г р а ф. Невозможно для меня.

П о л к о в н и к. Придется научить.

Г р а ф. Путник, который всюду, куда бы ни приехал, сыплет благодеяниями.

П о л к о в н и к. Увидим, увидим.

Г р а ф. Которому надо воздвигать храмы, как божеству.

П о л к о в н и к. Посмотрим, посмотрим.

Г р а ф. Который утвердил себя повсюду как Великий Кофта.

Полковник. Чем же?

Граф. Чудесами.

Полковник. Так сотворите парочку-другую, скличьте своих духов, пусть они вас освободят.

Граф. Я недостаточно вас уважаю, чтобы показывать вам свою власть.

Полковник. Ловко придумано. Тогда подчиняйтесь приказу.

Граф. Я так и сделаю, чтобы доказать свою кротость, но вскоре я вновь явлюсь и открою вашему правителю такие тайны, что он с почетом вызовет меня, а вы будете скакать верхами перед каретой, в которой Великий Кофта вернется к славе своей.

Полковник. Увидим, увидим, вот только сегодня я никак не могу сопровождать вашу карету. Увести его!

Швейцарец. Полковник сказал: «Увести!» — коли не пойдете, подтолкнем вас алебардами.

Граф. О вы, несчастные, скоро вам придется стать передо мной во фрунт.

Швейцарцы (*набрасываются на него*). Да он, никак, хочет, чтобы за ним осталось последнее слово? (*Уводят всех троих.*)

Полковник (*племяннице*). А вы будете этой же ночью доставлены в женский монастырь, расположенный менее чем в пятнадцати минутах езды отсюда. Если ваше намерение скрыться от мира серьезно, вам будет предоставлена такая возможность.

Племянница. Мое намерение более чем серьезно. В этом мире мне уже нечего ожидать. (*Кавалеру.*) Только одно я еще должна вам сказать — что с собой в уединение возьму свою первую сердечную склонность — склонность к вам.

Кавалер. Не говорите так, не наказывайте меня столь сурово. Каждое из ваших слов больно ранит меня, и ваше положение представляется мне завидным по сравнению с моим. Вы вправе сказать: «Меня сделали несчастной», — а какую невыносимую боль должен испытывать я, когда говорю: «Она и тебя причисляет к тем, кто виновен в ее гибели». О, простите меня, простите порыв слепой страсти, которая по несчастной случайности, оказавшись в разладе с собой, разрушила то, что еще несколько мгновений назад было для нее самым дорогим, самым милым на свете. Нам должно расстаться! Невыразима мука, испытываемая мной.

Узнайте же о моей любви и пожалейте меня. О, почему я не последовал первому побуждению и после случайно сделанного мною открытия не поспешил тотчас к канонику! Я приобрел бы друга и возлюбленную и мог бы наслаждаться безмятежным счастьем. А теперь все потеряно.

П о л к о в н и к. Возьмите себя в руки!

П л е м я н н и ц а. Будьте счастливы! Эти последние, утешительные слова навсегда сохранятся в моей памяти. *(Полковнику.)* По глазам вашим вижу, что мне пора идти. Да не останется ваша человечность без награды. *(Уходит в сопровождении стражи.)*

П о л к о в н и к. Бедное создание вызывает у меня жалость. Идемте. Все прошло удачно. Ваша награда не заставит себя ждать.

К а в а л е р. Какой бы она ни была, эта награда, пусть даже по-княжески щедрой, чего я вправе ожидать, она не доставит мне радости, ибо я поступил недостойно. Отныне у меня остается только одно желание, одна надежда: возродить к жизни эту милую девушку, вернуть ее самой себе и целому свету.

ГРАЖДАНИН ГЕНЕРАЛ

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Рози.
Йорге.
Мэртэн,
помещик.
Шнапс.
Староста.
Крестьяне.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

ПЕРЕД ДОМОМ МЭРТЭНА

Рози. Йорге.

Йорге (*выходит с граблями, оглядывается на дверь дома*). Ты слышишь, милая?.. Рози!

Рози (*появляется в дверях*). Слышу, милый, слышу!

Йорге. Пойду на луг разгребать кротовые кучи.

Рози. Ладно.

Йорге. Потом схожу поглядеть, что на поле делается.

Рози. Хорошо! А как управишься — иди на огороды, я тебя там завтраком накормлю.

Йорге. Сядем рядышком и поедем с удовольствием.

Рози. Я тебе вкусный суп сварю.

Йорге. Да будь он хоть самый вкусный на свете! Без тебя мне никакая еда не хороша.

Рози. И мне тоже.

Йорге. До скорой встречи, Розы!

Рози. До свидания, Йорге!

Йорге (*сделав несколько шагов, останавливается, оглядывается на жену; они обмениваются воздушными поцелуями; он возвращается*). Послушай, Розы... ведь люди ни слова правды не говорят.

Рози. Может, и говорят, да редко. А что?

Йорге. Ну хотя бы, будто муж и жена любят друг друга меньше, чем жених и невеста. Это же враки. Сколько мы уже с тобой женаты? Погоди-ка!

Рози. Три месяца.

Йорге. Ей-богу? А Йорге по-прежнему любит Розхен, и Розхен — Йорге. Ну, прощай!

Рози. Прощай. Сколько раз мы уж говорили это слово друг дружке!

Йорге (*удаляясь*). И сколько раз еще скажем!

Рози. И будем искать друг дружку и находить!

Йорге (*остановившись*). Воздух-то какой!

Рози. Я скоро приду. Прощай!

Йорге (*на ходу*). Прощай!

Рози (*в дверях*). Йорге!

Йорге (*возвращается*). Что случилось?

Рози. Ты забыл кое-что!

Йорге (*оглядывает себя*). Что?

Рози (*бежит к нему*). Поцелуй меня!

Йорге. Розхен, дорогая!

Рози. Йорге, милый!

Целуются.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же. Помещик.

Помещик. Bravo, детки! Bravo! Глядя на вас, не замечаешь, как бежит время.

Йорге. Мы тоже не замечаем, сударь.

Рози (*с намеком*). Скоро и вы перестанете замечать.

Помещик. Почему это?

Р о з и. Хватит уж вам скрывать!.. Она ведь такая хорошенькая.

П о м е щ и к *(улыбаясь)*. Кто?

Й о р г е. Г-м! Розхен права. Очень даже хорошенькая!

Р о з и. Вы, сударь, тоже молодой и красивый.

П о м е щ и к. И ты, Йорге, позволяешь ей так говорить?

Й о р г е. Теперь пусть говорит. Вот раньше, признаться, я ревновал ее к вам.

П о м е щ и к. И не без причины. Рози всегда мне нравилась.

Р о з и. Вы шутите, сударь.

Й о р г е. Ну, мне тогда было не до шуток.

Р о з и. Он так часто меня мучил.

Й о р г е. Она меня тоже.

П о м е щ и к. А теперь?

Й о р г е. Теперь Рози моя жена и, думаю, очень славная жена.

П о м е щ и к. Не сомневаюсь.

Р о з и *(многозначительно)*. А вы?..

П о м е щ и к. Что я?

Й о р г е *(с поклоном)*. Можно нам вас поздравить?

П о м е щ и к. С чем?

Р о з и *(кланяясь)*. Не извольте гневаться...

Й о р г е. Скоро у вас тоже будет любимая женушка.

П о м е щ и к. А я и не знал.

Р о з и. Через несколько деньков вы этого отрицать не будете.

Й о р г е. Она так мила.

П о м е щ и к. Да кто же это?

Р о з и. Фрейлейн Каролина, которая приезжала сюда недавно со старой тетужкой.

П о м е щ и к. Ах, вот откуда ваши подозрения! До чего тонкий нюх!

Й о р г е. Я думал, что в этом не зазорно признаться.

Р о з и. Очень хорошо, что вы женитесь тоже.

Й о р г е. Совсем другим человеком становишься. Вот увидите.

Р о з и. Теперь мне так нравится бывать дома.

Й о р г е. А мне сдается, что я родился в этом доме.

Р о з и. Когда отец читает газеты и рассуждает обо всем, что делается на свете, мы сидим тихонько и руки друг другу пожимаем.

Йорге. Иной раз старик сокрушается, что все идет кувырком, тогда мы еще теснее жмемся друг к дружке и радуемся, что у нас мир да покой.

Помещик. Лучше и не придумаешь.

Рози. А ежели отец голову ломает, как выручить из долгов французскую нацию, я шепчу Йорге: только бы нам с тобой не залезать в долги.

Йорге. А когда он из себя выходит оттого, что там у всех отбирают имущество и поместья, мы с Розы советуемся, как получше перестроить усадевку, которую собираемся купить на лотерейный выигрыш.

Помещик. Вы разумная парочка.

Рози. И счастливая.

Помещик. Приятно слышать.

Йорге. Вы это скоро и на себе испытаете.

Рози. То-то будет веселье в замке!

Йорге. Как во времена покойной госпожи, вашей матушки.

Рози. К ней все бежали за советом, если кто-нибудь хворал.

Йорге. Какие она делала спиртовые примочки, когда мы набивали себе шишки!

Рози. А какие знала мази от ожогов!

Помещик. Если надумаю жениться, стану подыскивать невесту, похожую на нее.

Йорге. Вы уж подыскали.

Рози. Я тоже так думаю. Не серчайте на нас, сударь, за нашу смелость.

Йорге. Мы ждем не дождемся...

Рози. Увидеть вас таким же счастливым, как мы.

Йорге. Только не мешкайте.

Рози. Зря время потеряете.

Йорге. Мы и так вас обогнали.

Помещик. Посмотрим.

Йорге. Не беда, что наш мальчишка будет чуть постарше вашего; лучше сумеет присмотреть за маленьким юнкером.

Рози. Хорошо бы, они играли вместе. Вы им позволите?

Помещик. Если б они уже были... Конечно, пусть мои дети растут с вашими, как я рос с вами.

Рози. Радость-то какая будет!

Йорге. Я уже их как наяву вижу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же. Мэртэн у окна.

Мэртэн. Рози! Рози! Где же завтрак?

Рози. Иду! Иду!

Мэртэн. Опять жди! *(Закрывает окно.)*

Рози. Сейчас!

Йорге. Иди уж, Рози.

Рози. Ох, и попадет мне.

Помещик. Виноват поцелуй, за которым я вас застал. Я тоже совсем забыл, что собрался на охоту.

Йорге. Виновата ваша любезность, сударь.

Рози. Вот именно. Я даже забыла про отца.

Йорге. А я про все забыл — и про луг, и про поле, и про огороды.

Помещик. Так пойдемте, каждый своей дорогой.

Раскланявшись, Йорге и помещик удаляются в разные стороны.
Рози уходит в дом.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Комната Мэртэна. Камин, шкафы, буфет, стол со стульями.
Слева окно, напротив прислоненная к стене стремянка.

Мэртэн. Рози.

Мэртэн. Рози, ты здесь?

Рози. Да, отец.

Мэртэн. Где ты пропадала?

Рози. Господин юнкер шел мимо и, по доброте своей, остановился поболтать с нами.

Мэртэн. А где мой кофе?

Рози *(показывая на камин)*. Вот стоит.

Мэртэн. Сам вижу. А молоко?

Рози. Сейчас подогрею. *(Идет к буфету, отпирает его ключом из связки, висящей у нее на поясе, берет горшочек со сливками и ставит его в камин.)*

Мэртэн *(помолчав)*. Нехорошо, дочка.

Рози *(продолжая хлопотать)*. Что нехорошо, отец?

Мэртэн. А то, что ты из-за Йорге совсем меня забыла.

Рози *(у камина)*. Как это так?

Мэртэн. С ним ты и поболтала, и накормила вовремя.

Рози. Дала ему хлеб с маслом.

Мэртэн. Только о нем и заботишься,

Р о з и. Неправда! О вас не меньше, чем о нем.

М э р т э н. А ведь когда я выдавал тебя замуж, ты обещала мне...

Р о з и. ...что все останется по-прежнему.

М э р т э н. И ты держишь свое слово?

Р о з и. Ну конечно. Вот кофе.

М э р т э н. И тебя, как и прежде, не надо искать?

Р о з и. Вот молоко. *(Снова торопится к буфету.)*

М э р т э н. Мне не надо дожидаться то того, то этого?

Р о з и. Вот чашка! Ложка! Сахар! Хотите хлеб с маслом?

М э р т э н. Нет, нет... Ты мне не ответила.

Р о з и *(показывая на завтрак)*. Вот мой ответ, перед вами.

М э р т э н. Ладно, ладно. Расскажи мне что-нибудь.

Р о з и. Мне пора идти.

М э р т э н. Опять?

Р о з и. Надо снести Йорге суп, кофе он не любит.

М э р т э н. Почему он не ест дома?

Р о з и. Он любит сперва поработать. На огородах он построил будку; мы там разводим огонь, подогреваем суп и вместе завтракаем,

М э р т э н. Ступай... Да, вот так оно и бывает.

Р о з и. Не понимаю...

М э р т э н. Отца с матерью бросаете, только о муже и печетесь.

Р о з и. Так, верно, и должно быть.

М э р т э н. Ступай уж.

Р о з и. На обед я приготовлю вам кое-что вкусное; но пока не скажу что.

М э р т э н. Ладно уж, ладно.

Р о з и. Ну чего вы все ворчите,

М э р т э н. Да иди же!

Р о з и. До свидания, отец.

М э р т э н. Ступай, ступай! Я тоже пойду пройдуся.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

М э р т э н сидит за столом, пьет кофе.

М э р т э н. Хорошо, что она ушла... Вчера встретил Шнапса, он сказал, что навестит меня, когда дети будут в поле, обещал порассказать много новенького... Станный все-таки

этот Шнапс! Все на свете знает!.. Вот если бы только с Йорге ладил! А зять поклялся, что если еще раз увидит его у нас дома, то переломает ему кости. И он сдержит слово... Хороший парень! Горячий!.. Стучит кто-то. *(Идет к двери.)* Ага! Шнапс!.. Вот и он,

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мэртэн. Шнапс.

Шнапс *(заглядывая в дверь)*. Вы одни, дядюшка Мартин?

Мэртэн. Входите, прошу вас!

Шнапс *(ставит ногу на порог)*. Йорге ушел, я видел. И Рози, верно, за ним следом?

Мэртэн. Да, кум Шнапс. Как обычно.

Шнапс. Ну, вот и я.

Мэртэн. Вы человек осторожный.

Шнапс. Осторожность — наипервейшая добродетель.

Мэртэн. Откуда вы явились?

Шнапс. Гм! гм!

Мэртэн. Целую неделю вас не было видно.

Шнапс. Пожалуй.

Мэртэн. Ездили в чужие края кого-нибудь исцелять?

Шнапс. Что вы, дядюшка Мартин!.. Я только учился лечить.

Мэртэн. Учились?.. Будто вам надо еще чему-то учиться.

Шнапс. Век живи, век учись.

Мэртэн. А вы скромник.

Шнапс. Как все великие мужи.

Мэртэн. Ну, что касается величины, так ростом вы пониже меня.

Шнапс. Дядюшка Мартин, не о том речь. А вот о чем! Вот! *(Показывает на лоб.)*

Мэртэн. Понимаю.

Шнапс. На свете есть люди, которые умеют это ценить.

Мэртэн. Без сомнения.

Шнапс. Тебе доверяют...

Мэртэн. Я думаю.

Шнапс. Ты узнаёшь...

Мэртэн (*нетерпеливо*). Что именно? Что?

Шнапс. Тебе дают поручения...

Мэртэн. Какие? Живей выкладывайте!

Шнапс (*многозначительно*). Ты становишься влиятельным человеком.

Мэртэн. В самом деле?

Шнапс. Через несколько дней узнаете.

Мэртэн. Нет уж! Выкладывайте сейчас же!

Шнапс. Не могу. Хватит и того, что я сказал.

Мэртэн (*подозрительно*). Кум Шнапс!..

Шнапс. Да?

Мэртэн. Посмотрите на меня!

Шнапс. Ну?

Мэртэн. Прямо в глаза.

Шнапс. Так?

Мэртэн. Прямее!

Шнапс. Смотрю, смотрю, черт возьми! Удивляюсь, как вы еще выдерживаете мой взгляд.

Мэртэн. Слушайте!

Шнапс. Слушаю.

Мэртэн. Не собираетесь ли вы рассказать...

Шнапс. Что?

Мэртэн. Опять такую же историю?

Шнапс. Как вы могли подумать?

Мэртэн. Или...

Шнапс. Да нет же, дядюшка Мартин!

Мэртэн. Или о многочисленных попойках и о ваших высокочтимых предках?

Шнапс. То была шутка, не более! Теперь же дело нешуточное!

Мэртэн. Докажите!

Шнапс. Идет! Только вам.

Мэртэн. Сгораю от любопытства.

Шнапс. Так слушайте!.. Мы здесь одни?

Мэртэн. Ну разумеется! Йорге в поле, и Розы пошла к нему.

Шнапс (*позируя*). Смотрите во все глаза! Слушайте во все уши!

Мэртэн. Смотрю! Слушаю!

Шнапс. Вам, наверное, известно... Нас никто не подслушивает?

Мэртэн. Никто.

Шнапс. Что знаменитые якобинцы... И никто здесь не спрятался?

Мэртэн. Ну конечно, нет!

Шнапс. Ищут умных людей во всех странах, знакомятся с ними, используют их.

Мэртэн. Да, ходят слухи.

Шнапс. Так вот, молва обо мне... кто это там?

Мэртэн. Да никого нет!

Шнапс. Молва обо мне перекинулась через Рейн...

Мэртэн. Далековато.

Шнапс. И вот уже полгода они всячески стараются...

Мэртэн. Продолжайте!

Шнапс. Привлечь меня к делу свободы и равенства.

Мэртэн. Да ну!

Шнапс. В Париже наслышаны о моем уме...

Мэртэн. Ай! Ай!

Шнапс. Моих способностях...

Мэртэн. Занятно!

Шнапс. Вот так. Господа якобинцы полгода кружили вокруг меня, как коты вокруг сметаны...

Мэртэн. Скажите на милость!

Шнапс. Пока неделю назад не вызвали меня в город.

Мэртэн. Лечить какого-то иностранца, сломавшего ногу. Так вы говорили.

Шнапс. Так сказали мне.

Мэртэн. А мы-то удивлялись,

Шнапс. Я тоже.

Мэртэн. Будто в городе мало хирургов.

Шнапс. Как бы там ни было, я тоже удивился — и поехал.

Мэртэн. И совершили благодеяние.

Шнапс. Разыскиваю пациента.

Мэртэн. В самом деле?

Шнапс. Смотрю на его ногу и вижу...

Мэртэн. Ну?

Шнапс. Она так же цела и невредима, как моя.

Мэртэн. Что?!

Шнапс. Я изумлен!

Мэртэн. Еще бы!

Шнапс. Господин этот смеется...

М э р т э н. Естественно.
 Ш н а п с. И бросается мне на шею.
 М э р т э н. Неужели!
 Ш н а п с. «Гражданин Шнапс!» — восклицает он.
 М э р т э н. Гражданин Шнапс? Это звучит забавно.
 Ш н а п с. «Дражайший брат!»
 М э р т э н. Ну а дальше?
 Ш н а п с. А дальше он признался мне.
 М э р т э н. В чем?
 Ш н а п с. Что он эмиссар якобинского клуба.
 М э р т э н. Как он выглядел?
 Ш н а п с. Обыкновенно.
 М э р т э н. А вы не испугались его?
 Ш н а п с. Я — испугался?
 М э р т э н. И беседовали с ним, как с равным?
 Ш н а п с. Конечно!.. Все люди равны.
 М э р т э н. Только на словах!
 Ш н а п с. Рассказать вам все в подробностях?
 М э р т э н. Ну как же.
 Ш н а п с. Он принял меня в их общество.
 М э р т э н. Как это происходило?
 Ш н а п с. Со множеством церемоний.
 М э р т э н. Интересно?
 Ш н а п с. Можете увидеть сами.
 М э р т э н. Каким образом?
 Ш н а п с. Вот, обратите внимание: в этой сумке брадобрея я таскаю с собой все тайны.
 М э р т э н. Неужто?
 Ш н а п с. Смотрите!
 М э р т э н. Ну-ка, ну-ка?
 Ш н а п с. Не спешите, все по порядку.
 М э р т э н. Да показывайте же!
 Ш н а п с (*после паузы*). Перво-наперво он меня еще раз обнял.
 М э р т э н. Учтивый господин!
 Ш н а п с. От меня он комплиментов не дождется!
 М э р т э н. Вот как...
 Ш н а п с. Потом он достал... (*Вынимает из сумки фригийский колпак.*)
 М э р т э н. Красная шапочка? Но ведь вы не женаты.
 Ш н а п с. Не в том дело... Эта шапка — символ свободы.
 М э р т э н. Дайте посмотреть.

Шнапс. И надел ее мне на голову. *(Надевает колпак.)*

Мэртэн. Ну и потешный у вас вид!

Шнапс. Затем скюртук. *(Вытаскивает военный мундир.)*

Мэртэн. Красивый наряд.

Шнапс. Пособите мне, дядюшка Мартин, он немножко тесноват.

Мэртэн *(помогая ему надеть мундир)*. Вот незадача! Ну, еще малость, ну...

Шнапс. Это мундир свободы.

Мэртэн. Просторная крестьянская куртка мне куда как милее.

Шнапс. Теперь поглядите сюда! Что скажете о сабле?

Мэртэн. Недурна!

Шнапс. А вот и кокарда.

Мэртэн. Национальная?

Шнапс. Разумеется. *(Прикрепляет ее к треуголке.)*

Мэртэн. Она не подходит к старой шляпе.

Шнапс. Вам не хочется такую?

Мэртэн. Надо подумать.

Шнапс. Когда незнакомец меня нарядил...

Мэртэн. Собственноручно?

Шнапс. Ну да. Теперь мы все служим друг другу.

Мэртэн. Как мило.

Шнапс. Он сказал...

Мэртэн. Что?

Шнапс. «Здесь у вас я уже многих завербовал...»

Мэртэн. Значит, все-таки это правда.

Шнапс. «...но не нашел ни одного, кому я доверял бы больше, чем вам».

Мэртэн. Весьма лестно.

Шнапс. «Так оправдайте мои надежды...»

Мэртэн. Но как?

Шнапс. «Ступайте к вашим друзьям и ознакомьте их с нашими принципами».

Мэртэн. Выкладывайте скорее.

Шнапс. Сейчас!.. «А когда вас наберется тысяча честных...»

Мэртэн. Тысяча честных? Многовато!

Шнапс. «...благомыслящих и отважных людей...»

Мэртэн. Ну?

Шнапс. «...то начинайте революцию в вашей деревне».

Мэртэн. В нашей деревне? Здесь, у нас?

Шнапс. Разумеется!

Мэртэн. Не приведи господь!

Шнапс. А где же еще?

Мэртэн. Почему я знаю? Где угодно, только не здесь!

Шнапс. Слушайте, сейчас будет самое важное.

Мэртэн. Куда уж важнее?

Шнапс. «Начинайте революцию!» — сказал он.

Мэртэн. Упаси нас бог и помилуй!

Шнапс. «Я предоставляю вам все полномочия и назначаю...»

Мэртэн. Кем?

Шнапс. «Гражданином генералом».

Мэртэн. Генералом?.. Господин Шнапс, господин Шнапс! Но ведь это звучит почти как ост-индский генерал-губернатор.

Шнапс. Спокойствие! Сейчас не время шутить.

Мэртэн. Надо думать.

Шнапс. «А знаком отличия будут вот эти усы...»

Мэртэн. Усы?

Шнапс. «...которые обязан носить каждый гражданин генерал».

Мэртэн. Неужели!

Шнапс (*прикрепив усы*). «Вот теперь у вас подобающий вид...»

Мэртэн. Воистину!

Шнапс. «Очень внушительный!»

Мэртэн. Поразительно!

Шнапс. «Став во главе свободомыслящих людей, вы совершите чудеса».

Мэртэн. Вне всяких сомнений, господин генерал.

Шнапс. Говорить: «господин генерал» — нельзя. Надо: «мой генерал» или «гражданин генерал»! Ни одному человеку не должно быть господином.

Мэртэн. Мой генерал!

Шнапс. В чем дело, гражданин?

Мэртэн. Но я всего лишь крестьянин.

Шнапс. Все мы — граждане.

Мэртэн. Чем это кончится, хотел бы я знать?

Шнапс. Чем это кончится?

Мэртэн. Да.

Шнапс. Утверждением наших принципов, как теперь говорят.

Мэртэн. Только и всего?

Ш на п с. Да.

М э р т ѐ н. А я было подумал, что дракой.

Ш на п с. Так вот слушайте дальше.

М э р т ѐ н. Что?

Ш на п с. Принципы, которые я должен распространять.

М э р т ѐ н. Ах да, я вовсе забыл про них.

Ш на п с. Ну слушайте.

М э р т ѐ н (*прохаживаясь взад и вперед по комнате, случайно выглядывает в окно*). Вот беда-то!

Ш на п с. Что такое?

М э р т ѐ н. Господин генерал! Мой генерал!.. Йорге идет... вон под гору спускается.

Ш на п с. Проклятье!

М э р т ѐ н. Господин... мой генерал! У него в руке здоровая дубинка.

Ш на п с (*спешит к окну*). Я... в большом затруднении.

М э р т ѐ н. Охотно верю.

Ш на п с. Боюсь, что...

М э р т ѐ н. Вот именно.

Ш на п с. Вы имеете в виду Йорге?

М э р т ѐ н. Да нет, — дубинку.

Ш на п с. Ничего нет хуже, когда тебя предают.

М э р т ѐ н. Согласен.

Ш на п с. Доброе дело может пострадать, если наши намерения откроются раньше срока.

М э р т ѐ н. Разумеется!

Ш на п с. Спрячьте меня!

М э р т ѐ н. Полезайте на чердак!

Ш на п с. Да! Да!

М э р т ѐ н. Заройтесь в сено!

Ш на п с. Да! Да!

М э р т ѐ н. Живей, господин генерал! Противник на носу.

Ш на п с. Сумку, скорее! (*Хватает сумку брадобрея.*)

М э р т ѐ н. Живей! Живей!

Ш на п с (*поднимаясь по стремянке*). Только не выдавайте меня.

М э р т ѐ н. Нет, нет!

Ш на п с. И не думайте, что я испугался.

М э р т ѐ н. Ну что вы!

Ш на п с. Это лишь благоразумие!

М э р т ѐ н. Весьма похвально. Быстрее!

Ш на п с (*с чердака*). Только из благоразумия!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мэртэн. Йорге с палкой.

Йорге. Где негодай?

Мэртэн. Кто?

Йорге. Это правда, отец?

Мэртэн. Что?

Йорге. Роза говорит, что, когда уходила, видела, как сюда пробрался Шнапс.

Мэртэн. Он и вправду заходил. Но я тут же его выпроводил.

Йорге. И хорошо сделали. Я ему руки и ноги переломаю, если увижу здесь!

Мэртэн. Зря ты кипятишься!

Йорге. Как это зря? После того, что он навыворот!

Мэртэн. Это уж быльем поросло.

Йорге. А ему все неймется. Даже теперь, когда Роза — моя жена...

Мэртэн. Да ну?

Йорге. То и дело пристаёт к ней...

Мэртэн. Каким же образом?

Йорге. Вот недавно встречается он Розе и говорит: «Добрый вечер, Розочка! На вас по-прежнему все оглядываются! Один проезжий офицер очень вами интересовался».

Мэртэн. Что ж, вполне могло быть.

Йорге. А зачем ему это повторять? Нет, врет он все.

Мэртэн. Может, и так.

Йорге. В другой раз подходит к ней и говорит: «Один гость в замке очень вас расхваливал. Не хотите ли навестить его в городе? Ему будет весьма приятно. Он живет на Длинной улице номер шестьсот тридцать шесть».

Мэртэн. Вот это уже сводничество.

Йорге. Он на все способен.

Мэртэн. Охотно верю.

Йорге. Роза всегда дает ему отповедь, а этот змей озлобляется. Не затевает ли он опять какие-нибудь козни.

Мэртэн. Ну, не такой уж он злыдень. Просто шутит.

Йорге. Хорошенькие шутки! Ух, попадись он мне!

Мэртэн. Не горячись! За такое штраф полагается.

Йорге. Уплачу с удовольствием. Ведь из-за него я только что разлучился с Розой. А... вдруг он сейчас там, возле нее! Побегу-ка! *(Поспешно уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Мэртэн, потом Шнапс.

Мэртэн. Слава богу, не догадался! Вот бы вышла потасовка! (*У окна.*) Эх, как припустил! Уже у холма. Теперь моему генералу можно выбираться из укрытия. До чего же чудно, что нынче самые никчемные людишки оказываются наверху! Во всех газетах про то пишут. Вот этот, на чердаке, ну ведь ни на что не годен, а куда метит! Кто знает, то ли еще будет! Опасные настали времена; и не поймешь уже, что людям надо. На всякий случай подольщусь-ка я к нему,— вдруг сгодится... Мой генерал!

Шнапс (*у чердачного люка, откуда трусится сено*). Он ушел?

Мэртэн. И след простыл.

Шнапс (*обсыпанный сеном*). Иду.

Мэртэн. У вас ужасный вид, генерал Шнапс.

Шнапс (*стоя на стремянке, стряхивает с себя сено*). Как с поля брани, чистеньким не всегда выйдешь.

Мэртэн. Слезайте.

Шнапс. Он вправду ушел?

Мэртэн. Уже далече. Он подумал, что вы тем временем могли пойти к Розе, и помчался как угорелый.

Шнапс (*спускаясь*). Ну и отлично! А теперь запиrite-ка входную дверь.

Мэртэн. Это вызовет подозрение.

Шнапс. Лучше быть под подозрением, чем попасться. Запирайте, дядюшка Мартин, и я вам все скоренько доскажу.

Мэртэн (*направляясь к двери*). Ну ладно.

Шнапс. Если постучат, я хватаю сумку и ухожу через заднюю дверь. А вы уж поступайте как знаете.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Шнапс, потом Мэртэн.

Шнапс. Недурно бы сначала подкрепиться! И как ему не стыдно! Богатый человек, а такой скряга! (*Крадется от шкафа к шкафу, пробуя дверцы.*) Конечно, как всегда, все заперто и Роза унесла ключи... Не мешало бы заполучить несколько талеров патриотической контрибуции. (*У буфета.*) Дверцы рассохлись, замки не смазаны, все запущено.

В животе урчит, в кошельке не звенит... Шнапс! Ведь ты гражданин генерал! Ну-ка, возмись за дело! Покажи, на что способен!

Мэртэн (*возвращается*). Все запер. Ну, рассказывайте быстрее.

Шнапс. Это уж как получится.

Мэртэн. Боюсь, что скоро вернутся молодые.

Шнапс. Вряд ли. Когда они вместе, то не замечают,— полдень на дворе или вечер.

Мэртэн. Вы рискуете.

Шнапс. Так слушайте.

Мэртэн. Так начинайте.

Шнапс (*после паузы*). И все же, если подумать...

Мэртэн. Опять сомнения?

Шнапс. Вы истинно разумный человек, что верно, то верно.

Мэртэн. Премного благодарен!

Шнапс. Хотя и без образования.

Мэртэн. Что поделаешь.

Шнапс (*важно*). Хорошим, но необразованным людям, которых обычно принято называть простолюдинами...

Мэртэн. Ну?

Шнапс. Лучше всего пояснять на примере, путем сравнения.

Мэртэн. Ну-ка, ну-ка.

Шнапс. Так вот пример... (*Стремительно расхаживает по комнате и налетает на Мэртэна.*)

Мэртэн. Пример грубый.

Шнапс. Извините, у меня революционный пыл.

Мэртэн. Мне он совсем не по вкусу.

Шнапс. Например... (*Надвигается на Мэртэна.*)

Мэртэн. Да отвяжитесь от меня!

Шнапс. Представьте: мы объединились.

Мэртэн. Кто?

Шнапс. Мы сба и еще девятьсот девяносто восемь...

Мэртэн. Честных людей.

Шнапс. Итого тысяча.

Мэртэн. Совершенно верно.

Шнапс. И мы отправляемся в помещичью усадьбу, вооружившись ружьями и пистолетами.

Мэртэн. Откуда мы возьмем ружья и пистолеты?

Шнапс. Все найдется. Разве не видите, что у меня уже есть сабля? (*Берет Мэртэна под руку и ведет к кулисам.*)

Мэртэн. Полегче!

Шнапс. Двигаемся к усадьбе, вызываем помещика. Затем входим, вот так. *(Изображает.)*

Мэртэн *(высвобождает руку)*. Послушайте, должен вам сказать, что я не пойду с вами. Мы нашему помещику многим обязаны.

Шнапс. Вздор! Понятие благодарности вам придется упразднить.

Мэртэн. То есть как?

Шнапс. Очень просто. Упразднить — и все! Увидите, что неблагодарность — удобнейшая вещь на свете.

Мэртэн. Никогда бы не подумал!

Шнапс. Попробуйте, а теперь пошли, Не робейте, это ведь не взавражду.

Мэртэн. Ах, пример!

Шнапс *(снова тащит его под руку)*. И вот мы входим... Нет, знаете что?

Мэртэн. Ну?

Шнапс. Лучше так: вы будете за помещика. *(Ведет его через комнату.)* Станьте сюда.

Мэртэн. Пожалуйста.

Шнапс. Я вхожу с комитетом граждан.

Мэртэн. Этих граждан девятьсот девяносто девять?

Шнапс. Приблизительно.

Мэртэн. Хорошо.

Шнапс. «Господин!» — говорю я...

Мэртэн. Только потише!

Шнапс. Нет, не так, я ошибся! Господином никто не должен быть.

Мэртэн. А как же вы тогда скажете?

Шнапс. Погодите... вот: именем свободы и равенства отоприте ваши кладовые и погреба. Вы сыты, а мы хотим есть.

Мэртэн. Если хозяева уже отобедали, то спросить можно.

Шнапс. Отоприте ваши шкафы! Мы раздеты и разуты.

Мэртэн. Фу! Не станете же вы...

Шнапс. Именно станем... Развяжите ваши кошельки! У нас нет ни гроша.

Мэртэн. Вот тут уж вам всякий поверит,

Шнапс. Отвечайте же!

Мэртэн. А что я должен отвечать?

Шнапс *(раздраженно)*. Ну, говорите!

Мэртэн. А вы потише!

Шнапс. Это все, что вы можете сказать? Однако вы дерзки! (*Направляясь к буфету.*) Здесь все кладовки на замке.

Мэртэн. Это Розин буфет.

Шнапс (*непосредственно*). Фу! Ведь это не по-настоящему!

Мэртэн. Ах да!

Шнапс (*тем же тоном*). И шкафы заперты.

Мэртэн. Там одежда.

Шнапс. А где ключи?

Мэртэн. У Розы. Она очень хозяйственная, аккуратная; все запирает и ключи носит при себе.

Шнапс. Пустые отговорки! Где ключи?

Мэртэн. Да нет их у меня!

Шнапс. В таком случае придется взломать. (*Вытаскивает саблю и подходит к буфету.*)

Мэртэн. Вы спятили?

Шнапс. Это всего лишь к примеру.

Мэртэн. Не троньте!

Шнапс. Что? Вы намерены сопротивляться? (*Начинает отдирать рейки на створках буфета.*)

Мэртэн. Вы что, совсем сдурели?

Шнапс. Сейчас откроем! (*Продолжает взламывать.*) Так! Так!

Мэртэн (*бегая вокруг*). Розы! Розы! Где ты?

Шнапс (*взламывает*). Пошло! Так! Так!

Мэртэн. Йорге! Йорге!

Шнапс. Молчите! Ведь я только показываю, для наглядности.

Мэртэн. Только показываете? А мне показалось, что вы ломаете в самом деле.

Шнапс. Опомнитесь! Вы забыли, что сейчас вы помещик. (*Дверцы буфета открываются.*)

Мэртэн. Господи помилуй! Буфет настезь, рейки отодраны, замок испорчен. Что скажет Розы? Убирайтесь к дьяволу! Знайте, что я подобного не потерплю! Какое грубиянство! Что за нахальство! Я покличу соседей, пойду к старосте!

Шнапс (*тем временем осмотрел буфет, проверил горшки и кастрюли*). К старосте? Вашему смертельному врагу? Этому гордецу?

Мэртэн. Черт бы вас побрал!

Ш н а п с. Знайте, что старостой назначат вас, но лишь после того, как мы установим древо свободы.

М э р т э н. Старостой? Припоминаю, как меня когда-то хотели назначить тайным ландрихтером.

Ш н а п с. Теперь другие времена. Никто никого больше не надувает.

М э р т э н. Хорошо бы, коли так.

Ш н а п с. Никто ни над кем не потешается.

М э р т э н. Вот это приятно слышать.

Ш н а п с. Итак, прежде всего...

М э р т э н. Сделайте меня старостой.

Ш н а п с. Не сомневайтесь... Но прежде всего послушайте, о чем идет речь.

М э р т э н. Речь о том, чтобы запереть буфет,

Ш н а п с. Да нет же.

М э р т э н. И прибить на место рейки.

Ш н а п с. Никоим образом. Речь о том, чтобы вы поняли, почему именно меня произвели в генералы.

М э р т э н. Признаться, мне это не совсем ясно.

Ш н а п с. Итак, *exempli gratia*, например.

М э р т э н. Опять пример?

Ш н а п с. Да ведь еще ни одного не было.

М э р т э н. А по-моему, их уже многовато.

Ш н а п с. Значит, так... (*Берет из буфета большой горшок с молоком и ставит его на стол.*)

М э р т э н. Ради бога, только не этот! Роза сказала, что там самая хорошая сметана.

Ш н а п с. Тем лучше.

М э р т э н. Возьмите горшок поменьше, коль уж нельзя иначе.

Ш н а п с. Нет, для примера нужен самый большой.

М э р т э н. Тогда вот что я вам скажу: я не желаю больше с вами толковать.

Ш н а п с. Да?

М э р т э н. И можете убираться восвояси.

Ш н а п с. Ай-ай!

М э р т э н. Не хочу даже слушать вас.

Ш н а п с. Не хотите?

М э р т э н. Нет.

Ш н а п с. И не желаете ничего знать?

М э р т э н. Не желаю.

Ш н а п с. И ни с чем не соглашаетесь?

М э р т э н. Нет.

Ш на п с (*вытаскивая саблю*). Тогда я вам сейчас втолкую.

М э р т э н. Саблей? Хорошенькое дело!

Ш на п с (*замахиваясь саблей*). Помните, что вы обязаны учиться думать по-новому, должны быть разумным, должны быть свободным, должны быть равным, хочется вам того или нет.

М э р т э н (*в сторону*). Йорге! Йорге! Ну где же ты! Зачем я только спрятал этого...

Ш на п с. Итак, вы слушаете?

М э р т э н. Конечно.

Ш на п с. И не отказываетесь учиться?

М э р т э н. Ни в коей мере.

Ш на п с. Вот это правильно.

М э р т э н. И я так считаю.

Ш на п с. Смотрите сюда!

М э р т э н. Весь внимание.

Ш на п с. Представьте себе, что этот горшок — деревня.

М э р т э н. Деревня?

Ш на п с. Или город.

М э р т э н. Смешно!

Ш на п с. Или крепость.

М э р т э н (*в сторону*). Чудеса!

Ш на п с. Да! Например, крепость.

М э р т э н (*в сторону*). Когда уж кончатся эти примеры!

Ш на п с. Я осаждаю ее.

М э р т э н. Зачем?

Ш на п с. Предлагаю ей сдаться. Ту-ту! Та-та! (*Подражает звуку трубы*.)

М э р т э н (*в сторону*). Он и впрямь спятил.

Ш на п с. Они не желают сдаваться, набивают себе цену.

М э р т э н. И правильно делают. (*В сторону*.) Хоть бы Розы пришла вызволить крепость.

Ш на п с. Я открываю по ней огонь! Пиф! Паф!

М э р т э н. Дело плохо!

Ш на п с. Я бомбардирую ее день и ночь. Ба-бах! Ба-бах! Крепость сдается.

М э р т э н. И зря.

Ш на п с (*приближается к горшку*). Я вступаю в нее.

М э р т э н. Худо ей придется.

Ш на п с (*берет ложку*). Я созываю граждан,

Мэртэн. Ну, пропали!

Шнапс. Благонамеренные быстро собираются вокруг меня. Я сажусь (*садится*) и обращаюсь к ним с речью.

Мэртэн. Бедный горшок!

Шнапс. Собратья, граждане! — говорю я.

Мэртэн. Звучит весьма любезно.

Шнапс. К сожалению, я не вижу среди вас согласия.

Мэртэн. В горшке вроде тишь да гладь.

Шнапс. Там скрытое брожение.

Мэртэн (*прислушивается*). Ничего не слышу.

Шнапс. Вы утратили первоначальное состояние равенства.

Мэртэн. Что-то непонятно.

Шнапс (*с пафосом*). Когда вы все вместе были еще свежим молоком, одна капелька ничем не отличалась от другой.

Мэртэн. Что верно, то верно.

Шнапс. Но вот вы скисли.

Мэртэн. Это граждане-то?

Шнапс. И разделились.

Мэртэн. Смотри-ка!

Шнапс. И я вижу, что богачи затесались в сметану...

Мэртэн. Умора!

Шнапс. ...всплыли наверх.

Мэртэн. Богачи — сметана? Ха-ха-ха!

Шнапс. Они и тут оказались наверху! Этого допустить нельзя.

Мэртэн. Еще бы!

Шнапс. А потому я их удаляю. (*Снимает ложкой сметану в миску.*)

Мэртэн. О, боже! Начинается.

Шнапс. Под сметаной я нахожу простоквашу.

Мэртэн. Само собой.

Шнапс. Ею тоже пренебрегать не стоит.

Мэртэн. Еще бы.

Шнапс. Это хорошее, зажиточное среднее сословие.

Мэртэн. Простокваша — среднее сословие? Ну и дсла!

Шнапс. Зачерпну наобум. (*Черпает.*)

Мэртэн. Знает толк.

Шнапс. Теперь смешаю (*смешивает*) и поучу их, как надо ладить друг с другом.

Мэртэн. Интересно, что же дальше?

Шнапс (*встает, идет к буфету*). Оглядевшись вокруг, я обнаруживаю (*вытаскивает оттуда буханку хлеба*) поместье.

Мэртэн. Это хлеб.

Шнапс. У дворян всегда самые хорошие поля, поэтому натуральнее всего — изобразить дворян в виде хлеба.

Мэртэн. Значит, и буханку туда же.

Шнапс. Конечно! Равенство так равенство.

Мэртэн (*в сторону*). Если бы у него не было сабли! Игра-то неравной получается.

Шнапс. Здесь тоже отрезаем необходимую часть...

Мэртэн (*в сторону*). Пришел бы Йорге скорее!

Шнапс. И крошим.

Мэртэн. Крошим?

Шнапс. Да, чтобы смирить гордыню и сбить с них спесь.

Мэртэн. Ага!

Шнапс. Затем сыпем в тарелку и перемешиваем.

Мэртэн. Когда же конец?

Шнапс (*задумчиво*). Не хватает еще духовных благ.

Мэртэн. Откуда же им взяться?

Шнапс. Я вижу здесь сахарницу. (*Берет сахарницу, стоящую на столе возле кофейных чашек.*)

Мэртэн (*удерживает его руку*). Поставьте на место! Роза отвесила мне сахару на всю неделю, и я должен этим обходиться.

Шнапс (*хватаясь за саблю*). Гражданин!

Мэртэн. Погодите!

Шнапс. Духовным лицам всегда доставались самые лакомые, самые сладкие кусочки...

Мэртэн. Кому-то они должны ведь доставаться.

Шнапс. Значит, попов изобразим в виде сахара. Его тоже истолчем...

Мэртэн. Господи, что делать!

Шнапс. И посыпем.

Мэртэн (*в сторону*). Ты мне за это еще заплатишь. (*Идет к окну.*) Чу! Кажется, идет Йорге?

Шнапс. И вот кисло-сладкое молоко свободы и равенства готово.

Мэртэн (*у окна, тихо*). Никого нет.

Шнапс. Идите сюда! Что вы там встали у окна?

Мэртэн. Мне показалось, что кто-то идет,

Ш на п с. Не Йорге ли? (*Поднимается.*)
М э р т э н. Нет никого.
Ш на п с. Дайте-ка я погляжу. (*Идет к окну и смотрит, на Мэртэна.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же. Йорге крадучись входит через заднюю дверь.

Йорге (*тихо*). Какой дьявол пришел к отцу? Уж не Шнапс ли?

М э р т э н (*у окна*). Да не наваливайтесь на меня!

Ш на п с. Я хочу посмотреть. (*Выглядывает в окно.*)

М э р т э н. Чего?

Ш на п с. Что поделявают мои солдаты.

Йорге (*прислушиваясь*). Это его голос! Но что у него за вид?

Ш на п с. Браво, мои храбрые друзья!

М э р т э н. С кем это вы разговариваете?

Ш на п с. Разве не видите, как мои люди пляшут вокруг древа свободы?

М э р т э н. Вам мерещится. Я не вижу ни души.

Йорге. Он, воистину он! Но что это значит? Почему отец заперся с ним?.. А как переоделся — узнать нельзя! Хорошо, что задняя дверь была открыта!

Ш на п с. Вот, глядите, как вашим женам и дочерям втолковывают принципы свободы и равенства!

М э р т э н (*пробует высвободиться, но Шнапс держит его*). Это уже слишком!

Йорге. О чем они там болтают? Ничего не понимаю! (*Оглядывается.*) Что такое? Дверцы буфета открыты! На столе простокваша! Никак, завтракать собираются?

Ш на п с (*в прежней позе*). Радуйтесь, смотрите, как все дружны и веселы!

М э р т э н. Да вы рехнулись. Я никого не вижу.

Йорге (*отступая в укрытие*). Послушаю, однако.

Ш на п с (*отпускает Мэртэна*). Все это я вижу мысленно. А вы скоро воочию их увидите перед вашим домом.

М э р т э н. В своем доме я теперь уже ничего доброго не жду.

Ш на п с (*еще раз выглядывает в окно; про себя*). Все тихо, спокойно. Быстрее за стол! (*Идет к столу.*)

М э р т э н. Глаза бы мои тебя не видели!

Шнапс. О любимая похлебка свободы и равенства, будь благословенна!.. Смотрите!

Мэртэн. Что еще?

Шнапс. Вот гражданин генерал садится за стол...

Мэртэн. Так я и думал.

Шнапс. И съедает ее.

Мэртэн. Один?

Шнапс *(ест)*. Да нет же!.. Со своими согражданами.

Мэртэн. Хоть тут совесть заговорила.

Шнапс. Садитесь, гражданин Мартин.

Мэртэн. Благодарствую!

Шнапс. Угощайтесь.

Мэртэн. Я не голоден.

Шнапс. Не стесняйтесь меня, мы все равны.

Мэртэн. Я это понял.

Шнапс. Вы славный гражданин.

Мэртэн. Впервые слышу.

Шнапс. Вы будете моим капралом.

Мэртэн. Много чести!

Шнапс. Присаживайтесь, мой капрал.

Мэртэн. Вы шутите, мой генерал.

Шнапс *(встает, расшаркивается)*. Мой капрал!

Мэртэн. Мой генерал!

Тем временем Йорге подкрадывается сзади к Шнапсу и бьет его палкой.

Шнапс. Ой! Что это?

Йорге. Вот тебе, мой генерал!

Мэртэн. Браво, Йорге!

Йорге *(продолжает бить Шнапса)*. Вот тебе, мой капрал!

Шнапс. Святая свобода, помоги!

Йорге. Сейчас поможет!

Мэртэн. Дай ему, дай!

Шнапс. Святое равенство, заступись!

Йорге. Пой, пой! Я буду отбивать такт!

Шнапс *(выхватывает саблю, защищается)*. Святая сила революции, выручи меня!

Йорге. Сейчас выручу!

Мэртэн. Берегись, он отчаянный!

Йорге. Пусть только посмеет, негодяй! *(Бросается на Шнапса.)*

Шнапс. Ой! Ой!

Йорге. Вот тебе! Мало?

Мэртэн. Отбери у него саблю!

Йорге (*обезоруживает Шнапса*). Готово!

Шнапс (*отбегает за стол, загораживается стульями*).

Пора капитулировать.

Йорге. А ну, вылезай!

Шнапс. Дорогой Йорге, я ведь только пошутил!

Йорге. Я тоже. (*Бьет палкой, но попадает по столу.*)

Мэртэн. Добавь ему!

Шнапс (*выбирается из-за стульев и бежит вокруг стола*). А то я...

Йорге (*преследует его*). Не удерешь!

Шнапс (*очутившись у окна*). Караул! На помощь!

Йорге (*оттесняет его*). Молчи, паскудник!

Шнапс (*бежит вокруг стола*). Огонь! Огонь!

Мэртэн (*преграждает Шнапсу дорогу*). Заткни ему глотку!

Шнапс (*прикрывшись двумя стульями*). Пощадите! Сдаюсь!

Йорге. Вылезай!

Шнапс (*швыряет стулья им под ноги, оба отскакивают*). Вот вам!

Йорге. Ну погоди!

Шнапс. Как бы не так! (*Убегает через заднюю дверь.*)

Йорге. Все равно поймаю. (*Бросается вслед.*)

Мэртэн (*погирает ушибленную стулом ногу; в дальнейшем ходит прихрамывая*). Отшиб ногу! Вот дьявол! Но ему тоже досталось!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Мэртэн. Роза. Потом Йорге.

Роза (*с улицы*). Отец! Отец!

Мэртэн. О, господи! Роза! Что я ей скажу?

Роза. Откройте, отец! Что там за шум?

Мэртэн (*у окна*). Сейчас иду! Погоди!

Йорге (*входит в комнату через заднюю дверь*). Вот каналья! Заперся в чулане! Но я задвинул снаружи засов, так что никуда не удерет!

Роза. Отец! Где вы? Отоприте!

Йорге. Это Роза.

Мэртэн. Ступай отопрй дверь! Я ведь охромел!

Йорге уходит.

Вот несчастье. Бедная Роза!.. Таковую сметану! (*Садится.*)

Йорге (*входит вместе с Розы*). Погляди-ка.

Розы. Что это? Что здесь случилось?

Йорге. Видишь ли...

Розы. Мой горшок! Отец, что это значит?

Мэртэн. Шнапс...

Йорге. Только представь себе...

Розы. Мой буфет! Сахар! (*Мечется по комнате.*) Какой ужас! Шнапс! Где он?

Йорге. Успокойся, он под замком.

Розы. Слава богу. Сейчас же сдадим его старосте. Он уже идет сюда.

Мэртэн (*вскакивает с места, прихрамывает*). Кто-о?

Розы. Соседи слышали шум в нашем доме и побежали к старосте.

Мэртэн. К старосте! О, боже, мы пропали!

Розы. Моя лучшая сметана!

Йорге. Он за нее заплатит.

Мэртэн. Послушайте меня, дети! Забудьте и про сметану, и про все остальное!

Розы. С какой стати?

Мэртэн. Молчи и слушай! Нельзя, чтобы у нас обнаружили Шнапса. Мы его в глаза не видели.

Йорге. Хорошо бы, коли так!

Мэртэн. Не перебивай! Если его найдут, мы пропали. Он посланец яковинского клуба.

Розы. Быть не может! Этот мошенник?

Мэртэн. Ну да. Ведь на нем форма. Когда ее увидят, ему не отвертеться.

Йорге. Да, Шнапс в мундире.

Мэртэн. А нас заподозрят, отведут к судье! Бог знает что!

Йорге. Но ведь мы можем сказать...

Мэртэн. Беги и скажи им, что ничего не было...

Йорге. Если только поверят! (*Убегает.*)

Розы. Не могу успокоиться. Моя лучшая сметана!

Мэртэн. Пустяки! Ты лучше подумай, как нам уцелеть.

Розы. Что ж тут думать. Нужно сказать лишь, как этот плут пытался вас сбить с толку, а Йорге его отдубасил.

Мэртэн. Здорово! Только почему тебе это раньше не пришло на ум? Йорге ведь уже внизу и ото всего отпирается... значит, на нас опять ляжет подозрение. Вот беда-то! Вот беда!

Розы. Ух, проклятый!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же. Староста. Йорге. Крестьяне.

Староста (*врываясь в комнату*). Нет, нет, я должен все расследовать.

Йорге (*удерживая его*). Да ничего не было.

Мэртэн. Неужто я вижу старосту в моем доме? Несчастный я человек!

Рози (*выступая вперед*). Не утруждайте себя, господин староста!

Староста. Ничуть не утруждаю! Это моя обязанность. Кто здесь кричал «огонь!»?

Рози. Это была шутка.

Староста. Так не шутят. Кто звал на помощь?

Рози. Я... мы бранились с Йорге.

Староста. Бранились?

Рози (*ведет старосту по комнате и, как бы припоминая, рассказывает*). Вот здесь в буфете стоял горшок с простоквашей... я заперла буфет и ушла... А тут явился Йорге... У, негодник... Йорге захотел есть... ну и взломал дверцы.

Староста. Ай-ай-ай!

Рози. ...снял все сливки... и сделал себе тюрю... вот, еще осталось в миске... ну, я пришла, увидела это... рассердилась... и дала ему затрепину... а он схватил меня... и начал щекотать... я закричала... мы стали возиться, опрокинули стулья... а один упал отцу на ногу... Верно, отец?

Мэртэн. Видите, как я хромаю.

Рози. Ну, я еще пуще разозлилась... и...

Староста. И решили наврать старосте.

Рози. Я не вру.

Староста. Врете. Да так гладко, что сами готовы себе поверить. Думаете, мы ничего не заметили?

Йорге. А что?

Староста (*к Рози*). Вы проходили мимо моего дома?

Рози. Да.

Староста. Вот эти люди вам не встретились?

Рози. Не помню.

Староста (*к крестьянам*). Повстречалась она вам?

Крестьянин. Да! И она говорила с нами, а мы ей сказали, что у них в доме страшный шум.

Мэртэн. Все, пропали!

Рози. Черт возьми!

Йорге. Вот что получается, когда врешь!

Староста. Да-с! Ну что вы теперь скажете?

Они смотрят друг на друга; староста прохаживается по комнате и поднимает красный колпак.

Ого! Что это?

Йорге. Не знаю.

Староста (*оглядевшись, находит треугольную шляпу с кокардой*). А это?

Рози. Ничего не понимаю.

Староста (*протягивает треуголку Мэртэну*). Ну-с? Может быть, вы знаете? Может быть, вам понятно?

Мэртэн (*про себя*). Что мне ему сказать?

Староста. Тогда я вам объясню. Это шапка вольнодумцев. А это национальная кокарда. Любопытная находка! Что же вы молчите — или сказать нечего?.. Значит, в этом доме клуб заговорщиков, сборище изменников, резиденция мятежников?.. Вот так находка! Какая удача!.. Вы наверняка чего-то не поделили между собой, — как, впрочем, и французы... и вцепились друг другу в волосы... сами же признались. Вот так-то!.. Ну-с, послушаем дальше.

Рози. Дорогой господин староста!

Староста. Как любезно! Обычно вы весьма дерзки.

Йорге. Вы должны понять...

Староста. Должен?.. Скоро заговорите по-другому.

Мэртэн. Кум!

Староста. С чего это я вдруг опять стал кумом!

Рози. Разве вы не крестили меня?

Староста. С тех пор многое изменилось.

Мэртэн. Позвольте вам сказать...

Староста. Молчите! Посовестились бы! Разве вы не собрались шествовать к древу свободы? Разве не сговорились вздернуть меня на первом же суку?.. Нам известно, как сейчас народ, взбудораженный смутьянами, отзывается о властях, что он думает! Плохо ему придется. И вам не поздоровится! (*К крестьянам.*) Увести их отсюда! И прямо к судье! Здесь все будет описано и опечатано! Оружие, порох, кокарды! Начнется следствие! Уходите! Прочь!

Мэртэн. Несчастный я человек.

Рози. Позвольте же объяснить, господин староста.

Староста. То есть соврать еще раз, мамзель Розен?
Марш, марш!

Йорге. Раз уж нельзя иначе, то пусть Шнапс тоже идет.
Разбираться так разбираться.

Староста. При чем тут Шнапс?

Йорге. Я говорю, что...

Рози (*у окна*). А вон и господин помещик идет, слава богу!

Староста. Он обо всем узнает в свое время.

Йорге. Позови его!

Рози. Сударь! Милостивый государь! Помогите! Помогите!

Староста. Прекратить! Он вам не поможет; напротив, рад будет, что удалось обнаружить злоумышленников. Да и дело это — уголовное, полицейское; оно подведомственно мне, судье, правительству, князю! В назидание другим вас следует примерно наказать!

Мэртэн. Ну вот и последний пример!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же. Помещик.

Помещик. Дети мои, что случилось?

Рози. Помогите нам, милостивый государь!

Староста. Взгляните, ваша милость, что здесь нашлось.

Помещик. Что же?

Староста. Колпак вольнодумца.

Помещик. Странно!

Староста. Национальная кокарда.

Помещик. Что это значит?

Староста. Заговор! Мятеж! Государственная измена!
(*Шляпу и кокарду он держит в руке; потом уносит их с собой.*)

Помещик. Тихо! Я сам расспрошу.

Староста. Дозвольте мне обыскать дом! Кто знает, что здесь еще запрячено.

Помещик. Помолчите!

Рози. Милостивый государь!

Помещик. Откуда эти вещи?

Мэртэн. Их принес Шнапс.

Йорге. Когда меня не было.

Мэртэн. Он взломал буфет...

Рози. Приложился к горшкам с простоквашей...

Мэртэн. И хотел преподать мне принципы равенства и свободы.

Помещик. Где он?

Йорге. В чулане. Заперся там, когда я за ним погнался,

Помещик. Приведите его сюда!

Йорге, староста и крестьяне уходят.

Стало быть, это опять проделки господина Шнапса,

Мэртэн. Точно так.

Помещик. Когда он пришел к вам?

Мэртэн. В отсутствие моих детей.

Рози. Он боится Йорге.

Мэртэн. Мне стало любопытно...

Помещик. Говорят, это с вами порой бывает.

Мэртэн. Виноват!

Помещик. И вдобавок вы несколько легковверны.

Мэртэн. Он так увлекательно рассказывал о всяких важных вещах.

Помещик. И вы попались на удочку.

Мэртэн. Вроде бы так.

Рози. А ему-то ничего не надо было, кроме тюрьмы. Вот взгляните, сударь, какую он хорошую простоквашу взял, и хлеба крошил, и сахару насыпал. И такое добро придется выкинуть! Разве можно оставлять после того, как эта погань из миски хлебала.

Помещик. Значит, ему хотелось всего лишь позавтракать?

Мэртэн. Кто его знает. Он сказал, что его послали якобы бинды.

Помещик. Ну а дальше?

Мэртэн. Надел форму и вооружился.

Помещик. Что за вздор!

Мэртэн. Назвался гражданином генералом и начал тут нахальничать.

Помещик. Это их манера.

Мэртэн. Сперва он был вежлив, обходителен, а потом озверел, взломал буфет и взял, что ему захотелось.

Помещик. Точь-в-точь как его соратники!

Мэртэн. Плохи мои дела.

Помещик. Но все же не так плохи, как в тех провинциях, где ему подобные уже успели похозяйничать. Начали они со льстивых речей и обещаний, на которые клюнули добродушные простаки, а кончили — насилием, грабежом, изгнанием честных людей и всякого рода преследованиями. Благодарите бога, что вы еще дешево отделались!

Рози. Вы заступитесь за нас, сударь?

Помещик. Да. Впрочем, вы ни в чем и не провинились.

Мэртэн. Идут!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же. Йорге. Староста.

Крестьяне вводят Шнапса, он в форме, с саблей и с усами.

Помещик. Вперед, господин генерал!

Староста. Вот он, зачинщик! Поглядите-ка на него. Все, как в газетах пишут. Форма! Сабля! *(Напяливает Шнапсу на голову красный колпак, а поверх — треугольную шляпу.)* Колпак! Треуголка! Пусть так и стоит у позорного столба! К судье его, живо! На допрос! Потом заковать в кандалы — и в резиденцию!

Помещик. Спокойно, спокойно.

Староста. Разослать гонцов! Негодяй не один! Пытать его! Надо схватить сообщников! Двинуть полки! Немедленно обыскать дом!

Помещик. Тихе!.. Шнапс, что это за шутка?

Шнапс. Так точно, шутка, ничего больше.

Помещик. Откуда эта одежда? Отвечайте быстро! Я все знаю.

Шнапс. Вы никак не можете знать, милостивый сударь, что одежду эту со всем снаряжением я унаследовал от одного бедняги.

Помещик. Унаследовал? Странно! Обычно ты предпочитаешь украсть.

Шнапс. Выслушайте меня.

Мэртэн. Интересно, что он расскажет.

Шнапс. Когда по городу вели последнюю партию французских военнопленных...

Помещик. Ну?

Шнапс. Я из любопытства пробрался к ним.

Помещик. Дальше!

Шнапс. Один бедняга-француз был очень болен, и его оставили в предместье, на постоялом дворе...

Староста. Это наверняка враки.

Шнапс. Я взялся лечить его, но он... скончался.

Помещик. Вот это очень похоже на правду.

Шнапс. Он завещал мне свои вещи за то, что я позаботился...

Помещик. О его гибели.

Шнапс. Дал этот мундир и саблю.

Помещик. А колпак и кокарду?

Шнапс. Нашел у него в ранце среди тряпья.

Помещик. Вместе с генеральским патентом.

Ш на п с. Потом я пришел сюда, к простаку Мэртэну.
Мэртэн. Простаку? Бессовестный!

Ш на п с. К сожалению, мне не совсем повезло: я не успел доестъ чудесную тюрю. Из-за нее у меня возникла небольшая размолвка с Йорге...

Помещик. Довольно! Правду ли он говорит?

Ш на п с. Справьтесь в городе! Я могу указать, где продал ранец. А эту одежду я принес в сумке брадобрея.

Помещик. Со временем выяснится.

Староста. Не верьте ему!

Помещик. Не учите меня, как поступать. Если все подтвердится, то за такой пустяк наказывать не следует. В мирной стране это вызовет лишь ненужный страх и недоверие. Нам ведь нечего опасаться. Дети, любите друг друга, возделывайте вашу землю и будьте хорошими хозяевами.

Рози. Это наш долг.

Йорге. Был и будет.

Помещик. А вы, старина, поступите весьма похвально, если употребите ваше искусство предсказывать погоду и знание здешней почвы на то, чтобы вовремя сеять и вовремя убирать урожай. Предоставьте чужим странам самим о себе заботиться, а политический небосклон разглядывайте в крайнем случае по воскресеньям и праздникам.

Мэртэн. Пожалуй, так оно будет лучше.

Помещик. Пусть каждый начнет с самого себя — тут ему найдется немало дел. И да будет он благодарен за каждый ниспосланный ему мирный день: заботясь о благоденствии своем и своих близких, он тем самым послужит и благо общему.

Староста (*то и дело порывается вставить слово*). Но нельзя же это так оставлять!.. Подумайте о последствиях! Если оставить безнаказанным подобное...

Помещик. Тихе! Успокойтесь! Поспешные приказы, чрезмерные кары лишь сеют зло. В стране, где монарх ни от кого не таится, где все сословия с уважением относятся друг к другу, где никому не мешают развивать полезные склонности, где торжествуют разумные суждения и знания, там не может возникнуть никаких партий. Мы вольны интересоваться всем, что происходит на белом свете, но на нас не должны влиять чужие смуты, даже если они охватили целые страны. Будем жить в спокойствии, и будем радоваться тому, что над нами ясное небо, а не зловещие грозовые тучи, которые ничего не принесут, кроме безмерного урона.

Р о з и. Как приятно вас слушать!

Й о р г е. Верно, Роза!.. Говорите еще, сударь!

П о м е щ и к. Я уже все сказал. (*Подталкивает вперед Шнапса.*) И как замечательно, что мы можем сейчас посмеяться над этой кокардой, этой шляпой и этим мундиром, которые причинили столько бед людям!

Р о з и. Да, просто умора глядеть на господина Шнапса.

Й о р г е. Ну и дурацкий у него вид!

Ш н а п с. Что ж, пожалуй, придется все стерпеть. (*Косится на миску с тюрей.*) Если бы вот еще напоследок мне дозволили бы воспользоваться остатками патриотической контрибуции!

Р о з и. Ну уж нет, не выйдет!

КОММЕНТАРИИ

ГЕЦ ФОН БЕРЛИХИНГЕН

В 1771 году в течение шести недель Гете написал «Драматизированную историю Готфрида фон Берлихингена с железною рукою». По совету своего друга Гердера Гете несколько переработал пьесу и сократил ее. В таком виде под названием «Гец фон Берлихинген с железною рукою» (Гец — уменьшительное от Готфрид) драма была впервые напечатана в 1773 году без имени автора. Уже в следующем году, без ведома Гете подвергшись сокращениям, драма эта была дважды поставлена на сцене — в Берлине и Гамбурге. В 1804 году, готовя текст для представления в Веймаре, Гете сам переработал свое произведение для сцены. Каноническим является текст 1773 года, с которого (с учетом некоторых позднейших исправлений) сделан настоящий перевод.

Источником сюжета драмы послужило жизнеописание Геда фон Берлихингена, написанное им самим в 1557 году и напечатанное впервые в 1731 году.

«Гец фон Берлихинген» — первое произведение Гете, принесшее ему известность во всей Германии. Драма выражает бунтарские настроения молодого Гете. В ней отразились идеи, типичные для движения «Бури и натиска», одним из вождей которого Гете стал благодаря этому произведению. Свободолюбивые стремления молодого поэта сочетались с вольной драматической формой, близкой к приемам Шекспира в его пьесах-хрониках и сознательно противопоставленной сковывающим нормам классицизма XVII—XVIII веков.

Действие драмы Гете происходит в XVI веке, когда не существовало единой Германии, как во времена Гете и позже.

Страна была раздроблена на множество независимых феодальных государств, находившихся в постоянной вражде друг с другом. Номинально все германские государства, включая Австрию, были объединены в так называемую Священную Римскую империю германской нации. В XV—XVIII веках императорами обычно избирались представители могущественной династии Габсбургов. В XVI веке противоречия феодальной системы достигли крайней остроты. Они усугублялись тем, что возглавляемая римским папой католическая церковь, которая тоже была важной экономической и политической силой, возложила на германский народ большие поборы. Недовольство немцев получило выражение в разных формах: мелкие рыцари враждовали с крупными баронами; крестьяне восставали против своих феодальных угнетателей, широкие слои населения поддерживали движение за реформацию церкви, возглавленное Мартином Лютером. Особенно бурными были двадцатые годы XVI века, когда в основном и происходят события, изображенные в драме.

Вкратце история жизни Геца фон Берлихингена такова. Он родился в 1480 году. С семнадцати лет он служил в войсках разных крупных феодалов. В 1504 году при осаде Ландсгута потерял правую руку. Приобретя взамен искусно сделанную железную руку, он продолжал участвовать в многочисленных войнах. В 1519 году, воюя на стороне Ульриха Вюртембергского против Швабского союза городов, он долго выдерживал осаду города Мекмюля, но вынужден был сдаться. Он выторговал право свободно выйти из города, но враги, воспользовавшись слабостью его отряда, напали на него, взяли в плен и заточили в Гейльбронне, где он просидел около трех лет. Франц фон Зикинген и другие друзья выкупили его за две тысячи гульденов. Когда началась Великая крестьянская война, одна из армий восставших крестьян — Оденвальдская — вынудила его принять командование ею. Общая неорганизованность крестьянского движения и предательство богатых горожан привели в 1525 году к разгрому народного восстания. В 1528 году Геца посадили в тюрьму в Аугсбурге, где он пробыл два года. Отпустили его под честное слово, что он будет безвыездно оставаться в своем замке, не будет пытаться мстить за свое заточение и возместит убытки, понесенные городами Майнцем и Вюрцбургом от грабежа его войска. В 1542 году, зная его воинскую доблесть, император Карл V пригласил Геца участвовать в войне против турок, подошедших к границам империи. В 1544 году он воевал уже на западе — против Франции. Последние годы жизни Гец провел в своем замке, где и написал мемуары. Он скончался в 1562 году восьмидесяти двух лет от роду.

Создавая драму, Гете отнюдь не строго придерживался жизнеописания своего героя. Он создал образ, в котором некоторые черты исторического Геца — его мужество, независимый характер, ненависть к крупным феодалам, склонность к самоуправству — сочетались с идейными стремлениями передовой бюргерской молодежи конца XVIII века; их жаждой политической свободы, верой в оздоровление человечества посредством возврата к природе. Гете сознательно не стремился к хронологической точности. Воспроизводя колорит эпохи Реформации и Великой крестьянской войны, Гете, изображая прошлое, стремился выявить в нем то, что было близко немцам XVIII века. Особенно заметны намеренные отклонения от исторических источников в характеристике Геца, который в действительности был далек от того, чтобы служить нравственным образцом. Под пером Гете он становится одним из идеальных выразителей духа «Бури и натиска». Общая характеристика драмы и ее место в творчестве Гете определены во вступительной статье к тому 1 настоящего издания (см. с. 24—25).

Стр. 7. *Рейтары* — солдаты тяжело вооруженной кавалерии в XVI в., часто нанимались из числа иностранцев.

Стр. 9. *...все должно быть благопристойно и чинно.* — Библейское выражение. В речах персонажей драмы встречается немало фраз и изречений из Библии. Чтобы передать колорит языка начала XVI в., Гете пользовался для этой цели Библией в переводе Мартина Лютера.

Стр. 11. *...брат Мартин.* — Гете дал жизнерадостному монаху имя вождя реформации церкви в Германии Мартина Лютера (1483—1546), современника изображаемых в драме событий. При пострижении в монахи имя, данное при крещении, менялось на новое, чем подчеркивалось полное отречение от мирской жизни. Когда монах говорит, что имя Мартин ему нравится больше, он тем самым как бы отрекается от своего монашеского звания. Протестантская реформация церкви сопровождалась уничтожением монашества и монастырей.

Стр. 12. *Вино веселит сердце человеческое...* — Текст из псалма 104. Там, где ему это выгодно, монах ссылается на Священное писание.

Я иду от святого Фейта... — Имеется в виду монастырь, названный в честь святого Фейта, целителя болезни святого Витта (по-немецки — Фейт).

«*Ave*» и «*Аллилуйя*» — молитвенные песнопения. «*Ave*» — начало гимна «*Ave Maria*» в честь богородицы. «*Аллилуйя*» — «Славься»

(древнегреч.) — начальное слово гимна, обращенного к всевышнему.

...орден, учрежденный создателем моим! — Подразумевается «орден» человека — самое высокое звание.

Стр. 14. *Счастливы муж добродетельной жены...* — Изречение из Библии, Книга Премудрости Иисуса, Сына Сирахова, гл. 26; *...и число дней его сугубое* — то есть срок его жизни долгий.

Я не знаю женщин. — Лица духовного звания, принадлежащие к католической церкви, дают обет целомудрия. Одним из нововведений протестантской религии было разрешение священникам вступать в брак.

Стр. 15. *О мертвое орудие...* — То есть железная рука Геца.

...храбрый святой. — Имеется в виду Георгий Победоносец — легендарный герой. Предание гласило, что он убил дракона, опустошавшего землю одного языческого царя; для замирения дракона ему отдавали на съедение детей. Когда же он потребовал царскую дочь, явился Георгий Победоносец и сразил его.

Стр. 17. *...один портной из Штутгарта...* — История, рассказанная здесь, описана в мемуарах Геца.

...жить в своем замке благочестивым христианским рыцарем. — Жена Геца Елизавета желает воспитать сына в духе рыцарских традиций, тогда как сестра героя Мария хочет привить ему нравственный идеал, соответствующий духу более позднего, близкого Гете времени.

Стр. 18. *Мы подстерегали его между Нюрнбергом и Бамбергом.* — Подробности рассказа рейтара взяты из жизнеописания Геца, но там они относятся к захвату другого лица, графа фон Вальдека.

Стр. 19. *Поднимаюсь я... с Францем фон Зикингеном...* — Гете излагает подлинный рассказ Геца, заменив, однако, Мартина фон Зикингена его прославленным братом Францем.

Стр. 21. *Ты и это знаешь, кукольных дел мастер?* — Сцена подчеркивает различие характеров Геца и его сына Карла. В варианте 1771 г. Гец даже собирался отдать сына в монастырь.

Стр. 22. *Свободой и благородством рождения ты равен лучшим сынам Германии, ты независим, ты подчинен лишь императору...* — Таким было положение рыцарей-дворян, но к XVI в. мелкое рыцарство утратило экономические позиции и политическую независимость. Оно пыталось отстоять свои права, поддерживая императора в его столкновениях с крупной светской и церковной феодальной знатю. Именно так ведет себя Гец, тогда как Вейслинген примкнул к той части рыцарства, которая прислуживала феодальным магнатам.

Стр. 23. *...место придворного шаркуна при своемкрааном и завистливом попе!* — Представители высшего духовенства — епископы, в том числе епископ Бамбергский, — благодаря экономической мощи церкви играли видную роль в политической жизни и, подобно светским властителям, создавали вокруг себя дворы со свитой.

...рыцарей-самоуправцев, которые нападают на их подданных... — Вейслинген намекает на поведение самого Геца.

...земли дражайшего императора нашего находятся во власти заклятого врага... — Имеются в виду турки и французы.

...далекая от нас императорская власть... не в силах защитить себя самое. — Власть императоров была больше номинальной, чем реальной, ибо каждый из многочисленных больших и малых феодалов, входивших в состав империи, являлся неограниченным властителем на своей земле.

Стр. 24. *Но как обстояло дело с договором о земском мире?* — Гец рассказывает в мемуарах, что еще мальчиком сопровождал в 1495 г. своего кузена Конрада фон Берлихингена на всегерманский съезд феодальных князей в Вормсе, где они заключили между собой договор о мире между германскими государствами.

Стр. 25. *Епископ Бамбергский* и др. — Для того чтобы создать образ типичного представителя крупных церковных феодалов, Гете воспользовался именем епископа Бамбергского, характер которого в действительности был иным, чем он представлен в драме. Гете придал ему отрицательные черты, приписанные епископу гуманистом Ульрихом фон Гуттенем в одном из направленных против него памфлетов. Приближенные епископа — аббат фульдский и Олеарий — не являются историческими лицами, как и Либетраут. Образ последнего навеян фигурой смелого задиры и весельчака Меркуцио из «Ромео и Джульетты» Шекспира.

Много ли немецких дворян обучается теперь в Болонье? — В этом городе на севере Италии находится один из старейших университетов Европы. Его юридическая школа возникла в XI в. и стала основой для развития юридических наук. Сюда съезжались учиться правоведению со всей Европы.

Особенно славится стойкостью на диспутах. — Как профессора, так и их ученики упражнялись в науках посредством диспутов на различные темы, что служило подготовкой для будущего участия юристов в судах.

Corpus iuris (точнее: *Corpus iuris Justinianus*) — свод гражданских законов Юстиниана, императора Византии, в VI в. подчинившей своей власти Италию и Северную Африку; по его указанию был составлен свод законов, представляющих так называемое римское право. Изучение его в Болонье содействовало

распространению римского права во всей Европе, в частности, с конца XV в. в Германии.

Стр. 26. *Глоссы* — комментарии и толкования, разъяснявшие и дополнявшие законы.

Значит, там есть и все десять заповедей? — Кодекс нравственного поведения, изложенный в Ветхом завете, включает правила: не убий, не укради и др. Аббат обнаруживает свое невежество, предполагая, что эти правила входят в свод законов. Следующая реплика Олеария: *«Implicite, конечно, но не explicite»* — с переводом латинских слов означает: «Это подразумевается, но не сказано впрямую», то есть десять заповедей в тексте не содержатся, но необходимость следования им сама собой разумеется.

...когда чернь прослышала, что я юрист, то чуть камнями меня не побила. — Здесь и в следующей реплике Олеария имеется в виду перемена в организации судебного дела в Германии. Издавна существовали местные суды так называемых шоффенов (шеффенов), которые, как точно говорит Олеарий, судили «на основании старых обычаев и немногих статутов». Введение римского права под влиянием гуманизма первоначально встречало отпор сторонников старых обычаев. Однако в XVII в. суд шоффенов стал исчезать.

Стр. 27. *При коронации императора Максимилиана...* — Ошибка: Максимилиан I был избран королем во Франкфурте в 1486 г., но первая коронация императора произошла во Франкфурте в 1564 г., когда там короновали Максимилиана II. Мальчиком Гете наблюдал коронацию германского императора, что описано им в «Поэзии и правде» (см. т. 3 наст. собр. соч., кн. 5, с. 151—174).

Но мне было неудобно начертать имя это на латинских моих писаниях... — В эпоху Возрождения и вплоть до XVIII в. было принято переводить свои фамилии на латинский язык. В частности, дед Гете переменил свою фамилию Вебер (ткач) на латинскую — Текстор.

Несть пророка в отечестве своем. — Перефразированное изречение из Библии (Евангелие от Матфея, гл. 13, ст. 57).

Так чтобы попасть в надлежащее место. — То есть туда, где легко получить ученую степень, не обладая ученостью.

Стр. 28. *Возле Франкфурта есть урочище, зовется Саксенгаузен...* — Горожане Франкфурта считали жителей местечка Саксенгаузен неотесанными мужланами. Это и хочет сказать Либе траут по адресу Олеария, но тот либо не понимает, либо делает вид, что не понял намека.

Стр. 29. *Не угодно ли вашему высокопреподобию прогуляться по саду?* *«Post coenam stabis seu passus mille meabis».* — Это

изречение взято из врачебных предписаний средневековой медицинской школы в Салерно. Для сценического варианта «Гецца» Гете сделал перевод этой фразы на немецкий: «После обеда постой час или сделай тысячу шагов».

Стр. 30. ...*Самсон, потерявший свои кудри.*— Сила библейского богатыря была в волосах; он ее лишился, так как Далила, его жена, когда он заснул, обрезала их.

Я жила у нее до шестнадцати лет...— В средние века девочки и мальчики — преимущественно из знатных семей — получали воспитание и образование в монастырях, оставаясь там до четырнадцати — шестнадцати лет; после этого они должны были покидать монастырь либо постригаться в монахи и монахини.

Стр. 31. *Франкония — благословенная страна.*— Франкония — область вдоль рек Рейн, Неккар, Майн — получила свое название от франков, населявших ее в средние века; некогда была независимым герцогством; в конце средних веков восточная часть ее подпала под власть епископа. Франкфурт-на-Майне — родина Гете — находился во Франконии, но во времена Гете был вольным имперским городом со своим самоуправлением. Эта и последующие восторженные речи Вейслингена и Гецца отражают любовь Гете к его родному краю.

Стр. 36. ...*чем слышать от слонов, коней и прочей твари...*— Здесь — наименование шахматных фигур.

...*in usum Delphini* (лат.) — «Для того чтобы этим пользовался дофин», наследник короля во Франции, иначе говоря — для детей. Такая надпись ставилась на изданиях античных классиков в XVII в., и это означало, что текст соответственно отредактирован. В устах Либетраута, человека XVI в., выражение является анахронизмом.

Стр. 37. *Тут не увернется никакой Вейслинген.*— В подлиннике: Вейслинг (Weissfish — рыба-уклейка); Либетраут употребляет выражение, подобное русскому: «Тут никакой угорь не увернется» (М. Розанов).

Стр. 38. *Имперские города вечно заодно с попами.*— Развитие городов и рост богатства буржуазии в конце средних веков привели к тому, что некоторые наиболее богатые торгово-ремесленные центры вышли из-под зависимости феодалов и стали самоуправляющимися единицами, подчинявшимися непосредственно императору. К числу таких вольных имперских городов принадлежали Аахен, Кельн, Франкфурт-на-Майне, Аугсбург, Ульм, Нюрнберг, Регенсбург и др. Буржуазия этих городов побаивалась народа и во время восстаний мелкого рыцарства и крестьян в XVI в. поддерживала крупных светских и церковных феодалов.

Стр. 39. *Дети и дураки*...— Продолжение изречения: «...говорят правду». См. Шекспир, «Антоний и Клеопатра», акт II, сц. 5.

Стр. 43. *Тейерданк* — герой рыцарского романа в стихах, авторство которого приписывается императору Максимилиану I. В романе описано обставленное по всем правилам рыцарства сватовство императора к Марии Бургундской, ставшей его женой. Книга была напечатана в 1517 г.

Рюбецаль — фантастический образ немецких народных преданий, горный дух, обитающий в горах Силезии и Богемии (Чехии), олицетворение непогоды; по повериям, добр, но вспыльчив, помогает хорошим и причиняет неприятности злым людям.

Стр. 47. *Антистрофа* — часть партии хора в древнегреческой трагедии; одно полухорие исполняло строфу, другое в ответ — антистрофу. Адельгейда упоминает далее *метафору* — слово или выражение, употребляемое в переносном смысле. Эти слова и латинское *квинтэссенция* свидетельствуют о том, что Адельгейда получила образование в духе классической филологии, возникшей в эпоху Возрождения. К тому же она упоминает и *Феникса* — священную птицу Древнего Египта, похожую на орла; по легенде, Феникс раз в несколько столетий прилетает умирать, но после того, как его сжигают, он возрождается из пепла.

Стр. 49. *...пока вытянешь у судейских париков решение*.— Ношение париков возникло в древности и стало распространяться в Западной Европе в XVI в.; как обязательная часть костюма высокопоставленных лиц и судейских чиновников утверждается в XVII в.

Ассессор Сапуни.— Ассессор — заседатель, участник судопроизводства, влиявший на решение суда; в данном случае итальянец, видимо, приглашенный на должность за знание законов. Имя, выбранное Гете, анаграмма (слово с переставленными буквами) имени действительного лица — ассессора Папиуса, современника Гете, уличенного во взяточничестве.

Прокуратор — здесь: доверенное лицо, защищающее интересы клиента, адвокат.

Стр. 50. *Шпейер* — с XIII в. вольный имперский город в округе Пфальц, в XVI в. был местом сбора имперских князей, здесь же находился имперский суд.

Стр. 54. *...он будет защищаться, как дикий вепрь!* — Взято из «Жизнеописания» Геца: «И был я среди них, как вепрь дикий среди псов...»

Стр. 55. *...договорился с пфальцграфом пойти против Конрада Шотта*.— Пфальцграф — владетельный князь прирейнской области Пфальц. Конрад Шотт — рыцарь-разбойник под стать историческо-

му Гецу (в отличие от героя драмы Гете). Эпизод борьбы против него почти дословно взят из записок Геца.

Стр. 57. *Лерзе*.— Гете дал этому персонажу имя своего страсбургского друга — Франца Лерзе.

Стр. 58. *Ремлин*.— Местности с таким названием нет; либо описка Гете (вместо Ремлинген), либо выдуманное название.

Я уволился по нужде... живот схватило...— Деталь, заимствованная из «Жизнеописания» Геца, введена Гете для усиления прозаического бытового колорита.

Стр. 73. *...злой дух, которого капуцин загнал заклятиями в мешок*.— Капуцин — католический монах францисканского ордена, название произошло оттого, что эти монахи носили плащ с капюшоном.

Подумай о присланных комиссарах — то есть о представителях имперского суда; это было намеренным отклонением Гете от «Жизнеописания» Геца, где говорится, что он попал в руки Швабского союза.

Стр. 74. *От этого зрелища и ангелы заплакали бы*.— Ср. у Шекспира в «Мере за меру»: «Человек, что облечен // Минутным кратковременным величием// И так в себе уверен, что не помнит, // Что хрупок, как стекло,— он перед небом// Кривляется, как злая обезьяна, // И так, что плачут ангелы над ним...» (акт II, сд. 2).

Осел правосудия! Таскает мешки его на мельницу и навоз на поле.— Гец прибегает к иносказанию для того, чтобы сказать о нечестности судейских чиновников. В средние века правилами гигиены предписывалось не перевозить на одном и том же осле зерно и навоз.

Ратсгеры Гейльброна.— Ратсгеры — городские советники, члены местного органа самоуправления. Гейльброн — город в герцогстве Вюртемберг, где находился в заточении Гец. Сохранилась башня, в которой он содержался, названная позднее башней Геца фон Берлихингена.

Кузнецы, кладовщики, плотники...— Членами местного самоуправления были представители ремесленных цехов.

Стр. 76. *Я ни в чем не повинен перед его императорским величеством, а до империи мне дела нет*.— Гец признает личную власть императора; империи как государственного объединения он не признает. По старинному феодальному обычаю он подчиняется лишь лично государю, что подчеркивается и в его следующей реплике: «Сделал ли я хоть шаг против императора или против царствующего дома Австрии».

Стр. 77. *Если б ты не носил изображения императора...*— Советник носит на цепи медаль с изображением императора.

Стр. 78. *Удадитесь, Гец!* — В подлиннике отсутствует ремарка об уходе Геца со сцены. Он возвращается после слов Советника: «Введите Геца».

Иди, скажи ему, чтобы он тотчас же вторгся в город... — В действительности Гецу пришлось пробыть в заточении три с половиной года, его освободили в 1522 г.

Стр. 80. *Замок Адельгейды.* — В первом варианте драмы объяснение между Адельгейдой и Вейслингеном происходило в ее замке, но, перерабатывая произведение, Гете внес изменения в этот эпизод; судя по всему, действие здесь происходит теперь в резиденции императорского двора в Аугсбурге.

Стр. 81. *...Карл, его прекрасный наследник...* — Будущий император Карл V в действительности появился в Германии лишь в 1520 г., через два года после смерти Максимилиана I.

Стр. 83. *Так закончи свои записки, которые ты начал.* — Гец стал писать воспоминания более чем тридцать лет спустя, в 1557 г.

Стр. 84. *...появилась грозная комета...* — Кометы считались предвестием больших бедствий.

...смерть императора... Крестьяне подняли ужасное восстание. — Для концентрации действия Гете сблизил два разновременных события: Максимилиан I умер в 1519 г., крестьянское восстание началось в 1525 г.

Стр. 85. *Крестьянская война.* — В изображении крестьянского восстания Гете следовал «Жизнеописанию» самого Геца и другим историческим источникам. Он воспользовался также, как художественным образцом, сценами народного мятежа у Шекспира в «Генрихе VI» (часть вторая). Имена вожаков восстания — подлинные, они взяты Гете из записок Геца.

Стр. 86. *Ты видел большую комету?* — Описание кометы взято из хроники Себастьяна Франка (1531), рассказывающей о комете 1527 г. именно с такими приметами, какие воспроизведены в реплике Мецлера: «как согнутая рука с мечом — вся кроваво-желтая» и т. д.

Стр. 87. *Значит, я должен нарушить мое рыцарское слово, данное императору, и самовольно выйти из заточения?* — Для придания большего драматизма решению Геца Гете сгустил краски: в действительности Гец в это время был на свободе и не был связан никаким обязательством.

Стр. 93. *Ты приходишь с миром?* — Библейское выражение, странное в устах предводителя цыганского табора.

Стр. 96. *Схвачен, как бунтовщик, как злодей, брошен в глубочайшее подземелье.* — Начиная с захвата Геца в плен, Гете отступает от фактов, изложенных в «Жизнеописании», для того чтобы

достигнуть сжатости действия и усилить драматизм событий. В действительности по окончании крестьянской войны 1525 г. Гец вернулся в свой замок и лишь через три года был вызван в суд, оправдавший его.

Стр. 97. *Здесь подписан смертный приговор твоему брату!* — Все последующие события — полностью плод творчества Гете, придавшего судьбе героя трагический исход.

Стр. 99. *Судьи тайного судилища. Все в масках.* — Тайные судилища Фемы (происхождение названия не установлено) существовали в Германии в средние века. Они предназначались для тех нарушителей, которые не являлись в обычный, так называемый свободный суд. Для большего драматизма Гете сгустил краски. На самом деле суды Фемы происходили днем, в открытом месте, судьи были без масок, женщин они не судили, в качестве высшей меры применялось только повешение (но не меч, как у Гете).

Стр. 103. *Мир — темница.* — Ср. «Гамлет», акт II, сд. 2: «Дания — тюрьма», «...Весь мир — тюрьма».

БОГИ, ГЕРОИ И ВИЛАНД

При всей своей краткости данное произведение чрезвычайно важно для понимания взглядов молодого Гете в период «Бури и натиска». Оно было написано Гете осенью 1773 года за один присест и напечатано в марте 1774 года. Поводом к написанию послужила музыкальная драма Виланда «Алкеста» (май 1773 г.) и опубликованные им в его журнале «Немецкий Меркурий» «Письма другу о немецкой опере «Алкеста». Христофор Мартин Виланд (1733—1813) — выдающийся немецкий писатель-просветитель, автор многочисленных произведений во всех родах литературы, оказал значительное влияние на юного Гете в годы его учения в Лейпциге. Однако в период «Бури и натиска» Гете во многом критически отнесся к Виланду. В автобиографии Гете рассказывает, что недовольство молодежи Виландом было вызвано, в частности, тем, что тот «в примечаниях к своему переводу из Шекспира за многое хулил великого писателя, и притом в словах, очень нас рассердивших... С тех пор Виланд, высоко почитаемый нами поэт и переводчик, которому мы столь многим были обязаны, стал считаться у нас капризным, односторонним и предвзятым критиком. Ко всему, он еще ополчился на наших кумиров, греков, и этим пуще разжег нашу неприязнь. Известно ведь, что греческим богам и героям приписуи не столько нравственные, сколько просветленные физические свойства, отчего они и служат великолепнейшими прообразами для

художников. Виланд же в своей «Алкесте» придал героям и полубогам вполне современный характер... В письмах по поводу этой оперы, опубликованных им в «Меркурии», он, по нашему мнению, слишком пристрасстно превозносил такую трактовку и, не желая признавать грубоватую здоровую естественность, лежавшую в основе древних произведений, безответственно погрешил против превосходного стиля их авторов» («Поэзия и правда», кн. 15, с. 549).

С задором молодого бунтаря Гете написал и этот фарс, не имея, однако, в виду публиковать его. Он показал его лишь нескольким друзьям. Один из них, поэт Якоб Ленц, отдал рукопись в печать.

Виланд состоял в это время воспитателем наследного принца, будущего герцога Саксен-Веймарского Карла-Августа. Будучи человеком добродушным, Виланд не рассердился на Гете, но ответил ему остроумной рецензией в своем журнале. Когда Гете переехал в Веймар, между ним и Виландом установились прочные дружеские отношения. Заслуживает быть отмеченным, что в годы веймарского классицизма Гете, создавая свою переработку античного сюжета «Ифигении в Тавриде» (см. т. 5. наст. изд.), также несколько модернизировал сюжет.

Форма фарса — беседы душ умерших в загробном мире — подсказана Гете серией диалогов между историческими лицами, сочиненных Виландом в подражание «Беседам богов» древнегреческого писателя Лукиана (II в.).

Стр. 104. *Меркурий на берегу Коцита в сопровождении двух теней.*— Меркурий — бог в древнеримской мифологии, играл роль вестника у богов, почему Виланд и назвал свой журнал «Немецкий Меркурий». Коцит — река в загробном мире. Две души, перевозимые в преисподнюю, как видно из дальнейшего, — немецкий литератор и актриса.

Харон — кормчий ладьи, на которой души умерших перевозились через реку смерти в загробный мир.

Остерегайся! — Предупреждение относится не столько к богу Меркурию, сколько к журналу Виланда. В дальнейшем в тексте все время идет игра на этом.

Адмет и Алкеста — персонажи трагедии Еврипида «Алкеста». Боги обещали фессалийскому царю Адмету, что жизнь его будет продлена, если кто-нибудь согласится умереть за него. Когда он заболел, его жена Алкеста согласилась пожертвовать собой и умерла. Покровитель Адмета Геракл спускается в подземное царство и возвращает Алкесту к жизни. Виланд сделал из этого сюжета музыкальную комедию.

Стр. 105. *Аристархи* — нарицательное для обозначения критиков по имени древнего ученого-филолога, жившего в Александрии. *Аэды* — древнегреческие поэты-певцы.

Стр. 106. *...превозносит свою «Алкесту», мою же хулит...*— Виланд напечатал в «Немецком Меркурии» статьи, доказывавшие превосходство своей трактовки сюжета по сравнению с Еврипидом.

Ганимед (греч. миф.) — красивый мальчик, понравившийся Зевсу, который похитил его с земли.

Оставьте нас, милый Якоби.— Статьи Виланда о своей пьесе «Алкеста» написаны в форме писем философу и писателю Иоганну Георгу Якоби (1740—1814). Эта фраза пародирует частые в статьях Виланда риторические обращения к «моему другому Я».

Стр. 107. *Наша религия запрещает нам признавать и почитать правду, величие, добро, красоту — поскольку они не явлены ею.*— Выпад против догматического христианства, отвергавшего идеалы античности как языческие и признававшего истинным лишь то, что дано как божье откровение в Священном писании.

Греческий Гермес.— Древнегреческое имя бога, называвшегося у римлян Меркурием.

...с крыльями на челе и ногах... с жезлом, увитым змеями...— Эмблема Меркурия, так его обычно изображали. Эта эмблема была также на первом номере журнала Виланда.

...статуе, хранящейся во Флоренции.— Статуя Меркурия скульптора Джованни ди Болонья (XVI в.) не имеет ничего общего с описанной выше эмблемой.

Сын Юпитера — то есть Меркурий.

Стр. 108. *...Греция осилила Ксеркса...*— Имеется в виду победа над персидским царем Ксерксом (V в. до н. э.).

...когда окажется, что ваши драмы сохранили жизнь такому же множеству людей, как мои...— Плутарх рассказывает в биографии Никия, что афиняне, попавшие в плен к сицилийцам, спасали себе жизнь, если могли прочесть наизусть строки из трагедии Еврипида.

Государыня! — Здесь и в ответе Алкесты неодобрительный намек на то, что Виланд предпослал к «Алкесте» льстивое посвящение веймарской герцогине Анне-Амалии. Гете в эту пору — еще демократ и противник князей.

Стр. 109. *Парфения* — персонаж, отсутствующий у Еврипида, но введенный Виландом, — сестра и наперсница Алкесты.

Филимон и Бавкида — в греческих преданиях — идеальная супружеская пара, выпросили себе у богов, чтобы смерть постигла их одновременно.

Клопшток Фридрих Готлиб (1724—1803) — выдающийся немецкий поэт-демократ, высоко чтимый Гете и другими писателями

«Бури и натиска». Здесь имеется в виду его ода «Дафнис и Дафна», где воспеваются любящие, каждый из которых желает умереть последним, чтобы принять на себя все страдания, выпадающие на долю оставшемуся в живых.

Стр. 110. ...он принадлежит к секте и т. д.— Выпад против христианского культа загробного блаженства. Одновременно намек на сочинение Виланда «Письма умершего оставшимся в живых друзьям» (1753).

Стр. 111. ...вы потворствуете вкусам аудитории...— Намек на сочинение Виланда «Симпатии» (1756).

...комментарии к Шекспиру.— Виланд перевел двадцать две пьесы Шекспира прозой (за исключением «Сна в летнюю ночь»), опустив то, что он считал «грубостями» Шекспира; в комментариях к тексту сказались классицистские вкусы Виланда, тогда как молодой Гете отверг драматургические принципы классицизма и принял Шекспира за образец (см. его речь «Ко дню Шекспира» в томе 10 наст. изд.).

...вступает в дом... владычица мертвых...— Излагая в основном трагедию Еврипида по подлинному тексту, Гете в данном месте отступает от него. У Еврипида речь идет о боге мертвых Танатосе; даридра мертвых фигурирует во французском переводе Еврипида, принадлежащем Брюмруа (1730).

Орк — Аид, преисподняя в античной мифологии.

Стр. 112. Эскулап — бог врачевания.

...срезала ее кудри...— Древние греки при погребении отстригали прядь волос покойника.

Ну, он достаточно мал.— Виланд был маленького роста.

...если какому-нибудь шуту не понравится подпирать свой щит медведем, грифом или свиньей...— Насмешка над тем, что владельцы лавок и трактиров украшали свои вывески эмблемами, как на гербах дворян.

Стр. 113 ...комментарии к Гомеру.— В поэме «Новый Амадис» (1771) Виланд весьма сдержанно отзывался о героях поэмы Гомера и высказал мнение, что достоинства их преувеличены.

«За добродетель». Что значит этот девиз? — В кантате «Выбор Геркулеса» Виланд представил античного героя колеблющимся между добродетелью и пороком. Гете смеется над этим, имея в виду, что античных героев нельзя мерить нравственными понятиями христианства.

Стр. 114. Геркулес Продика.— Продик — греческий софист V в. до н. э. Продик утверждал, что в душе Геркулеса происходила борьба между добродетелью и пороком; на это Виланд ссылался в предисловии к «Выбору Геркулеса».

...безбородый Сильвио на распутии? — Намек на героя романа Виланда «Победа природы над мечтательностью, или Похождения дона Сильвио де Розальба» (1764).

...твой Амадис — то есть герой поэмы Виланда «Новый Амадис».

...вашей религии и... — Эти слова в первом издании были вычеркнуты. Впоследствии текст был восстановлен по рукописи.

Стр. 115. *...на солому к девочке...* — Намек на похождения философов Клеанфа и Феофрона в романе Виланда «Музарион» (1768):

...исписать пять-шесть книг о том, как девочка с холодной кровью спала с тремя или четырьмя парнями... — Ко второму изданию романа «История Агафона» Виланд добавил главы с «Историей Данаи».

Стр. 115. *Пусть говорят, что хотят.* — Этими словами Виланд отвечал в «Письмах об «Алкесте» своим критикам.

КЛАВИГО

О возникновении пьесы Гете рассказал в конце книги 15 «Поэзии и правды» (см. т. 3, с. 560—561). Она была напечатана в 1774 году, и впервые на титульном листе стояло имя автора.

В то время вся Европа зачитывалась «Мемуарами» французского писателя Бомарше (1732—1799). В них рассказывалось, как он стал жертвой продажности королевского суда во Франции, в частности, судейского чиновника Гёзмана. «Мемуары» Бомарше явились ярким образцом антифеодальной публицистики. Сам Вольтер отозвался о них с величайшей похвалой: «Я не видел никогда ничего смелее, сильнее, комичнее, интереснее, сокрушительнее для противника, чем «Мемуары» Бомарше». Записки Бомарше предшествовали его знаменитым комедиям и принесли ему первую славу.

В «Четвертом мемуаре» Бомарше, в частности, рассказал историю о том, как он ездил в Мадрид, чтобы спасти честь сестры, обманутой испанским журналистом Клавихо, не выполнившим обещания жениться на ней. Гете увидел в этом сюжет, заслуживающий драматической обработки. По его словам, он написал пьесу за пять дней. В изложении событий он следовал рассказу Бомарше вплоть до четвертого акта. Трагическая развязка создана Гете независимо от «Мемуара» Бомарше. Французский писатель видел представление пьесы в Аугсбурге в 1774 году и остался недоволен изменениями, внесенными Гете в развитие событий. Без ведома Гете пьеса эта шла на сценах многих городов. В 1780 году в Штутгарте постановкой «Клавиго» учащиеся военной школы отметили

день рождения герцога Карла-Евгения; роль Клавиго с большим пылом исполнил учившийся тогда в герцогском учебном заведении Фридрих Шиллер. Только в 1792 году Гете дал согласие на постановку трагедии в Веймарском театре.

После «Гецца» от Гете ожидали масштабных героических драм, вместо этого он попробовал свои силы в жанре «мещанской» или «буржуазной» трагедии. Пьесы о жизни людей «среднего» состояния, о бытовых и нравственных проблемах людей из среды буржуазии, которая не стала еще тогда господствующим классом, а лишь стремилась к этому, возникли в просветительской литературе XVIII в. сначала в Англии («Лондонский купец», 1731, Джорджа Лилло), затем во Франции («Побочный сын», 1757, и «Отец семейства», 1758, Дидро) и в Германии («Эмилия Галотти», 1772, и «Мисс Сара Сампсон», 1755, Лессинга). К этому типу драм примыкает и гетевский «Клавиго». В противовес трагедиям царей и высокопоставленных особ, Гете рисует драматические конфликты в буржуазной среде, создавая в лице Бомарше и Мари образы высоконравственных героев. Пьеса Гете также противопоставляет рассудочности, воплощенной в Карлосе и отчасти в Клавиго, врожденное нравственное чувство, присущее идеализированному образу Бомарше. В характере Мари сильно выражена чувствительность в духе сентиментальной литературы XVIII века.

Стр. 116. *Карлос*.— Этот персонаж создан самим Гете на основе беглого упоминания в «Мемуаре» о некоем лице, возражавшем против брака Клавиго. «Я хотел, чтобы в Карлосе,— писал Гете,— здравый смысл, сочетаясь с истинной дружбой, ополчился на страсть, на чувство и на гнет взятых на себя обязательств, чтобы хоть однажды трагедия получила и такую мотивировку». («Поэзия и правда», кн. 15, т. 3, с. 561).

Жильбер и Буэнко.— Эти персонажи отсутствуют у Бомарше, они введены Гете.

Стр. 118. *...Уолл оставляет пост губернатора Индии...*— Речь идет об ирландце Ричарде Уолле (1694—1778), принявшем испанское подданство, одно время действительно выполнявшем правительственную миссию в Латинской Америке (Вест-Индия), но в период изображаемых событий он был испанским министром иностранных дел.

Гримальди.— В 1764 г. генуэзец Джузеппе Гримальди сменил Уолла на посту министра иностранных дел.

Стр. 123. *...все ваши покровители, все деньги не смогут уберечь вас...*— Покровитель Бомарше, банкир Пари Дювернэ дал Бомарше коммерческое поручение и чеки на двести тысяч ливров.

Не тревожьтесь. Сыграйте как должно свою роль...— По недосмотру корректора эта фраза в первом издании вставлена в речь Бомарше, хотя по смыслу ее явно должен произнести Сен-Жорж.

Стр. 124. *Ряд достойных и ученых мужей поручил мне...*— Начиная с этих слов беседа между Бомарше и Клавиго дословно воспроизводит текст «Мемуара» Бомарше.

Стр. 126. *...во вкусе английского «Зрителя».*— Сатирико-нравоучительный журнал Джозефа Аддисона и Ричарда Стиля, выходивший с 1711 по 1712 г. и возобновленный в 1714 г., дал образец всем странам Европы, где стали возникать подобные журналы.

Стр. 128. *Аранхуэс.*— Город в сорока километрах к югу от Мадрида, где находился роскошный дворец, служивший резиденцией испанских королей. Послы жили обычно поблизости от монарха.

Буэнретиро.— Старинный дворец испанских королей в Мадриде. Название означает — прекрасное уединение (и с п.), место под Мадридом, где обычно происходили дуэли.

Стр. 133. *...отправляю с первым же транспортом в Индию.*— Нуждаясь в рабочей силе, испанские колонизаторы отправляли заключенных на плантации в Латинской Америке, которую они называли Индией.

Стр. 139. *(Достает бумагу из портфеля, рвет и клочки протягивает Клавиго.)*— На самом деле Бомарше хранил обязательство, но Гете, чтобы придать ему больше благородства, приписал Бомарше этот поступок.

Стр. 142. *Вспомни, какие люди тебе советовали не встречаться более с Мари...*— Бомарше рассказывает, что именно это советовал маркиз д'Оссен.

Стр. 148. *Святая Германдада.*— Санта-Германдада — название испанской полиции.

Дом Жильбера.— Начиная с этой сцены Гете перестает следовать «Мемуару» Бомарше.

Стр. 151. *Я знаю одно средство...*— Мари имеет в виду смерть, но Бомарше не понимает ее и полагает, что она помышляет о мести, которую он ей обещает осуществить.

Стр. 154. *Они хоронят Мари Бомарше.*— Гете рассказал в «Поэзии и правде» (кн. 15), что мотив встречи неверного возлюбленного с похоронной процессией покинутой девушки заимствован им из английской народной баллады «Люси и Коллин».

Стр. 155. *Стойте!*— Вся эта сцена напоминает стычку Лаэрта с Гамлетом над гробом Офелии («Гамлет», акт V, сд. 1).

Пьеса написана в 1775 году, напечатана в начале 1776 года. Впоследствии Гете переработал конец, и второй вариант появился в томе 6 его сочинений в 1806 году.

Если в «Клавиго» проблема любви и брака решается в традиционном нравственном духе, то в «Стелле» Гете дает смелое и неожиданное решение темы. Его герой любит двух женщин и любим ими, причем обе знают друг о друге. В духе сентиментализма Гете превозносит чувство над рассудком, но при этом идет дальше всех отрицателей буржуазной морали. В первом варианте пьеса заканчивалась любовным согласием между героем и обеими возлюбленными, устанавливавшими брак втроем. Молодой Гете спокойно выдержал нападки моралистов, в том числе церковных (в Гамбурге по требованию духовенства пьеса была снята с репертуара), но тридцать лет спустя все же счел необходимым коренным образом изменить его. Различие развязки обусловило разные жанровые определения двух вариантов. Первый имел подзаголовок: «Пьеса для любящих», второй вариант был обозначен Гете как «трагедия».

В настоящем издании напечатан перевод первоначального варианта, но в конце примечаний к пьесе читатель найдет внесенные Гете изменения.

В статье «О немецком театре» (1815) Гете дал характеристику действующих лиц пьесы, которую мы приводим:

«За роль Фернандо охотно возьмется любой не слишком молодой человек, который играет героев и первых любовников, и будет пытаться изобразить с нарастающим напряжением то мучительное смятение, в котором он окажется.

Распределить женские роли уже затруднительнее. Их пять, и все они с тщательно выписанными оттенками характеров. Актриса, которая возьмет на себя роль Стеллы, должна представить нам не единственно лишь нерушимую привязанность, горячую любовь и пылкую восторженность, она должна передать нам свои чувства, увлечь нас за собою.

Цецилия, сначала слабая и подавленная, предстает во всем блеске как героиня свободной души и ума.

Люция должна изобразить характер, который свободно сложился в уединенной жизни; она не чувствует оказываемого на нее внешнего нажима и даже отталкивает его. Притом ни следа любопытства или сомнений проявиться не должно.

Почтмейстерша отнюдь не сварливая старуха, а молодая, веселая, подвижная вдовушка, которая только и хочет, что выйти замуж, чтобы ее лучше слушались.

Анхен. Желательно, чтобы она была маленькая девочка; в устах ребенка, когда он говорит отчетливо, выступает яснее решимость того, что он должен сказать». (И. - В. Г е т е. Об искусстве. М., «Искусство», 1975, с. 405—406. (Перевод К. Богатырева.)

Стр. 159. *В почтовом доме.*— Так назывались остановочные пункты движения конных экипажей, перевозивших пассажиров, а заодно и письма по дорогам страны.

Стр. 160. *...я бы тебя своим лейбкучером сделала* — то есть своим личным кучером.

Стр. 172. *...что он проливал у меня на груди, оплакивая страждущее человечество!* — Типично для литературы сентиментализма, идет от героя «Новой Элоизы» (1761) Жан-Жака Руссо, характерно и для Вертера. В дальнейшем это настроение вылилось в философию «мировой скорби» в литературе романтизма.

Стр. 174. *...облик человека сам лучше всего расскажет о нем...*— Отголосок теорий друга Гете швейцарского пастора Иоганна Каспара Лафатера (см. коммент. т. 3, с. 696), автора «Физиогномики», утверждавшего, что определенным характерам соответствуют типичные внешние черты.

Стр. 177. *Ринальдо.*— Герой поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» (1575) влюбился в волшебницу Армиду, увидев ее полуобнаженной и с распущенными волосами (песнь XVI, строфа 18).

Стр. 184. *...помогал подавлять умирающую свободу благородных корсиканцев...*— Имеется в виду борьба корсиканцев под руководством Паоли против французов и генуэзцев в 1768—1769 гг.

Стр. 187. *Боскет* (от фр а н ц, bosquet) — рошица в искусственных садах и парках.

Стр. 195. *Жил некогда в Германии граф...*— Здесь рассказывает легенда о некоем графе Глейхене, которую Гете вычитал в «Историческом и критическом словаре» (1697—1706) Пьера Бейля.

Изменения, внесенные Гете в последующие годы.

Стр. 162—163 (от слов: «М а д а м З о м м е р. Моя дочь поступает к ней в услужение»,— до слов: «Л ю д и я. Тем лучше!»).

М а д а м З о м м е р. Моя дочь будет жить у нее в камеристках.

Ст а н ц и о н н а я с м о т р и т е л ь н и ц а. Желая вам всяческой удачи, мамзель!

Людия. А я желаю, чтобы она мне понравилась.

Станционная смотрительница. Только если у вас очень уж странный вкус, вам может не понравиться обхождение баронессы.

Стр. 179—180 (от слов: «Управляющий. Еще слава богу...» — до слов: «Входит слуга»).

Фернандо. Ну, слушай!

Управляющий. Как ваша супруга? Как дочь?

Фернандо. Я их не нашел. Сам я не решился поехать в город; но, наведя надежные справки, узнал, что она доверилась некоему купцу, прикинувшемуся верным другом, а он, пообещав более высокие проценты, выманил у нее те деньги, что я ей оставил. Под предлогом отъезда в деревню она покинула те места, исчезла бесследно и живет, по всей вероятности, на скудный заработок от продажи рукоделий своих и дочерних. Ты ведь знаешь, у нее достанет мужества и силы воли так распорядиться своей судьбой.

Управляющий. И вы вернулись сюда. Мы вам простим такую долгую отлучку.

Фернандо. Где только я не был!..

Управляющий. Не живись мне так хорошо дома с женой и двумя детьми, я бы позавидовал, что вы снова пустились странствовать по свету. Теперь-то вы останетесь у нас?

Фернандо. Дай-то бог!

Управляющий. Ведь в конце концов ничего другого, ничего лучшего найти нельзя.

Фернандо. Да, если б можно было забыть старое!

Управляющий. То старое, что приносило нам и радости и огорчения. Я отлично все помню, помню, как мы находили Цецилию такой приятной, как настойчиво ухаживали за ней и как не могли вовремя расстаться с юношеским свободолобием.

Фернандо. И все же, какое это было чудное, счастливое время!

Управляющий. Помню, как она подарила нам веселую, живую дочурку, но сама в то же время утратила какую-то долю веселости и очарования.

Фернандо. Пощади меня, не вспоминай эти страницы моей жизни!

Управляющий. Помню, как мы присматривались и здесь, и там, и там, и тут, как встретили наконец этого ангела, как уже и речи не было, куда еще метнуться, куда сунуться, надо было решать, которую из двух сделать несчастной; помню, как мы в конце концов сообразовали продать имения, когда представился к тому случай, как отделались от них с некоторым убытком,

похитили нашего ангела и привезли сюда, в изгнание, юную красавицу, не знавшую ни себя самой, ни жизни.

Фернандо. Как видно, ты все еще любишь поучать и болтать лишнее.

Управляющий. А разве у меня не было случая кое-чему научиться? Разве я не был вашим наперсником? Ведь когда вас и здесь стало обуревать желание уехать, уж не знаю, только ли из-за стремления отыскать жену и дочь или вас по-прежнему снедало какое-то тайное беспокойство, ведь и тогда я должен был во многом вам споспешествовать...

Фернандо. И на этот раз я уехал так далеко!

Управляющий. Не уезжайте теперь, и все уладится.
(Уходит.)

Стр. 196 (от слов: «Фернандо. Боже праведный...» — до конца пьесы).

Фернандо. Боже мой! Какой луч надежды!

Цецилия. Она здесь! Она наша! (Подходя к двери будуара.) Стелла!

Фернандо. Оставь ее! Оставь меня! (Хочет уйти.)

Цецилия. Не уходи! Выслушай меня!

Фернандо. Слов сказано достаточно. Чему должно быть, то и будет. Оставь меня! В эту минуту я не готов предстать пред вами обеими. (Уходит.)

Цецилия. Несчастный! Скажет несколько отрывистых слов, а дружеским уговорам противится, и она такая же! И все же я добьюсь желаемого. (Подходит к двери.) Стелла! Послушай, Стелла!

Входит Люция

Люция. Не зови ее! Она легла, она легла на минуту, чтобы успокоилась боль. Маменька, она очень страдает, я боюсь, что по собственной воле; я боюсь, что она умирает.

Цецилия. Что ты говоришь?

Люция. Я боюсь, что она приняла не лекарство.

Цецилия. И все мои надежды напрасны? Ах, если бы ты ошибалась... Какой ужас, какой ужас...

Стелла (в дверях). Кто меня зовет? Зачем вы разбудили меня? Который час? Зачем разбудили в такую рань?

Люция. Сейчас не раннее утро. Уже вечер.

Стелла. Вот и правильно, вот и хорошо, для меня уже вечер.

Цецилия. Так ты обманула нас!

Стелла. Кто тебя обманул? Ты сама.

Цецилия. Я вернула тебя домой; я надеялась...

С т е л л а. Нет, мне уже не жить.

Ц е ц и л и я. Ах, почему я удержала тебя, не дала тебе уехать, поспешить в дальний путь, на край света!

С т е л л а. Я уже на краю.

Ц е ц и л и я (*обращаясь к Люции, которая в страхе мечется по комнате*). Чего ты медлишь? Скорей зови на помощь!

С т е л л а (*удерживая Люцию*). Нет, подожди! (*С их помощью она делает несколько шагов*.) Я думала, вы будете мне опорой в жизни. Так проводите же меня в могилу.

Они медленно ведут ее на авансцену и опускают в кресло с правой стороны.

Ц е ц и л и я. Беги, Люция, беги! Зови на помощь, на помощь!

Люция уходит.

С т е л л а. Помощь мне уже оказана!

Ц е ц и л и я. Не того я ждала, не на то надеялась!

С т е л л а. Ты добрая, терпеливая, надеющаяся страдальца!

Ц е ц и л и я. Какая ужасная судьба!

С т е л л а. Судьба наносит глубокие, но часто излечимые раны! Раны, которые сердце наносит сердцу, которые сердце само наносит себе,— эти раны неизлечимы! И поэтому... дайте мне умереть!

Входит Фернандо.

Ф е р н а н д о. Люция поторопилась, или ее слова правда? Скажи, что неправда, Цецилия, или я прокляну твое великодушие, твое долготерпение.

Ц е ц и л и я. Сердце ни в чем не упрекает меня. Добрая воля дороже успеха, Поспешите за помощью! Она еще жива, она еще не ушла от нас.

С т е л л а (*поднимает глаза, берет Фернандо за руку*). Я рада тебе. Не отнимай руки. (*К Цецилии*.) Дай руку и ты. «Все ради любви» — было лозунгом моей жизни. Все ради любви, и смерть тоже. В самые блаженные минуты нашей жизни мы молчали и понимали друг друга (*старается соединить руки обоих супругов*), и сейчас дайте мне помолчать и отдохнуть! (*Опускает голову на правую руку, лежащую на столе*.)

Ф е р н а н д о. Да, Стелла, помолчим и отдохнем. (*Медленно подходит к столу с левой стороны*.)

Ц е ц и л и я (*взволнованно*). Люция не идет, никто не идет. Неужели ни в доме, ни по соседству нет ни души, как в пустыне? Возьми себя в руки, Фернандо! Она еще жива. Сотни людей вставали со смертного ложа, вставали из могилы. Фернандо, она еще жива. И если мы покинуты всеми, если здесь нет ни врача, ни

лекарства, ведь есть же на небесах тот, кто нас слышит! (*Становясь на колени около Стеллы.*) Услышь меня, боже! Внемли моим мольбам! Сохрани ее нам, не дай ей умереть!

Фернандо берет левой рукой пистолет и медленно уходит.

(*По-прежнему сжимая левую руку Стеллы.*) Да, она еще жива; рука еще теплая, милая, милая рука. Я не отпущу тебя. Я сжимаю тебя со всей силой веры и любви. Нет, это не самообман. Горячая молитва сильнее земной помощи. (*Вставая и оглядываясь.*) Он ушел, без слов, без надежды. Куда? О, только бы он не решился на тот шаг, на который его упорно толкала вся его бурная жизнь! Скорей к нему! (*Уходя, оглядывается на Стеллу.*) А ее, беспомощную, я оставлю одну? Боже правый! И в эти страшные минуты я разрываюсь между ними двумя и не могу ни разлучить, ни соединить их.

Вдали слышен выстрел.

Боже мой! (*Хочет бежать на выстрел.*)

Стелла (*с трудом приподнимаясь*). Что это? Цецилия, ты так далеко; подойди поближе, не покидай меня! Я так боюсь. О, как мне страшно! Я вижу кровь! Неужто моя кровь? Нет, не моя кровь. Я не ранена, но смертельно больна... И все же это моя кровь!

Входит Люция.

Люция. Маменька, помогите, помогите! Я бегу за помощью, за врачом, я разослала людей. Но, ах, как мне тебе сказать? Здесь нужна совсем другая помощь. Отец погиб от собственной руки; он истекает кровью.

Цецилия хочет бежать, Люция удерживает ее.

Нет, не ходите туда, маменька! Помочь ему нельзя, вид его приводит в отчаяние!

Стелла (*внимательно слушавшая их, приподнявшись в кресле, берет Цецилию за руку*). Значит, свершилось? (*Поднявшись и опираясь на Цецилию и Люцию.*) Идемте! Силы вернулись, идите к нему! Я хочу умереть рядом с ним!

Цецилия. Ты шатаешься, у тебя подгибаются колени. Мы не донесем тебя. Я тоже едва держусь на ногах.

Стелла (*опускается у кресла на пол*). Итак, конец! Иди туда ты, иди к нему, кому ты принадлежишь. Прими его последний стон, его последний вздох. Он твой супруг. Ты медлишь? Прошу, заклинаю тебя. Твое колебание волнует меня. (*Возбужденно, но слабо.*) Подумай, ведь он один, иди!

Цецилия стремительно уходит.

Люция. Я не покину тебя, я останусь с тобой.

Стелла. Нет, Люция! Если ты хочешь мне добра, поспеши туда! Иди! Иди! Дай мне отдохнуть! Крылья любви сломаны, они не отнесут меня к нему. Ты молода и здорова. Там, где замолкла любовь, должен действовать долг. Иди к тому, кому ты принадлежишь! Он твой отец. Знаешь ты, что это значит? Иди! Если ты любишь меня, если хочешь меня успокоить, иди!

Люция медленно уходит.

Стелла (*падая*). А я умираю одна.

Перевод И. Татариновой

КЛАУДИНА ДЕ ВИЛЛА БЕЛЛА

Многообразие художественных интересов Гете подтверждается, в частности, тем, что, создавая монументальные произведения в жанре исторической драмы («Гец фон Берлихинген») и романа («Страдания юного Вертера»), он обращался и к таким видам творчества, как музыкальная драма. В годы его молодости большой популярностью пользовались пасторальные музыкальные оперетты Вайссе и Андре. В пору, когда многие умы в литературе увлекались идеей преобразования главных жанров драматического искусства, Гете, разделяя это стремление, обратил внимание на жанр, находившийся на периферии зрелищного искусства. Он решил противопоставить свои произведения опереттам Вайссе и Андре. С этой целью он написал сначала «Эрвин и Эльмира» (1775) и «Клаудина де Вилла Белла». Вторая из них написана в том же 1775 году, а напечатана в 1776. Десять лет спустя, находясь в Италии, Гете задумал переработать «Клаудину», переведя весь текст в стихотворную форму. Впервые второй вариант появился в томе 5 первого собрания сочинений Гете в 1788 году, а на сцене был поставлен лишь в 1795 году.

В настоящем издании печатается первый вариант, относящийся к концу периода «Бури и натиска» в творчестве Гете. Немецкая критика отмечает силу и свежесть прозаической речи молодого Гете. Вместе с тем в художественном отношении представляет интерес эксперимент поэта в жанре, сочетавшем прозу, поэзию и музыку. Композитором, сочинившим музыку для первого варианта, был веймарский музыкант Карл Зигмунд Зекендорф, но в Веймаре пьеса не была поставлена, а появилась на венской сцене в 1780 году с музыкой И. фон Берке.

Гете сделал в этом произведении важное нововведение. В его комедии впервые появились в драме разбойники, изображенные не в качестве жестоких головорезов, а как свободолюбивые бродяги. Особенно показателен образ Кругантино, в чьей речи, произносимой незадолго до финала, звучат типичные для «Бури и натиска» мотивы: «Где у вас подходящая для меня арена жизни? Ваше мещанское общество мне невыносимо. Захоти я трудиться, я буду рабом, захоти веселиться, я буду рабом».

Стр. 212. *Саланка, Саросса* — искаженные названия испанских городов Саламанка и Сарагосса.

Дульцинея — имя, данное Дон-Кихотом, героем романа Сервантеса, девушке, которой он поклонялся.

Стр. 216. «*Новоявленный Моисей*». — Библейского Моисея на картинах обычно изображали с рогами на голове, что было следствием ошибки при переводе Библии с древнееврейского языка на латынь; в подлиннике было сказано, что от головы Моисея исходили лучи, переводчик превратил их в рога.

Стр. 219. *Сбир* — полицейский в Италии.

Стр. 224. *Аморосо* (и т а л.) — влюбленный.

Стр. 231. *...чем свободнее, чем правдивей, чем искренней рвется такая песенка из души, тем она мне милее.* — Здесь и в следующих речах Гонсало излагает взгляды на народность поэзии в духе Гердера и молодого Гете.

Стр. 332. *Всякие романсы, баллады, уличные песенки сейчас старательно разыскивают...* — В Германии это стали делать под влиянием Гердера. Сам Гете ходил по деревням Эльзаса, записывая народные песни.

Стр. 233. *Раз жил да был юнец лихой...* — Песня написана в манере народных баллад. Была включена Гете в том его стихотворений в раздел «Баллад».

ЭГМОНТ

Замысел трагедии возник еще в годы «Бури и натиска», в 1775 году, и тогда же Гете закончил ее вчерне, но, желая отделать написанное, отложил рукопись. Начав переработку в 1778 году, Гете завершил ее лишь во время пребывания в Италии в 1787 году. Напечатан «Эгмонт» впервые в 1788 году. Длительная работа не вызвала никаких существенных изменений или противоречий в тексте. Хотя трагедия была издана в пору формирования классицизма Гете, в целом она сохранила дух и форму, характерную для творчества Гете в период «Бури и натиска». Как и «Гец фон

Берлихинген», «Эгмонт» — историческая трагедия в вольной манере пьес-хроник Шекспира, но с большим трагическим пафосом.

Источниками Гете служили исторические труды: «О бельгийской войне» иезуита Страды (на латинском языке, Рим, 1632) и труд голландского историка Эмануила ван Матерна «Описание нидерландской войны» (немецкий перевод 1627 г.).

Трагедия Гете изображает начальный момент Нидерландской революции XVI века, первой буржуазной революции в Европе. Интерес к этой теме был, несомненно, вызван антифеодальными порывами немецкого бюргерства XVIII века.

Уже с XIV века нидерландские провинции (нынешние Голландия и Бельгия) попали под власть Бургундии (северо-западная часть нынешней Франции), а затем в результате династических браков власть над ними перешла к Габсбургскому дому, с 1438 года почти непрерывно возглавлявшему Священную Римско-Германскую империю. Из них Карл V был одновременно и королем Испании. После его отречения в 1555 году престол Испании перешел к Филиппу II. Правительницей Нидерландов была поставлена герцогиня Маргарита Пармская; министром при ней состоял кардинал Гранвелла. Испания облагала Нидерланды непомерно большими налогами, подрывавшими экономику страны, и это вызвало недовольство всех слоев населения — дворянства, буржуазии, народа.

В 1565 году возник тайный союз недовольных; его представители пытались побудить сначала Маргариту Пармскую, а затем Филиппа II смягчить режим. Перед лицом растущего возмущения Филипп II послал в Нидерланды жестокого герцога Альбу, чтобы усмирить население. Штатгальтерами Нидерландов, то есть главами исполнительной власти (подобие парламента), были Вильгельм Оранский, Эгмонт и Горн.

Эгмонт принадлежал к высшей знати. Его полный титул — Эгмонт, граф Ламораль, принц Гаврский. От своей матери Франсуазы Люксембург он унаследовал обширные земли и был одним из первых вельмож Фландрии. Он с шестнадцати лет проявлял воинские доблести; позднее Карл V наградил его высшим орденом «Золотого руна». В свите Филиппа II Эгмонт посетил Англию, когда испанский король вступил в брак с королевой Марией Тюдор. Эгмонт и Вильгельм Оранский просили Филиппа II вывести иноземные войска из Нидерландов и удалить кардинала Гранвеллу, что в конце концов было сделано. Но к тому времени недовольство возросло еще больше из-за реакционной религиозной политики Испании, препятствовавшей распространению протестантизма. В 1565 году Эгмонт во главе делегации отправился в Мадрид просить короля об уничтожении инквизиции в Нидерландах.

Филипп II дал лицемерные обещания, а сам послал Маргарите Пармской приказ строго соблюдать его прежние предписания. Эгмонт же сообщил об обещаниях короля. Увидев, что ничего не изменилось, народ счел Эгмонта обманщиком. Вильгельм Оранский и другие нидерландские деятели уговаривали Эгмонта покинуть Нидерланды, но он продолжал верить Филиппу II, принес ему новую присягу на верность; Вильгельм Оранский отказался принять присягу и бежал из страны. Эгмонт сам встретил Альбу при его въезде в Брюссель, посещал его резиденцию, сблизился с побочным сыном Альбы. Сам Альба тем не менее был недоволен популярностью Эгмонта. 9 сентября 1567 года он заточил его в цитадель города Гента и продержал там девять месяцев; хотя многие князья хлопотали об его освобождении, 5 июня 1568 года Эгмонт вместе с Горном был казнен. Филипп II поступил безжалостно и с семьей Эгмонта, он конфисковал все имущество и обрек на нужду вдову и одиннадцать детей казненного. Жестокость испанских властей не только не устрасила, но, наоборот, побудила деятелей Нидерландов к более решительным действиям. Возникла война против Испании, закончившаяся через двадцать лет после смерти Эгмонта установлением независимой республики.

О замысле трагедии Гете рассказал следующее: «К отдельным частям всемирной истории, которые я штудировал наиболее основательно (в 1775 г.— *Ред.*), относились и события, впоследствии прославившие объединенные Нидерланды. Я прилежно изучал источники, по мере сил старался вникнуть в них и живо себе представить все, что там происходило. Сложившуюся ситуацию я оценивал как высоко драматическую, а фигурой, вокруг которой лучше всего группировались остальные, счел графа Эгмонта, чье человеческое и рыцарственное величие положительно восхищало меня.

Для своей цели, однако, я должен был превратить его в человека со свойствами, которые скорее пристали юноше, чем зрелому мужу, из отца семейства — в холостяка, из свободомыслящего, но стесненного многоразличными обстоятельствами, — в вольнолюбивого и независимого.

Мысленно его омоловив и сбросив с него все оковы условностей, я придал ему необузданное жизнелюбие, безграничную веру в себя, дар привлекать все сердца (*attrattiva*), а следовательно, и приверженность народа, тайную любовь правительницы и явную — простой девушки, участие мудрого государственного мужа, а также сына его заклятого врага.

Личная храбрость — отличительная черта героя — и есть тот фундамент, на котором зиждется все его существо, почва, его

взрастившая. Он не ведает опасностей и слепо идет навстречу величайшей из них. Пробриться сквозь строй врагов, зажавших нас в тиски, пожалуй, возможно; куда трудней прорвать сети государственной мудрости. Демоническое начало, с той и с другой стороны участвующее в игре, конфликт, в котором гибнет достойное и торжествует ненавистное, надежда, что отсюда возникнет нечто третье, всем желанное,— вот что снискало пьесе, правда, не сразу же после ее появления, но позднее и вполне своевременно, благосклонность публики, которой она пользуется и поныне» («Поэзия и правда», кн. 20, т. 3, с. 650—651). См. также характеристику пьесы во вступительной статье к тому 1 настоящего издания, с. 31—32.

Стр. 265. *Мастером да еще и королем вдобавок.*— Победитель на стрелковых соревнованиях получал эти звания и угощал остальных участников состязаний.

Стр. 266. *Итак, ваше шутейшество!*— Стрелковая гильдия имела своего шута, который наказывал промахнувшихся шутовской колотушкой и отмечал попадания в цель соответствующим числом поклонов.

Стр. 268. *Сен-Кентен.*— В битве при Сен-Кентене Эгмонт командовал испанскими и английскими войсками против французов (1557). *Гравелинген* (франц. Гравелин) — портовый город, у которого Эгмонт в 1558 г. одержал еще одну победу над французами. *Дюнкиркен* — город к северо-востоку от Гравелингена. В описании битвы Гете следует рассказу историка ван Матерна.

Валлонскому величеству...— то есть французскому королю Генриху II.

Маргарита Пармская — побочная дочь императора Карла V, сводная сестра Филиппа II, была замужем за Александром Медичи, овдовев, вышла за принца Фарнезе, герцога Пармского, но разошлась с ним; в 1558 г. была назначена наместницей короля Филиппа II в Нидерландах.

Стр. 269. *...новые псалмы петь не смей.*— Нидерландцы перешли в протестантскую веру, что усугубляло вражду между ними и испанцами, оставшимися правоверными католиками. Жевевский проповедник новой веры Жан Кальвин (1509—1564) ввел в богослужение новый перевод библейских псалмов, сделанный французским поэтом Клеманом Маро (1496—1544).

Гент, Иперн (франц. Ипр) — города во Фландрии, оба входят теперь в состав Бельгии.

Стр. 270. *...забыли...* об *Оранском.*— Вильгельм (собственно, Виллем) I, принц Оранский, граф Нассауский, был одним из трех

штатгальтеров; ему были подчинены Голландия, Зеландия, Утрехт, тогда как Эгмонт был наместником Фландрии. За свою сдержанность был прозван Молчаливым.

Стр. 271. *Макиавелли*.— В окружении Маргариты Пармской действительно был придворный, носивший такое имя. Создавая этот образ, Гете наделил Макиавелли чертами хитрого и коварного политика, который был описан итальянским гуманистом Никколо Макиавелли (1469—1527) в его книге «Государь» (1532).

Стр. 272. *...наглость чужеземных проповедников росла день ото дня...*— Имеется в виду пропаганда сторонников реформации церкви, боровшихся против римского папы и католицизма.

...Сент-Омер, Менин, Комин, Фервик, Лилль — фландрские города, из которых первый входит теперь в состав Франции, остальные — принадлежат Бельгии.

Стр. 275. *...он боится позабыть, что его предки были владельцами князьями в Гельдерне*.— Эгмонт имел несколько титулов: граф Эгмонт (по названию родового замка в Голландии, севернее Гаарлема), князь Гаврский (Гавр — городок близ Гента, не смешивать с французским городом того же названия); титул графа Эгмонта он предпочитал, так как это указывало на его родство с династией герцогов Гельдерна.

Стр. 276. *...как он умеет... повергать в изумление чернь глупейшими эмблемами на ливреях своей свиты!*— В 1553 г. некоторые знатные нидерландцы, по предложению Эгмонта, обрядили своих слуг в новые ливреи — черные кафтаны с длинными рукавами и широкими погонами, на которых были вышиты человеческие головы и шутовские колпаки. Колпаки были восприняты как насмешка над кардинальской шапкой Гранвеллы, присланного бороться с протестантской ересью.

«Золотое руно».— Высший испанский орден, учрежденный в 1429 г. Филиппом Добрым, герцогом Бургундским «для защиты христианской веры и для распространения добродетели и нравственности». Этим орденом награждались только князья и представители высшей знати. Карл V наградил им двадцатичетырехлетнего Эгмонта в 1546 г. за его воинские доблести. Обладатель «Золотого руна» пользовался особыми привилегиями, в частности, мог быть судим только членами своего ордена.

Стр. 281. *«Речь Брута о свободе, как образец ораторского искусства»*.— Из текста неясно, имеется ли в виду легендарный римский деятель Луций Юний Брут, чьи зажигательные речи побуждали римский народ восстать против тирана Тарквиния и изгнать его из Рима (510 г. до н. э.), или Марк Юний Брут (I в. до н. э.), возглавивший заговор против Юлия Цезаря. Упражнения в оратор-

ском искусстве были обычны в так называемых риторических школах, возникших в Нидерландах в XVI в.

Стр. 283. *Ко мне солдат зашел табаку купить...*— Анахронизм, табак был завезен в Голландию в 1665 г.

...мы ее сумеем защитить лучше, чем эти усахи.— Испанские солдаты подстригали усы коротко.

Стр. 285. *Карл Смелый* — герцог Бургундский (1433—1497), присоединил к своим владениям Нидерланды; брак его дочери Марии с императором Максимилианом I сделал Нидерланды частью коронных земель империи Габсбургов. *Фридрих Воитель* — император Фридрих III (1445—1493), прозвище «Воитель» придумано Гете.

...уведут его сына и наследника и спрячут куда-нибудь...— Имеется в виду подлинный исторический факт: пленение наследника Фридриха III — принца Максимилиана нидерландцами в городе Брюгге. Император вызволил сына только при помощи военной силы в 1488 г.

Брабанты — жители герцогства Брабант, тогда составлявшего часть Нидерландов; в настоящее время север области входит в Голландию, южные районы с городом Антверпеном — в Бельгию.

Стр. 290. *...у них-де и без того столько женщин...*— В те времена воинские отряды сопровождали маркитантки и проститутки.

Стр. 292. *...заменили эти дурацкие украшения колчанами со стрелами...*— Пучок стрел символизировал единство всех борющихся против Испании.

Стр. 293. *...целая компания дворян, каждый с нищенской сумой и придуманным для себя прозвищем...*— В 1566 г. триста нидерландских дворян высказали Маргарите Пармской требование об отмене инквизиции. Присутствовавший на беседе испанский гранд граф Барлемонт презрительно обозвал их «толпой нищих» (франц. *tas de gueux*). Прозвище было подхвачено нидерландцами, принявшими его в качестве названия для всех, кто боролся против испанского владычества. Гезы избрали своей эмблемой нищенскую суму и деревенскую кружку. Многие носили девиз: «Верны королю до нищенской сумы».

Словно бичуемые незримыми духами времени, мчат солнечные кони легкую колесницу судьбы...— Образ заимствован из античной мифологии, где на огненных конях мчался сын бога солнца Фаятон, не умевший управлять ими и упустивший вожжи; он чуть не сжег всю землю, и, чтобы спасти ее, бог солнца поразил его молнией.

Стр. 294. *...чтобы Геркулес, сбросив с себя львиную шкуру, сел за прялку...*— Имеется в виду один из древнегреческих мифов

о Геркулесе; обвиненный в краже Геркулес, носивший в качестве одежды шкуру льва, был осужден стать рабом царицы Лидии Омфалы и, находясь среди ее прислужниц, должен был прасть шерсть. Здесь намек на Маргариту Пармскую.

Стр. 295. *...влачить убогую жизнь при дворе своего брата...*— то есть испанского короля Филиппа II; *или поехать в Италию и там барахтаться в старинных семейственных дрязгах.*— См. коммент. к с. 268.

Стр. 296. *Альба уже на пути в Нидерланды.*— Герцог Альба по уполномочию Филиппа II отправился в Нидерланды весной 1567 г.

Стр. 299. *...у меня есть прекрасное средство!* — Эгмонт имеет в виду встречу с Клархен.

Не знаю, как решился на это мой отец...— Карл V, император Германии и король Испании, не справившись с задачами управления обширной империей, отрекся в 1555 г. от престола, отдав владения Габсбургского дома, титул римского императора и германского короля своему брату Фердинанду, а Испанию и Нидерланды — сыну Филиппу II, после чего ушел в монастырь, где скончался через два года.

Стр. 300. *Честный Родригес* — Родриго Гомес де Сильва, князь Эболи. Алонсо, Лас Варгас — не были членами королевского совета; но Гете воспользовался их именами, которые нашел у историков. *Френеда* — францисканский монах, исповедник Филиппа II.

Стр. 301. *Меднолобый толедец* — то есть Альба, уроженец Толедо, города близ Мадрида.

Стр. 305. *Мне она досталась не за усердие и отвагу.*— «Трудом и старанием» — девиз ордена «Золотого руна».

Скажи, она притворщица? — *Правительница, что ж тут спрашивать.*— Смысл этих речей в том, что, согласно девизу французского короля Людовика XI (1423—1483), «кто не умеет скрывать, тот не умеет управлять».

Стр. 306. *У нее усики над губой...* Словом, *амазонка!* — Черты исторические; Маргарита Пармская была отличная наездница и охотница.

О тебе пишут газеты? — Анахронизм, первая газета издавалась в Англии с 1563 г. В Нидерландах газет еще не было.

Стр. 307. *Герцог Альба не успел приехать, как уже издал приказ...*— Он прибыл в Брюссель 22 августа 1567 г.

Стр. 308. *Правительница уехала.*— Маргарита Пармская покинула Нидерланды позже, в феврале 1568 г.

Оранского тоже как ветром сдуло! — Речь идет о его отъезде из Брюсселя, а не об окончательном бегстве за пределы Нидерландов.

Стр. 309. *...если бы у них в жилах текла... портновская кровь!* — Портные считались трусами, отсюда много выражений в немецком языке, имеющих иронический смысл: портняжья смелость, портняжья душа, портняжий герой и т. д.

Стр. 310. *Раз — и нет ее.* — В подлиннике речь идет о том, что «звезда очищается, и с нее нагар падает». Падающие звезды, по народным поверьям, и были этим спадающим нагаром.

Стр. 311. *...in effigie* (лат.) — в изображении. Существовал старинный обычай казнить или сжигать изображение врага, что должно было, по древним магическим повериям, привести к гибели изображаемого. Инквизиция прибегала к символическому сожжению чучел еретиков для устрашения народа.

Стр. 312. *Сумел ведь проскользнуть меж друзей и врагов, меж французов, тех, что за короля и гугенотов...* — Речь идет о религиозных войнах во Франции, где католики были за короля, а протестанты (гугеноты) — против него. *...меж швейцарцев и союзников...* — Швейцарские кантоны были в союзе с жителями Женевы, причем последние являлись сторонниками протестантского движения, возглавленного Кальвином.

Стр. 313. *...изловить всех, на кого я указал?* — Альба приказал также арестовать третьего штатгальтера графа Горна, которого Гете не включил в число персонажей своей драмы, чтобы сосредоточить все внимание на Эгмонте.

Стр. 315. *...узнаю в тебе легкомыслие твоей матери...* — Фердинанд — внебрачный сын сурового Альбы.

Стр. 316. *...дабы не стыдно тебе было стать вровень с твоими братьями* — то есть рядом с законными сыновьями Альбы.

Стр. 318. *...если бы вновь прибывшие войска не посеяли тревогу и страх в сердцах жителей.* — Альба расположил вокруг Брюсселя свыше двух тысяч солдат.

Стр. 319. *...как на карнавале...* — Альба имеет в виду одевание слуг нидерландской знати в шутовские ливреи, о чем не раз шла речь выше.

Стр. 320. *Они упорные и стойкие!* — То есть принц Оранский и Эгмонт.

Стр. 323. *Счастливый случай помешал тебе...* — Альба имеет в виду приход Фердинанда, который, однако, не был случайным, так как Альба подстроил его заранее.

...больше, чем многие, что на королевской службе служат самим себе. — Намек на самого Альбу.

Стр. 324. *Оранский! Оранский!* — Этим восклицанием Эгмонт выражает понимание того, насколько прав был принц Оранский, предостерегая его.

Она чаще отстаивала дело короля, чем прикрывала эту грудь.— Подлинные слова исторического Эгмонта (в изложении историка Страды): «Этим мечом я не раз с успехом служил королю».

Стр. 327. *...миртовый венок любви...*— Венком из мирта украшали голову невесты. Мирт считался деревом богини любви Венеры.

Стр. 328. *...наподобие рожденного землею исполина, мы становимся сильнее и выше от ее материнского прикосновения...*— Имеется в виду древнегреческий миф об исполине Антее; его матерью была Гея — богиня земли, и он сохранял силу, пока стоял на земле; Геракл, приподняв его с земли, задушил Антея в своих объятиях.

Стр. 330. *Богац, он сманил у бедняка последнюю овечку на свое тучное пастбище.*— Библейский образ из Второй Книги Царств, гл. 12.

Стр. 331. *Господь ниспошлет одного из ангелов своих... от святого его прикосновения падут запоры и скрепы...*— Имеется в виду освобождение заточенного апостола Петра, о чем рассказано в Библии, Деяния Апостолов, гл. 12.

Стр. 334. *Генрих, граф Эгмонт.*— Подлинное имя героя не Генрих, а Ламораль. Другого своего героя, Иоганна Фауста, Гете также переименовал в Генриха.

Председатель Суда двенадцати.— По прибытии в Нидерланды герцог Альба создал «Совет для борьбы против смут», состоявший из двенадцати членов. В народе он получил название кровавого суда.

Стр. 336. *Что мне сказать тебе?* — В действительности сын герцога Альбы Фердинанд отнюдь не сочувствовал Эгмонту, а вполне искренне проводил политику кровавого усмирения Нидерландов.

Стр. 337. *Его приговор не уловка с целью запугать меня...*— По свидетельству историков, Эгмонт до конца надеялся на помилование.

Стр. 340. *Музыка.*— Ее написал для этой сцены Бетховен. Сам Гете признавал, что конец трагедии приобретает характер оперы.

ВЕЛИКИЙ КОФТА

В 1785 году всю Европу потрясло сенсационное дело о бриллиантовом ожерелье, происшедшее при дворе французского короля. Страсбургский епископ кардинал де Роган (1735—1803), будучи посланником французского короля Людовика XV в Вене, вызвал неудовольствие австрийской императрицы Марии-Терезии и ее

дочери Марии-Антуанетты, ставшей женой французского наследника престола. Роган был отозван из Вены; когда Мария-Антуанетта стала французской королевой, он оказался в немилости при дворе. Его любовница графиня Жанна де ла Мотт (графский титул ее мужа был сомнительным) взялась помирить кардинала с королевой. Она посоветовала ему подарить королеве бриллиантовое ожерелье, иметь которое та будто бы давно желала. Жанна устроила переписку между королевой и Роганом. Письма королевы, в которых высказывалась благосклонность кардиналу, сочиняла сама Жанна, подделывая почерк Марии-Антуанетты.

Два парижских ювелира владели бриллиантовым ожерельем, стоившим 1900 тысяч ливров. Кардинал вступил в с ними в соглашение, что купит его в рассрочку. Ювелирам были показаны мнимые письма королевы, что служило гарантией уплаты. После первого взноса и получения ожерелья муж Жанны де ла Мотт скрылся с ним в Лондон. Ювелиры обратились к королеве с просьбой помочь получить второй взнос, и тогда весь обман был вскрыт. Виновных арестовали, и дело о них было передано парижскому парламенту (тогда выполнявшему функцию суда). Графиня де ла Мотт была осуждена на тюремное заключение, но сумела бежать. Кардинала оправдали, так как он оказался игрушкой в руках аферистов. Роль королевы осталась неясной.

Обнародование этой истории произвело на Гете большое впечатление. Впоследствии он говорил своему секретарю Эккерману, что сюжет пьесы «имеет не только моральное, но и большое историческое значение; факт непосредственно предшествует французской революции и стоит в тесной связи с ее ближайшими поводами. Королева, так сильно запутавшаяся в роковой истории с ожерельем, потеряла свое достоинство, потеряла уважение к себе и утратила в глазах народа позицию, которая делала ее неприкосновенной» (15 февраля 1831 г.).

В шумевшем деле о бриллиантовом ожерелье был в числе прочих замешан известный авантюрист самозванный граф Калиостро (1743—1795), подлинное имя которого было Джузеппе Бальзамо. Сын крестьян из Палермо, начав со службы аптекарем в итальянском монастыре, он стал затем выдавать себя за аристократа и представлялся алхимиком, умеющим превращать свинец в золото, и врачом, способным творить чудеса. Ему удалось войти в доверие ко многим высокопоставленным лицам. Деятельность Калиостро распространилась по всей Европе, он проник также в Египет, Аравию и Персию. За участие в истории с бриллиантовым ожерельем Калиостро был заточен в Бастилию. Оказавшись затем в Италии, он был осужден там как еретик и умер в римской тюрьме.

Личностью Калиостро Гете заинтересовался в связи с его мнимыми чудесами, которые он якобы совершал. Гете поражало то, что в век, провозгласивший разум высшей силой жизни, в эпоху, самими современниками уже названной Просвещением, оказалось возможным невежественное легкое верие.

Соединив два мотива — авантюризм и шарлатанство, Гете намеревался сначала создать либретто для комической оперы, название которой должно было быть «Мистифицированные». Гете даже нашел по возвращении в Веймар композитора для своего произведения, И.-Ф. Райхардта, положившего на музыку уже готовые тексты Гете. В том 1 настоящего собрания сочинений напечатан перевод «Кофтских песен» (см. с. 251—252), не вошедших, однако, в позднейший текст, ибо Гете изменил первоначальное намерение и создал на избранный им сюжет комедию нравов. Она была написана в период между июнем и сентябрем 1791 года. В декабре того же года Гете поставил ее в Веймарском театре, но успеха у публики комедия не имела. В 1792 году «Великий Кофта» был напечатан в «Новых сочинениях» Гете, изданных в Берлине.

«Великий Кофта» — злободневная пьеса. Гете построил ее действие на опубликованных в печати сведениях о процессе. Так как участники скандального происшествия с бриллиантовым ожерельем были живы, он изменил их имена. В его пьесе действующие лица обозначены как Принцесса (Мария-Антуанетта), Каноник (кардинал де Роган), Маркиз и Маркиза (граф и графиня де ла Мотт), Граф. Гете снизил ранг и положение некоторых действующих лиц. У него не королева, а владетельная принцесса, не кардинал, а каноник — священнослужитель католического кафедрального собора. Современному читателю может показаться странным, что, хотя действие происходит во Франции, среди персонажей швейцарские солдаты во главе с полковником. В XVIII веке швейцарцы шли в наемные солдаты; им больше доверяли охрану высокопоставленных лиц, чем французам. Они составляли королевскую гвардию и выполняли также и полицейские функции.

Гете изображает в своей комедии нравственное разложение аристократической среды, являвшееся одним из симптомов кризиса феодальной монархии. Ограничив действие узким кругом лиц, он сумел, однако, создать выразительные типы дворян, подлинных и мнимых, живущих в атмосфере разврата, обмана, интриг. Гете очень выразительно показал духовный разброд в этой среде. С одной стороны, трезвый и расчетливый практицизм, с другой — вера в мистику и чудеса, эксплуатируемая ловкими проходимцами.

В XVIII веке было широко распространено движение тайных обществ — так называемых «вольных каменщиков» или «франкма-

сонов». Они ставили целью нравственное облагораживание человечества, распространение идеала братской любви, равенства и взаимопомощи. Действующие лица комедии также рассуждают на эту тему, но, зная их поступки, читатель имеет возможность убедиться в том, что они лицемерно прикрывают свое неблагоприятное поведение высоконравственными рассуждениями. Масоны имели разработанный церемониал и обставляли свою деятельность таинственностью. Они прибегали также к разным магическим обрядам.

Стр. 344. ...*сорокадневный пост*.— Калиостро предписывал строгий пост тем, кто желал добиться нравственного и физического возрождения (Э. Шмидт). Пост входил также в число предписаний для членов масонских лож.

Для него все сословия равны... «Мои ученики... суть короли...» — Масоны проповедовали равенство. Некоторые монархи, из политических целей кокетничая вольнодумством, вступали в масонские ложи (общества).

...*его духи*...— Речь идет о Калиостро, который утверждал, что он маг и ему будто бы подвластны духи, выполняющие любые его приказания. Самого себя Калиостро выдавал за посланца Великого Кофты, позднее за самого Кофту, древнеегипетского жреца, якобы одного из основателей масонства, обладающего бессмертием.

Стр. 346. *Ассаратон, Пантассаратон* — имена духов, якобы помогающих Калиостро.

Игуриель.— Ангел-хранитель, упоминаемый в «Потерянном рае» Мильтона и «Мессиаде» Клопштока. *Уриель* — также имя некоего духа.

Стр. 347. *Великий Мастер* — титул главы масонской ложи.

Стр. 352. ...*тайны второй степени*.— Каждый масон проходил три степени нравственного совершенствования, которые описаны дальше в тексте.

Стр. 353. *Вы, никак, сами делали это золото*...— Калиостро выдавал себя за алхимика, умеющего превращать неблагородные металлы в золото.

Стр. 360. *Брат ваш уехал в колонии*.— В подлиннике — «на острова»; имеются в виду колонии Франции в Карибском море, где она владела в XVIII в. островами Гаити, Гваделупа, Мартиника.

Стр. 364. *Граф Ростро*.— Намек на имя Калиостро. В комической опере, задуманной первоначально Гете, этот персонаж именовался граф Rostro di Impudente, что по-итальянски означает «Бесстыжее Рыло».

Стр. 366. «Где непорочная? Где голубица?» — Свои магические фокусы Калиостро совершал при помощи ассистентки, которая должна была быть невинной девушкой.

Стр. 378. *Ступайте же, ступайте и как следует взгляните в мир...* — В первоначальном варианте эту речь произносил граф, и она вполне соответствует его взгляду на жизнь.

Стр. 383. *Египетская ложа.* — Масоны декорировали места своих собраний в экзотическом духе и придавали характер необычности всему ритуалу своих сборищ.

Стр. 386. *...человека, который не менее стар, чем египетские жрецы...* — Здесь Калиостро выдает себя за Великого Кофту.

Стр. 387. *In verbis, herbis et lapidibus* (лат.) — Друг Гете Лафатер был знаком с Калиостро. От него Гете узнал, что на другой день после встречи с итальянским авантюристом в Страсбурге Лафатер послал ему записку: «Откуда ваши знания? Как вы их приобрели? В чем они заключаются?» Калиостро ответил приведенными здесь латинскими словами, означающими: в словах, в травах и камнях.

Стр. 388. *...Соломон заклинал духов...* — Таково было древнее восточное поверье. Гете упоминает это и в «Фаусте» (см. т. 2, с. 47).

Стр. 411. *Deus ex machina* (лат.) — бог из машины. Так назывался прием древних драматургов, введивших в действие бога, который на особом приспособлении (машине) спускался с небес, чтобы все уладить. Лучшие поэты избегали применять этот прием, как слишком искусственный. «Бог не должен сходить для развязки узлов пустяковых», — писал Гораций в «Науке поэзии» (ст. 191, перевод М. Гаспарова).

ГРАЖДАНИН ГЕНЕРАЛ

Два обстоятельства обусловили характер этого небольшого произведения — репертуарные потребности Веймарского театра, которым руководил Гете, и современные политические события, связанные с влиянием французской революции на Германию.

В 1782 году поставщик развлекательных пьес Х.-Л. Хайне, выступив под псевдонимом Антон-Валль, переделал для немецкой сцены комедию французского драматурга Флориана «Два билета» (1779). Французское название комедии двусмысленно в силу того, что слово по-французски означает как «билет» (в данном случае лотерейный), так и просто «записку» (в данном случае любовную). Комедия построена на недоразумении из-за путаницы

с двумя «билетами». Уже в этом варианте на сцене появлялись такие персонажи, как Йорге, Роза и деревенский цирюльник Шнапс (его имя по-немецки означает «водка»). Успех был немалым, и Валль сочинил продолжение — «Родословное древо» и ввел в него новое действующее лицо — отца Розы, Мэртэна. Первая комедия была напечатана в 1782, вторая — в 1791 году. В «Родословном древе» Шнапс выдает себя за наследника миллионного состояния и выманивает у Мэртэна под залог будущего наследства сотню золотых.

Постановка обеих комедий в Веймарском театре 16 и 23 апреля 1793 года имела успех, особенно благодаря великолепной игре комика, исполнявшего роль Шнапса. Гете воспользовался этим, чтобы написать свою одноактную комедию, сочинение которой заняло у него всего три дня. 2 мая 1793 года в Веймарском театре состоялась премьера «Гражданина генерала». Поскольку в памяти зрителей были живы персонажи двух пьесок Антон-Валля, Гете не нуждался ни в какой экспозиции действия. Он только ввел персонажи Судьи и Помещика, выступающих представителями порядка.

Создание «Гражданина генерала» приходится как раз на то время, когда буржуазная революция во Франции достигла своего апогея. То было время якобинской диктатуры, беспощадно расправлявшейся с не успевшими бежать дворянами и со всеми «подозрительными», которых обвиняли в тайном сочувствии старому порядку. В западных частях Германии, которые даже были одно время заняты республиканскими войсками, возникло антифеодальное движение. Сочувствовавших французской революции и пытавшихся следовать ее примеру называли немецкими якобинцами. Под пером Гете безобидный комедийный сюжет Антон-Валля превратился в политическую комедию, направленную против тех, кто пытался повернуть Германию на революционный путь.

Пьеса отражает, хотя и не в полной мере, отношение Гете к французской революции. Он вполне понимал, что восстание народа во Франции было вызвано несправедливостью старого порядка, и считал, что одной из важнейших причин революции была неразумная политика монархии и дворянского общества. Что касается Германии, то Гете считал преждевременными попытки революционного преобразования ее социального строя, ибо народ к этому еще не был готов (см. также предисловие к тому 1, с. 31). Точку зрения, близкую взглядам Гете, выражает в «Гражданине генерале» Помещик в конце тринадцатого и в четырнадцатом явлении пьесы.

Стр. 421. *А ежели отец ломает голову, как выручить из долгов французскую нацию...*— Французской революции предшествовал финансовый крах монархического правительства, которое тратило больше, чем имело доходов. Республиканское правительство покрывало свои долги намеренной инфляцией,— непомерным выпуском бумажных денег, которые быстро обесценивались.

...он из себя выходит оттого, что там у всех отбирают имущество и поместья...— Имеется в виду конфискация дворянских земель и богатств революционным правительством Франции.

...купить на лотерейный выигрыш.— Речь идет о выигрыше Йорге по лотерейному билету, что изображено в комедии «Два билета».

Стр. 423. *Станный все-таки этот Шнапс! Все на свете знает!.. Вот если бы только с Йорге ладил!* — В комедиях «Два билета» и «Родословное древо» Шнапс похвалялся выдуманными знатными предками.

Стр. 426. *Знаменитые якобинцы* — ведущая революционная партия французской буржуазной революции, получившая свое название от того, что ее члены собирались в помещении бывшего якобинского монастыря. Дальше речь идет о том, что якобинцы искали сторонников в других странах, чтобы посредством их распространять принципы буржуазной революции.

Привлечь меня к делу свободы и равенства.— Официальный лозунг Французской республики: «Свобода, равенство и братство».

Будто в городе мало хирургов.— С древних времен и вплоть до XVIII в. цирюльники часто действовали и как хирурги; им доверяли принятый тогда метод лечения при помощи кровопускания.

Стр. 427. *Гражданин Шнапс!* — Французские республиканцы отменили старые формы обращения «господин», «госпожа» и ввели новую форму обращения — «гражданин», «гражданка», чем подчеркивался принцип всеобщего равенства.

...он эмиссар якобинского клуба.— Понятия политической партии во время французской революции еще не существовало, политические объединения единомышленников назывались клубами.

Потом он достал...— Гете во время похода объединенных сил германских государств против революционной Франции сопровождал герцога Веймарского и подобрал брошенный французским солдатом ранец, в котором были атрибуты, демонстрируемые Шнапсом.

Красная шапочка? Но ведь вы не женаты.— В XVIII в. такие шапки носили в Германии только женатые люди. Но

Шнапс достает из ранца так называемый фригийский колпак, который носили французские республиканцы. Образцом служил головной убор древних фригийцев (Фригия — колония древних греков в малой Азии) — высокий колпак, верх которого ниспадал вперед. Колпак был красного цвета и украшался сбоку кокардой трех цветов — синего, белого, красного, то есть цветами Французской республики. О такой кокарде речь идет ниже.

Стр. 428. *...он немножко тесноват.* — Рассуждение о тесноватости мундира и широте крестьянской рубахи (*просторная крестьянская куртка мне куда как милее*) имеет, конечно, аллегорический смысл.

Стр. 429. *Но ведь это звучит почти как ост-индский генерал-губернатор.* — Имеется в виду то, что в «Родословном древе» Шнапс утверждал, будто получил сообщение о миллионном наследстве от генерал-губернатора Суринама (на севере Южной Америки).

Стр. 431. *...Длинной улице номер шестьсот тридцать шесть.* — Эта улица упоминается в «Двух билетах».

Стр. 436. *Знайте, что старостой назначат вас, но лишь после того, как мы установим древо свободы.* — В «Родословном древе» Шнапс тоже обещал Мэртэну сделать его старостой. «Древо свободы». — Республиканцы, следуя культу природы, провозглашенному Жан-Жаком Руссо (1712—1778), совершали обряд посадки дерева свободы, которое символизировало установление нового порядка.

Стр. 438. *Вы утратили первобытное состояние равенства.* — Согласно учению Руссо, на которое опирались французские революционеры, люди изначально были свободны и равны. В уста Шнапса вложена пародия на республиканскую теорию равенства.

Богачи — сметана? — Здесь и дальше дается пародийное описание деления общества на сословия («Простокваша — среднее сословие»). Несмотря на комический характер всей этой беседы, в ней отражены действительные условия феодально-сословного строя.

Стр. 445. *...вы... чего-то не поделили между собой, — как, впрочем, и французы...* — Намек на классовую рознь и гражданскую войну во время французской революции.

Стр. 447. *Но все же не так плохо, как в провинциях, где ему подобные уже успели похозяйничать.* — В период французской революции, в 1792—1793 гг., в прирейнских провинциях Германии возникали местные республиканские правительства. Гете одно-сторонне характеризует положение в этих недолго просуществовавших германских республиках. Там проводились законные конфискации имущества врагов нового порядка.

Стр. 449. *В стране, где монарх ни от кого не таится...*— В уста Помещика вложена идея просвещенной монархии, примиряющей интересы всех сословий. Здесь Гете выступает как последователь просветительской философии XVIII в., отжившей свое время в эпоху обнаженных социально-политических конфликтов и вооруженной борьбы между классами, в условиях гражданской войны и иностранной интервенции феодалов против Французской республики. Вместе с тем речи Помещика обращены к немецким князьям и содержат призыв к умеренности, требуют внимания к народным нуждам с их стороны, что, по его мнению, поможет избежать потрясений, происшедших в соседней Франции.

А. Аникст

СОДЕРЖАНИЕ

ДРАМЫ В ПРОЗЕ

Гец фон Берлихинген. Перевод Е. Книпович	7
Боги, герон и Виланд. Перевод Н. Вильмонта	104
* Клавиго. Перевод Е. Вильмонт	116
* Стелла. Перевод И. Татариновой	159
Клаудина де Вилла Белла. Перевод С. Заяицкого (стихи) и Г. Ярхо (проза)	198
* Эгмонт. Перевод Н. Ман	265
* Великий Кофта. Перевод С. Фридлянд	342
* Гражданин генерал. Перевод Н. Бунина	418
Комментарии А. Аникста	453

Гете Иоганн Вольфганг

Г 44 Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 4. Драмы в прозе. Пер. с нем. Под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. Комментар. А. Аникста. М., «Худож. лит.», 1977.

494 с.

В четвертый том входят драмы в прозе: «Гец фон Берлихинген», «Эгмонт», «Стелла», «Великий Кофта», «Гражданин генерал» и другие. Переводы в большинстве новые,

Г 70304-100
Г 028(01)-77 подписное

И(Нем)

Иоганн Вольфганг
Гете
Собрание сочинений
том 4

Редактор
И. Солодунина
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
О. Ярославцева
Корректоры
Д. Эткина и Т. Бардина

Сдано в набор 22/VII 1976 г. Подписано к печати 1/III 1977 г. Бумага типогр. № 1. Формат 84×108¹/₃₂. 15,5 печ. л. 26,04 усл. печ. л. 25,795 уч.-изд. л. Тираж 200 000 экз.
Заказ 3446. Цена 2 р. 30 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Полиграфический комбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Красная, 23.

